Егор Иванов

ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ

Скапа-Флоу
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
Северное, или Немецкое море
ЛОНДОН
ПАРИЖ
ФРАНЦИЯ
Бискайский залив
Бордо
Лион
Марсель
Милан
МАДРИД
ИСПАНИЯ
ПОРТУГАЛИЯ
Корсика
Сардиния
БРЮССЕЛЬ

ПЕТЕРБУРГ
ШВЕЦИЯ
Балтийское м.
РОССИЯ
МОСКВА
оз. Нарочь
Могилев
ВАРШАВА
Барановичи
БЕРЛИН
ПОТСДАМ
ГЕРМАНИЯ
ПРАГА
Локет
Киев
Львов
Бердичев
Кишинев
Одесса
ВЕНА
Братислава
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
Буда-Пешт
Сидиу
РУМЫНИЯ
Бухарест
Сараево
СЕРБИЯ
БОЛГАРИЯ
София
Черное м.
Адриатическое м.
РИМ
ИТАЛИЯ
ГРЕЦИЯ

Егор Иванов

ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ

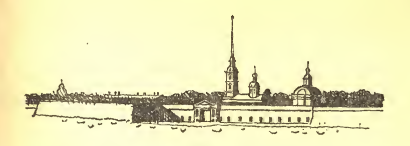
РОМАН-ХРОНИКА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1981

84Р7
И20

Художник
ГЕННАДИЙ МЕТЧЕНКО

И $\frac{70302-274}{078(02)-81}$ 143—81. 4702010200

ПРОЛОГ

Куранты на колокольне собора святых апостолов Петра и Павла отзванивали такты гимна «Коль славен» в первые дни 1914 года так же уныло, как и все полтораста лет своего существования. Северному «Городу святого Петра» — Санкт-Питербурху, Санкт-Петербургу — оставались последние полгода мирной жизни под сенью крыл двуглавого орла.

Поднятая по воле Великого Петра из ржавых болот столица утвердилась гранитами дворцов и набережных, перетянула жгутами мостов артерии рек и каналов, широко раскинула во все стороны черные линии железных дорог, серые ленты шоссе, тонкие проволоки телеграфа.

Кости сотен тысяч мужиков и работных людишек, сраженных болотной лихорадкой, холодом, голодом и нищетой, словно гати, стали фундаментом для дворцов, банков, страховых обществ и промышленных компаний. Распахнутыми пастями банковских сейфов всосал Петербург перелитый в золото трудовой пот наемных рабов и слезы обездоленных всей империи. Тысячами зримых и невидимых нитей связал он себя с финансовыми, промышленными и политическими центрами Европы — Парижем, Лондоном, Берлином.

Стремительное развитие капитализма в евро-азиатской империи, и прежде всего в ее столице, превратило Петербург в арену борьбы, на которой рос, развивался и мужал пролетариат. Как полярный империализму самодержавного Петербурга, здесь начался процесс соединения научного социализма с российским рабочим движением. Ленинский петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», а затем Российская социал-демократическая рабочая партия, партия большевиков, во главе которой стал Владимир Ленин, пошла на штурм старого мира.

...После грозного вала революции 1905 года истекло не так много невской воды. В начале 1914-го Санкт-Петербург был вновь чреват революцией. Забастовки рабочих сотрясали столицу. Грозно гудели рабочие окраины Питера. Большевики готовили рабочий класс к решительному бою с капитализмом.

Буржуазия тоже готовилась. Банкиры и фабриканты, купцы и промышленники ждали момента, чтобы разделить власть с самодержавием, а может быть, и выхватить ее из рук царя. Рябушинские, путиловы, манусы, терещенки готовились к решающим схваткам и со своим главным противником — пролетариатом. Они надеялись задушить рабочее недовольство костлявой рукой голода, забить его нагайками казаков и полиции, расстрелять пулями солдатских винтовок.

Петербург был до краев наполнен самодовольством и ненавистью, богатством и нищетой. Гнев народа сотрясал столицу, словно землетрясение перед извержением вулкана.

Часы на колокольне Петропавловского собора уныло отзванивали над Санкт-Петербургом такты гимна «Коль славен»...

Петербург, январь 1914 года

По заснеженному Большому проспекту, насквозь продуваемому колючей поземкой с Финского залива, Анастасия спешила к шестому номеру трамвая, что останавливается у Николаевского моста. Стоять на ветру почти не пришлось. Подошел новый, блестевший красными лакированными боками вагон с прицепом, и Настя легко поднялась на три высокие ступеньки.

Трамвай катил по знакомому маршруту, которым она в дурную и холодную погоду добиралась до консерватории. Минувшей осенью и нынешней зимой Анастасия почти не чувствовала непогоды и холодов. После того как Алексей признался ей в любви и просил ее руки и сердца, Настя не могла найти покоя. Много ночей она провела без сна, до головной боли задумываясь о своей судьбе, порываясь все рассказать маме, но останавливала себя, зная наперед, что суровые и трезвые родители будут против неравного, как они сочтут, брака дочери фабричного машиниста с полковником Генерального штаба.

Мерное покачивание трамвая, неспешная празднич-

ная манера вагоновожатого подолгу стоять на остановках, редкое треньканье звонков и замерзшие окна располагали к размышлениям. Настя вспомнила, как в такой же морозный зимний день, только с ярким солнцем на блекло-голубом небе она впервые увидела в Михайловском манеже лихого гусара на красивой лошади. Вспомнила, как поразила тогда всех его смелость и находчивость у опасного барьера.

Взгляд, который гусар бросил на трибуны, встретился с восторженным взглядом Анастасии.

Не скоро случай снова свел их, но образ победителя, смелого, решительного, красивого былинной доброй красотой, бередил девичье сердце.

«Как жаль, что он стал теперь полковником, да еще и Генерального штаба! — подумалось Анастасии. — Мама, наверное, легче смирилась бы с женихом — провинциальным гусарским ротмистром».

Разумеется, у нее и раньше были кавалеры. Но Настя никогда и никого не хотела так видеть, как Алексея, говорить с ним или просто слушать его.

Если он брал ее за руку, она еще долго ощущала тепло и нежность его прикосновения. Ей всегда втайне очень хотелось, чтобы Алексей обнял ее, поцеловал, но сдержанный и тактичный полковник Соколов был рыцарски корректен.

Вагон сделал остановку на Театральной площади и покатил дальше по улице Глинки. Услышав объявление кондуктора, Настя дернулась по привычке, намереваясь выйти у консерватории, но вспомнила, что сегодня ей надо ехать дальше, и подумала о необычной цели поездки. Ход мыслей сразу стал тревожным.

Причина на то была. Анастасия давно, с самого первого года учебы в консерватории, симпатизировала революционерам — социал-демократам — и особенно большевистскому их направлению. Девушка выполняла несложные поручения партийных товарищей, принимала участие в сходках, маевках, читала нелегальные газеты и брошюры... Теперь она ехала по вызову руководителя одной из подпольных большевистских организаций Василия на квартиру, где он жил по чужому паспорту. Насте доверили хранение небольшого транспорта нелегальной литературы, который прибыл из-за границы через Финляндию.

Уже несколько раз Анастасия получала на хранение и для последующей передачи товарищам по особому па-

ролю стопки партийных книг и брошюр, за одно только чтение которых по законам империи полагалось несколько лет тюрьмы. Настя прекрасно представляла себе, что если охранке станет известно место хранения этого «взрывчатого» материала, то опасность угрожает не только ей, но и отцу.

Отец, справедливый и честный человек, хороший механик, не симпатизировал бунтам и беспорядкам. Но он никогда не был штрейкбрехером и не однажды бросал работу вместе с забастовщиками, когда рабочие выступали по призыву стачечного комитета.

На всякий случай девушка не рассказала отцу о том, что частенько на дне ее сундучка под аккуратно сложенным бельем хранится нелегальщина. И вовсе не потому, что не доверяла ему; в случае обыска и ареста она надеялась умолить жандармов не трогать ничего не знающих отца и мать.

Девушка смело шла навстречу опасности и сама просила Василия дать ей поручение посложнее, лишь бы скорее совершилась революция. Видя ее нетерпение и молодой задор, товарищи по организации только посмеивались, но трудных и опасных дел не поручали, оберегая Настю и исподволь обучая ее приемам конспирации...

Трамвай прогромыхал по мосту через Екатерининский канал, и мысли Анастасии переключились на новый предмет.

«Как отнесутся к ее замужеству товарищи по партийному кружку, друзья по рабочим и студенческим сходкам? Не сочтут ли ее свадьбу с полковником изменой революции, которой они посвятили себя? Не оценят ли начало ее семейной жизни как желание уйти от полной опасности и борьбы судьбы революционера в мир буржуазных удобств и обеспеченного существования?..»

Петербург, январь 1914 года

Льдистый рассвет крещенского дня застал Генерального штаба полковника Алексея Соколова на пути в Зимний дворец. Третий год подряд государь император Николай Александрович во избежание летней эпидемии холеры повелевал устраивать Иордань — обряд водосвятия — на Неве супротив Зимнего с крестным ходом, освящением знамен гвардейских частей и парадным завтраком в Помпеевской галерее и Малахитовом зале

для господ офицеров, сановников империи и дипломатического корпуса.

Соколову, в обязанности которого по службе в отделе генерал-квартирмейстера Генерального штаба входили контакты с иностранными военными агентами при императорском дворе, следовало чуть раньше всех остальных гостей прибыть во дворец, дабы сверить с церемониймейстером порядок расстановки его подопечных в Пикетном зале и галерее, уточнить все детали дипломатического и дворцового протокола.

Зимний дворец сиял огнями, соперничая со светом начинающегося дня. В подъезде толклись швейцары в красных ливрейных шинелях с золотыми булавами в руках. Придворные лакеи в расшитых золотом красных фраках заполняли лестницы и из больших бутылок лили на раскаленные чугунные совки духи, источавшие какой-то особый, присущий только Зимнему дворцу тонкий аромат.

Соколов слышал, что одной штатной прислуги в Зимнем дворце насчитывалось около пяти тысяч человек, но он впервые видел их муравьиное хлопотанье и лакейское пренебрежение к тем, кто не носил свитских царских вензелей на погонах.

Он достиг зала, назначенного для дипломатов и военных атташе, и почти сразу увидел церемониймейстера, вышедшего из внутренних покоев дворца.

Церемониймейстер, генерал-майор граф Ностиц, начинал службу когда-то в кавалергардском полку, а затем служил по Генштабу и был даже, как знал Соколов, военным агентом во Франции. Особых заслуг он, впрочем, не имел и прославился своей бестолковостью и красавицей женой, которую отбил у какого-то американского миллионера. Два генштабиста сразу же нашли общий язык, и Соколов смог не только уточнить свои задачи, но и порасспросить графа о предстоящем торжестве.

Между тем ко всем четырем подъездам Зимнего дворца — Иорданскому, Салтыковскому, Ея Величества и Комендантскому стали прибывать гости.

Толчея раздевающихся офицеров, меха, кружева дам отражались в громадных зеркалах; у лестниц, ведущих на второй этаж, закипали водовороты. Все устремлялось наверх, туда, где вопреки зиме зеленели пальмы и лавры, специально свезенные во дворец для крещенского приема из оранжерей всего Петербурга.

Соколов вернулся на верхнюю площадку Иорданской лестницы, чтобы встречать здесь своих подопечных — военных агентов, — и залюбовался открывшимся перед ним видом. Сверкая золотом шитья и драгоценностями в лучах яркого электрического света, пестрый поток гостей российского императора заливал широкую беломраморную лестницу.

«Сколько же пролито голодных слез и морей пота, чтобы воссияли весь этот блеск и роскошь!» — отрезвила полковника горькая мысль. Он повел головой, отгоняя ненужное сейчас, и тут же боковым зрением увидел нового британского военного агента — майора Альфреда Нокса. Ярко-красный мундир королевской гвардии красиво подчеркивал ежик седых волос и седые усы поджарого джентльмена.

Нокс впервые попал в Зимний дворец. Невиданные красота и богатство поразили его. Он не ожидал увидеть в этой варварской России столь дивные произведения искусства, которые открывались теперь его взору. Громадные вазы из полупрозрачных сибирских камней — ляпис-лазури и орлеца, статуи работы великих мастеров итальянского Возрождения затмевали собой все, чем он восхищался, бывая в Букингемском дворце английских королей или резиденциях первых семей Британии.

«О, какая богатая страна! — поражался британец. — Этого колосса трудно свалить!..»

Наконец майор Нокс добрался до Николаевского зала, откуда предстояло любоваться обрядом водосвятия дипломатам и их семьям, раскланялся от дверей со знакомыми и повернул к одному из окон, подле которого было чуть свободнее.

В голубизне неба сияло холодное зимнее солнце, под бризом полоскались трехцветные российские флаги, шпалеры войск недвижно стояли на морозе вдоль набережной.

«Как все здесь непохоже на Лондон, — подумал Нокс, — хотя Лондон тоже вырос вокруг реки». Эта мысль унесла его сразу очень далеко — в родную Британию, где зеленеют газоны под низким, набухшим влагой зимним небом. Майор вспомнил, как перед отъездом в Петербург он по совету премьера Асквита побывал с визитом у военно-морского министра сэра Уинстона Черчилля.

Лондон, декабрь 1913 года

Военно-морской министр принял майора Нокса в своем высоком и темном кабинете в здании Адмиралтейства. Энергичный и непоседливый, Черчилль буквально вскочил с кресла, когда будущий военный агент в России появился на пороге. За спиной первого лорда заколебалась огромная карта Северного моря, вся утыканная разноцветными флажками, отмечавшими положение кораблей британского и германского флотов. В военных кругах по поводу этой карты поговаривали, что сэр Уинстон заставлял штабного офицера каждый день сверять ее с разведывательными данными и начинал свой рабочий день, знакомясь в деталях с дислокацией германских линкоров и крейсеров. Он проводил у этой карты совещания, стремясь привить адмиралам британского флота, избалованным долгими годами мира, чувство «постоянно присутствующей опасности».

Первый лорд Адмиралтейства и майор встретились посредине кабинета и дружески, но по-английски сдержанно пожали друг другу руки. Нокс решил, что речь пойдет в первую очередь о его работе в Петербурге по координации разведки против германского флота. Но Черчилль повел его не к карте, а к покойным кожаным диванам у камина в другом конце зала. Жаркое пламя каменного угля источало тепло и особый, типично английский запах. Сэр Уинстон достал из шкафчика графин с хересом, бокалы и бисквиты. Нокс понял, что беседа будет неформальной и долгой.

— Я привык всегда брать быка за рога! — похвалился военно-морской министр и, склонившись к подсвечнику со специально зажженной для этой цели свечой, прикурил сигару. — Наш главный противник вовсе не Германия (он кивнул на карту), а... Россия!

Майор вопросительно поднял бровь.

— Да! Да! Да! — энергично подтвердил Черчилль. — Со времен Ивана Грозного глобальные интересы России вступили в противоречие с глобальными интересами нашей империи! Как только эти дикари начали обретать государственность и объединять вокруг себя славянские и неславянские народы, они перебежали дорогу английским купцам. Мало того, русские устремились на восток, колонизируя племена, жившие за Уралом! И уж совсем нетерпимо для нас, что Россия вышла к Тихому

океану, провела разграничение с Китаем и вступила в пределы Средней Азии!

Нокс также хорошо знал эту азбуку британской политики, но молча слушал.

Сутуловатый, с опущенными плечами, Черчилль пришел в такое возбуждение, что принялся расхаживать перед камином, попыхивая «гаваной».

Германия, говорил он, стала приобретать черты врага лишь при Бисмарке, когда принялась бурно объединяться и развивать промышленность. Создание флота показало, что Вильгельм II и его советники разбираются в политике. Еще яснее это стало, когда Берлину удалось столкнуть Россию с Японией, дабы отвлечь интересы царя от европейских границ.

— Германский флот, конечно, представляет определенную угрозу Британии, — продолжал Черчилль, — но, в сущности, он еще не вырос из пеленок. — И по секрету признался, что все его речи, направленные против германского флота, не более чем густая дымовая завеса английских приготовлений к большой войне, стороны в которой еще не совсем определились.

— Гораздо опаснее, чем германская промышленность и ее любимое детище, — военно-морской флот, стремление российских политиков, торговцев, да и военных в Персию и Афганистан, — вернулся к началу разговора первый лорд Адмиралтейства. — Русские в Персии не только конкурируют с ткачами Манчестера и механиками Лидса, они нацелились на железнодорожное строительство, ведущее к воротам Индии! Возникает прямая угроза жемчужине нашей короны! — патетически воскликнул министр и стряхнул пепел сигары в камин. — К тому же русские слишком прямолинейно истолковали договор 1907 года о разделе Персии на сферы влияния, петербургские консулы так энергично начали русифицировать свою зону... Они вплотную приблизились к нейтральной, промежуточной сфере...

— Признаюсь, я не слышал ничего о русской железной дороге к Индии, сэр! — слукавил майор. Он, разумеется, знал об этих планах, но хотел слышать оценку мудрого государственного деятеля.

— Да, существуют планы русского правительства и капитала о Трансперсидской железной дороге. Она должна соединить российскую и индийскую железнодорожные сети, стать транзитным путем между Европой и Индией с Австрало-Азией. Трудно переоценить замыс-

лы русского купечества и промышленников, а также стратегов из Генерального штаба! Ведь по железной дороге можно везти не только товары и сырье, но и войска...

Министр поведал, что в начале двенадцатого года Россия предложила идею постройки подобной дороги, от которой английскому правительству трудно было отказаться. План приняли с некоторыми оговорками. Было создано совместное общество для проведения изысканий на местности и сбора денег на строительство. Однако Англия потребовала провести дорогу через свою сферу влияния — от Бендер-Аббаса через Испагань и Шираз до Карачи. Русское правительство стояло за более прямой путь через Тегеран и Керман к Шахбару, где можно устроить хорошую гавань.

— Но главное даже не железная дорога... — вслух рассуждал Черчилль. — Планы строительства можно утопить в песке персидских пустынь. Вызывает опасения широта действий России в северной Персии, где у нее несколько тысяч подданных и покровительствуемые племена и где торговля и сбор налогов всецело в ее руках.

Я боюсь, что ход событий там может привести к роковому для англо-русского согласия положению, — с нажимом сказал министр. — Хотя мы и наталкиваемся на быстро растущее сопротивление немецкого крепыша, но оно не столь чувствительно, как казаки на пороге Афганистана и Индии...

— Припоминаю, сэр, что, когда казацкие части столетие назад по наущению Бонапарта отправились искать дорогу в Индию через Среднюю Азию, послу его величества в Петербурге пришлось составить заговор и убрать императора Павла Первого, — вставил наконец свое мудрое слово майор-разведчик и добавил одобрительно: — Британский посол полностью владел тогда обстановкой, сэр! *

— Вот именно, — откликнулся Черчилль. — Сэр

* Нокс явно имел в виду намерение Павла I организовать поход казаков в Индию. 12 января 1801 года император писал атаману Войска Донского генералу от кавалерии Орлову: «Англичане приготовляются сделать нападение флотом и войском на меня и на союзников моих... Нужно их самих атаковать и там, где удар им может быть чувствителен и где меньше ожидают. Заведении их в Индии самое лучшее для сего...» В поход выступило свыше 22 тысяч человек. Экспедиция сильно обеспокоила Англию. Павел I был убит 11 марта 1801 года.

Джордж Бьюкенен, в тесном контакте с которым вам предстоит служить, майор, уже завязал неплохие связи в окружении русского императора. Даже великий князь Николай Михайлович, просвещенный и цивилизованный боярин, почти джентльмен, симпатизирует нашему послу. Он поставляет ему весьма ценную информацию из самых высоких российских сфер и делает это совершенно бескорыстно...

— Деятели такого масштаба деньгами не берут, сэр! — с военной прямолинейностью подтвердил Нокс. — Им подавай влияние и политическую помощь в их борьбе за власть.

— Мы подошли как раз к тому, на что я особенно обращаю ваше внимание, — уточнил Черчилль и уселся на диван с новой сигарой и бокалом хереса в руках. — Кабинету его величества известно, что в высших сферах России нет единства. Мало кто из близких к трону симпатизирует царице. Внучка королевы Виктории, императрица Аликс, в последние годы все больше склоняется к ложным идеям укрепления царской власти, или, как это называют в России, самодержавия...

Черчилль фыркнул презрительно и отпил глоток хереса.

— Воспитанная в Англии, она должна была бы знать, что власть становится крепче, если ее обставить демократическими институтами, как это делаем мы. Но Аликс и Николай просто вызывающе относятся даже к тому жалкому подобию парламента, каким является Государственная дума...

Так вот, мой дорогой Нокс, одна из ваших главных задач — нащупать и опереться на те слои, которые готовы сломать упрямство Николая, изолировать людей, разделяющих его пагубные идеи наступления на жизненные центры Британской империи. Любым путем...

— Я понял, сэр, — отозвался Нокс, — я должен найти новых офицеров русской гвардии, готовых придушить царя и царицу и повернуть руль корабля против Германии...

— Вы слишком прямолинейно излагаете свои мысли, майор, — поморщился сэр Уинстон. — В двадцатом веке необязательно протыкать императора шпагой, достаточно ограничить его власть конституцией или парламентом, наконец, законами, благоприятными для самых деятельных сословий общества — промышленников и

купцов. А они уж сами выберут, по какому пути из подсказанных идти.

— Как я понимаю, сэр, заменой императора Николая одним из великих князей наши задачи будут решены? — уточнил Нокс.

— Отнюдь нет! — живо возразил министр. — Любое лицо на русском троне может пойти по наезженной колее. Наша задача — изменить саму колею... Мы должны лбами столкнуть Россию и Германию.

— Понима-аю... — протянул майор, поглаживая усы. — Столкнуть между собой наших сильнейших врагов прежде, чем они сумеют объединиться, — святая имперская традиция.

— Да, сэр Альфред, — ласково назвал собеседника по имени Черчилль, что свидетельствовало о высокой степени его дружеского расположения. — Действительно, столкнуть наших двух злейших врагов — Германию и Россию — ваша вторая задача. Наша дипломатия работает над ней не один год. Ради этого мы пока отказываемся в пользу России от Константинополя и от традиционной нашей догмы о неделимости Турции. Пока и на словах! — поднял палец свободной правой руки Черчилль.

— С этой же целью финансовые круги Британии, в том числе и вся великая семья английских Ротшильдов, — лицо сэра Уинстона при этих словах почтительно вытянулось, ибо эти финансисты подкармливали молодого и перспективного политика, — позволили французским банкирам наживаться на русских займах, ведь их цель — не только военное укрепление России, но и строительство стратегических железных дорог, нацеленных на Германию... О, это все надо было рассчитать и предусмотреть! — Военно-морской министр откинулся на подушки дивана и затянулся сигарой.

— Да, сэр, — согласился Нокс. — Теперь я понимаю, почему послом в Петербург был назначен Бьюкенен... За время службы в Софии он приобрел опыт интриг вокруг знаменитой «пороховой бочки Европы» — на Балканах!

— Воистину так, майор, — согласился первый лорд Адмиралтейства. — Именно на Балканах традиционно сталкивались интересы пангерманизма и панславянства. Нигде лучше нельзя стравить русских с германцами и австрийцами, к тому же если туда пустить такого закоренелого «ангелочка мира», как сэр Эдуард Грей, ми-

нистр иностранных дел его величества! Ха-ха-ха! — рассмеялся Черчилль, немало завидуя посту Грея.

— Я вам очень благодарен, сэр, что вы столь живо раскрыли мне задачи британского военного агента в Петербурге... — склонил голову с пробором в седых волосах перед молодым министром Нокс.

— Не стоит благодарности, майор... — прервал излияния старого служаки первый лорд Адмиралтейства.— Что касается флота, имейте в виду, что у русских очень сильны морские инженеры, они компенсируют недостатки своей промышленности весьма прогрессивными, конструктивными решениями. Не недооценивайте их и старайтесь как можно больше почерпнуть у них новых технических идей, британская промышленность сумеет ими воспользоваться во славу «Юнион Джек'а» *.

Черчилль поднялся с дивана, давая понять, что время беседы истекло. Майор тоже встал, но ему не хотелось уходить от уютного камина и интересного разговора. Нокс допил херес, чтобы потеплело внутри, аккуратно поставил бокал и повернулся к двери. Однако Черчилль задержал его еще на несколько минут.

— А теперь, сэр, все-таки подойдем к карте! — предложил он.

Джентльмены приблизились к огромному полотнищу. Военно-морской министр действовал сигарой, словно указкой. Казалось, не сигарный дым наполнил просторы Северного моря — задымили трубы крейсеров и броненосцев, линейных кораблей и других посудин, силуэты которых заполняли карту от края до края.

— Я перевел британский флот с угля на нефть не для того, чтобы отдать Германии и России ближневосточные нефтяные богатства, — с угрозой похвалился Черчилль. — От этого наш флот обрел новые скорости и боевые качества, новый радиус действия, ибо быстрее и проще бункероваться нефтью, чем углем.

Посмотрите на Скапа-Флоу **... На карте не хватает места для кораблей, которыми командует адмирал Джеллико. Они все ходят на нефти. Нефть, между прочим, есть и в России, и она тоже годится для нашего флота и промышленности. Это прекрасная, легкая кавказская нефть. Сейчас ею владеют через подставных Нобелей французские Ротшильды, но уже идут переговоры

* Так называется в английском флоте имперский флаг.

** Главная военно-морская база Великобритании на Оркнейских островах (северо-восточнее Шотландии).

о продаже контрольного пакета акций англо-голландской компании Шелл, где хозяйничает джентльмен из Сити — сэр Генри Детердинг. Ваша третья задача, майор, — обеспечить быстрый переход акций Ротшильдов и Нобелей в портфель сэра Генри. Это не только в высшей степени патриотическая задача. Помогая сэру Детердингу, вы закладываете фундамент своего будущего...

— Сэр, а как насчет «постоянно присутствующей опасности»? — позволил себе пошутить Нокс по поводу всегдашних заявлений министра о германском флоте.

— У гроссадмирала Тирпица слишком мало посуды, — в тон ему ответил Уинстон Черчилль. — Он не рискнет с ней и носа высунуть с Гельголанда *...

Итак, дорогой майор, жду ваших депеш! Ни чешуи, ни хвоста! — напутствовал военно-морской министр военного агента традиционной присказкой рыболовов. На этот раз обоим предстояла большая ловля в мутных водах политики.

Петербург, январь 1914 года

Видения декабрьского Лондона и Темзы, столь непохожей на заснеженную Неву, еще проносились в памяти майора Нокса, когда к нему подошел французский военный агент маркиз де Ля-Гиш в сопровождении полковника в черном мундире Генерального штаба. Де Ля-Гиш представил коллегу Алексею Соколову, которого он назвал «директором австро-венгерского бюро» генерал-квартирмейстера. Нокс прекрасно знал структуру российского Генерального штаба и слышал еще в Лондоне об удачливом русском разведчике, который ведал Австро-Венгрию и Балканы.

Соколов пожал протянутую руку офицера союзной армии со смешанным чувством необходимости и неудовольствия. Он знал из докладов жандармских офицеров генерал-квартирмейстеру, что британский майор сует свой нос повсюду и при этом не отличается дружелюбием. Вот и сейчас Нокс нашел довольно болезненную для обсуждения в Зимнем дворце тему.

— Не выйдет ли нынче при залпе несчастья, как в девятьсот пятом году? — обратился английский офицер к русскому полковнику.

Действительно, на крещенском приеме 1905 года по

* Военно-морская база кайзеровской Германии в юго-восточном углу Северного моря.

недосмотру военного начальства в гвардейской конной артиллерии оказались злоумышленники. Они зарядили одно из орудий батареи, стоявшей на Стрелке Васильевского острова, не холостым — для салюта — снарядом, а боевой шрапнелью. Однако прицел был взят неточно, было разбито несколько окон в Зимнем дворце, убит городовой и ранен солдат.

Во время возникшей паники государь, как говорили, оставался совершенно спокоен, уповая на милость божию. Вечером он лишь отметил в своем дневнике: «Во время салюта очередь шрапнели из одного орудия первой батареи Гвардейской Конно-Артиллерийской бригады попала в Иордань и во дворец. Один полицейский был ранен, осколки были найдены перед дворцом на площади, и знамя Гвардейского экипажа порвано. После завтрака я принимал дипломатический корпус и министров в золотой гостиной. В 4 часа дня я возвратился в Царское Село и гулял».

Охранка так и не смогла раскрыть виновников происшествия, военная жандармерия наказала всех солдат батареи, а государь император после этого случая много лет не присутствовал на водосвятии на Неве. Лишь когда среди населения Санкт-Петербурга пошли толки, что отсутствие царя на Иордани будет причиной тяжких бедствий, а в столице вспыхнула страшная эпидемия холеры, Николай вновь решил принять участие в водосвятии.

Именно на этот инцидент бестактно намекал майор Нокс.

— Будет только русский порох, сэр, не английская шрапнель, — мгновенно нашелся Соколов, твердо глядя в нахальные глаза высокомерного британца. Полковник имел в виду только что подписанный крупный заказ военного министерства на английские снаряды к русским трехдюймовым пушкам. Но получилось гораздо многозначительнее.

Майор Нокс пожевал губами, готовя достойный ответ находчивому московиту, но где-то громко хлопнули открывающимися дверями, послышался стук жезлов церемониймейстеров о паркет. Обер-церемониймейстер важно проследовал вдоль зала, предваряя высочайший выход. Нокс, так и не найдя ответа, стал протискиваться сквозь толпу к середине зала, чтобы увидеть красочное шествие во всех деталях.

Соколов тоже воспользовался случаем, чтобы в пер-

вый раз увидеть всю женскую половину высочайшей семьи за исключением императрицы Александры Федоровны. Царица по причине своих неврастенических наклонностей избегала публично появляться в свете.

Во главе шествия шла вдовствующая императрица Мария Федоровна, мать государя императора. Миниатюрная, стройная и из-за этого казавшаяся значительно моложе своих 67 лет, она величественно выступала в белом атласном платье, отделанном серебряной парчой. Длинный шлейф был оторочен пышным темным соболем. Высокая бриллиантовая диадема искрилась в солнечном свете, падавшем из окон. Тройное жемчужное ожерелье — дар императора Александра II — обвивало шею Марии Федоровны. Нити жемчуга спадали на бриллианты, которыми было вышито платье.

Позади вдовствующей императрицы следовала великая княгиня Мария Павловна — третья дама империи — вдова дяди царя, великого князя Владимира Александровича. Мария Павловна была широко известна в высших сферах как одержимая манией величия и желанием всюду затмевать Александру Федоровну. В своем дворце неподалеку от Зимнего великая княгиня устраивала роскошные балы. В отсутствие в Петербурге вдовствующей императрицы Марии Федоровны Мария Павловна вела себя как самодержица всероссийская, Александра за это платила ей такой же глухою ненавистью, какую вызывала в великой княгине сама.

Соколов обратил внимание, что Мария Павловна была в одеждах того же цвета, что и Мария Федоровна, — в белом с серебром. Великая княгиня готовила к празднику это платье, не зная наперед, как будет одета кузина, и теперь очень мучилась, боясь, что свет подумает, будто она ей подражает.

Далее шли сестры государя великие княгини Ксения и Ольга, великая княгиня Виктория Федоровна, супруга великого князя Кирилла Владимировича. Они были в платьях василькового бархата, к которым очень шли сапфиры с бриллиантами, украшавшие их уши, шеи и запястья.

Затем шествовали две великие княгини-сестры, так называемые «черногорки». Это были дочери короля Черногории Николая, выдавшего своих дочерей Анастасию и Милицу за русских великих князей. За черногорками следовала урожденная русская великая княжна, а теперь принцесса греческая Елена Владимировна — в

голубом с золотом платье. Рядом с ней — в светло-розовом бархате — молодая великая княгиня Марина Петровна. За ними по трое шли статс-дамы в оливковых придворных платьях и молодые фрейлины в бархатных платьях рубинового цвета.

Соколов, как и де Ля-Гиш, стоявший подле него, обратил внимание на то, что все платья были освященного традицией «русского» покроя: плотно облегавшие фигуру лифы с большими вырезами и без рукавов, отделанные жемчугами, широкие юбки с треном, накидки, отороченные соболями или бобрами, спадавшие с плеч, тюлевые вуали, прикрепленные к русским кокошникам того же цвета, что и платье.

...Хвост процессии втиснулся в золотые двери в конце галереи, створки закрылись, и полушепот восхищения в зале сменился полноголосым разговором дипломатического корпуса, в котором звучали ноты удивления и зависти.

За двойными рамами послышался хор трубачей. Все общество оборотилось к огромным окнам, за которыми длинная вереница знаменщиков с офицерами-ассистентами несла знамена гвардейских полков. Затем раздался резкий звук труб. От дворца к Иордани направилась процессия во главе с государем императором. Духовенство в золотых ризах встретило Николая II на ступенях к Иордани, войска, свита и гражданские чины обнажили головы.

Государь по красному ковру сошел к проруби, митрополит петербургский сопровождал его, неся большой золотой крест. Святой отец трижды окунул крест в воду, затем наполнил освященной водой кропильницу и в сопровождении государя прошел вдоль шеренги знамен, орошая их каплями святой воды. Торжественно гремели колокола на Петропавловском соборе, оркестр играл «Коль славен», но вдруг все звуки потонули в мощном пушечном салюте. Свита, к которой уже вернулся царь, испуганно вобрала головы в плечи, но Иордань на этот раз сошла благополучно.

Генералы и сановники радостно накрыли свои седые и лысые головы, облегченно вздыхая, и процессия вернулась во дворец. Гостям в зале пришлось еще раз переместиться от окон к центру, дабы лицезреть великий момент возвращения государя и великих князей к вдовствующей императрице и великим княгиням.

Бывалые гости, хорошо знавшие церемониал, столпи-

лись у средних дверей, которые все вдруг широко распахнулись, и церемониймейстер пригласил в зал, где был сервирован завтрак.

Вокруг роскошных пальм были накрыты столы для почетных гостей. Разведенные скороходами, к ним устремились послы и министры с супругами, прочая публика ринулась к огромному буфету, занимавшему весь конец зала.

Маленький секретарь китайского посольства опередил громадного офицера-кавалергарда у самого стола, на котором стояла серебряная ваза с шампанским удельного имения Абрау. Таких ваз было множество, и возле каждой из них закипала толпа жаждущих. Другие осаждали хрустальные тарелки с произведениями придворных кондитеров. Считалось, что таких сластей в городе не найдешь. Офицеры и дипломаты набивали конфетами и шоколадом в пестрых бумажках полные карманы. Даже гвардейские офицеры не считали зазорным брать с царского стола эти конфеты и засахаренные фрукты домой.

Омары, лососина, торты и пирожные со взбитыми сливками, заморские фрукты буквально таяли на глазах.

Полный неловкости от этого великосветского разбоя, Соколов начал завтрак шоколадным мороженым, потом успел зацепить кусок фазана с маринованными сливами прежде, чем на него покусился японский дипломат, добавил салата оливье и провесного балыка и отошел в сторонку — туда, где у серебряных ковшей с оршадом, лимонадом и клюквенным морсом почти никого не было. Здесь он стал невольным слушателем разговора артиллерийского подполковника с поручиком Измайловского полка. Украшенный густой черной бородой подполковник в хмельной запальчивости убеждал поручика выбросить засахаренные фрукты, которыми тот набил карманы, и не носить их матери.

— Ты столько набрал? — вопрошал подполковник. — А зачем? Ведь это все отнято у голодного народа. И ты, и я, и государь — наш отец-командир...

— Саша, Саша, — увещевал его поручик, — ты крамольные вещи говоришь, да еще в гостях у царя!..

— Замолчи, как младший... — пьяно капризничал подполковник. — Ты думаешь, что если меня вдосталь напоили, то я должен...

Поручик, бледный от волнения и негодования на своего друга, все тянул его подальше от стола, от тол-

пы, где мог услышать какой-либо верноподданный гвардеец.

Начинался разъезд гостей. Поручику наконец удалось сдвинуть с места и подполковника.

Движимый сочувствием и желанием оградить смелого офицера от лап военной жандармерии, которая ревностно следила за образом мыслей в армии, Соколов подошел к подполковнику. Привитая с кадетского корпуса дисциплина сработала в сознании офицера, и он подтянулся, увидев старшего в чине.

— Алексей Соколов, — просто представился полковник.

— Александр Мезенцев, — так же просто сказал артиллерийский подполковник.

— Виктор Гомелля, — в тон старшим представился гвардии поручик.

— Давайте выпьем за знакомство... — предложил артиллерист и потянулся за бутылкой. Виктор умоляюще посмотрел на друга.

— Ну, хорошо, Виктор, — почти трезво ответил на его взгляд подполковник, — я себе почти не налью.

Шампанское вспенилось в узких бокалах, новые знакомые чокнулись. Пригубив, Соколов отставил свой бокал в сторону, и офицеры последовали его примеру.

— В какой дивизии изволите служить? — поинтересовался Соколов. Ему был симпатичен артиллерист-вольнодумец, и он не прочь был поближе познакомиться с ним.

Подполковнику тоже понравился добродушный, располагающий к себе офицер Генштаба.

В офицерской среде российской армии в силу сословных перегородок между отдельными родами войск царил антагонизм. Офицерство гвардии и кавалерии почти полностью комплектовалось знатным и богатым дворянством. Офицерство пехотных частей представляли мелкопоместные, обедневшие дворяне из военных и чиновничьих семей, а также разночинцы, крестьяне и мещане. Между ними господствовала полная отчужденность. Артиллеристы в этих отношениях находились где-то посредине — они и от гвардии были далеки, и к пехоте относились несколько свысока.

Служащие по Генеральному штабу офицеры также были особой военной кастой, не очень-то общавшейся в неслужебное время с остальным офицерством. Поэтому порыв Соколова, его доброжелательное отношение к ар-

мейскому артиллеристу были несколько необычны и вызвали душевный отклик у Мезенцева и его молодого друга.

— 28-я бригада, — коротко ответил подполковник, зная, что этого генштабисту достаточно.

— Командир батареи трехдюймовок?.. — полувопросительно-полуутверждающе протянул Соколов.

— Так точно, и к тому же «огнепоклонник»... — шутливо ответил Мезенцев, намекая на две большие партии в русской армии. Одна, называемая «штыколюбами», пользовалась поддержкой верхов военной власти и рождена была воззрениями такого выдающегося военного мыслителя, как генерал М. И. Драгомиров. При всех своих достоинствах и истинно суворовском духе Драгомиров не признавал значения современной техники в армии, воспитывал почти пренебрежение даже к пулемету и тяжелой артиллерии.

«Огнепоклонники» выступали за максимальное насыщение армии огневыми средствами — от скорострельных винтовок и пулеметов до разнообразной, особенно тяжелой артиллерии. Молодые и прогрессивно мыслящие генштабисты, такие, как Соколов, называемые иногда «младотурками» за страсть к преобразованиям в армии, горячо поддерживали «огнепоклонников».

— Вот как! — обрадовался Алексей. — Тогда нам есть о чем поговорить!

Полковнику хотелось узнать у артиллериста, как внедряются некоторые новинки, негласно полученные им через Австрию с заводов Круппа. Особенно его интересовала бризантная шрапнель, о которой он давно докладывал через генерал-квартирмейстера в Главное артиллерийское управление.

Поручик-измайловец, свято оберегавший своего нетрезвого друга, решил вмешаться, презрев субординацию.

— Господин полковник, нас ждут дома к обеду... — умоляюще смотря на Соколова, неловко соврал он.

Алексей понял и оценил его заботу о товарище.

— Хорошо, друзья, давайте встретимся завтра в восемь с половиной в офицерском собрании на Кирочной... — предложил он.

— Согласны!.. — торопливо выпалил Виктор, не дожидаясь, пока Мезенцев, настроенный на разговор, отреагирует иначе.

С симпатией проследив, как заботливо повел своего

друга к выходу Гомелля, Соколов тоже направился к гардеробу.

«Смелый человек этот подполковник, — одобрительно подумал Соколов. — Значит, и другие офицеры задумываются о необходимости перемен в российской жизни?.. Но если в армии бродят такие мысли, какая же она опора трону в критический момент?.. Воистину грядет какой-то взрыв, как правильно считают друзья Анастасии! А вдруг эта Иордань — одна из последних? Ведь прятался царь раньше от народа... Теперь осмелел... Надолго ли?»

Полковник Соколов был недалек от истины — праздник крещенья 6 января 1914 года стал на Неве последним.

Петербург, январь 1914 года

Улица 7-й роты, где уже около года квартировал Василий, была пролетарская, шумная. Маленькие ампирные домики, каменные и деревянные, в два и в три этажа — обиталища старых бар — перемежались пятиэтажными кирпичными громадами, так называемыми «доходными» домами. Здесь почти ничего не осталось от тех времен, когда в районе казарм Измайловского полка, по имени которого получил свое название проспект, селились целыми ротами отставные солдаты.

Совсем рядом пролегал Забалканский проспект. Он являл собой одну из самых безобразных и угрюмых улиц российской столицы. Проспект был не Санкт-Петербургом, а настоящим Питером, который денно и нощно грохотал от ломовиков, чернел унылыми заборами и пустырями. Осенью и весной Забалканский проспект разливался морем грязи, а летом поднимал тучи пыли и мух от многочисленных извозчичьих дворов и трактиров.

В холодном воздухе даже сюда, на тихую, заваленную сугробами 7-ю роту, распространялся шум проспекта. Толстые дворники уже расчистили тротуары и теперь возвышались в своих тулупах недвижимыми фигурами у ворот, соперничая белизной фартуков со свежевыпавшим снежком. Настя знала от друзей, что почти все петербургские дворники были осведомителями полиции, и шла мимо их с подчеркнуто независимым видом.

Василий жил в подвале большого каменного дома, очень удобном для конспирации. Из двора можно было усадьбами пройти к Измайловскому проспекту или вый-

ти на 6-ю роту. Через дыру в заборе было легко проскользнуть в узкий Тарасов переулок, а от него — через 1-ю роту и проходной двор собственного дома Тарасова добраться до Фонтанки, где летом работал яличный перевоз, а зимой была проложена тропка к Институту путей сообщения и Юсуповскому саду. Одним словом, опытный человек, выйдя от Василия, мог немедленно исчезнуть с глаз вольного или невольного наблюдателя.

Анастасия уже два раза получала здесь нелегальную партийную литературу и потому хорошо знала все дороги вокруг дома. Она шла к нему кратчайшим путем, осторожно наблюдая, не ведет ли за собой «хвост», не затаился ли где-нибудь господин из «наружки» в типичном гороховом пальто.

Девушка нырнула под арку ворот и через черный ход спустилась в подвал. Дверь пронзительно заскрипела. Вместе с клубами морозного пара Настя очутилась в сводчатом коридоре, освещенном тусклой сальной свечой в железном фонаре. Влажное тепло, тяжелый запах кислых щей, мокрых валенок и непросушенных тряпок охватили девушку. Она подошла к знакомой двери и постучала. Василий, одетый в синюю косоворотку и полосатые брюки, умытый и причесанный, ждал гостью.

Настя облегченно вздохнула — в комнате не было этого страшного запаха. Она сбросила беличью шубку, развязала шаль и присела к столу.

Василий перед ее приходом завтракал. На гладко выструганном деревянном столе лежал кусок ситного хлеба, стояли блюдечко с мелко наколотым сахаром, пузатый фарфоровый чайник и стакан чая в мельхиоровом подстаканнике.

— Хотите чаю, Анастасия Петровна? Хорошо с мороза! — предложил Василий.

— Спасибо, да! — ответила Настя. Она избегала называть Василия по имени, поскольку он по новому паспорту числился теперь Антоном, и девушка боялась оговориться.

Василий налил гостье чаю, поставил стакан на стеклянное блюдечко и спросил:

— Вам внакладку или вприкуску?

— Спасибо, вприкуску! — опять односложно ответила Настя.

Горячий чай с синеватым твердым сахаром был действительно очень хорош с мороза. В комнате Василия бы-

ло чисто и просто: железная кровать, аккуратно застланная синим покрывалом, дешевый двустворчатый шкаф, который служил хранилищем платья и нехитрых съестных припасов, два венских стула, на которых сидели хозяин и гостья, да пара деревянных лавок, так же хорошо обструганных, как и стол, составляли все убранство этого жилища. Неяркий зимний свет струился из узенького оконца, расположенного высоко под потолком.

От Василия веяло спокойствием и уверенностью. Он предложил Насте хлеба, но девушка отказалась. Хозяин не затевал беседу, а отламывал кусок за куском ситного, запивая его чаем без сахара. Черноволосый и голубоглазый Василий отрастил пышные усы, которые были почему-то чуть светлее его шевелюры. Он улыбался Насте, и девушке сделалось очень спокойно от этой добродушной улыбки человека, который сознает свою большую физическую и духовную силу. Она вдруг почувствовала желание выложить ему все сомнения насчет своего замужества.

— А можно мне с вами посоветоваться? — начала она робко.

— Выкладывайте, Настасья, что у вас за беспокойство! — подбодрил ее Василий.

Девушка решила начать издалека.

— Вы помните полковника Соколова, который ходил на «четверги» к Шумаковым? — осторожно спросила Анастасия.

— Ну конечно! С чего это я должен забывать его, ведь такие офицеры, как он, не каждый день попадаются! — удивился Василий.

— А как вы к нему относитесь? — продолжала спрашивать Анастасия. Она никак не могла найти нужные и точные слова и от этого все время краснела.

— Очень хорошо отношусь! — подтвердил Василий. — А в чем, собственно, дело? У тебя появились какие-нибудь подозрения относительно его? Он что, связан с охранкой? Или что?

— Что вы! Что вы! — испугалась Настя. — Он просто сделал мне предложение!..

— Какое предложение? Сотрудничать с полицией? — продолжал недоумевать Василий.

— Да нет же! Как вы могли такое подумать о нем! Совсем не с полицией, а выйти за него замуж! — выпалила она.

— Ах вот в чем дело! — развеселился Василий. — Извините, Настенька! — смущенно улыбнулся он. — Я совсем не подумал об этом, но желаю вам счастья!

— А я все мучаюсь, выходить мне замуж за него или нет! — простодушно призналась Анастасия и опять густо покраснела. — Ведь он полковник, представитель той самой машины насилия, которая подавляет революцию... Что будут говорить все наши товарищи?..

— Ну а как к человеку у вас какое отношение к Алексею Алексеевичу? — хитро прищурился Василий. — Сами-то вы его любите или нет?

— Очень люблю! — смущенно прошептала Настя.

— Так за чем же дело стало? — изумился Василий. — Сыграйте свадьбу да живите себе дружно!..

— А революция?! Не предам ли я ее таким образом? — изливала свои сомнения девушка. — Ведь это значит погрузиться в мир семьи... А потом... Солдаты 9 января стреляли в народ по приказам офицеров! Он тоже офицер!.. А вдруг ему придется выполнять приказ и идти против народа?.. Василий, что мне делать?! — вырвалось у Насти.

Мастеровой слегка опешил от потока сбивчивых слов и молчал, собираясь с мыслями. Настя тоже замолчала, ее руки бессильно легли поверх стола.

— Во-первых, он не производит впечатление грубого и тупого служаки, бессловесного слуги царя... — принялся размышлять вслух Василий. — Я бы сказал, что Соколов очень умен и какой-то открытый, доброжелательный человек... Он веселый и незлой, вызывает симпатию...

— Да, он очень добрый! Он справедливый и очень жалеет народ! Я знаю, я видела!.. — горячо вступилась Настя.

— Ну что ж, Настенька! Придет такое время, когда все умные и честные люди будут на нашей стороне! И очень скоро! В армии тоже есть порядочные люди, революция 1905 года хорошо показала нам, что мы должны завоевывать симпатии солдат, привлекать к борьбе с самодержавием офицеров.

— Я ему показала один раз рабочие казармы, как живут там люди!.. — призналась Настя. — Так Алексей был просто потрясен. Он совсем не знал этой стороны Петербурга. Он возмущается и тем, что некоторые офицеры раздают зуботычины своим солдатам, не заботятся о них, воруют из солдатских рационов... Он мне рас-

сказывал... Он справедливый человек!.. — горячо защищала Анастасия Соколова.

— Ну и хорошо! — басил Василий. — Вы ему как-нибудь брошюру нелегальную дайте почитать... Как он на нее отреагирует?

— Обязательно! — воодушевилась Настя. — Но все равно я хочу быть его женой!

— Не волнуйтесь, Настенька! — успокоил ее Василий. — Товарищи правильно все поймут, если вы выйдете замуж за Соколова! Мы желаем вам счастья!..

— Ой, как я засиделась! — вспомнила о цели своего прихода девушка. — Вы уже приготовили то, что обещали?

— Да, да! — откликнулся Василий. Он сразу сделался серьезен и, поднявшись со стула, встал на лавку у окна. Из глубокой ниши за подоконником вынул обычную корзинку, с какой кухарки отправляются на рынок за провизией. Корзинка была заполнена доверху. Сверху, на чистой тряпице, прикрывавшей содержимое, лежали мороженые антоновские яблоки. Все было банально и не вызывало никаких подозрений.

— Как я люблю мороженую антоновку! — не удержалась Настя. — Можно, попробую?

— На здоровье! — улыбнулся ее непосредственности Василий. — А будете передавать — сверху картофель положите, чтобы технологам, которые заберут у вас эту корзинку, было хорошее жарево!..

Анастасия аккуратно повязала вокруг шеи тонкую шаль, оберегая от простуды свое горло будущей певицы. Василий помог ей надеть шубку, и девушка, несмотря на свою хрупкость, легко подняла тяжелую корзинку.

— Студент, который придет к вам за ней в воскресенье на «мясопустой неделе», ровно в полдень, скажет пароль: «Не даете ли вы уроки игры на скрипке?» Вы должны ответить ему: «Нет, я могу только учить пению». После этого на всякий случай выгляните на лестницу и в окно, посмотрите, нет ли полиции. Если все спокойно, то отдавайте корзинку. Это потому, — пояснил Василий, — что в технологическом институте было несколько провалов и комитет опасается, что там действует провокатор. Если Костя-технолог окажется агентом охранки и приведет с собой полицию, то вы отдайте ему из корзинки десяток книжек, которые лежат сверху, отдельно — это вполне безобидные издания

речей думских ораторов-меньшевиков... Если нагрянет вслед наряд полиции, который может караулить около дома, чтобы поймать на противоправительственном деянии, то они могут сразу не разобраться, приведут с «нелегальщиной» в участок, а там вынуждены будут отпустить... — пояснил он тактику действий.

Желаю успеха! — ласково пробасил на прощание Василий и пошел провожать гостью до выхода из подвала. Он выглянул во двор, убедился, что там не маячат никакие фигуры, и пропустил девушку. Под сапожками Насти заскрипел снег, она завернула за угол и гордо пошла мимо дворника, почтительно уступившего милой барышне дорогу.

Петербург, январь 1914 года

Настя давно хотела послушать Надежду Плевицкую, самую модную певицу Москвы и Петербурга. Говорили, что сам царь часто приглашает «курскую соловушку», как прозывали Плевицкую, на вечера в Царское Село. Публика валом валила на концерты знаменитости, которые, впрочем, были нечасты в столице. Анастасия хотела услышать Плевицкую совсем не из-за всеобщего ажиотажа, а оттого, что сама училась пению, любила народные песни и репертуар прославленной певицы был ей близок.

Алексей знал об этом желании Насти, следил за афишами и, как только появилось объявление, что «концерт единственной в своем жанре, известной исполнительницы русских бытовых песен Н. В. Плевицкой из Москвы имеет быть в зале Тенишевского училища в четверг ... января, с ценою местам от 80 копеек», заказал два билета в креслах поближе к сцене.

В восемь часов вечера, за час до начала концерта, Соколов на легких санках петербургского «ваньки» был уже на углу Большого проспекта и 18-й линии, неподалеку от дома Анастасии. Настя не заставила себя ждать, Алексей заботливо укрыл ее медвежьей полстью, и сани тронулись, вздымая снежную пыль. В зимнем сумраке промелькнули Большой проспект, Дворцовый мост, Исаакий, Невский, Инженерная улица... Извозчичьи санки, кареты, авто — все стремилось к ярко освещенному громадному зданию Тенишевского училища.

Алексей и Настя прибыли за четверть часа до начала. Зал, поднимавшийся крутым амфитеатром, был пере-

полнен, везде стояли дополнительные стулья, молодежь сидела и стояла в проходах. Соколов с трудом нашел свои кресла во втором ряду партера.

Цены местам в этом зале назначались антрепризой, и она в этот вечер постаралась — брала втридорога. Кресло в партере стоило столько же, сколько самая дорогая ложа на французскую драму в Михайловский театр — 20 рублей. Несмотря на это, Соколову с трудом удалось получить билеты.

В зале стоял неумолчный гул, публика с нетерпением ожидала начала концерта. На просторной эстраде яркими красочными пятнами обрамляли черное крыло рояля несколько корзин роскошных цветов, преподнесенных певице ее поклонниками заблаговременно.

Первым вышел постоянный аккомпаниатор певицы Александр Зарема — он же автор популярной песни «Шумел, горел пожар московский», часто исполнявшейся Плевицкой. Ему вежливо поаплодировали, и он, откинув полы фрака, присел к роялю. Зал замер, ожидая выхода любимицы.

Плевицкая стремительно появилась на эстраде и неожиданно для всех оказалась одетой в праздничный наряд курской крестьянки. Ее простое, некрасивое лицо было задумчиво. Она неловко поклонилась на вспыхнувшие аплодисменты и исподлобья, недоверчиво посмотрела на публику.

Зарема взял первые аккорды. Лицо певицы сразу преобразилось. Великая сила искусства сделала ее красавицей, зажгла вдохновенным огнем глаза, придала необыкновенную грацию движениям. Широкая улыбка, истинно русские интонации речи, таинство поэзии принесли в зал свежесть привольных полей и рощ, бескрайний простор лесов, в которых когда-то скрывался Соловей-разбойник.

Как завороженные, слушали Плевицкую Настя и Алексей. Звонкая песня переходила в говор, говор — в речитатив, речитатив поднимался безудержным бабьим криком. Но все было высшим сплавом искусства. Необыкновенной силой веяло от стройной, крепкой фигуры, блестящих глаз, побелевших, заломленных пальцев...

Анастасия наслушалась в классах консерватории разных разговоров о певице, но только теперь, видя так близко Надежду Васильевну и ощущая ее темперамент, смогла понять, как Плевицкая, проведя два года послушницей в курском женском Троицком монастыре, смогла

взбунтоваться и бежать оттуда, попав прямо в бродячую цирковую труппу.

«Какой талант!» — думала Настя, отдаваясь потоку мелодий.

С эстрады певица рассказывала о разбойнике Чуркине, о пожаре Москвы 1812 года, о трагедиях на старой калужской дороге и в диких степях Забайкалья. В зале, наполненном завсегдатаями аристократических салонов, великосветских праздников, звучали баллады о тяжком труде кочегара и страданиях сибирских каторжан. Эту песню ссыльных Плевицкая отваживалась петь даже в Царском Селе перед самим государем Николаем Вторым, отправлявшим людей на каторгу. И ничего — царь с умилением слушал.

...Раздалось «марш вперед!», и опять поплелись
До вечерней зари каторжане,
Не видать им отрадных деньков впереди,
Кандалы грустно стонут в тумане...

Эта песня вызвала бурю аплодисментов в амфитеатре, переполненном студенческой молодежью, и весьма умеренный восторг в партере вокруг Насти и Алексея.

Анастасии было очень интересно увидеть, какую реакцию вызовет песня о каторжанах у Соколова. Она не ошиблась — Алексей был глубоко тронут исполнением этой народной баллады великой певицей.

Концерт Плевицкой разбередил душу Соколова. Он машинально положил руку на подлокотник кресла, где уже лежала рука Анастасии, и она не отняла ее, как бывало раньше. Боясь пошевелиться, просидел Алексей всю оставшуюся часть концерта. В конце концов рука занемела, и, когда надо было помочь Насте одеться, полковник не смог это сделать достаточно ловко.

Анастасия тоже была в нервном возбуждении. Она очень хотела, чтобы сегодня Алексей объяснился еще раз, чувствовала, что он готов сделать решающий шаг и почти уверен, что теперь ему не будет отказа. Они вышли после концерта на улицу вместе с сотнями людей, объятых восторгом и громко обсуждающих свои впечатления.

Молодые люди свернули на пустынную в этот поздний час набережную Фонтанки напротив Летнего сада. Где-то вдали горели огнями окна английского посольства.

Соколов остановился у парапета, взял в руки ма-

ленькую узкую ладонь Анастасии и поднес ее к губам.

Поцеловав раскрытую розовую ладошку, Алексей поднял глаза и глянул прямо в широко открытые, лучистые глаза девушки.

— Настя, вы знаете, я люблю вас! Я больше не могу без вас существовать!.. Я прошу... Я очень прошу вас стать моей женой!..

Настя, у которой весь этот вечер душа ликовала от счастья, вдруг почувствовала себя обессиленной. У нее перехватило дух, закружилась голова, а из глаз неожиданно брызнули слезы.

— Милый.., Алеша!.. Я согласна!..

Петербург, январь 1914 года

Чрезвычайный посол и полномочный министр Французской республики при российском императоре Морис Палеолог собирался нанести свой первый визит в Петербурге коллеге и давнишнему знакомцу, послу короля Великобритании сэру Джорджу Бьюкенену. Француз и англичанин хорошо узнали друг друга за те несколько лет, когда они вместе служили в болгарской столице — Софии. И тот и другой весьма успешно представляли интересы своих правительств, частенько совпадавшие.

Опытные и хитрые дипломаты, которых судьба столкнула в одном из самых взрывоопасных центров Балкан, Палеолог и Бьюкенен собирали друг о друге и систематизировали сведения гласных и негласных своих агентов, сплетни и слухи, циркулировавшие в небольшом дипломатическом корпусе Софии.

И теперь, одеваясь с помощью своего камердинера, Палеолог мысленно улыбался, предугадывая не только ход разговора и вопросы, которые словно невзначай бросит сэр Джордж, но даже скупые жесты коллеги, которыми он будет их сопровождать. В зеркале господин посол видел, что на лице его ничего не отражается, и был весьма доволен — ведь с самого начала своей дипломатической карьеры экспансивный француз с византийской фамилией положил себе за правило быть бесстрастным в любых ситуациях.

Закутанный в шубу на хорьках, мягкий башлык и глубокую бобровую шапку, посол вышел на занесенную снегом набережную. Он затаил было дыхание, боясь обжечь легкие страшным русским морозом, но воздух на

набережной оказался совсем не холодным — градусник, укрепленный на посольском подъезде, показывал минус десять.

Пошла всего третья неделя пребывания Палеолога в северной столице, и все ему было чужим и непривычным — и закованная в ледяной панцирь Нева, и снежные сугробы на набережных, и шапки снега на крышах.

Пара серых, в яблоках, лошадей, которых с трудом сдерживал на месте кучер Арсений, лихо рванула с места и зацокала копытами по расчищенным торцам набережной. Справа надвинулся мост с чугунным узорочьем перил и фонарей, за ним поднимался в небо золотой шпиль крепостного собора. Карета вознеслась на горбатый мостик, мелькнула чугунная решетка редкостной красоты какого-то сада, второй мостик, и Арсений осадил лошадей перед трехэтажным темно-красным особняком. Лакей, соскочив с запяток кареты, открыл дверцу и помог выбраться закутанному до ушей господину министру. Дюжий швейцар с седой бородой распахнул тяжелую створку двери посольского подъезда, и Морис Палеолог ступил на клочок суверенной британской территории.

Заботливые руки лакеев освободили посла от мягких оков. Он очутился перед самым зеркалом. Стекло отразило невысокого человека с черепом гладким, словно бильярдный шар, небольшими седыми усами, бесформенным подбородком, подпертым тугим крахмальным воротничком, в мешковатом фраке на покатых плечах.

В сопровождении мажордома Вильяма, он же и камердинер, посол Франции поднялся в бельэтаж по красивой полукруглой лестнице.

«Умеют же устраиваться эти англичане, — думал Палеолог, ступая за мажордомом. — Даже в этом холодном городе, в арендованном особняке, у них чисто английские запахи и сверкающая латунь, английская живопись и гравюры...»

Сэр Джордж, сухощавый джентльмен, с короткой стрижкой седых волос и пушистыми усами на продолговатом лице, обнажил в улыбке желтые лошадиные зубы, завидя старого знакомого. Он радушно сунул Палеологу холодную руку и на чистейшем французском языке выразил огромную радость вновь увидеть старого друга и союзника.

Столь же радостно и гость приветствовал старого доброго друга.

— Как поживает леди Джорджина? — поинтересовался он у британского посла.

— Превосходно, она велела вам кланяться...

Неторопливый обмен любезностями продолжался и на красивой беломраморной лестнице, по которой оба посла поднимались на третий этаж, где располагались большие и малые гостиные, столовые, кабинет посла и танцевальная зала. Мажордом шествовал впереди, раскрывая двери.

Британский посол заметил интерес, который гость проявил к старинной дорогой мебели, крытой гобеленом, и спокойно прокомментировал:

— Вы видите здесь мою коллекцию, которую я всюду вожу с собой...

— Превосходно, мой друг! — одобрил Палеолог, уютно устраиваясь в одном из золоченых кресел. Он думал при этом, что только англичане обладают столь развитым чувством комфорта, что могут таскать за собой по всему свету громоздкую, но любимую мебель.

Сэр Джордж уселся в кресло рядом и занял свое излюбленное положение — подперев подбородок руками, уставленными в мягкие подлокотники кресла.

Мажордом задержался на мгновение, поджидая, пока официант в белом фраке принесет большой серебряный поднос с маленькими кофейными чашечками, серебряным кофейником на спиртовке и бисквитами, и удалился, плотно прикрыв за собой дверь. Привычку пить кофе сэр Бьюкенен вывез из Болгарии.

Кресло французского посла стояло против окна, полуприкрытого тяжелыми штофными занавесями. За окном виднелись часть Мраморного дворца великого князя Константина Константиновича, сверкающая белая поверхность Невы, приземистые форты Петропавловской крепости с куполами соборов и золотым шпицем.

— Мой дорогой французский друг! — начал сэр Бьюкенен. — Я искренне рад снова встретить вас, теперь на северном краю Европы...

— О да! — поднял глаза к потолку француз. — Именно здесь надо искать концы тех нитей, узлы которых мы столь успешно развязывали на Балканах...

Сэр Джордж перевел эту тираду с дипломатического языка на обычный и вполне согласился с мыслью о том, что, препятствуя России осуществить ее политику спло-

чения южнославянских государств, стравливая всех и вся на Балканах, британский и французский посланники в Софии свято выполняли свой долг, возложенный на них Уайтхоллом и Кэ Д'Орсе *.

Оба, разумеется, прекрасно понимали, что не случайно они, знатоки и исполнители британской и французской политики на Балканах и в Турции, очутились теперь в Северной Пальмире, или, как ее переиначили российские конкуренты, «Северныя Пол-мира».

И тот и другой получили от министров, премьеров и иных вершителей судеб своих стран и народов совершенно четкие и однозначные инструкции: всячески поддерживать друг друга, обмениваться политической информацией, соединенными силами связывать российские правящие круги золотыми финансовыми путами и обязательствами. Именно поэтому Палеолог направился с первым неофициальным визитом к английскому послу, а тот отложил все дела, чтобы встретиться с дорогим союзником и единомышленником.

От общих знакомых разговор перешел на общие проблемы. Господа послы резко осудили кайзера Вильгельма и его правительство, поощряющее проникновение германских промышленников и купцов в Турцию, то есть туда, где издавна хозяйничали без оглядки на туземные законы британские и французские компании.

Единственно, в чем сэр Бьюкенен расходился со своим французским коллегой, так это в том, что Азия — безусловно британское владение на века, и малейшее посягательство на нее со стороны России, Германии и дражайшего союзника — Франции должно пресекаться в любой доступной Альбиону форме.

Палеолога больше всего беспокоила опасность оставления за Германией Эльзаса и Лотарингии на неопределенное время — там куется оружие против Франции. В вопросах азиатской политики он был весьма скромен. Он хотел лишь сохранения французского влияния в Турции, а при расчленении этого «больного человека» — оставления за Францией банковского дела в стране. И еще он хотел Сирию вместе с Ливаном.

Однако господа послы коснулись восточных дел

* Так именовались на дипломатическом жаргоне МИДы Великобритании и Франции по их местоположению в Лондоне и Париже. Российский МИД назывался на этом же жаргоне «У Певческого моста».

лишь вскользь; главное, что хотел узнать Палеолог, была обстановка при царском дворе, расстановка сил в правящих кругах России.

Сэр Джордж, разведка которого работала превосходно, мог многим поделиться с коллегой.

— В российской политике непомерно большую роль играет ее величество императрица Александра, — не торопясь, отвечал на вопрос Палеолога сэр Бьюкенен. Он знал, что французский посол имел склонность к писательству, и поэтому выбирал слова. — Она внучка нашей королевы Виктории и по воспитанию более англичанка, чем немка, хотя ее русские недруги считают, что их государыня типичный немецкий продукт... Мадам крайне истерична, не переносит общества, кроме, разумеется, своего мужа и немногих близких друзей... К числу ее советчиц и поверенных в самых деликатных делах принадлежит фрейлина Вырубова...

Палеолог слушал с безразличным видом, но по тому, как изредка монокль выпадал из его глаза, сэр Джордж понимал, что услышанное весьма интересует французского посла.

— Из-за того, что ее величество не переносит многолюдья, — продолжил сэр Бьюкенен, — царь перестал давать придворные балы, а вы хорошо знаете, мой милый, что возможность блистать на балах и приемах привлекает симпатии подданных к монархам... Свет возненавидел государыню, особенно те матроны, кому нужно пристраивать своих перезрелых дочерей.

Государыня крайне бережлива и скупа. Вот вам пример... По традиции русского двора дочери царя получают в день совершеннолетия жемчужное ожерелье. Ее величество предложила начальнику канцелярии министерства двора, ведающего закупки для императорской семьи, господину Мосолову, покупать ко дню рождения, именинам и рождеству каждой великой княжне по три жемчужины, дарить их и откладывать затем в шкатулку, чтобы подобрать из них в нужный момент ожерелье. Господин Мосолов отверг этот замысел, поскольку почти невозможно подобрать красивое ожерелье из приобретенных в разные годы жемчужин. К тому же стоимость драгоценностей постоянно растет... Тогда Александра Федоровна приказала купить каждой из четырех великих княжон по жемчужному ожерелью, но дарить из них по три жемчужины на каждый праздник — и так до совершеннолетия.

— Ее величество, возможно, упорядочила финансы всего государства? — съязвил Палеолог.

— Совершенно напротив — она дискредитировала себя мелочностью в такой необузданной стране, как Россия...

— А как смотрит на это его величество? — поинтересовался француз.

— Государь старается не перечить ее величеству... Он вообще производит впечатление довольно апатичного и безвольного человека, но внешность эта обманчива... — подчеркнул англичанин. — Николай кажется мягким и добрым... иногда, — поправился Бьюкенен. — На самом деле он очень упрям, не любит сильных личностей. Поэтому погиб премьер Столыпин и был удален от власти премьер Витте... Образования Николай ниже среднего. Думаю, государь не смог бы успешно командовать полком, хотя и носит звание полковника...

— А почему он не имеет генеральских эполет?.. — опять съязвил Палеолог.

— Однажды он ответил на подобный вопрос так: «Покойный батюшка возложил на меня погоны полковника российской императорской гвардии. Выше его воли ничего нет, и не мне самому возлагать на себя генеральские эполеты!» Вообще-то Николай — необыкновенно упорный для XX века фаталист. Он верит в предсказания...

Слуга принес новый кофейник с горячим напитком. Разговор, весьма важный для Палеолога и достаточно интересный для его английского коллеги, продолжался.

Не особенно вдаваясь в подробности, поскольку это могло повредить его отношениям с некоторыми придворными царя, британский посол поведал французскому коллеге, «кто есть кто» в Петербурге, отмечая степень их влияния на царя. Так, он охарактеризовал, как рамолика *, хотя и очень честного, министра двора Фредерикса, недавно возведенного в графское достоинство; как пролазу, скрягу и хитрого доносителя — генерала свиты и дворцового коменданта Воейкова.

Палеолог слушал друга все более и более рассеянно. Его мучил зуд по всей коже — француз был настолько запуган разговорами о русских морозах, что, отправляясь с визитом, надел шерстяное белье. Теперь, в жарко

* Впавший в старческое слабоумие человек *(франц.)*.

натопленной гостиной, выпив не одну чашку горячего кофе, он взмок, и его кожа буквально горела.

Хорошо воспитанный англичанин делал вид, что ничего не замечает, наконец и он не выдержал.

— Друг мой, не больны ли вы? — участливо спросил сэр Джордж, глядя на раскрасневшегося француза.

— Сэр Джордж! — воскликнул Палеолог. — Я не пойму, что со мной творится! Позвольте мне на сегодня откланяться!..

Посол Франции встал и побрел к двери. Он боялся теплового удара.

Сэр Джордж проводил гостя, распахнул перед ним дверь. Только на улице, вдохнув морозного, приятного, как шампанское, воздуха, Палеолог почувствовал себя нормальным человеком.

— Очаровательно! — воскликнул он, вновь увидев Неву под снегом, золотой шпиль собора в Петропавловской крепости и стройный ряд дворцов на набережной.

«Англичанин, конечно, осведомлен... Но сэр Джордж не сказал пока ничего такого, чего не знали бы мои секретари», — сделал вывод хитрый дипломат, садясь в свою карету.

Петербург, январь 1914 года

Два дня, получив согласие Анастасии стать его женой, Соколов прожил как в тумане.

Он и раньше, рискуя прослыть чудаком или гордецом, старался меньше принимать участие в банальных разговорах сослуживцев, которые сводились, помимо военных проблем, к обсуждению скачек, бегов, злословию и анекдотам. Взгляды его начальника Монкевица не отличались широтой во всех вопросах, кроме мировой политики, в которых он был силен из-за близости с министром иностранных дел Сазоновым. Да и тут он был типичным «нововременским стратегом», как иронически называли господ, чьи взгляды определялись реакционной газетой Суворина «Новое время».

Интересы полковника Энкеля и подполковника Маркова сводились лишь к ожиданию очередного чина, а у Энкеля к тому же — к усиленному сколачиванию капитала любыми средствами. Бывший гвардеец-семеновец, Оскар Энкель частенько обедал со старыми однополчанами в офицерском собрании Семеновского полка, где собирались великосветские хлыщи и предприимчивые

дельцы из бывших гвардейцев. После таких совместных обедов Энкель обязательно приносил и распространял самые свежие слухи о похождениях Распутина и другие грязные сплетни из высшего петербургского общества.

Единственный, кого Соколов отличал среди своих сослуживцев, с кем поддерживал приятельские отношения, был подполковник Сухопаров, обремененный большой семьей и буквально надрывавшийся на разных приработках — чтении курса в кадетских училищах, руководстве практическими занятиями в академии Генерального штаба. Из-за этой его занятости Алексей не мог часто общаться с ним, как хотелось бы, но Сергей Викторович Сухопаров импонировал ему демократизмом, развитым чувством справедливости и заметным нежеланием угождать начальству.

Только Сухопарову рассказал он о Насте. В воскресенье Соколов намеревался идти к родителям Анастасии и просить ее руки. Еще в субботу он заказал в магазине «Шарль» самый лучший букет роз, какой только можно достать зимой в Петербурге.

Он не привык к особенному гусарству в своей холостой жизни, но ему очень хотелось как-то выразить свою огромную любовь к Насте, доставить ей приятное: преподносить цветы и конфеты, и на праздники и именины делать дорогие подарки. Но скромная девушка поставила условие: отказаться от купеческих замашек, не смущать ее роскошью, которая казалась ей крикливой.

Однажды на рождество Соколов послал ей огромную корзину цветов и положил среди гвоздик футлярчик с ниткой кораллов. На следующий день Настя вызвала его со службы в приемную. Холодно глядя на Соколова и обратясь к нему весьма официально — «господин полковник», девушка вернула украшение.

— Моя дружба с вами и хорошее к вам отношение не дают оснований для столь дорогого подарка! Вы поставили меня в неловкое положение перед родителями, они весьма удивлены, за что это я получила драгоценность... Если вы уважаете меня, то больше никогда не совершите такую бестактность!

Алексей сначала обиделся на Настю, но по трезвом размышлении понял, что девушка права. Его подарок действительно бросал на нее нехорошую тень.

Со слов Насти он знал, что мама не хочет и слышать о Соколове, да и отец тоже против ее брака с офицером. Алексей даже предложил девушке увезти ее

в другой город и тайно обвенчаться. Но все же он не хотел нарушать обычая и решился обратиться к ее родителям за благословением.

В воскресенье, взяв закрытую карету, чтобы не заморозить цветы, Алексей отправился на 18-ю линию Васильевского острова, где жила Настя. Всю недлинную дорогу он мысленно составлял разные варианты разговора с ее родителями. Он знал, что мать, Василиса Антоновна, отличалась суровым и властным характером, имела твердые принципы и в страхе божьем держала мужа и дочь. Отец, Петр Федотович, человек трудолюбивый и мастеровитый, любил заниматься всякими поделками из дерева. Он наполнил квартиру замысловатыми шкатулками с секретами, резными полками и собственноручно изготовленной мебелью в модном тогда древнерусском стиле.

«А вдруг откажут?! — думалось Соколову под скрип снега и хруст ледяных линз. — Может быть, надо было еще раз с Настенькой переговорить? А то и повременить пока с благословением!.. Ведь все равно она сказала, что раньше июня свадьбе не бывать...»

И тут же он корил себя: «Что это я, взрослый, самостоятельный человек, так волнуюсь, словно деревенский жених!» — но при слове «жених» его снова охватывало беспокойство и неловкость.

Вот наконец и нужный дом. На совершенно ватных ногах полковник поднялся на третий этаж, дернул цепочку звонка и услышал за дверью знакомую дробь каблучков.

«Настя, наверное, тоже переволновалась», — подумал Алексей.

Дверь распахнулась. Действительно, за ней стояла Настя. Густой румянец волнения покрывал ее лицо.

Прихожая была невелика, коридор отходил из нее на кухню, откуда приятно тянуло теплом и пахло пирогами. Алексей неловко снял шинель. Крест ордена Станислава с мечами 2-й степени стягивал ему шею, другой орден — Владимира 4-й степени, полученный им совсем недавно, красовался на левой стороне сюртука. Остальные ордена Алексей не надел, боясь вызывающе выглядеть в простом семействе Анастасии.

Настя оценила его скромность. Чуть отстранившись, она оглядела его с головы до ног, а потом поцеловала в щеку. Алексей снял бумагу с цветов.

В довольно большой комнате прямо напротив две-

ри, в простенке между двумя окнами висело большое зеркало в искусно выточенной раме. Соколов увидел самого себя с букетом и Анастасию, идущих под руку. «Совсем как под венец», — улыбнулся он.

Посреди комнаты стоял стол, слева от окна, почти прижимаясь к киоту в красном углу, большой резной буфет с тяжелыми хрустальными стеклами в дверцах. Огонек лампады теплился перед иконой Казанской божьей матери. Весь киот был уставлен потемневшими ликами святых и Николая-угодника в блестящих мельхиоровых ризах.

Почти у двери небольшое пианино с раскрытыми нотами и оплывшими стеариновыми свечами в бронзовых канделябрах. По правой стене стоял диван, стена над ним была увешана резными деревянными полочками, на которых стояли горшки с вьющимися растениями.

— Сейчас придут, — шепнула Настя Алексею про родителей и усадила его на диван. Алексею мешал букет, и он никак не мог приладить саблю. Едва он справился с этим, как вошла высокая, худощавая и моложавая женщина с довольно длинным носом, придававшим унылое выражение ее лицу, решительной складкой нешироких губ и с живыми темными глазами. Ее темно-русые волосы были расчесаны на прямой пробор.

Алексей встал и преподнес букет хозяйке дома. Она спокойно приняла цветы и передала их дочери властным жестом.

«А ведь Настя чем-то неуловимо похожа на мать...» — успел подумать Алексей, но увидел вошедшего следом за женой отца и сразу понял, от кого девушка взяла всю свою красоту. Петр Федотович был хотя и невысок, но строен и ладен. Густые и непослушные пепельные волосы его явно не поддавались усилиям расчески. Большие синие, как у Анастасии, глаза смотрели на гостя прямо и излучали доброжелательность. Твердый подбородок был гладко выбрит, а рот прикрывала щетка усов темно-пепельного цвета. Он смущенно улыбался, видя, что жена не очень радушна к гостю.

Василиса Антоновна действительно была не в духе. Во-первых, она очень не хотела брака Анастасии с полковником, человеком другого сословия. Ее просто бесило, что кто-то из будущих знакомых Насти может посчитать ее дочь неровней этому человеку, барину в ее глазах. «От этого девочка станет несчастной», — дума-

ла она. Военных же, тем более гусар, она считала вообще крайне ветреными и неспособными на любовь и привязанность. Недолюбливала она и студентов, ухаживавших за Анастасией, полагая их за людей ненадежных, всегда могущих попасть в Сибирь. Она, конечно, не догадывалась, что Настя помогает социал-демократам, не то крупный семейный скандал был бы неминуем.

Совсем отказать дочери в благословении Василиса Антоновна, как человек глубоко верующий, не могла, но решила сразу не сдаваться и немедленного согласия не давать.

В таком настроении она вошла в горницу и увидела поднявшегося при ее появлении высокого стройного военного, с мужественным лицом, ясными глазами и белозубой улыбкой из-под русых усов. Соколов просто, со скромным достоинством преподнес ей красивый букет, каких в жизни у нее не бывало; неожиданно для нее самой накипевшая на этого гусара злость куда-то улетучилась и она почти радушно пригласила:

— Садитесь, батюшка, садитесь!

Василиса Антоновна с мужем сели за стол. Соколов тоже сел к столу и, не зная, как начать, теребил темляк своей сабли. Вошла Настя с белой фарфоровой вазой в руках, поставила цветы на доску буфета. Из-за спины родителей она ободряюще взглянула на Алексея.

Соколов чуть кашлянул, от волнения во рту пересохло, и начал с глухотцой:

— Уважаемая Василиса Антоновна и Петр Федотович! Прошу руки и сердца вашей дочери, а также родительское благословение на наш брак!.. — Он замолчал, раздумывая, что еще следует сказать, поскольку позабыл все придуманные в карете варианты.

Лицо матери покрылось пятнами от волнения.

— Ну что ж!.. — протянула она. — Настя нам сообщила третьего дня о ваших намерениях... Только у нас, родителей, имеются сомнения... — не хотела она сдаваться. — Мы и приданого такого не имеем, чтобы угодить господину полковнику...

Пришел черед краснеть Анастасии.

— Мама, что ты говоришь! — чуть не плача, вымолвила она.

Твердо глядя на будущую тещу, Алексей медленно и размеренно заявил:

— Я люблю Анастасию, и мне не нужно никакого приданого!

— А как же так — без приданого? — возмутилась Василиса Антоновна. — Это же не по-православному...

— Васюта, подожди со своим приданым... — щурясь, словно от боли, вступил в разговор отец. — Насколько тверды-с ваши намерения, господин полковник? Ведь мы понимаем, что Анастасия, хотя девушка она красивая и скромная, все же не из вашего круга жизни-с... Желаете ли вы дать ей счастье, или хотите иметь только красивую куклу-с? Вот это нас беспокоит, так что не обессудьте-с!

Настю почему-то стала раздражать эта мелкочиновничья приставка «с», которая появлялась в речи отца, когда он очень волновался и хотел придать своим словам официальный оттенок.

Алексей, давно решивший мысленно проблемы, которые выкладывали сейчас перед ним родители Анастасии, не отводил свой взгляд от потемневших глаз Настиного отца, пока тот делился с ним сомнениями. За Соколовым внимательно наблюдала Василиса Антоновна.

Судя по всему, она осталась довольна серьезностью, с которой Соколов воспринял рассуждения мужа, и готовилась внести свою лепту в разговор.

— А как вы намереваетесь жить, милостивый государь? — спросила она, показывая себя женщиной практичной. — Ведь вам надо держать дом, приглашать разных гостей... Чай, и генералы к вам заходят?.. А ведь Настенька у нас этикетам не обучена... Вы об этом подумали?..

Соколов решил разрядить атмосферу шуткой.

— Что вы, Василиса Антоновна! — простодушно заулыбался он. — Нет ничего проще... У Сытина на Невском купим «Подарок молодой хозяйке» Елены Молоховец — и можно закатывать любой званый обед!

Хозяйка не приняла шутки и поджала губы. Отец торопливо предложил компромисс:

— Алексей Алексеевич! Негоже нам так сразу отдавать любимую и единственную дочку-с! Повремените несколько дней-с! А мы пока тоже обсудим и решим-с! Если Анастасия не усомнится, то мы ей противиться не будем!.. — И он решительно посмотрел на жену.

«Тихоня, тихоня, а в доме командует все-таки он!» — с удовлетворением подумал о симпатичном ему Петре

Федотовиче Алексей, хотя решил было уже, что всем у Холмогоровых распоряжается жена.

— А теперь, Настенька, накрывай на стол! — скомандовал отец. — Надеюсь, господин полковник откушают с нами чаю?..

— С удовольствием! — отозвался Алексей, хотя у него на душе скребли кошки от неопределенности. Но он решил не обострять отношений с будущими родственниками.

Настороженность прошла и у родителей Анастасии. Они превратились в радушных и гостеприимных русских людей, желавших всячески ублажить гостя. На столе появились пышные пироги, закуски и мочености, из глубины буфета была извлечена лимонная настойка в пузатом графинчике.

Настя, накрыв на стол, сурово посмотрела на родителей и, упрямо вскинув круглый подбородок с ямочкой, поставила свой стул рядом с Алексеем. Мать грозно взглянула на дочь, отец улыбнулся одними глазами. Соколову стало ясно, что Настя добьется своего. Чтобы закрепить это, он довольно демонстративно взял ее руку и поцеловал.

Василиса Антоновна отвернулась, но промолчала.

За чаем мирно разговаривали о недавнем крещенском празднике на Неве, где впервые за много лет вода была освящена в присутствии государя императора, о мягкой сравнительно зиме и близости ранней весны, когда цыган шубу продает.

Настя вспомнила о недавнем концерте Плевицкой. Алексей рассказал про специальный концерт, который артистка дала для ротных запевал, исполняющих во многих полках почти все песни ее репертуара. Он припомнил, что и знаменитый балалаечник Андреев в свое время по поручению военного министра Сухомлинова давал уроки балалаечникам из пехотных полков, и какое это хорошее дело было для солдат-музыкантов...

Наблюдательный Соколов заметил во время чаепития, с каким обожанием смотрит отец на Настю, как любуется ею мать, и сделал еще одно открытие: главенствовали в семье не суровая Василиса Антоновна и не спокойный Петр Федотович. Истинным главой семьи была Анастасия, но она не пользовалась своей властью всуе, а правила тихо и незаметно.

Алексей совсем успокоился, он чувствовал теперь себя почти как дома. Однако через пару часов Соколов

решил, что пора и честь знать. Он поднялся и начал прощаться. Его проводили всей семьей до двери, а когда она за ним захлопнулась, мать ворчливо сказала:

— Не по себе дерево рубишь, Анастасия, не по себе...

— Что ты говоришь, Васюта! — возмутился отец. — Что, наша Настя — недостойная, что ли?!

— Не по себе она дерево рубит, не по себе! — уперлась Василиса Антоновна. — Я знаю, что говорю... Барин он!.. Генералом еще станет...

— А чем наша дочь хуже генеральш? Ты говори, да не заговаривайся! — рассердился отец.

— Я выйду замуж за Алексея! — твердо вступила в спор Настя. — Он вовсе не барин, а добрый и умный человек! И я его люблю!

— Гусар он, гусар, говорю тебе! — настаивала мать.

— Не ерепенься, Антоновна! — закончил дискуссию отец. — В следующее воскресенье дадим ему согласие играть свадьбу летом, когда Настенька курс в консерватории закончит...

— Я ему завтра это скажу!.. — обрадовалась Анастасия.

— Не вздумай! — грозно обрушилась на нее мать. — Испортишь все! Икону надо приготовить... Он ведь военный... благословлять надо святым великомучеником Георгием Победоносцем... А все ж не по себе ты дерево рубишь!..

...На следующее воскресенье Соколовым и Холмогоровыми было сговорено, что венчаться Алексей и Анастасия будут в военной церкви Георгия Великомученика при Главном штабе в воскресенье 15 июня. Свадьба будет скромной, шаферов и посаженых отца с матерью выберут позже.

Петербург, февраль 1914 года

Соколов и Анастасия встречались теперь почти каждый день. Они могли целый вечер бродить по заснеженному Петербургу, а потом отогреваться горячим шоколадом в кондитерской «Бликген и Робинсон», где всегда были любимые Настей взбитые сливки с орешками, или у Филиппова на Невском крепким чаем и воздушными пирожками.

Часто полковник приглашал свою невесту в какой-нибудь модный ресторан, но Анастасия, как правило,

отказывалась. Только один раз согласилась она поужинать у «Старого Донона», что на Английской набережной у Николаевского моста. Ресторанная роскошь, пальмы, вышколенные официанты, дамы в слишком открытых платьях и полупьяные господа во фраках и гвардейских мундирах произвели на девушку тяжкое впечатление. Алексей больше не настаивал.

Сам он словно впервые дышал полной грудью, весь мир открывался ему с самых лучших сторон. Даже рассказы Насти о суровой нищенской жизни рабочего сословия Питера хотя и трогали Соколова, но не могли вывести из состояния радостного подъема, которое владело им все последние дни.

Приближалась масляная неделя — самое веселое время в Петербурге. Чопорный, чиновный Петербург преображался и опрощался на эти дни. Из холодной и давящей метрополии столица превращалась в народный и веселый Питер.

На масленую в непостижимых количествах наезжали в город из окрестных чухонских хуторов белобрысые «вейки» * с лохматыми маленькими лошадками, запряженными в низенькие санки. Дуга и вся упряжь попраздничному были украшены бубенцами и лентами. Небритые добродушные «вейки» невозмутимо сосали трубку-носогрейку и за всякий конец просили «ридцать копек». Петербургские «ваньки», тоже старательно наряженные на масленицу, с многоцветными узорчатыми кушаками и узорчатой упряжью, жестоко презирали конкурентов.

Алексей договорился с Анастасией, что заедет за ней в воскресенье в полдень и они отправятся на народные гулянья. Настроение у Насти было отличное, в субботу она долго вертелась перед зеркалом, примеряя новую котиковую шапочку, удачно сочетавшуюся с ее беличьей шубкой и пепельно-жемчужными волосами.

«А как шапка покажется Алексею? — думала Настя. — Вдруг он решит, что эти меха не гармонируют друг с другом, и сочтет это безвкусицей?! Вот ужас-то! Нет, он не может разлюбить из-за такого пустяка... Тем более я все-таки ничего... Хотя нос мог бы быть попрямее... и брови погуще...»

Ее кокетство перед зеркалом прервал звонок в дверь. Был уже седьмой час вечера. Отец еще не при-

* Финское имя, ставшее нарицательным, обозначавшее род извозчиков.

шел с фабрики, а мать, как всегда по субботам, была в церкви, у вечерни. Настя открыла дверь, и мальчишка-посыльный в черном пальто с медным номером на груди и с бляхой на шапке передал ей запечатанный конверт.

— Ответа не ждут, — сказал мальчишка, но остался стоять в дверях. Настя поняла, что он привык к чаевым, и извлекла из кармана своей шубки двадцать копеек. Посыльный моментально исчез.

Дурное предчувствие овладело девушкой. Она никак не могла вскрыть конверт.

«Неужели что-то случилось с Алексеем?» — испугалась Настя, но записка оказалась от Василия. Он просил срочно прийти в собор апостола Андрея Первозванного, что на 6-й линии, и сообщал, что будет ждать ее в правом приделе, в дальнем от алтаря углу.

Не затратив на сборы и трех минут, Настя почти бегом бросилась к трамвайной остановке. Семнадцатый подошел сразу, и через пять минут она уже входила в нагретый дыханием сотен людей собор.

Шла вечерня. Высоко к сводам собора вместе с чадом свечей, дымом ладана и испариной от верхней одежды прихожан возносилась «Аллилуйя», творимая многоголосым хором. Настя содрогнулась, как всегда, когда входила в церковь, — глухая тревога обуяла девушку.

Она вспомнила уроки по элементарной конспирации, полученные от товарищей, купила у входа тоненькую свечку и направилась в правый придел. Там, в полутемном углу, в безлюдье стоял Василий. Его задумчивая поза ничем не выделяла его из молящихся.

Настя подошла ближе, словно случайно встала впереди него, делая вид, что не знает этого человека. Василий остался в прежнем полускорбном положении. Когда, заглушая отдельные слова молитвы, громко грянул хор:

Ду-ши их во благих во-дво-рят-ся.
Ус-та моя возглаголют премудрость,
и по у-че-ни-е серд-ца мо-е-го ра-зум...—

Василий сказал так, что слышно было только Анастасии:

— Костя-технолог оказался провокатором. Он связан с охранкой. Завтра в час пополудни он должен прийти к вам за литературой и привести за собой наряд жандармов...

Хор певчих гремел во всю мощь, его покрывал бас дьякона:

Велий господь наш, и велия крепость его,
и ра-зу-ма его несть чис-ла...

— Запомните адрес: Малая Охта, Среднеохтинский проспект, 8, второй этаж направо, спросить господина Бессмертного. Будут ждать завтра целый день. Когда отворят дверь, спросить: «Мне сказали, что у вас остановилась моя родственница...» Если в ответ скажут: «Проходите, будьте как дома...» — можно отдавать корзинку. Пяток брошюр с меньшевистскими речами в Думе оставьте у себя на случай обыска... Если у вас вообще ничего не будет дома — вызовет еще большие подозрения!.. Ни пуха ни пера!..

Анастасия не успела оглянуться, как Василий растворился в темноте придела и исчез. Девушка, потрясенная услышанным, машинально подошла к подсвечнику, зажгла от какого-то огарка свечу, поставила ее и так же тихо отошла.

«Ал-ли-лу-и-я, ал-ли-лу-и-я, ал-ли-лу-и-я!» — гремел хор.

Вечерня кончалась, народ стал расходиться. Вместе с прихожанами вышла и Анастасия. Неторопливо, раздумывая об услышанном, она направилась к дому. От радужного настроения не осталось и следа. Омерзение от подлости предателя мешалось у Насти со страхом подвести родителей и друзей. Девушка решала, как ей быть.

Придумав план, Настя ускорила шаги, но тут же чуть было не остановилась — так неожиданно в голову пришла мысль о том, что ведь Алексей приедет за ней в полдень, а он никогда не опаздывал. Она должна или успеть съездить на Малую Охту, или... Это «или» поразило Анастасию своей простотой.

С непредусмотрительностью молодости Настя решила дождаться Алексея, вместе с ним съездить по указанному адресу и отдать опасную корзинку.

«Ведь будет еще целый час до прихода полиции...» — думала Настя, но, не искушенная в делах подполья, не могла предполагать многого...

Воскресенье началось, как обычно, с ожидания Василисы Антоновны от заутрени, после возвращения которой начиналось утреннее кофепитие со свежими булками, только что испеченными в соседней пекарне. Вре-

мя приближалось к полудню. Без пяти двенадцать Настя, одетая в шубку и новую шапочку, поставив у входной двери корзинку, по верху которой, под салфеткой, угадывались французские булки, с волнением ожидала в прихожей звонка. За несколько минут, пока девушка томилась подле двери, масса самых панических мыслей промелькнула у нее в голове. То ей казалось, что сейчас войдут жандармы и схватят ее с уликами, то думала, что Алексей совсем не приедет из-за какой-нибудь случайности, то хотелось раздеться и броситься в постель, сказавшись больной...

Соколов, верный своим привычкам разведчика, был пунктуален. Настенные часы в комнате родителей еще не начали своего перезвона, как на лестнице послышались шаги с характерным звоном шпор. Настя распахнула дверь и бросилась ему на шею.

— Милый, здравствуй, как я рада, что ты не опоздал! — выпалила она, поцеловав Алексея в бритую и пахнущую одеколоном щеку. Подхватив корзинку и не дав полковнику возможности поприветствовать своих будущих родственников, Настя сбежала вниз по лестнице. Соколов последовал за ней и успел открыть перед ней дверь подъезда. На пороге Настя остановилась, ослепленная ярким солнцем и блеском чистого снега.

У подъезда стоял лихач, рысак был покрыт красивой модной сеткой синего цвета, предохранявшей пассажиров от комьев земли, льдышек, вылетающих из-под копыт лошади. Настя поспешно уселась в сани. Соколов укрыл ее ноги медвежьей полстью с кистями и приказал: «Лететь!»

Улица плавно тронулась назад. Вместе с ней остался почти у подъезда Настиного дома человек в студенческой шинели и шапке с эмблемой технологического института. Это был Костя-технолог.

Полиция еще вчера решила начать операцию по изъятию нелегальной литературы на час раньше, но приход Соколова спутал охранке все карты. Увидя отъезжающих Настю и полковника, Костя бросился к соседней подворотне, где стояла карета с нарядом жандармов.

— Проворонили! — выпалил Костя жандармскому ротмистру, возглавлявшему наряд. — Птичка упорхнула...

— Растяпа вы, господин студент! — выругался рот-

мистр. — Спать долго любите!.. В восемь утра надо было начинать... Теперь попробуйте добыть улики-с! А без улик мы не можем дело прокурору передать!.. Теперь госпожу Холмогорову и не тронешь!..

Костя стоял с отсутствующим видом, словно втайне радуясь, что дело не выгорело.

— На всякий случай двум филерам остаться для наблюдения, — приказал ротмистр и бросил кучеру: — Разворачивай и п-шел в управление!

Петербург, февраль 1914 года

Настя благополучно сдала корзинку на Малой Охте, Соколов, которому она сказала, что мама просила отвезти провизию заболевшей родственнице, терпеливо ждал в санях и предвкушал настоящий праздничный день из таких, о которых память сохранилась с самого детства. Его лишь слегка тревожило, что Настя была сначала неестественно оживлена, потом словно бы успокоилась, а на Охтенском мосту снова разволновалась. Чутьем разведчика и душой любящего человека Соколов точно уловил моменты переживаний Анастасии, но отнес их на счет болезни родственницы.

Девушка вернулась умиротворенная, и Алексей тоже успокоился.

Лихой «ванька» быстро домчал их до Петровского острова, где в парке шло-гремело народное гулянье. Уже от Тучковой набережной в морозном ясном воздухе слышались звонкий веселый гул голосов, звуки гармони, писк свистулек, смех и отдаленные выкрики. Народ тянулся напрямик по льду Малой Невы, состоятельная публика катила в каретах и авто, скользила на санях.

Показались дощатые балаганы. Отдаленный шум превратился в неумолчное гудение толпы. Веселая и оживленная Анастасия, щеки которой разрумянились от быстрой езды, легко выпрыгнула из саней, как только Алексей открыл полсть. Оба сразу попали в толпу. Чтобы не потеряться, Настя взяла Алексея под руку и прижалась к нему. Полковнику захотелось поднять девушку над толпой, как поднимают детей, чтобы они лучше видели. Он поделился этой идеей с Настей и получил в ответ заряд веселого смеха и влюбленный взгляд.

Народное гулянье было совсем не тем местом, где

можно было любоваться друг другом. Настя и Алексей поняли это, радостно, беспричинно засмеялись и стали разглядывать вывески, обращая внимание друг друга на самые смешные из них.

На одном из балаганов красовалось огромное полотнище, где в пороховом дыму на белом коне скакал храбрый генерал и махал сабелькой, вслед ему валили солдаты со штыками наперевес. Как водится, противник быстро улепетывал.

Внутри балагана слышались трубные звуки, пальба, музыка и барабаны, восторженные клики зрителей.

К другому балагану — Малофеева — было не протолкнуться. Здесь народ облепил боковые деревянные лестницы, ведущие в раек. Ждали начала «Куликовской битвы».

— Пойдем? — спросила Настя.

— Пойдем! — с удовольствием ответил Алексей.

На рубль они взяли два билета в лучший ряд амфитеатра и очутились внутри балагана, где, казалось, было еще холоднее, чем на улице. Единственным источником тепла было дыхание публики.

Бой происходил словно в утреннем тумане, за несколькими завесами из тюля. Его начали, как и в настоящей Куликовской битве, русские воины-богатыри, монахи Пересвет и Ослябя. Зазвенели мечи, бой разгорался, и израненный князь Дмитрий Донской улегся под картонным деревом, чтобы оттуда давать приказания громить басурманов. Несчастные актеры, для которых это представление было уже третьим за день, от беспрерывных криков на холодном воздухе несколько осипли, но воевали с азартом.

Анастасия вдруг заледенела в ознобе, и оба стали пробираться к выходу. В двух шагах от балагана, в валенках, тулупе и белом переднике, надрывался во весь голос сбитенщик. В фарфоровые кружки он налил Анастасии и полковнику из медного чайника, укутанного полотенцем, горячего сбитня и развлекал господ прибаутками, пока они тянули обжигающе-горячий напиток. Сбитень и движение сделали свое дело.

Полюбовались Петрушкой, который выскакивал по соседству из-за пестрой ширмы. Вся толпа вокруг ликовала, когда Петрушка знатно отдубасил здоровенной дубиной черта и полицейского, а сам остался невредим. Настя особенно весело хохотала, вспоминая сегодняшнее утро, и свои страхи, и Костю-технолога, ра-

зинувшего рот на улице вслед саням. Неожиданно ей пришла мысль, что спасением своим от обыска, а может быть, и ареста, она обязана Соколову, его полковничьей форме. И сразу расхотелось смотреть приключения Петрушки.

Покатались с высоченных ледяных гор, слетая на утлых салазках в брызгах искрящейся на солнце ледяной пыли. Дух захватывало от такой красоты.

Рядом с американскими горами у дощатого буфета под навесом пыхтел огромный самовар, парились пузатые расписные чайники с заваркой. Тут же лежали горками вяземские, тульские, мятные, печатные пряники в виде рыб и зверей, человечков и всадников. Толпа прибила Алексея и Настю к буфету, и они не могли удержаться от лакомств.

Самой колоритной фигурой в этом клокочущем людском море была расфранченная «кормилица у господ» — типично петербургский персонаж. Пышная, с толстыми красными щеками «мамка», как правило, сопровождала на народное гулянье свою барыню, одетую по последней парижской моде. На мамке обязательно была парчовая кофта с пелеринкой, цветастые бусы, кокошник розового, если она кормила девочку, или голубого цвета, если кормила мальчика. Юбка обшивалась множеством мелких золотых или стеклянных пуговок. В таком наряде «мамка» являла собой яркое зрелище.

В толпе простого народа из солдат гвардии, мещан, толстых купчих и иных женщин торгового сословия попадались и тонюсенькие барышни из благородных в сопровождении кавалеров-чиновников или офицеров. Иногда мелькали и аристократы из гвардейской кавалерии, окружавшие дам в меховых боа и собольих пелеринах.

Всюду сновали лоточники с мочеными грушами и яблоками, разных видов колбасами и студнем, ситными пирогами с грибами, с ливером... Их товар расхватывался на лету и не успевал замерзать.

Когда сияние дня начало угасать, для вящего веселья зажглось электричество. Настя утомилась, стала реже улыбаться и тяжелее опираться на руку Алексея. Он почувствовал это и, полуобняв ее, направился к выходу.

Взяли свободного «вейку». Под меховой полстью Настя уютно прижалась к шинели Алексея и задремала, как сморенный усталостью ребенок. У нее было та-

кое состояние, словно она спала и в то же время все видела и слышала. Настя заметила, что Алексей схитрил и попросил возницу ехать кружным путем. Девушке было так тепло и хорошо, что не хотелось останавливать спокойное движение саней, скрип снега под полозьями. Ехать бы да ехать...

Внезапно тревожная мысль словно ожгла Настю, и сон сразу пропал.

«Как там дома?.. — подумала она. — Все ли благополучно? Не вторглись ли жандармы в ее отсутствие?»

Алексей почувствовал, что девушка шевельнулась, и велел финну держать к Восемнадцатой линии. Когда они подъехали к Настиному дому, большая круглая луна разливала свой жемчужный свет над городом.

У дома и в подъезде было тихо. Алексей проводил девушку до квартиры и, когда открылась дверь, хотел было откланяться. Хозяйка, однако, пригласила его на блины. Скрывая свою радость побыть с Анастасией еще целый вечер, Соколов принял приглашение.

«...Все было отменно хорошо в этот день», — думал полковник, покидая радушный кров Холмогоровых. Он шел к Среднему проспекту в надежде взять там извозчика и вдруг какое-то смутное беспокойство овладело им. Он заметил, что стал объектом наружного наблюдения. Офицер военной разведки, он в два счета определил незадачливого сыщика, прикинувшегося пьяным гулякой, и повел его за собой. На Большом проспекте простейшим приемом он сбил преследователя со следа, выждал с четверть часа и кликнул проезжавшего мимо «вейку».

По дороге домой полковник упорно размышлял, почему это он попал в поле зрения филеров. Он сопоставил это с утренним волнением Анастасии, невзначай замеченным около ее дома возбужденным студентом-технологом и сделал вывод, что слежка за Настей и затеяна она в связи с какими-либо студенческими беспорядками.

«Не за мной же следят, — решил полковник, — весь жандармский корпус знает про аполитичность армии. Не стоит волноваться из-за пустяка». Домой он явился в отличнейшем настроении, напился с тетушкой чаю и рассказал ей, истосковавшейся по разговорам, веселые впечатления от народного гулянья. Оба, довольные прожитым днем, разошлись по своим комна-

там. Тетушка — почитать Шопенгауэра для более крепкого сна грядущего, а Алексей — просмотреть иностранные отделы петербургских газет перед завтрашним днем в штабе, который обещал быть довольно напряженным.

Варшава, апрель 1914 года

В начале тысяча девятьсот четырнадцатого года генеральные штабы всех крупных европейских держав уже предчувствовали большую войну. В неизбежность всеобщей схватки верили императоры и короли, министры и генералы, разведчики и генштабисты, хотели ее. Все, в том числе и профессиональные военные, ошиблись лишь в длительности ее и масштабах.

В российском Генеральном штабе опасались войны еще в прошлом, 13-м году, но он, слава богу, истек. Однако военно-политическая обстановка продолжала обостряться, разведка приносила все новые сведения о военных приготовлениях германцев, австрийцев, румын, болгар, и военный министр Сухомлинов решился испросить милостивого соизволения государя на проведение стратегической игры генералитетом русской армии.

На сей раз, дабы придворные бездарности не вмешались в штабные дела и не сорвали задуманное, как это было в 1911 году, Сухомлинов решил проводить игру в Киеве, то есть подальше от двора.

Когда высочайшее одобрение игры было получено и машина Генерального штаба пришла в движение, один из винтиков этой машины — полковник Соколов, начальник австро-венгерского делопроизводства разведывательного отделения, — получил предписание своего командира, генерала Монкевица, отправиться в Варшаву. Полковнику следовало получить в разведывательном отделении штаба Варшавского округа имеющиеся у них свежие данные о потенциальном противнике, а затем прибыть в Киев и принять участие в штабном учении.

Деятельной и энергичной натуре Алексея Алексеевича подобные поручения всегда доставляли большое удовлетворение. Несмотря на месячную разлуку с Анастасией, он с легким сердцем собирался в дорогу. Подумал было взять с собой в Варшаву Настю, чтобы показать ей город, который так любил, побродить вместе с нею в свободные часы по милым варшавским улицам, посидеть в кофейнях и на концертах. Однако по зре-

лом размышлении оба решили, что такая поездка сейчас может вызвать толки сомнительного свойства...

Под перестук колес варшавского экспресса мысли о Насте, о предстоящей свадьбе уходили в интимные уголки сознания полковника. На передний план выдвигались сложные переплетения больших европейских и мировых проблем. Верный конспиративным привычкам, Алексей не доверял бумаге свои планы. Он мысленно формулировал вопросы, которые поставит начальнику варшавского разведпункта полковнику Батюшину, так и эдак прикидывал, кого из офицеров привлечь к трудоемкой подготовительной работе, намечал для себя основные линии, но так, чтобы ни слова, ни листа бумаги не уплыло в Берлин. Соколов знал о немецком засилье в Варшавском военном округе и учитывал это.

Варшавский экспресс приближался к цели. Он обдал дымом лачуги бедняков на Праге и с небольшим опозданием прибыл на Санкт-Петербургский вокзал Варшавы. Коляска из штаба ждала Соколова на площади, он погрузился в нее и велел кучеру везти себя в Европейскую гостиницу, что на улице Краковское предместье. Алексей любил этот удобный отель, сооруженный на месте дворца Огинских и до открытия его конкурента «Бристоля» славившегося первым отелем Варшавы.

Пароконная коляска повлекла его по грязноватым улицам Праги, через решетчатый Александровский мост на гору, где у Королевского замка начинается прекрасная варшавская улица Краковское предместье.

Соколов очень любил этот город — веселый, бесшабашный, с его открытой всем взглядам уличной жизнью, обилием цветов, маленьких кафе со столиками, вынесенными на улицу под полосатые маркизы, элегантными женщинами и вежливыми мужчинами. С теплой улыбкой смотрел он на маленькие лавочки, где товар, полученный из Одессы или Лодзи, именуется самым последним криком парижской моды. Ему нравились роскошные магазины в центре города с их громадными витринами из зеркальных стекол, где собраны товары буквально со всего света, нравились дворцы магнатов — словом, весь блеск этого прекрасного города, жители которого по праву сравнивают его только с Парижем.

В Варшаве Соколов чувствовал себя как дома оттого, что вокруг слышалась либо славянская быстрая

речь поляков, либо родная русская с приятным польским акцентом.

Портье в отеле, человечек с бородавкой на носу и прилизанными редкими волосами, внимательно изучал вид на жительство, выданный полковнику Генерального штаба Соколову, и внимательно сверял указанные в нем приметы с внешностью красивого военного в черном мундире. Соколову вдруг очень не понравился этот маленький человечек, его манера исподлобья взглядывать на гостя и вся его важная медлительность. Он нахмурился, человечек понял и мгновенно вернул документ.

— У иностранцев мы вообще не спрашиваем их бумаги, господин полковник! — пояснил он, и Соколов уловил какой-то не польский акцент в его русской речи. Но он не успел разобраться в своих наблюдениях, как коридорный подхватил его чемодан и бросился с ним к подъемной машине.

Алексей не стал отдыхать с дороги, а тут же пошел побродить по Варшаве, чтобы ближе к четырем часам явиться в штаб округа к Батюшину.

На улице было тепло, Соколов оставил шинель в номере. Он прошел к Иерусалимским аллеям, повернул на Маршалковскую, по ней налево, затем через Багателю вышел к летней резиденции генерал-губернатора — Бельведерскому дворцу. Полюбовавшись его строгими пропорциями, Соколов повернул по Уяздовской аллее к центру. Время летело быстро, и Соколову пришлось кликнуть извозчика, чтобы успеть в назначенное им самим время в отель переодеться и по всей форме предстать перед окружным начальством.

За четверть часа до четырех — условленного с Батюшиным срока, Соколов, затянутый в строгий мундир Генерального штаба, с саблей, украшенной анненским темляком «За храбрость», причесанный варшавским парикмахером, вышел из отеля на Саксонскую площадь, залитую ярким солнечным светом апрельского дня.

Над площадью горели золотом купола грандиозного православного собора Александра Невского, пестрая толпа устремлялась через гостеприимную колоннаду входа в Саксонский сад. Соколов решил обогнуть площадь, чтобы прибыть в штаб округа ровно в четыре.

Генерал Орановский, начальник штаба Варшавского военного округа, принял Соколова очень любезно. Он слышал об этом умном и храбром офицере и теперь с удовольствием пожал ему руку. Долго задерживать ви-

зитера он не стал — в Варшавском офицерском собрании был назначен бал, где генерал должен был присутствовать вместе со своей супругой, игравшей роль первой дамы гарнизона.

Николай Степанович Батюшин был не менее любезен — хотя по сроку производства в чин полковника он был намного старше, но Соколов как-никак был его начальником в Петербурге.

Они не виделись чуть меньше года.

— Как идет венская и чехословацкая агентура? — задал он вопрос Соколову после того, как они обменялись приветствиями и приветами от общих петербургских знакомых.

— Группа Стечишина дает первоклассную информацию, — поделился Соколов. — А помнишь, ее в прошлом году совсем было вывели в запас... Один из ее участников занимает высокий пост в венском генеральном штабе. Так он через киевских чехов доставляет свежайшие — с разницей всего в две недели — данные прямо с совещаний высшего руководства военного ведомства Австро-Венгрии.

— Всегда завидую твоим высокопоставленным друзьям в Австро-Венгрии, Алексей Алексеевич! — признался Батюшин.

— Что ты, Николай Степанович! Твои ходоки-«стекольщики» доставляют из Германии сведения, от которых Монкевиц в восторге... — успокоил его Соколов. — А как ты смотришь на возможность скорой войны? — задал он, в свою очередь, вопрос. — У меня есть агентурные сообщения, что в Германии исподволь готовят население и войска к мысли о неизбежности столкновения с Россией.

— Я смотрю на сей предмет очень серьезно, Алексей Алексеевич! — подтвердил Батюшин. — Моя агентура тоже доносит о заявлении императора Вильгельма насчет желательности совместной с Австрией проверочной мобилизации крупных воинских масс. И австрийцы и немцы ставят вопрос о полевом снабжении армии, выдвигают его до степени неотложности. Они пополняют свои войсковые продовольственные запасы до норм военного времени и ведут усиленные переговоры с поставщиками на армию...

Разведчики продолжали обмен информацией.

— А скажи, Николай Степанович, — задал Соколов особенно интересовавший его вопрос, — как относятся

поляки к России, на чьей стороне будут воевать, если, не приведи господь, разразится война и затронет их территорию? Я, конечно, политикой не занимаюсь, — торопливо добавил Соколов обычную в те годы присказку офицеров, — но беспокоюсь о безопасности в тыловых районах наших войск...

— Коротко не скажешь, Алексей Алексеевич! — ответствовал Батюшин. — Да и вопросом этим, как ты знаешь, занимается совсем другое ведомство... — намекнул он на жандармский корпус.

— Но если без политики, что ты сам думаешь? — продолжал допытывать его Соколов.

— Думать здесь есть над чем... — с горечью промолвил Батюшин. — Практически все Царство Польское — молодежь, рабочие, крестьяне и торговцы, большая часть дворянства — против русского царя. Исключение составляют лишь самые зажиточные купцы и землевладельцы. Они за русскую армию, которая их защитит от беспорядков и посягательств на собственность... Впрочем, на той стороне границы, где живут галицийские и познанские поляки, то же самое: за австрийского и германского императора — самые богатые собственники, они хорошо сжились с местными властями. А голытьба — ей и в Австрии и в Германии одинаково плохо...

«Ты не добавил сюда Россию», — подумал про себя Соколов, но не сказал ни слова.

— Складывается очень пестрая картина различных общественных сил как в Царстве Польском, так и в Галиции, и в «немецкой» Польше, — продолжал размышлять вслух руководитель русской разведки в Варшаве. — Как ты знаешь, один из самых популярных лидеров польской молодежи и всех антирусских сил — Юлиан Пилсудский. Вся его так называемая «военная организация» Польской партии социалистов еще с девятьсот шестого года полностью запродалась австрийской разведке. «Фраки», как их называют после выхода из партии и создания фракции, пропагандируют мысль о том, что для них неизменными остаются задачи борьбы против России всеми силами и средствами. Они призывают к военным приготовлениям, требуют подготовки военных кадров и оружия. Полякам, мобилизованным в русскую армию, «фраки» рекомендуют организовывать сбор шпионской информации о России, диверсии, террор...

Соколов и раньше знал о том, что военная организация Пилсудского тесно связана с австрийской разведкой, а сам Пилсудский регулярно получает содержание от венского и берлинского генеральных штабов, но, чтобы дело зашло так далеко, он и не предполагал. Батюшин между тем продолжал:

— Могу сообщить тебе, Алексей Алексеевич, что лидеры галицийской социал-демократии Дашиньский и Сливиньский также находятся в тесном контакте с австрийской полицией и разведкой. Однако правые силы австрийских поляков — профессор Заморский, граф Скарбек, господа депутаты австрийского рейхсрата Киейский, Биега, и Виерчак — продолжают бороться за русскую ориентацию Польши и против «фраков» Пилсудского... Они полностью смыкаются с национал-демократами королевства Польского во главе с господином Дмовским. Этот эндек тянется к сотрудничеству с Россией, принимает участие в неославистских акциях. Ты, наверное, помнишь его книгу, которую он издал после славянского съезда в Праге в 1908 году, — «Германия, Россия и польский вопрос»?

— Я ее не видел... А что он пишет?

— Дмовский осознал возрастающую опасность Германии и пангерманизма. Он доказывает, что только поляки, объединенные в едином национальном государстве, могут реально противостоять в союзе с Россией германскому «Дранг нах Остен»...

— И каков же результат его деятельности? — поинтересовался Соколов.

— Его буквально заклевали! Неославистские идеи вызвали такую злобу у многих, в том числе и «фраков», что Дмовский почел за благо сложить с себя депутатские полномочия и выйти из состава Думы... Старик, вероятно, всерьез убоялся стрелков Пилсудского! К тому же и наши милые союзники — французы, как я смог доподлинно установить, подстрекают поляков к отделению от России...

— Да, сразу и не разберешься, кто с кем, — протянул Алексей и подумал, что ему следовало бы всерьез разобраться с переплетением польских общественных сил и связях их с австрийцами и немцами, а Батюшин подлил нового масла в огонь его сомнений.

— А вот тебе самая свежая информация, которую, правда, добыла не наша агентура, а агенты корпуса жандармов... Совсем недавно, месяц назад, в Кракове

па антиправительственную сходку собрались представители всех сословий Польши. Там были и СДКПиЛковцы и ППСлевицовцы, и «фраки», и ППСДеки. Доклад делал сам лидер российских большевиков Ульянов-Ленин. Представь себе, этот русский человек заявил с трибуны «Спуйни», что большевики готовы объединить все революционные силы под лозунгом демократической республики в сочетании с лозунгом права наций на самоопределение и отделение от России!..

Соколов почитал Батюшина в политике за ретрограда, но и он насторожился, узнав, что столь уважаемые Анастасией большевики, среди которых был и друг его юности Володя Сенин, призывают, по сути дела, к самоопределению Польши вплоть до отделения ее от России. «Как же это отделение сочетать с интересами русского народа?» — подумалось Соколову, и он решил по возвращении в Петербург обязательно встретиться с Сениным, подробно расспросить его об этом. Он не хотел проявлять собственное непонимание перед Анастасией и решил до конца разобраться в польской проблеме. «А может быть, Ульянов-Ленин прав? — пришло ему в голову. — Ведь независимая Польша может стать настоящим другом России, ее союзником?!.»

Батюшин понял, что его гость отвлекся от разговора, и замолчал. Соколов решил, что коллега устал, и предложил:

— Николай Степанович! Давай на сегодня закончим нашу конференцию, а к практическим вопросам разведки и документам обеспечения военно-стратегической игры в Киеве вернемся завтра!

Батюшин действительно устал и с удовольствием согласился. Он гостеприимно пригласил Соколова на ужин, но Алексей решил снова побродить по Варшаве.

Киев, апрель 1914 года

Когда день 20 апреля уже вступил в свои права, его высокопревосходительство военный министр и генерал-адъютант свиты его величества Владимир Александрович Сухомлинов изволили еще почивать после бурно проведенной ночи с господами генералами, прибывшими на оперативно-стратегическую игру в преславный город святого Владимира. Его высокопревосходительству командующий округом генерал Иванов отвел добрую половину своего командирского дома, ко-

торый, впрочем, строил и украшал в бытность свою командующим здесь нынешний гость — господин министр.

— Ваше высокопревосходительство, — преданно склонился над господином министром камердинер Петруша. — Вы изволили приказать поднять вас в полдень, а сейчас уже час с четвертью...

— Что же ты, дурак, не разбудил меня раньше, ведь в два я должен начать совещание в штабе округа!.. — осерчал барин.

— Ваше высокопревосходительство, здесь же буквально два шага до Банковой улицы, где стоит штаб... — пытался оправдаться верный слуга.

— Подавай быстрее одеваться, остолоп! — продолжал сердиться генерал. — Да пойди скажи адъютанту, пусть передаст в штаб, я задержусь на полчаса, мол, с государем буду по прямому проводу разговаривать...

Час спустя надушенный, причесанный и слегка позавтракавший господин военный министр, обойдя для моциона квартал Левашовской и Анненковской улиц, подходит в сопровождении небольшой свиты к солидному зданию штаба на Банковой. Здесь лишний час томится на весеннем солнце почетный караул от частей гарнизона. Несколько секунд приветствия, и Сухомлинов входит в здание.

С необыкновенно радостным настроением поднимается Владимир Александрович по лестнице, украшенной красным ковром, ведь столько лет изо дня в день он ходил здесь, будучи генерал-губернатором и командующим Киевским округом. А если смотреть на дело шире, то и в переносном смысле он поднялся в верха Российской империи именно по этой лестнице — главной лестнице Киевского военного округа... Именно отсюда вызвал его государь, чтобы доверить сначала Генеральный штаб, а затем и все военное министерство.

Именно здесь вынашивал он планы реформ, которые должны были сделать русскую армию по крайней мере столь же сильной, как и армия германская. И отсюда поехал в Петербург осуществлять их.

Именно здесь, словно молодой юнкер, поднимался он в свой кабинет через две ступеньки сразу, влюбившись в нежнейшую и очаровательную Екатерину Викторовну. Именно здесь сходил он, подавленный, по ступеням, когда раскрылись интриги его закадычного друга Альтшиллера, подсказавшего обвинить мужа Екатерины Вик-

торовны в прелюбодеянии с гувернанткой. А эта стерва гувернантка вдруг представила на суде бумаги от врачей, что она девственница... Что было! Что было! И все это так недавно, а уже столько событий заслонило собой эти прекрасные времена, когда ему было меньше только на десять лет, а чувствовал себя моложе на тридцать!.. А затем тяжелые петербургские годы, вечное подсиживание со стороны этого долговязого «лукавого» — великого князя Николая Николаевича. «Лукавый» хоть всего только и генерал-инспектор кавалерии, но лезет буквально во все армейские щели, чтобы найти там недостаток, в котором виноват он, Сухомлинов... Но, слава богу, он не может поставить палки в колеса теперь, когда военно-стратегическая игра будет проведена в Киеве! Ах, как его высочество нагадил тогда в Петербурге, в 1911 году, когда он, Владимир Александрович, все подготовил, собрал командующих округами, получил даже в свое распоряжение для игры запасную половину Зимнего дворца! А за два часа до начала игры государь отменил ее! Теперь-то уж не отменит — здесь, в Киеве, далеко от придворных интриг, от всех этих великих князей, которые своими прожектами только разваливают российскую армию, препятствуют ее модернизации, столь необходимой после поражения в девятьсот четвертом году.

Генерал-адъютант вошел в свой прежний кабинет. Здесь теперь царил генерал Иванов, но он любезно предоставил его военному министру.

Сухомлинов сел и раскрыл папку с приготовленной для него диспозицией. Генерал-квартирмейстер Данилов сел напротив и приготовился давать объяснения по ходу чтения записки. Однако Сухомлинов знал все бумаги, касающиеся игры, столь хорошо, что разъяснений оператора-стратега не потребовалось.

— Пригласите участников военно-стратегической игры! — торжественно изрек военный министр и перешел к председательскому креслу во главе длинного стола, вокруг коего было приготовлено девятнадцать стульев — по числу генералов, собранных из основных военных округов России — Варшавского, Виленского, Киевского, Московского и Казанского — для проверки оперативных и мобилизационных расчетов и соображений российского Генерального штаба в отношении будущей войны. Никто не знал, что она разразится всего через три месяца и застанет большинство присутствую-

щих сейчас в Киеве генералов на тех же постах, которые были отведены им в ходе этой первой военной игры в России XX века.

Между тем в армии главного противника России — германской — различного рода проверочные, зачетные оперативные работы, военные игры на картах и полевые поездки под руководством авторитетного военачальника фон Шлиффена были настолько часты и обычны, что являлись как бы естественным и повседневным занятием офицеров германского Большого Генерального штаба.

Сухомлинов знал от военной разведки русской армии об этих особенностях армии германской, очень хотел бы ей подражать, но постоянно сталкивался с косностью и леностью высших армейских и придворных сфер, которые привыкли заменять все военные игры традиционными маневрами в одном и том же районе Красного Села и блестящими парадами пехоты и кавалерии перед царем-батюшкой.

Теперь же он торжествовал — его детище, военно-стратегическая игра начиналась наконец и в том составе, в котором предложил всеведущий Данилов...

Генералы занимали места за столом. На одной его половине уселись «представители» так называемого «Северо-Западного фронта» — командующий Варшавским округом Жилинский (недавний начальник Генерального штаба), Орановский, его иачальник штаба, который получил роль начальника штаба фронта; Ренненкампф, командующий Виленским округом в роли командарма I со своим начальником штаба Милеантом; другие генералы фронта — Рауш фон Траубенберг и Леонтьев.

На другой половине — главком Юго-Западного фронта Иванов, нынешний радушный хозяин в Киевском военном округе, начальник его штаба Алексеев; командармы и начальники штабов барон Зальц и генералы Гутор, Плеве и Миллер, Чурин и Драгомиров-младший, Рузский и Ламновский.

Янушкевич и Данилов заняли места на противоположном Сухомлинову конце стола.

— Ваши превосходительства! — торжественно начал военный министр. — Сегодня мы приступаем к важнейшему мероприятию, долженствующему усилить нашу славную российскую армию. Здесь собрались те командующие округов и штабов, кои с объявлением

подготовительного периода к войне, то есть мобилизации, развернутся во фронтовые и армейские организации...

Сухомлинов важно оглядел всех присутствующих и убедился, что его внимательно слушают.

«Ну, слава богу, пошло!» — подумал он, но вслух продолжал размеренно и начальственно:

— Мысленно представим себе, что государь император объявил сегодняшний день началом мобилизации. По ее этапам, а также по оперативным планам стратегического развертывания, на основе информации наших разведывательных отделений о противнике и других вводных проведем всестороннюю работу, как если бы война началась на самом деле...

Генералы слушали, не перебивая и не задавая вопросов. Они были уже заранее подготовлены Генеральным штабом, получили на руки мобилизационные предписания, оперативные планы начала войны и ознакомились со всеми этими материалами. Генералы Алексеев, командир 8-го корпуса, и Драгомиров, начальник штаба Киевского военного округа, даже посылали в Петербург по предварительным материалам игры докладные записки, в коих указывалось, что необходимо сообразовать темп наступления с вопросами работы тыла. Они подчеркивали также, что если в русско-японской войне 400 снарядов кое-как хватало на одно орудие, то в 1914 году ограничиваться этим печальным опытом нельзя; что в задании на санитарное оборудование предложен слишком малый процент — всего 3 — средней убыли солдат и офицеров, а современный бой требует повысить этот процент по крайней мере в 6—7 раз. Однако на все эти правильные расчеты, как показали действительные военные события три месяца спустя, Данилов и Янушкевич не обратили внимания.

Сейчас авторы записок сидели и ждали, учтены ли их предложения. Сухомлинов продолжал:

— В качестве одной из вводных мы принимаем, что перевозки и весь тыл фронтов и армий работают без задержек и перебоев... Кроме того, нынешняя игра у нас односторонняя, то есть наши командующие фронтами и армиями работают только за себя, принимая вводные на игру, но никто не выступает в качестве противника. Как видно из общей вводной обстановки игры, нашим врагом являются Германия, Австро-Венгрия и Румыния, причем главные силы Германия направ-

ляет против нашего союзника — Франции, а Румыния, хотя и может развернуть на русском фронте до трех армейских корпусов с соответствующими резервами, активно воевать против нас, как показывают имеющиеся политические и разведывательные данные, не будет...

Когда Сухомлинов помянул Францию и основное направление германского удара на нее, Янушкевич и Данилов сразу же вспомнили прошлогодний визит генерала Жоффра в Петербург, когда французский командующий вопреки всякой военной логике настаивал на Восточной Пруссии как цели главного русского удара, для того чтобы оттянуть силы германцев от французского фронта.

Стратегическая целесообразность подсказывала совершенно иное направление главного удара русской армии — на Австро-Венгрию, что обеспечивало разгром этого союзника Германии и еще больший эффект в оттягивании сил с Западного фронта. Однако Жоффр был неумолим, он пустил в ход не только довольно куцые оперативные аргументы, но главным образом угрозы прекратить финансирование строительства стратегических железных дорог в западных областях России, ассигнованиями на которые, а также на вооружения западная союзница России тесно привязала ее к себе и к своим планам. В Петербурге не нашлось достаточно твердых и решительных политиков и военных, которые могли бы растолковать упрямому Жоффру и всему французскому генеральному штабу, что русский оперативный план войны более выгоден и скорее достигает тех же целей, чем французский.

Сухомлинов хорошо помнил обещания Янушкевича Жоффру и поэтому в качестве основного противника указал на Германию и ее стратегическое развертывание в Восточной Пруссии. Однако упрямая логика стратегии подсказывала российским генералам направление удара на Австрию. Поэтому второй вводной было сообщено об одновременном ударе также и на Галицию.

Французские идеи войны против Германии кровью русских мужиков все-таки получили приоритет в устах самого военного министра, начальника Генерального штаба Янушкевича и генерал-квартирмейстера Данилова: организация стремительного первого контрудара в Восточной Пруссии. Именно поэтому Сухомлинов продолжал:

— 1-й и 2-й армиям, не ожидая окончания нашего

развертывания на среднем Немане, немедленно перейти в наступление, нанося главный удар 1-й армией в направлении Гумбинен в обход Мазурских озер с севера; 2-й армией в направлении на город Лык с охватом правого фланга германцев...

— Ваше превосходительство, — позволил себе перебить военного министра командующий 2-й условной армией генерал Ренненкампф. — Но ведь это настоящие Канны для германской армии!

— Мы это еще проверим в ходе игры, — самодовольно отозвался Сухомлинов и продолжил свой доклад об условиях и вводных.

...Целых четыре дня в весеннем Киеве 1914 года в здании штаба Киевского военного округа царило необыкновенное оживление. Генералы и их штабы рассчитывали свои силы по дням мобилизации, планировали битвы и их обеспечение людским материалом и иными ресурсами. Старцы в генеральских погонах устраивали на бумаге Канны германской армии, громили австрийцев, забывая о самых элементарных принципах стратегического развертывания армии, основанного на хорошо поставленной армейской организации, путях сообщения, связи и материальных ресурсах.

Твердо устанавливалась та самая пагубная линия поведения любой ценой угодить западному союзнику, которую приняло русское военное руководство в первые месяцы мировой войны. До разгрома армий Самсонова и Ренненкампфа оставалось три месяца.

Петербург, апрель 1914 года

В один из вечеров Анастасия предложила Алексею навестить ее старую подругу Татьяну Шумакову, у которой они встретились год с лишним назад. Настя рассказала, что советница выдала Татьяну замуж за инженера путей сообщения, служившего в Петербургском отделении Международного общества спальных вагонов и европейских скорых поездов. Настя сожалела, что молодежная компания, так любившая собираться у Шумаковых на «четверги», понемногу распалась, уловив перемену духа семейства. Слывшие прогрессивными и почти революционными, Шумаковы после замужества Татьяны потянулись к солидной светской респектабельности.

Только Настя, лучшая подруга Татьяны, еще не забывала Шумаковых и иногда забегала к ним после кон-

серватории. Но раз от разу она все яснее видела, как болото обыденщины все глубже засасывало «госпожу инженершу».

Они поднялись на третий этаж столь знакомого и памятного дома на Пушкинской улице. Горничная в кружевной наколке открыла им дверь. С первого взгляда квартира поразила изменениями — от былой скромности не осталось и следа.

В прихожей вместо студенческих шинелей и дешевых курсистских шубок на вешалке покоились добротные пальто и даже новенькое меховое манто.

По паркету гостиной простучали каблучки, Татьяна бросилась на шею подруге.

— Мы без приглашенья, Таня! — словно извиняясь, сказала Анастасия.

— Что вы, что вы! — защебетала Татьяна. — Я, и Глебушка, и, конечно, мама всегда вам рады, рады! — словно старалась убедить молодая хозяйка.

— Милости просим! — пророкотала и тайная советница, появляясь в прихожей. — Вы очень кстати, у нас сегодня гости будут, и притом такие необычные... Алексей Алексеевич, батюшка, проходите, добро пожаловать! А ты, щебетунья, — обратилась она к Насте, — все хорошеешь и хорошеешь!.. Экая красавица стала!

— Это я с прогулки, Аглая Петровна! — заскромничала Настя и просительно обернулась к Алексею: — Я на минуточку к Тане в комнату зайду, а ты послушай хозяйку дома...

— Чего меня слушать! Я совсем старая стала, вот познакомлю тебя с зятем, а потом уйду хлопотать, ведь ужин для гостей приготовить надо...

Из глубины квартиры в гостиную вышел маленького роста, с большой продолговатой головой и оттопыренными ушами яркого розового цвета сумрачный господин неопределенного возраста и воспитанно шаркнул ножкой.

— Мой зять, Глеб Иоаннович, инженер путей сообщения... Генерального штаба полковник Алексей Алексеевич Соколов, — представила их советница, и сумрачный господин снова шаркнул ножкой. Алексей сразу почувствовал, что супруг Татьяны у него особой симпатии не вызывает.

— Я очень рад, премного наслышан... — со слащавой улыбкой вымолвил Глеб Иоаннович, и уши его заметно дернулись. — Если вы изволите оказать нам

честь и останетесь со своей дамой, то будете иметь случай лицезреть мистические опыты выдающегося медиума современности Папюса. Мосье Папюс был одно время принят даже при императорском дворе... По секрету вам скажу: только увлечение государыни Григорием Ефимовичем Новых лишило Папюса благосклонности их величеств...

Соколов сразу и не понял, что инженер имел в виду Распутина, который сменой фамилии на благозвучную — Новых — стремился вызвать симпатии общества.

— Это замечательный медиум! — продолжал восхищаться Глеб Иоаннович. — Он дает спиритические сеансы очень редко, ведь это требует огромного напряжения его духа... И только для членов кружка спиритов, сделавших небольшой взнос...

Соколов понял намек и вынул бумажник.

— Что вы! Что вы! — заверещал человек. — Вы же сегодня наши гости... Впрочем, если вам будет угодно поощрить талантливого медиума и вступить, так сказать, в непостоянные члены его кружка, то извольте... За двух непостоянных членов взнос будет всего в двадцать рублей...

Алексей вынул две кредитки и передал их инженеру, а тот извлек какой-то замусоленный список и аккуратно внес в него имена Соколова и Анастасии.

Начали собираться гости, знакомых полковнику среди них не было. Когда в просторной гостиной по диванам и креслам расселось человек двадцать, инженер ввел плотного телосложения мужчину среднего роста, лет сорока на вид, без усов и бороды. Медиум обращал на себя внимание пронзительными черными глазами и резкими, словно вырубленными топором, чертами лица.

Обществу объявили, что мосье Папюс произведет массу спиритических явлений и в том числе «полетит», то есть поднимется в воздух. При сем добавили, что весь сеанс должен происходить в полной темноте.

Соколов со своим скептическим складом ума сразу же подумал, что именно в этом и кроется какой-то обман. Ему захотелось проверить, в чем он заключен.

Медиум предложил всем присутствующим взяться за руки и образовать круг, сидя на стульях в центре комнаты. В середине круга был поставлен небольшой стол. Игравший роль ассистента Глеб Иоаннович предупредил, что ни в коем случае нельзя бросать руки Папюса и разрывать цепь, поскольку это крайне опасно для здоро-

вья медиума — он может упасть с высоты, на которую его вознесет дух, и разбиться.

Соколов оказался рядом с Папюсом. Когда был потушен свет, никаких жутких явлений не происходило целых четверть часа. Затем рядом с полковником, там, где находился Папюс, стали возникать мгновенные вспышки фосфорического света. Это произвело большое впечатление на дам, и одна из них даже упала в обморок, впрочем, не разрывая цепи.

Соколов заподозрил, что Папюс, видимо, зубами достает из нагрудного кармана длинные фосфорные спички и посредством их трения о шелковые лацканы фрака вызывает свечение.

Прошло еще четверть часа в полной темноте. Папюс начал двигаться и сдвинул всю цепь на несколько шагов. Потом Соколов почувствовал, что медиум тянет его руку вверх, словно бы и взаправду он «полетел». Спустя несколько минут он поднялся так высоко, что рослому полковнику пришлось поднять руку, которую все тянул и тянул за собой спирит, поднимаемый каким-то духом ввысь. Так прошло еще четверть часа, а затем полковник почувствовал, что Папюс опустился вниз и потянул всю цепь назад, к стульям. Через мгновение медиум усталым и разбитым голосом потребовал включить свет и оказался сидящим совершенно без сил на своем стуле.

Дамы заахали, мужчины были в смятении, все стали делиться впечатлениями, превознося спиритическую мощь Папюса. Виновник торжества неземных сил вышел для краткого отдыха в другую комнату, но обещал продолжить сеанс.

Общему настроению не поддались лишь Алексей и Анастасия. Они только переглядывались между собой, недоумевая, как это медиум смог осуществить свой «полет».

Подали ужин. Пока гости переходили в столовую, Соколов успел договориться с Настей, что на следующем сеансе она станет рядом с ним, позволит высвободить руку и ощупать в темноте медиума, чтобы понять, как тот проводит свой фокус. Полковник собрался даже рискнуть здоровьем Папюса, разрывая круг, лишь бы установить истину. Он не верил ни одному движению медиума, но общее настроение участников спиритического сеанса было столь сильным, что и ему было неприятно в полной темноте ожидать мистических явлений.

Когда все уселись за стол, Папюс вышел из внутренних покоев и занял почетное место. Татьяна, как и всем, налила ему чаю из самовара, пододвинула поближе вазочку с икрой и блюдо с пирожками. С умилением, подперев щеку рукой, наблюдала она, как медиум с аппетитом подкрепляется.

Чай был быстро выпит, гости торопились занять стулья в зале и продолжать сеанс. На этот раз медиум приготовил какой-то фокус с платком, которым было завешено большое зеркало, висевшее в простенке у окна. Высокие окна для затемнения, были затянуты плотными шторами.

Когда гости заняли свои места, снова все взялись за руки, погасили свет.

Опять медиум, сдвигая всю цепь, куда-то опускался, потом потянул цепь на старое место, уселся на стул и приказал дать свет.

Дамы вскрикнули. Платок, коим было завешено зеркало, очутился на полу аккуратно сложенным вчетверо. Общий восторг спиритической силой маэстро был велик, но Соколов не стал его разделять. Он довольно громко стал рассказывать Анастасии, что Папюс, очевидно, не разрывая цепи, подошел к зеркалу, стянул зубами с него платок, затем, проявив себя незаурядным гимнастом, на полу зубами сложил его.

Два спирита возмутились и стали доказывать, что Папюсу вовсе не надо было хватать платок зубами. Ему достаточно приблизить свою голову к зеркалу, чтобы неизменная эманация, или спиритическая сила духа, подняла платок, а затем сложила его и опустила на пол.

«Блажен, кто хочет быть обманут!» — подумал Алексей и решил продолжить разоблачение авантюриста.

Между тем Папюс, уловив суть спора между Алексеем и своими адептами, решил снова повторить эффектный «полет», дабы немедленно прекратить все сомнения в его спиритической мощи.

Снова все взялись за руки, причем Соколов и Анастасия заняли места рядом с медиумом. Снова внутри круга спиритов был поставлен столик и погашен свет.

Через четверть часа медиум опять потянул цепь. Соколов, как военный и спортсмен, хорошо ориентировался в пространстве. Он понял, что они с Папюсом находятся совсем рядом со столиком. Рука медиума сначала с силой оперлась на его левую руку, а затем потянула ее куда-то ввысь. Соколов освободил свою правую руку.

Никаких грозных для здоровья спирита явлений не произошло.

Ведя рукой в пространстве, Соколов не обнаружил рядом с собой Папюса. Тогда он протянул ее чуть правее и ниже и наткнулся на ножки стола.

«Ах, вот ты где, ловкий обманщик! — подумал полковник. — Погоди же, я тебя сейчас разоблачу!»

Он обхватил ноги Папюса, стоявшего на столе, свободной правой рукой и потребовал дать свет. Электричество включили при общем замешательстве. Общество увидело странную картину: медиум с растерянным выражением лица стоял в живописной позе на столике, полковник же, держа его руку левой рукой, правой обнимал его ноги.

Кое-где раздались смешки, одна дама истерично захохотала от пережитого волнения. К забавной группе приблизился Глеб Иоаннович, помог Папюсу спуститься со стола и стал доказывать, что спирит все-таки поднимался в воздух, но, когда Соколов разорвал цепь, ему ничего не оставалось, как опуститься ногами на стол, чтобы избежать падения на пол. Завзятые мистики поддержали инженера. Вместе с хозяином дома они принялись убеждать Соколова и друг друга, что все в мире происходит при помощи неземных сил.

К полковнику подошла возмущенная советница.

— И что ты, батюшка, такую свару затеял! — упрекнула она его. — То было все тихо, прилично, а теперь, поди, и в гости никого не дозовешься...

— Мадам, — сухо поклонился ей Соколов. — Нет ничего легче, как обмануть тех, кто хочет быть обманутым. Папюс прекрасно знает, что ваши гости не примут никаких резонов и будут твердить о спиритических флюидах! Но выделывать фокусы в цирке, принародно — это одно, а дурачить легковерных в спиритических сеансах — мелко и пошло...

— И-а, батюшка, — прервала его советница, — каждый развлекается, как хочет, и не мешай моим гостям своим прогрессом... С него не прокормишься в наши времена...

— Спасибо, Аглая Петровна, за вечер!.. — вмешалась в их разговор Анастасия. — Нам было очень интересно! Не правда ли, Алеша?!

— Да, Настенька, восхитительно! — с иронией подтвердил Соколов и обратился к Шумаковой: — Разрешите откланяться?

— Извольте, голубчики! Рада была повидаться с вами! — светски попрощалась вдова тайного советника.

...Анастасия и Алексей вышли из жарко натопленной квартиры в прозрачную апрельскую ночь. Обоим стало смешно.

— Как я его обнимал за ноги!.. — веселился Алексей. — Ну и скульптурная группа!.. Ха-ха-ха!..

Настя тоже засмеялась, Алексей заботливо укрыл ее шалью, чтобы девушка не простудила горло холодным ночным воздухом. Его лицо неожиданно оказалось так близко от Настиного, что он не удержался и поцеловал ее. Настя прильнула к нему и ответила на поцелуй. Весь дурной осадок от вечера у Шумаковых мгновенно испарился.

Карлсбад, май 1914 года

Могучие каштаны подняли к ясно-голубому небу над Карлсбадом белые свечи своих соцветий, напоили воздух долины, что расстилается за поворотом речки Тепль у здания королевских ванн, весенним ароматом. Живые ковры из цветов украсили парки и дворы тихих особняков. Изредка на дороге у трактира «Почтовая станция» останавливались собственные и наемные экипажи; по-курортному одетые дамы и кавалеры беззаботно щебетали, совершенно не подозревая, что в сотне метров от них, в парке подле белокаменной трехэтажной виллы, два генерала готовятся решать судьбы и этих веселых киргастов, и всего остального цивилизованного и нецивилизованного мира.

То были начальник Генерального штаба императорской и королевской армии Австро-Венгрии Конрад фон Гетцендорф и его гость из Берлина, начальник Большого Генерального штаба германской армии генерал граф фон Мольтке-младший. Племянник «великого» Мольтке, победителя Франции, младший граф фон Мольтке был уже совсем немолод, успел прослужить в хлопотливой должности начальника германского генерального штаба около восьми лет. За это время его от рождения меланхоличный характер стал еще более пессимистическим, а усы, браво торчащие «а ля кайзер», как у любого германского офицера, повисли почти трагически. Его грузная фигура покоилась в плетеном кресле рядом с другим таким же креслом, в котором сидел радушный хозяин — Конрад фон Гетцендорф. Оба были в легких лет-

них фуражках, Мольтке в синем мундире генерального штаба, Конрад в своей любимой кавалерийской венгерке. Его усы воинственно топорщились в сторону гостя.

Свита, состоящая из офицеров генштаба обеих империй, и лакей, назначением которого было менять бокалы и напитки, покоившиеся на столике меж генеральских кресел, расположились чуть в стороне, в тени огромного платана, как и генералы, но на таком расстоянии от них, чтобы в любую минуту подать портфель, карту или справку.

Генералы важно вели неторопливый разговор, который спустя несколько недель должен определить движение корпусов и армий против врагов Срединных империй.

Фон Мольтке отвечал визитом своему коллеге фон Гетцендорфу, с которым не виделся почти год, но весьма оживленно переписывался, стараясь повлиять на Конрада и скорректировать оперативные планы венского генштаба в пользу империи Германской. На бумаге он так и не смог ни в чем убедить упрямого Конрада и по совету императора Вильгельма решился на крайний шаг: в разгар подготовки к большой европейской войне отправился под видом отпускника в Карлсбад на встречу с гордецом. Ну что же! Ведь как-то надо было внушить легкомысленным австрийцам, что гениально прав был Шлиффен, когда говорил, что «судьба Австро-Венгрии будет решаться не на Буге, а на Сене!».

Прежде чем трогаться в недальний, но важный вояж, генерал запросил у своего начальника разведки майора Вальтера Николаи подробную справку о привычках и характере фон Гетцендорфа, чтобы наверняка знать, какими аргументами его можно припереть к стене и заставить переместить центр тяжести австрийского фронта от Сербии к России, дабы создать щит для Германии, пока она будет расправляться с Францией. Император Вильгельм и весь Большой Генеральный штаб очень не хотели, чтобы малоуважаемый ими союзник, которого кайзер иронически называл «наш медлительный блестящий секундант», обратился против Балкан, где он может либо увязнуть в славянских Сербии и Черногории, либо слишком быстро решить основные цели своей войны и стать обузой для Германии.

Николаи докладывал, что Конрад фон Гетцендорф при каждом удобном и неудобном случае утверждает,

что он очень высоко ценит военное учение Клаузевица, считает себя его учеником в вопросах и стратегии и тактики, но есть один пункт, в котором он не согласен с гением высокой мысли. Конрад никак, оказывается, не может согласиться с тем, что война — насквозь политика, только другими средствами, что политика продолжается и во время войны. Кокетничая своей аполитичностью, австрияк утверждает, что на войне решающее слово остается за вооруженной силой, хотя, конечно, политика играет огромную роль. Конрад всюду подчеркивает, что он солдат, а армия должна быть вне политики.

«Ну и гусь, — иронически думал Мольтке-младший, листая страницы доклада Николаи. — Этот хитрец разговорами об аполитичности армии прикрывает свою политическую борьбу с министром иностранных дел Берхтольдом и другими деятелями империи. А как дрался этот «аполитичный солдат» с покойным министром Эренталем, отдавая тонкой политической игре все силы, время и внимание! По всем вопросам обороны и укрепления монархии, строительства ее вооруженных сил он частенько делал весьма продуманные шахматные ходы, обставляя даже такого опытного и хитрого политика, как Эренталь».

Закрывая папку с «делом Конрада», фон Мольтке в который раз утвердился в мысли о том, что армия вне политики существовать не может, что ее стратеги должны быть вдумчивыми политиками.

Теперь, сидя в удобном кресле рядом с Конрадом, фон Мольтке видел, что Николаи добросовестно выполнил задание. Действительно, живой и напористый генерал в кавалерийском наряде (в армии Австро-Венгрии, как и в остальных европейских, кавалеристы были в особом почете, как самый аристократический род войск), заявляя о чисто прикладных сторонах своего оперативного плана войны, весьма ловко отстаивал преимущества «Сосредоточения Б», имевшего направлением Балканы и главной целью — разгром Сербии и Черногории.

Германская империя, ее армия и лично фон Мольтке-младший были заинтересованы в плане под названием «Сосредоточение Р», политическим и стратегическим смыслом коего являлась активизация Австро-Венгрии против России. Начальник германского генерального штаба бился с утра, но не мог доказать упрямому

Конраду выгодность для общего дела именно второго плана.

— Главным врагом Австрии исторически является Россия, — размеренно высказывал он свои мысли Конраду. — Именно против нее следует направить все оперативно-стратегические расчеты. В то же время главным врагом Германии является Франция, и, как говорил мой учитель Шлиффен, мы должны мечтать о победоносном вторжении в цветущие равнины Сены и Луары. Это всеми принимается как нечто вполне определенное...

— Но, граф, Франция предусмотрела направление главного германского удара и построила систему крепостей, закрыв все проходы через Юру фортами в Бельфоре, Туле и других городах... Ее можно взять только фланговым ударом — через Швейцарию или Бельгию... — решительно возразил Конрад. — Однако нарушение нейтралитета Швейцарии и Бельгии вызовет всеобщую войну и осуждение Германии!

— Генерал, мы должны отбросить банальные сентенции об ответственности агрессора... Только успех оправдывает войну! — не менее решительно ответил Мольтке. — Если брать за основу мобилизационный план «Сосредоточение Р», а я полагаю, что именно это следует делать, — ваш союзнический долг заключен в том, чтобы максимально соотнести планы кампании с германскими, тогда при расчетах мобилизационной готовности нужно иметь в виду, что на 18-й день мобилизации Россия может сосредоточить на своем Западном фронте весьма внушительные силы в виде 63-х полевых и резервных стрелковых дивизий и 22-х кавалерийских дивизий...

Мы направим все основные силы и средства, — продолжил Мольтке, — против Франции. Как полагал генерал Шлиффен, мы можем даже оголить наш фронт в Восточной Пруссии. За шесть недель мы твердо рассчитываем разгромить основные вооруженные силы Франции и взять Париж!

В то же время в течение шести недель от первого дня мобилизации Астро-Венгрия должна будет самостоятельно вести операции против России, — с прусским упрямством заявил он.

Конраду фон Гетцендорфу в принципе был ясен стратегический план германских коллег, выстроивших его целиком на первой заповеди Клаузевица — быстрое

достижение цели наступательной войной. Но он не мог взять в толк, что план Шлиффена основывается целиком и полностью на нарушении нейтралитета Бельгии и на пассивности этой страны, когда в нее вступят немецкие войска.

— Один из наших дипломатов, служащих в Бельгии, — размеренно говорил Мольтке, — отмечает в своем донесении, что сопротивление бельгийцев явится настолько формальным актом, что может принять форму «выстраивания вдоль дорог, по которым пойдут на Францию доблестные германские войска»!

— Но ведь великий канцлер Бисмарк говорил, — не без ехидства перебил его Конрад, — что допускать прибавления сил еще одной страны к силам противников Германии противоречит простому здравому смыслу?!.

— Разумеется, — живо возразил Мольтке. — Мы не стали глупее с тех пор, но все говорит за то, что Бельгия будет удовлетворяться протестами. В крайнем случае наши 36 дивизий, которые мы направим против нее, легко разделаются с шестью слабенькими дивизиями бельгийцев... Если же бельгийский король Альберт станет в этой битве на сторону Германии, то наш кайзер, возможно, и выполнит обещание, данное его предшественнику — королю Леопольду о воссоздании для него древнего герцогства Бургундского из Артуа, французской Фландрии и французских Арденн.

— Уж не от такой ли радости король Леопольд отбывал из Берлина в каске, надетой задом наперед? — вновь съязвил Конрад, напомнив Мольтке широко известный в те годы в Европе случай, когда бельгийский король был настолько расстроен разговорами с Вильгельмом, что явился на вокзал в неправильно надетом головном уборе.

Каменное спокойствие гостя не было поколеблено этим мелким выпадом. Только левая щека у него неожиданно задергалась, и хозяин понял, что переборщил. Конрад сделал знак лакею, чтобы тот наполнил бокалы. Когда слуга отошел, он поднял свой. Глядя в глаза Мольтке, генерал проникновенно произнес: «За грядущие победы германской и австрийской армий! Хох!»

Начальник германского генштаба чуть приподнял бокал и пригубил его. Затем методично принялся развивать мысль о разгроме Бельгии.

— В дополнение к одиннадцати корпусам, которые вторгнутся во Францию через Люксембург и Арденны, —

продолжал он, — германское правое крыло составят 15 корпусов, или 700 тысяч человек. Каждый день в наших планах уже расписан. Могу вам сообщить строго доверительно, что дороги через Льеж на Францию будут открыты на 12-й день после мобилизации, Брюссель падет на 19-й день, граница с Францией будет пересечена на 22-й день. На 31-й день германские войска выйдут на линию Тьонвилль — Сен-Квентин, а в Париж войдут, достигнув решительной победы — на 39-й день войны...

— Браво, генерал! — уже без иронии, почти убежденный пруссаком, воскликнул Конрад. — Но на какой день после начала мобилизации германские войска начнут передислокацию против России, чтобы сокрушить этого колосса?

— На сороковой день мы начнем переброску частей из Франции на Восточный фронт, если к тому времени вы еще будете воевать... Не исключено, что после разгрома Франции Россия выйдет из войны и начнет переговоры о мире... Вот тогда-то вы сможете осуществить свой план «Сосредоточение Б», всей мощью обрушившись на славянские государства на Балканах и без труда включив их в свою империю!

Эта перспектива настолько захватила Конрада, что он сдался. Посидел еще несколько минут молча, затем откинулся на спинку кресла и подтвердил:

— Я согласен, господин генерал, с вашими предложениями о координации действий императорской и королевской армии империи с планами стратегического развертывания германской армии...

Мольтке вздохнул с облегчением. Ему уже надоело упрямство австрияка. Теперь он решил зафиксировать договоренность и предложил:

— Господин генерал, не угодно ли вам будет подписать протокол о нашей встрече, который со временем войдет в скрижали германской истории?

— Охотно, граф! — согласился Конрад. — Давайте поручим составление этого документа начальникам оперативных отделов наших генеральных штабов. Я выделяю для этого полковника Гавличека... — И Конрад фон Гетцендорф кивнул военному с густыми рыжими усами. Тот подошел и поклонился.

— Мой представитель — генерал Куль... — указал Мольтке.

Затянутый в корсет, с моноклем в глазу, генерал также подошел.

— Очень приятно, экселенц! — пожал руку подошедшему коллеге фон Гетцендорф и добавил: — Господа, мы поставим вам задачи после завтрака, на который я имею честь пригласить германскую делегацию.

Богемия, замок Конопишт, июнь 1914 года

Захудалая станция маленького чешского городка Бенешов, что лежит в пятидесяти километрах на юг от Праги, давно не знавала таких спешных приготовлений к высокому визиту, как накануне 12 июня. Эта станция играла особую роль на железных дорогах империи. На запасном пути здесь всегда стоял под парами личный поезд наследника престола эрцгерцога Франца-Фердинанда, любимая резиденция которого — замок Конопишт, расположен всего в паре километров от городка. По пыхтящему и сверкающему медными частями паровозу с составом из четырех вагонов и платформы для авто соображающие обыватели научились угадывать, куда ринется в очередной раз Франц-Фердинанд — в столицу империи Вену, на побережье Адриатики или на охоту в Северо-Богемские горы.

Теперь же толстый и флегматичный господин инженер Фогель, начальник станции, одетый, несмотря на жару, в полную парадную форму, собственной персоной проверял порядок и чистоту на дебаркадере, давал строжайшие инструкции должностным лицам кондукторского звания. Казалось, он совсем забыл о большой фаянсовой кружке пива, которой неизменно начинал, продолжал и заканчивал свое присутствие на службе.

Утром 12 числа всю станцию изукрасили черно-желто-красными флагами Германской империи, и стало ясно, что ждут кого-то из Берлина...

В 9.30 с севера показались новенький, с иголочки, локомотив Борзига и сверкающие лаком вагоны экстренного поезда. Когда состав остановился, оркестр VIII корпуса заиграл марш германского императора.

Долговязый, затянутый в корсет, в шляпе с плюмажем, эрцгерцог Франц-Фердинанд направился к вагону императора германцев. Его сопровождала супруга, графиня Хотек.

Церемония встречи была краткой — кайзер и эрцгерцог пожали друг другу руки; графиня Хотек, статная дама с крупными чертами лица и с великолепными собственными волосами, одарила Вильгельма чарующим

взглядом и букетом роз. После этого хозяева и гости, среди которых внимание своим морским мундиром привлекал адмирал Тирпиц, расселись по авто, и колонна машин тронулась в короткий путь до замка.

Когда авто вырвались из тенистой аллеи на просторный луг, перед глазами гостей предстал во всем своем великолепии роскошный жилой замок с башенками по углам, с балюстрадой по склону холма перед ним, украшенной статуями и цветниками. Кайзер любезно издал возглас восторга. Польщенный Франц-Фердинанд д'Эсте тут же принялся объяснять своему другу и родственнику Вильгельму, как и у кого он приобрел ренессансный дворец XVII века, превращенный из сурового крепостного града славян в изящный замок.

Скуповатый наследник австрийского престола собрался было подробно рассказать германскому императору, во сколько ему обошлась перестройка замка архитектором Моккером, но автомобили промчали остаток дороги так быстро, что Франц-Фердинанд не успел сообразить, как заинтересовать подробностями Вильгельма. Машины остановились у балюстрады, где гостей и хозяев низкими поклонами приветствовал дворецкий. Невидимый оркестр вновь сыграл личный марш германского императора, и общество ступило под прохладную сень замка.

Адмирала Тирпица и других сопровождавших Вильгельма офицеров мажордом повел по отведенным для них покоям, а Вильгельм и Франц-Фердинанд, словно закадычные друзья, бог весть сколько лет находившиеся в разлуке, отправились вдвоем в розарий поговорить наедине.

— Ваше высочество, — обратился Вильгельм к д'Эсте, — сделаны ли все распоряжения для ведущих газет вашей монархии, как мы уславливались с вами в письмах?

— Не беспокойтесь, ваше величество! — с любезной улыбкой ответил Франц-Фердинанд. — Австрийская пресса получила инструкции подчеркнуть аполитичность нашей встречи. Завтра и послезавтра все газеты выйдут с передовицами, по смыслу которых будет видно, что германский император и наследник австрийского престола встретились в Конопиште для созерцания цветущих там роз, коими давно интересовался император...

— Это прекрасно — столь мудро дирижировать

прессой! — одобрил предусмотрительность хозяина германский император и тут же тщеславно похвалился: — Я вообще считаю прессу важным инструментом политики и частенько задаю ей тон.

Несколько сутуловатый, словно в полупоклоне, Франц-Фердинанд при этих словах улыбнулся в усы. Ему недавно докладывали, что привлекшая внимание грубая статья «Русский сосед» в германской газете «Берлинер тагеблатт», яростно подстрекавшая Австрию против России и снабженная примечанием редакции, что она получена из «особого источника», написана собственноручно германским императором. Д'Эсте вспомнил несколько строк, чрезвычайно задевших его в этой статье: «В особенности по отношению к Австрии Россия приняла такой образ действий, который с трудом может быть переносим этим государством, если оно не желает считать себя вассалом своего северного соседа...» Статья заканчивалась выводом вполне в духе всегдашних заявлений Вильгельма: «Неправильно также утверждать, что победа над Россией не может принести плодов. Народонаселение России далеко не однородно, а отдельные народности лишь поневоле признают себя русскими подданными. Да и в самой Великороссии накопилось немало недовольства, легко могущего превратить поражение на поле битвы в общую катастрофу. Изречение о колоссе на глиняных ногах и сейчас еще вполне применимо к России. Поэтому нам не следует долее позволять себя блефировать, и впредь мы не должны больше отступать перед русскими притязаниями, руководствуясь стремлением сохранить мир с Россией во что бы то ни стало». Многих дипломатов и военных статья настолько потрясла, что в Европе возникли слухи о близости войны между Россией и Германией.

Франц-Фердинанд понимал, что Вильгельм приехал к нему отнюдь не любоваться розами. Он выжидал, когда цель визита откроет сам император. Гогенцоллерн не заставил себя ждать.

— Фон Тирпиц докладывал мне месяц назад, что англичане начали с русскими военно-морские переговоры... — почти выкрикнул гость. — А фон Мольтке заявил по этому поводу: «Начиная с этого времени любая отсрочка будет уменьшать наши шансы на успех». Мольтке прав — Россия сейчас не готова и пойдет на любые уступки...

— О да! — подтвердил эрцгерцог. — Мой генераль-

ный штаб считает также, что русские будут готовы не ранее чем через два года...

— Вот и хорошо! Я прибыл к вам, чтобы договориться о скорейшем начале нашего соединенного давления на Сербию... — продолжал свою дипломатию подстрекательства Вильгельм. Он знал, что Франц-Фердинанд неохотно склонялся к войне с российским императором, поскольку надеялся без прямого военного столкновения с Российской империей достичь всех целей по захвату югославянских земель и созданию триалистической Дунайской монархии. Поэтому кайзер решил убедить наследника австро-венгерского престола в необходимости большой войны, толкая его на Сербию, которую Россия, безусловно, примется с жаром защищать. Уж в этом-то Вильгельм был вполне уверен, поскольку через свою агентуру хорошо знал настроения в Петербурге.

— Нам необходимо немедленно использовать любой подходящий предлог для предъявления такого ультиматума Сербии, который она не смогла бы принять... Тогда, ваше высочество, вы сможете раздавить ее как орех, а мы станем охранять вас всей мощью империи Германской. Россия не осмелится в нынешних условиях оказать эффективную военную поддержку. Она отступится, как это было уже во время недавних Балканских войн... — продолжал гнуть свою линию Вильгельм.

— Я целиком согласен с вашим величеством относительно Сербии, — эрцгерцог поправил свои импозантные усы, — но полагал бы преждевременным разрушать возможные предпосылки духовного объединения трех истинных монархий Европы в неспокойный век, когда социалисты бурно ведут свою пагубную работу против принципа легитимизма...

— Да, но с Россией, униженной поражением Сербии, будет значительно легче разговаривать, мой друг! — сменил резкий тон на заискивающий кайзер и, любезно щурясь, продолжал аргументировать свою точку зрения. — У кузена Ники сейчас не хватит сил, чтобы вмешаться на стороне Сербии... Австрия может рассчитывать на надежную поддержку, если принятые вами против славян карательные меры приведут к конфликту с Россией!

Эрцгерцог молчал, размышлял над сказанным. Вильгельм решил продолжать атаку.

— К тому же, мон шер, французы, которым вообще

делать нечего на Балканах, лезут к вашим соседям, вооружают балканские армии своими пушками и винтовками... Они интригуют против германского духа и германских князей, царствующих над дикими славянскими ордами и другими полукочевниками Балкан... Если дело так пойдет, то через два года вы столкнетесь здесь с новой маленькой профранцузской Антантой...

Эрцгерцог упорно молчал. Он очень не хотел ради Вильгельма отказываться от своей старой идеи союза трех императоров в будущем почти революционном мире. Ведь Сербия, как спелый плод, может сама сорваться в руки Габсбургов без войны с Россией, и тогда резонно будет создать в Дунайской империи славянский противовес, препятствующий центробежным мадьярским устремлениям...

«Нет, положительно война с Россией способна радовать только всяческих республиканцев и социалистов, — размышлял д'Эсте. — Она преждевременна...»

— Ваше высочество, почему бы именно теперь Австрии не раздавить Сербию? — вкрадчивым голосом нарушил раздумья собеседника Вильгельм. — Ведь сейчас самый подходящий момент... Гораздо более удачный, чем в 1908 году, когда вы лихо разделались с Боснией и Герцеговиной... А Россия не выступила и тогда! Теперь же могу заверить вас, что если в конфликт между Австрией и Сербией вмешается русский царь, то Германия употребит всю свою мощь и влияние, в том числе и мое личное влияние на кузена и его семью, — многозначительно подчеркнул Вильгельм, — чтобы защитить германского союзника на берегах Дуная! Важно только действовать быстро... быстро... быстрее! Пока русские опомнятся, Белград и все остальное должно быть уже в когтях австрийского орла!

Высокие персоны прогуливались по парку, уставленному прекрасными статуями. Умиротворение было разлито во всей природе, но Вильгельм заражал своей нервозностью флегматичного эрцгерцога. И опять Франц-Фердинанд стал склоняться к точке зрения Вильгельма. То, что юго-западных славян следовало присоединить к империи Габсбургов, не подлежало сомнению, вопрос был лишь в выборе момента. «Кажется, Гогенцоллерн прав... Сейчас, пока Россия не достигла зенита своей мощи, удобнее всего расправиться с ее мелкими союзниками на берегах Адриатики», — стал подумывать д'Эсте.

— А что, если поискать повод для наказания Сербии во время ваших маневров в Боснии? Как я знаю, они должны начаться через пару недель? — не отставал кайзер.

— Совершенно верно, ваше величество! — подтвердил эрцгерцог. — Мы нарочно проводим их в районе Сараева, в центре захваченной нами Боснии, да еще приурочиваем ко дню сербского национального траура «Видован».

— А что это такое? — оживился кайзер, услышав о дне славянского траура.

— В этот день в конце четырнадцатого века произошла битва сербов, болгар, венгров и босняков с турками. Турки победили славян, и Балканские страны попали на пятьсот лет в турецкое рабство...

— Какой знаменательный день! — восхитился кайзер. — И в этот день вы решили напомнить славянам о мощи их нынешнего властелина!..

Часы на башне замка пробили час. Радушный хозяин вспомнил, что гостей надо накормить завтраком. Он любезно предложил кайзеру переодеться, и за столом милая дружеская беседа будет продолжена. Вильгельм, который всегда испытывал голод, когда был в хорошем настроении, немедленно согласился.

Завтрак для небольшого общества был накрыт в малой столовой на втором этаже, поблизости от личных покоев эрцгерцога и графини Хотек. За большим круглым столом было более чем достаточно места для хозяина и хозяйки, германского императора, его любимца — адмирала Тирпица и нескольких офицеров. Эрцгерцог решил, что на адмирала Тирпица Вильгельм перенес всю нежность после потери доброго старого друга графа Филиппа Эйленбурга. Достойнейший руководитель германской разведки и советник императора, единственный его лучший друг — Фили — был осужден высшим судом Пруссии по обвинению в гомосексуализме. Сливки общества Берлина отвернулись от графа. Кайзер не мог себе позволить презреть общественное мнение и вынужден был дать отставку наперснику.

Стены уютной столовой были увешаны красивыми коллекционными тарелками, среди которых сверкали подлинные шедевры Майсена, Севра, Старой Вены и других прославленных фабрик. Завтрак очень украсила лань, собственноручно убитая эрцгерцогом вчера поутру. Когда тушу, зажаренную на вертеле целиком, по-

дали к столу, кайзер, сам страстный охотник, буквально загорелся желанием пострелять. От охотничьих тем господа перешли к разговорам об оружии. Франц-Фердинанд, не закончив кофе и не выкурив сигары, повел гостей смотреть свои коллекции.

Они были действительно прекрасны. Д'Эсте, большой любитель и знаток старинного оружия, собрал по всему миру редчайшие и прекраснейшие экземпляры. В огромной оружейной зале, где экспонаты хранились в хрустальных шкафах, Вильгельм и Тирпиц увидели рыцарские турнирные доспехи XV и XVI веков, коллекции редких старинных ружей и пистолетов, мечей, шпаг, сабель, кинжалов и другого холодного и огнестрельного оружия.

В других залах гордый хозяин демонстрировал внимательным гостям собрания позднеготической скульптуры, картин, фарфора и даже два всемирно известных гобелена.

Вильгельм был не лишен страсти к искусству. В Берлине он ходил почти на все вернисажи, а в столицах, где ему приходилось бывать, с удовольствием посещал музеи живописи, заходил к торговцам картинами в надежде приобрести задешево какие-либо произведения великих художников прошлого для своих дворцов. В замке родственника германский император внимательно оглядел все выдающиеся экспонаты и попросил еще раз провести его в зал оружия. Смотритель коллекции, который почтительно сопровождал эрцгерцога и императора, дрожащей рукой открывал шкафы, где покоились предметы, вызвавшие особое восхищение Гогенцоллерна.

Примеряя по руке старинный рыцарский меч, кайзер задумчиво произнес:

— О, как изменилось вооружение за века! Теперь германская армия оснащена не только холодным и огнестрельным оружием, но даже аэропланами!

Тирпиц подхватил мысль императора и неожиданно задал вопрос:

— Ваше высочество, а какое количество аэропланов в вашей армии?

Франц-Фердинанд мучительно вспоминал, застигнутый врасплох, пока находчивый адъютант не подсказал ему: «Шестьдесят пять!»

Эрцгерцог повторил цифру, обращаясь к кайзеру, и замолчал, недоумевая, почему возник этот вопрос в за-

ле с рыцарским оружием. Кайзер тем временем принялся демонстрировать тонкое знание современного вооружения.

— Германская армия располагает двухсоттридцатью летательными аппаратами. Ее превосходит только русская армия, где аэропланов более двухсот шестидесяти. Однако германские аппараты значительно качественнее...

— Ваше величество, — невежливо прервал его Тирпиц, — мы серьезно озабочены появлением у русских в прошлом году нового аэроплана, построенного по совершенно необычной схеме — у него четыре мотора вместо одного. Они расположены на крыльях. Самолет этот развивает скорость до ста километров в час и способен нести шесть человек плюс некоторое количество авиабомб в течение четырех часов...

— Фон Тирпиц рассказывает о русских аэропланах типа «Илья Муромец», — уточнил император. — Во многих странах, в том числе и у нашего союзника Италии, — гордо оглядел он присутствующих, — начались испытания аэропланов, способных садиться на воду и взлетать с нее. Такие машины уже получили название гидропланов. Но, мой бог, русский инженер Григорович пока строит самые лучшие аппараты такого типа... А адмирал фон Тирпиц никак не может перекупить этого конструктора... Впрочем, мы слишком много хорошего говорим об этих славянских дикарях, — спохватился Вильгельм, — пора перейти к делам, ради которых мы сюда приехали...

— Ваше величество, прошу проследовать в кабинет, — склонился Франц-Фердинанд, и компания отправилась в бельэтаж, куда показывал дорогу хозяин.

Вильгельм проходил по коридорам, стены которых сплошь — от пола до потолка — были завешаны рогами оленей, лосей, коз и горных баранов — охотничьих трофеев Франца-Фердинанда, стрелявшего дичь в угодьях всех континентов Земли. Вильгельм, сам снедаемый такой же страстью и бывший большим знатоком по части оленьих рогов, иной раз останавливался у какого-нибудь роскошного экземпляра и с удовольствием выслушивал рассказ об обстоятельствах, принесших его в коллекцию Франца-Фердинанда. Вильгельму явно нравилось в Конопиште, и он не скрывал этого перед хозяином, который чувствовал себя польщенным вниманием монарха великой Германской империи.

Наконец высокие персоны добрались до кабинета, где уже были приготовлены карты Балкан, средиземноморского театра военно-морских операций и Адриатики.

Программа встречи включала обсуждение способов координации действий в Средиземном море австро-венгерского флота и германских крейсеров «Гебен» и «Бреслау», тайком проскользнувших в него мимо Гибралтара. Фон Тирпиц без предисловий предложил модернизацию на германских верфях устаревших броненосцев Австро-Венгрии.

Когда тревожно-красное солнце стало клониться к горизонту, обещая на завтра ясную погоду, совещание близилось к концу.

Неожиданно Вильгельм вернулся к утреннему разговору:

— Главное для нас — создать казус белли * и непременно использовать его... — изрек Вильгельм то, что больше всего волновало его в эти дни. Он поднялся с кресла, чтобы немного размяться, но хозяин понял его движение как окончание конференции и пригласил гостей на парадный обед, имевший быть накрытым под тентом на террасе. Господа разошлись освежиться и переодеться к обеду.

— Казус белли!.. Казус белли!.. — повторял про себя эрцгерцог, пока камердинер переодевал его в парадный мундир любимого кирасирского полка.

Киль, июнь 1914 года

Свежий норд в четыре балла по шкале Бофорта развел порядочную волну в Кильской бухте. Через весь бездонный голубой свод неба тянулись серебряные струи перистых облаков. На рейде, у входа в канал, лагом к волне стояла императорская яхта «Гогенцоллерн». Волны накатывались на левый борт и, хлюпая, обегали стройный белоснежный корпус. Выступающий вперед плуг форштевня, чуть склоненные назад две трубы и мачты яхты придавали ее силуэту стремительность. Даже стоя на якоре, она казалась летящей по волнам.

Перед императорской яхтой, распустив белоснежные паруса, бесшумно скользили легкие суденышки. Это были международные гонки парусных яхт, посвя-

* Казус белли *(латин.)* — повод к войне.

щенные традиционному празднику германских мореходов — Кильской неделе.

По пятам парусников следовали баркасы, на которых теснились господа члены судейской коллегии, журналисты и самые уважаемые из болельщиков. На траверзе маяка во Фридрихсорте яхты делали поворот и устремлялись к финишу, обозначенному оранжевым буем, мотавшимся на волне между кормой «Гогенцоллерна» и деревянной временной трибуной, сооруженной на причале у входа в канал.

С парадной палубы кайзер Вильгельм II наблюдал за гонкой. Черный адмиральский мундир облегал дородное тело императора, правая, здоровая, рука в белоснежной лайковой перчатке твердо сжимала морской цейсовский бинокль, левая, сухая, как обычно, была заложена за спину.

Рядом с императором стоял его флаг-офицер, тоже с биноклем, и сообщал Вильгельму национальную принадлежность яхты, вырвавшейся в данный момент вперед.

Вильгельм изредка бросал недовольные взгляды на север, где мористее чернели два английских дредноута, прибывшие почетными гостями в Киль. На борту одного из них должен был явиться первый лорд адмиралтейства сэр Уинстон Черчилль.

— Ферфлюхте хуре! — бранился кайзер. — Сначала проклятый лорд в частной беседе выражает желание быть приглашенным на Кильскую неделю, потом он фактически увиливает от этого!.. Но почему не прибыл из Франции Бриан? Ведь он-то получил вполне официальное приглашение от князя Монакского?.. Где, кстати, его яхта? — поискал глазами Вильгельм.

Склянки отбили три часа пополудни. Император отвлекся от мрачных мыслей и снова стал внимательно разглядывать участников гонок. Но ему помешал сосредоточиться паровой катер, который нагло пересек курс быстро приближавшихся яхт и подвалил к выстрелу * императорского корабля. На палубе катера подавал сигналы рукой, стараясь привлечь к себе внимание, какой-то генштабист. Фалрепный ** матрос вопросительно по-

---

* Выстрел — длинная и толстая балка, идущая горизонтально над водой от борта корабля. Служит для перехода с корабля на шлюпку.

** Фалрепный — матрос из состава вахтенных, назначающийся для встречи прибывающих на корабль лиц командного состава.

смотрел на флаг-офицера *; флаг-офицер оглянулся на кайзера и увидел, как тот недовольно шевельнул левой рукой. Этот знак говорил флаг-офицеру: кайзер желает, чтобы его оставили в покое. И горе было смельчаку, презревшему это повеление, если важность сообщения не имела оправдания.

Офицер продолжал махать какой-то бумажкой, затем вложил ее в свой портсигар и метнул на палубу прямо к ногам кайзера. Тот инстинктивно дернулся, словно это была бомба. Флаг-офицер коршуном бросился на портсигар и открыл его.

«Какая неслыханная дерзость!» — возмутился император и собрался уже сделать соответствующее распоряжение насчет генштабиста, как моряк подал ему листок, оказавшийся бланком телеграммы. В ней стояло:

«Три часа тому назад в Сараеве убиты эрцгерцог и его жена».

У кайзера кровь сначала отлила от лица, затем снова бросилась в голову. «Вот он, желанный казус белли!» — как удар бича, пронеслась мысль. Вслух он произнес довольно двусмысленное:

— Теперь придется начинать сначала!

Генштабисту фалрепный помог подняться на борт «Гогенцоллерна», но офицер не знал ничего, кроме содержания телеграммы, — подробности ожидались через пару часов.

Кайзер отдал приказ. Якорные шпили потянули якоря, а на флагштоке поползло вниз белое полотнище военно-морского флага Германии, перечеркнутое темно-синим крестом. В середине его хищно напружил крылья орел, а в углу у древка повторялся имперский флаг — черно-желто-красный с Железным крестом в центре.

Сигнальщик на мостике быстро засемафорил флажками, передавая приказы Вильгельма на эскадру, замершую на якорях. Повинуясь команде, полученной с «Гогенцоллерна», пополз вниз имперский флаг и остановился на середине флагштока перед трибунами на пирсе, трижды ударила сигнальная пушка, возвещая неожиданный конец гонок. По рейду мрачным холодом поползла тревога и предчувствие большой беды.

Кайзер ни одним словом не выразил грусти по убитому родственнику, хотя и понимал, что все его слова в этот день войдут в историю мира и Германии. Он толь-

* Офицер в морском штабе, ведающий сигнальным делом и исполняющий обязанности адъютанта.

ко топорщил свои усы, его распирало чувство огромной радости. Вот наконец явился повод наказать всех этих балканских славян и, может быть, даже начать столь долгожданную и желанную войну!

Матросы не успели еще смыть с якорных лап грязь, поднятую со дна, как «Гогенцоллерн», выдыхнув из своих двух белоснежных труб мрачные черные клубы дыма, повалил к выходу из бухты. Император решил обогнуть остров Фемарн и прибыть в Варнемюнде, где всегда ожидал императорский поезд на прямой железнодорожной линии до Берлина.

«Адмирал Атлантического океана», как любил себя называть в кругу единомышленников Вильгельм II, уселся в плетеное кресло, стоящее в укрытом от ветра уголке палубы, и, знаком отослав флаг-офицера, предался размышлениям.

«Если эти шенбруннские * недотепы не осмелятся использовать столь благоприятный повод для начала большой войны, — думал император, — я сам заставлю их сделать это! Какой прекрасный момент! Славяне ухлопывают Франца-Фердинанда, замыслившего объединить под австрийской короной еще и югославян. Как будто мало ему забот в дуалистическом союзе Австрии и Венгрии. Захотел еще триалистическую монархию в пику германским интересам на Балканах! Неужели он не сообразил, что западнославянские земли должны быть не более чем сухопутной надежной дорогой на Ближний Восток, в Турцию! Вот где мы заставим потесниться французских ростовщиков и английских торгашей!» — размышлял кайзер под равномерный гул машины.

Приспущенный флаг плескался на ветру, чайки с резким криком вились над кормой и пенным следом «Гогенцоллерна», иногда бросаясь в него и выхватывая рыбешку, оглушенную винтами. Мысли императора приобретали более конкретное направление.

«Надо поручить дипломатам и разведчикам узнать, вступит ли в драку Англия! Это больной вопрос! Распутные французы с их богопротивной республиканской системой, при которой у них никогда не будет обученной армии и хорошего флота, долго не продержатся... Русский медведь, если он полезет на защиту своих склочных братьев, будет очень долго запрягать, и мы сможем по-

* Шенбрунн — дворец в Вене, являвшийся резиденцией императора Австро-Венгрии.

вернуть против него наши железные корпуса, освободившиеся после разгрома Франции... Но если Англия задумает принять участие в схватке, то большую войну придется отложить на другой раз, чуть позже, поссорив Альбион с его союзниками... Итак, будем толкать Австрию к войне!»

Вильгельм поднялся с кресла, подошел к борту и облокотился о поручень. Впереди справа открывались низкие зеленые берега острова Фемарн. Форштевень яхты вспарывал серые волны Балтики, и вода на срезе становилась зелено-голубой, как бразильский изумруд. Позади остались силуэты английских броненосцев, сигнальщики которых, видимо, перехватили кое-какие команды с «Гогенцоллерна». Когда императорская яхта следовала мимо дредноутов, боевые корабли проявили признаки оживленных сборов в поход.

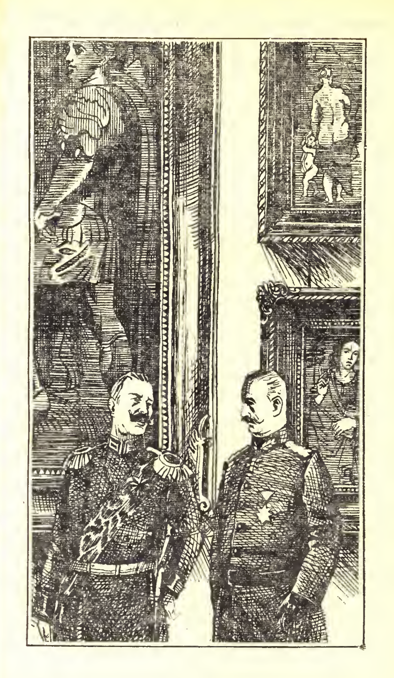
«А если все-таки придется вести войну и с Англией?» — пришла беспокойная мысль кайзеру. Он ответил себе на этот вопрос словами, которыми поразил когда-то, в день своей серебряной свадьбы, своего любимого адъютанта графа фон Хилиуса: «Если кто-то осмелится напасть на Германию, я бы зажег мировую войну, которая потрясет весь свет; я подниму весь ислам против Англии, и султан мне обещал свою поддержку. Англия может уничтожить наш флот, но у нее кровь будет сочиться из тысяч ран».

Вильгельм решительно вернулся в свое кресло, чтобы продумать ближайшие шаги. Для блага великой Германии следовало извлечь максимальную пользу из столь счастливого обстоятельства как террористический акт в Сараеве.

Потсдам, начало июля 1914 года

Европа, не слишком потрясенная убийством эрцгерцога — «на этих темпераментных Балканах всегда кого-нибудь убивают!», — нежилась под лучами летнего солнца на морских курортах и на загородных виллах, развлекалась в парках и ночных кабаках, выезжала на пикники и упивалась синематографом. Напряглись лишь нервы генеральных штабов великих держав европейского концерна. Забегали чиновники на Вильгельмштрассе, Кэ д'Орсе, Даунинг-стрит, Певческом мосту.

Потсдам, куда прибыл прямо с вокзала кайзер, гудел в радостном возбуждении, словно улей в пору цве-

тения трав. С утра до вечера к Новому дворцу слетались жужжащие моторы. Затянутые в талии военные с моноклями, сверкающими из-под козырьков фуражек, гордо ступали между дворцами и виллами городка, роились вокруг резиденции кайзера.

Сам Вильгельм жил в эти дни как обычно. В 8 часов — гимнастика, в 9 с половиной — прогулка в Тиргартене, в 11 с половиной — доклады министров, затем завтрак. В два пополудни — поездка на автомобиле в Грюневальд с принцем Генрихом и прогулка там до трех. После трех император час отдыхал. В 7 часов — посещение драматического театра и оперы.

Однако, где бы Вильгельм ни находился — во дворце или на прогулке, за накрытым столом или в театральной ложе, — нигде его не отпускала мысль о том, что нельзя упустить случай, который ниспослало провидение. Не зная сил, направивших оружие в руке Гаврилы Принципа, кайзер полагал все же, что судьба была исключительно благожелательна к германской нации. Она закрыла глаза австрийцам на предупреждения сербского премьера о готовящейся террористической акции. Правда, перстом судьбы руководили не только склоки в Вене, где многие влиятельные силы желали неприятностей эрцгерцогу, но и агентура германской разведки.

Императора мало интересовало, кто же в действительности стоит за покушением на наследника австро-венгерского престола, главное — необходимый повод для войны наконец найден!

Как начать войну — решать должен Коронный совет, назначенный императором на 5 июля.

Ровно в полдень в Мраморную галерею Нового дворца, где собрались принц Генрих Прусский, кронпринц Вильгельм, канцлер фон Бетман-Гольвег, статс-секретарь по иностранным делам фон Ягов, начальник Большого Генерального штаба фон Мольтке, статс-секретарь по военно-морским делам адмирал фон Тирпиц, другие высочества и высокопревосходительства, звеня шпорами, в полевой кавалерийской форме с боевым палашом вошел его императорское величество, кайзер Вильгельм Второй Гогенцоллерн. Господа офицеры, как и положено, встали. Император занял место во главе стола, в кресле, украшенном резным золоченым гербом империи.

Огромные окна зала были распахнуты в парк, откуда струился аромат зелени и цветов, доносился щебет птиц. В прохладе Мраморной галереи царило молчание

и мрачная торжественность. Все члены Коронного совета хорошо знали, зачем они собрались сегодня здесь.

— Статс-секретарь фон Ягов! — обратился кайзер к министру иностранных дел. — Прошу высказать ваше мнение о теме сегодняшнего Коронного совета!

— Ваше величество! Ваши высочества! Ваши высокопревосходительства! — обратился фон Ягов к присутствующим. — Сейчас в Европе нет противной нам силы, готовой к войне. Россия будет боеспособна, по всем компетентным предположениям, минимум через два года. Тогда будут построены ее стратегические железные дороги в западных губерниях, могущие быстро перебрасывать войска; будет выполнена большая морская программа, которая сделает Балтийский и Черноморский флоты достаточно сильными, чтобы они могли тягаться с германским: количеством своих солдат она сможет задавить наши восточные границы и создать эффект «дампфвальце» *.

Внимание слушателей было наградой фон Ягову, и он, то и дело взглядывая на императора, угадывая его настроение, продолжал:

— Франция и Англия тоже не захотят сейчас войны. Наша же группа, я имею в виду Австро-Венгрию, все более слабеет... — Статс-секретарь с сожалением склонил голову в печали, а затем снова высоко поднял ее. — Наши посланники доносят отовсюду, что ни в Петербурге, ни в Париже, ни в Лондоне сейчас не ждут войны. Стало быть, самый удобный момент для ее начала наступил!

— Ваше мнение принимается к сведению. Есть возражения? — обвел присутствующих взглядом император. Он сидел спокойно, опираясь левой рукой на эфес палаша.

Канцлер фон Бетман дернулся было, намереваясь что-то сказать. Его правильное лицо с седеющей бородкой клинышком и черными пушистыми усами было печальным. Кайзер знал, что Бетман — один из немногих сановников империи, который не одобряет втягивания в войну, поскольку она может привести к крупному столкновению с Англией. Поэтому он только скользнул по его выражавшей тревогу фигуре и уперся взглядом в начальника генштаба фон Мольтке.

---

* Паровой каток (*нем.*).

«Печальный Юлиус» был краток.

— Германская армия полностью готова выполнить свой долг. Мобилизационный план был утвержден вашим величеством 31 марта сего года!

— Что скажет германский военно-морской флот? — повернулся кайзер к другому своему близкому сотруднику — фон Тирпицу.

— Эскадры Северного и Балтийского морей выполнят любые задачи, поставленные вашим величеством. Подводные лодки, в том числе и большие морские, к выходу в море готовы. Противник будет отрезан от своих заморских территорий. Он не сможет получать сырье и продовольствие. Даже если британский «Флот метрополии» обратится против нас — мы заставим англичан убраться в Скапа-Флоу зализывать раны! — твердо, словно команды с мостика линкора, высказал свое мнение фон Тирпиц.

Император не пожелал больше никого слушать.

— Итак, решено! — Вильгельм встал и хлопнул ладонью по столу. — Начинаем дипломатическую и всю остальную подготовку к войне!.. Фон Бетман! Что вы хотите сказать? — обратился кайзер к своему канцлеру.

— Ваше величество! — несколько испуганно, но упрямо начал фон Бетман. — Ответственность за начало войны ни в коем случае не должна пасть на Германию! Весь мир ждет только успокоительных известий из Берлина и Вены. Полагаю, мы должны принять все меры дипломатической маскировки, чтобы наши противники, а не мы выглядели виновниками войны...

— Что вы предлагаете? — буркнул кайзер, сразу ухватив идею фон Бетмана.

— Прежде всего, ваше величество, вы не должны отказываться от уже объявленной поездки на отдых в норвежские фиорды. Затем начальник генерального штаба должен поехать, как обычно, на воды в Карлсбад, а фон Тирпиц — взять запланированный отпуск и где-нибудь укрыться от вездесущей прессы...

— Принимается! — утвердил кайзер. — Приступим к обсуждению практических мероприятий. Пригласите графа Сегени и графа Гойоса!

Адъютант императора, ожидавший приказаний возле дверей, отворил их и впустил в Мраморную галерею австрийского посла Сегени и секретаря министра иностранных дел Берхтольда — графа Гойоса, прибывшего накануне в Берлин с письмом императора Франца-Иоси-

фа и меморандумом венского правительства о балканской политике Австро-Венгрии.

Оба графа вошли и заняли оставленные для них места. Они тоже понимали, о чем шла речь за закрытыми золочеными дверями этого зала. Император поднялся со своего кресла, подошел к посланцам союзной державы и, приняв свою любимую воинственную позу, отрывисто обратился к дипломатам, внимавшим ему с неподдельным трепетом.

— Не мешкать с выступлением против этой недостойной Сербии! — изрек Вильгельм. — Позиция России будет, во всяком случае, враждебной. Но я уже давно готов к тому и прошу передать его императорскому величеству Францу-Иосифу, что если даже дело дойдет до войны между Австро-Венгрией и Россией, то Германия с обычной своей союзнической верностью будет стоять на стороне австрийских братьев!

Париж, июнь 1914 года

Париж танцевал и веселился перед тем, как все, у кого есть деньги, разъедутся на курорты или в поместья. Золотые луидоры текли рекой у модного «Максима», во всех других ресторанах и кабачках. Невиданные тысячефранковые вечерние туалеты соперничали с весенними платьями. Модистки создавали шляпы, поражавшие уличную толпу. Автомобильные фабрики и магазины не успевали выполнять заказы на лакированные лимузины и ландолеты. Моторы давали возможность пресыщенному свету встречаться на приемах не только в наскучивших особняках и залах столицы, но и в загородных уютных дворцах и шато, окруженных парками, на берегах озер и прудов, даривших прохладу разгоряченным винами и любовью гостям.

Но все затмил бал «драгоценных камней». Каждая модница заранее обменялась со своими знакомыми драгоценностями и превратилась в олицетворение того или другого камня. Туалет соответствовал цвету ее украшений.

Белые бриллианты одной маски соперничали с голубыми другой, синие сапфиры третьей и четвертой источали мириады голубых искр. Красные рубины затмевали своим огнем золотистые топазы на золотых парчовых платьях и контрастировали с холодным сине-зеленым светом бразильских изумрудов... Все это сверкало

и искрилось в ярком свете электрических ламп, казалось особенно ослепительным рядом с черным сукном фраков и белизной крахмальных манишек кавалеров...

Его превосходительство, чрезвычайный и полномочный министр Франции при дворе императора Николая Второго Морис Палеолог, почтивший своим присутствием этот бал, самодовольно подумал, что холодный и туманный Петербург, который он только что покинул, чтобы обсудить с президентом детали его предстоящего визита в российскую столицу, лопнул бы от зависти, доведись ему хоть краем глаза увидеть всю эту роскошь и богатство. Но господину послу, когда он возвращался под утро домой, сделалось неуютно в обитом шелком лимузине. Он вспомнил, что ему поручено готовить новую европейскую войну, которая разрушит все это великолепие.

Палеолог не мог забыть, как, едва переодевшись из дорожного платья в визитку, он ринулся в Елисейский дворец к президенту Пуанкаре. Старая дружба, еще по лицею Людовика Великого, и доверительность отношений давали Палеологу право быть принятым по первому телефонному звонку. Необходимо было договориться в первую очередь о том, чтобы доклады посла министрам Французской республики не расходились с планами президента.

Личный секретарь Пуанкаре, даже не спрашивая патрона, пригласил господина министра прибыть в Елисейский дворец и любезно прислал за ним мотор. Лакей в галунах и позументах проводил Палеолога к высоким резным дверям кабинета Пуанкаре и поклонился. Посол вошел в зал, украшенный гобеленами и старинной драгоценной мебелью. С этой роскошью совсем не гармонировала простая и коренастая фигура месье президента.

Невзрачный человек с редкими волосами и щелочками бесцветных глаз на лице, посреди которого алел приплюснутый носик, вышел из-за инкрустированного черепахой и серебром стола навстречу другу и соратнику. Президента давно уже окрестили в народе прозвищем Пуанкаре-война за то, что всей своей государственной деятельностью, всей своей политикой он толкал страну к войне с Германией. Уроженец Лотарингии, этой восточной части Франции, на которую издавна зарились немцы, он упрямо готовил месть Германии за поражение Франции в 1870 году. Его поддерживали все правые парламентские группировки, как носителя идеи реванша, и

продвигали этого адвоката сначала на министерские посты, затем на пост премьер-министра, а теперь и в кресло президента республики.

— Мой дорогой Морис, как я рад тебя видеть! — зажурчала гладкая речь Пуанкаре.

— Дорогой Раймон! — возликовал Палеолог, видя, что его принимают не как чиновника, а как друга. — Я примчался по первому знаку!..

Друзья обнялись. Пуанкаре уселся на диван и сделал знак Палеологу занять место рядом в кресле.

— Чем дышит Петербург, господин посол? — приступил он к делу без лишних предисловий.

— Дышит парижской модой и ароматом французских духов, любуется фиалками из Ниццы, пьет французские вина... — пошутил посол.

— Слава богу, что денежки, которые мы зарабатываем на этих медведях, мы считаем сами, — ворчливо поддержал его Пуанкаре. — А что царь Романов? Готов ли он наконец отрабатывать полученные кредиты, схватив за хвост германского орла? Ведь в позапрошлом году, во время драки на Балканах, его военные отказались в нее ввязаться, ссылаясь на неготовность армии к большой войне...

— Они и сейчас говорят, что не готовы, Раймон, — перешел на серьезный тон Палеолог. — По их расчетам, русская армия полностью закончит перевооружение в 1917 году.

— Мы не можем ждать так долго! — категорически изрек президент. — Германия тогда слишком прочно осядет на Ближнем Востоке и отхватит у нас Северную Африку. Разве русские забыли о прыжке «Пантеры» в Агадир?

— В России не думают о том, какую угрозу германский флот и германские промышленники составляют французским интересам повсюду в мире. Петербург больше смотрит на Персию и Афганистан, противодействуя там Британии. Даже Турция его меньше волнует теперь... — Палеолог подумал, а затем продолжил: — По докладам моих информаторов, хорошо знающих настроения при дворе, царская семья и великие князья имеют множество интересов в Маньчжурии, их волнует Закавказье, примыкающее к Ирану и Турции. Но во всех этих районах их интересы сталкиваются с английскими. Вот почему нам трудно превратить Сердечное Согласие в крепкий Тройственный союз...

— И не надо, — прервал его Пуанкаре. — Совсем незачем устраивать сближение России и Англии до уровня тесной дружбы. Это совсем не в интересах Франции, поскольку может усилить Россию и повести ее к независимому курсу. Нам нужно от России только одно: чтобы миллионы ее солдат отвлекли германскую армию на Восток, пока мы изготовимся к наступлению на Берлин.

Помолчали. Посол переваривал услышанное.

— Я думаю, что война разразится весьма скоро, и мы должны к ней готовиться... — задумчиво сказал президент своему другу. Палеолог забеспокоился. Он вытер большим белым платком легкий пот, проступивший на лысине.

— В самом деле?.. А по какой причине?.. Каков будет предлог?.. И в какие сроки?.. Неужели всеобщая война?..

— Не спеши, мой друг! — улыбнулся президент. — Постараюсь ответить тебе на все вопросы, ответы к которым ты мог бы и сам, наверное, сформулировать, поскольку совсем не новичок в европейской политике...

Пуанкаре поведал другу, что в большой войне заинтересованы хозяева французской металлургии, объединенные в знаменитый «Комитэ де Форж». Они мечтают о возвращении Франции Эльзаса и Лотарингии, отнятых немцами в 1870 году. Палеолог и сам хорошо знал, какую роль в нагнетании военных настроений во Франции играли эти провинции. Но, кроме эмоций, за идеей реванша стояла еще огромная экономическая выгода, которую рассчитывали получить магнаты текстильной, металлургической индустрии, хозяева железных дорог, вернув Эльзас-Лотарингию.

Президент указал, что обстановка на Балканах, этой «пороховой бочке» Европы, остается крайне взрывоопасной. Австрийцы пытаются утвердиться в Боснии и Герцеговине, южные славяне кипят от ненависти. Их, как всегда, не очень умно поддерживает Россия. На российское правительство оказывает давление общественное мнение, которое весьма умело разжигают две дочери черногорского короля, жены русских великих князей.

— Между тем, — хмыкнул по-простонародному президент, — нам доподлинно известно, что сам черногорский князь Николай, на словах заискивая перед Романовыми и получая от России миллионы рублей субсидии

ежегодно, проводит политику в пользу Австрии и Германии.

— Мне говорил об этом коллега в Петербурге, австро-венгерский посол граф Сапари, — заметил Палеолог.

— Далее, — не давая себя перебить, продолжал Пуанкаре. — По очень надежным каналам нам стало известно, что готовится покушение на эрцгерцога Франца-Фердинанда, которое может стать предлогом для столкновения Австро-Венгрии и Сербии. Разумеется, при желании такое столкновение всегда можно превратить в более широкий конфликт, если в данный конкретный момент это будет нам выгодно... Что же касается сроков, мой дорогой посол, то это известно только Судьбе. Мы лишь ее рабы, — скромно потупился президент.

Посол прекрасно понял, что некоторые сроки, касающиеся конфликта, уже известны его доброму другу, но Пуанкаре не хочет их называть, опасаясь сказать слишком многое опытному дипломату. Палеолог не стал допытываться, справедливо полагая, что президент и так доверил ему слишком много опасных тайн. Старый аналитик, привыкший лавировать среди пустых или ложно-многозначительных слов, отыскивая в них истинный смысл, посол решил про себя, что схватка великих держав воистину назрела и разразится, видимо, не позже нынешнего лета. Он подвинулся на кончик своего кресла, чтобы быть ближе к Пуанкаре, и искательно спросил его:

— Раймон, не мог бы ты сказать мне, что следует делать в Петербурге в это сложное и опасное время? Мне всегда были особенно ценны твои советы...

Пуанкаре криво усмехнулся.

— Твоя задача, Морис, сделать в Петербурге так, чтобы инициатива развязывания войны принадлежала не Франции или ее союзнику — Российской империи, но Германии. Поэтому поддерживай миролюбие царя только до такого предела, чтобы Вильгельм втравил его в войну... Но честь ее начала должна принадлежать Гогенцоллерну!.. Это, кстати, весьма важно и для того, чтобы наши социалисты и радикалы голосовали за военные кредиты на развитие армии...

— А что же Жорес?.. — удивился посол. — Неужели и этот социалист будет голосовать за военные кредиты?

— Его к тому времени уже не будет... — загадочно ответил Пуанкаре и не стал распространяться на эту тему. — Еще раз не рекомендую тебе спешить в Петербур-

ге. Пусть для истории и наших критиков слева эта война станет схваткой славянства и германизма... Тогда они легче пойдут на нее.

Президент и посол поговорили о слабостях и недостатках царской семьи, о глубочайшей моральной противоположности и молчаливой двусмысленности, которые лежат в основе франко-русского союза, союза прекрасной, прогрессивной и гуманной республики с мрачной самодержавной монархией, презираемой всеми либералами Европы.

— Ослабить эту империю, оторвать от нее Польшу на западе, в пользу англичан — Среднюю Азию и Кавказ, кроме, конечно, бакинских нефтепромыслов, которые должны стать полноправным владением французских банков, — вот твои долговременные задачи, мой дорогой посол! — журчал президент.

...Палеолог вспоминал теперь, как он согласно кивал своей лысой головой в такт речи друга, поблескивал стеклышками пенсне и старался запомнить исторические высказывания великого человека. Да, он приложит все свои силы, чтобы выполнить инструкции, данные ему лично президентом республики. Полчища казаков и бессловесной пехоты отвлекут на себя орды гуннов, схватятся с ними в смертельной битве. А затем — триумфальный марш французов на Берлин, и Франция — снова властительница в Европе, как во времена Наполеона Великого! Тогда и Англии придется потесниться в ее колониях...

Пустынные улицы Парижа были светлы и прекрасны. Начиналось воскресенье, когда простой люд не спешит на работу. Посол еще не представлял себе, что скоро грянет европейский пожар и одна из спичек будет зажжена им, Палеологом, а целый факел — его другом-президентом. Париж опустеет не по-воскресному, а по-военному. Закроются кафе и рестораны, обнищают шикарные витрины, автомобили будут реквизированы для армии, а он сам, Морис Палеолог, несколько лет не увидит своей столицы...

Петербург, 15 июня 1914 года

Жаркий июньский день сиял над Дворцовой площадью, когда Анастасия и Алексей, сопровождаемые шаферами и подружками, вышли из-под высоких прохладных сводов Главного штаба. Только что в военной церк-

ви святого великомученика Георгия Победоносца совершился обряд венчания. В сознании новобрачных еще стояли слова священника, обращенные к ним:

— Раба божия Анастасия, согласна ли взять в мужья раба божьего Алексея?.. — И еле слышное «Да!» в ответ.

— Венчается раб божий Алексей рабе божьей Анастасии! Да прилепится муж к жене своей и будет одна плоть единою. Тайна сия велика есть...

Небольшая толпа гуляющих собралась у подъезда Главного штаба, возле экипажей, ожидавших свадьбу. Яркое солнце заставило всех вышедших из затененных коридоров зажмуриться и остановиться на мгновение у подъезда, толпа раздалась, пропуская молодых и гостей к коляскам.

— Какая красивая пара! — восхитился вслух кто-то из прохожих.

Они действительно были прекрасны. Сияющая от счастья, с пепельными волосами, уложенными в гладкую прическу под фатой, в простом белом платье, подчеркивавшем ее стройную фигуру, с букетом пунцовых роз и белых лилий в руках, Настя была необыкновенно хороша. Ее бережно вел высокий, стройный, легко ступающий Алексей. Молодой полковник при полной парадной форме и всех орденах, с мужественным и волевым лицом тоже вызвал большое одобрение собравшихся зевак.

Молодые, а с ними Сухопаров, выступавший шафером, его жена, начинающая полнеть веселая хохотушка с подвижной мимикой, и их младший сын, несший в церкви икону Георгия Победоносца, которой благословили Анастасию и Алексея родители Насти, уместились в первой открытой коляске, запряженной парой белых генштабовских казенных лошадей, с бравым вахмистром в роли кучера.

Вторую коляску заняли подруга Насти Ольга, подполковник Мезенцев, Михаил Сенин и большеголовый, с короткой стрижкой студент Саша, с которым Соколов познакомился на столь памятном ему вечере у Шумаковых, где он встретил Анастасию.

Лошади, настоявшись на солнцепеке, резво вынесли из-под арки Главного штаба на Морскую улицу, свернули на Невский, по-воскресному полупустынный. На Полицейском мосту надрывался мальчишка-газетчик, размахивая листами «Нового времени».

— Убийство герцога Фердинанда! Убийство герцога Фердинанда!

Звонкий мальчишеский голос легко перекрывал негромкий шум затихшего в летнем зное проспекта. Все трое военных в колясках насторожились. Соколов приказал остановить подле газетчиков. Мальчишка, подбежав к экипажу, бросил ему тугой сверток листов, еще влажных от типографской краски.

Полковник повернул газету так, чтобы вместе с Сухопаровым они могли прочитать телеграфное сообщение на первой странице. Оно было выделено жирным шрифтом:

«Сегодня утром в Сараеве выстрелами из револьвера наповал убиты ехавшие в авто наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд и его супруга графиня Хотек».

— Это — война!.. — вырвалось у Алексея.

— Бог даст, обойдется! — прищурился на газету Сухопаров. — Эрцгерцога ведь не очень жалуют в Вене и войну из-за него, пожалуй, не станут начинать...

Радостное настроение Алексея слегка померкло от неожиданного известия. Заведуя австро-венгерским делопроизводством, полковник знал о намерениях австрийцев и их союзников германцев развязать войну на Балканах. Знал он и о том, что Франц-Фердинанд не одобряет этой войны, а стремится политическим путем превратить двуединую монархию — Австро-Венгрию — в триединую, добавив в государственный организм еще и югославянский компонент.

Из агентурных донесений Соколов знал, что эрцгерцог очень хотел восстановить союз трех императоров — австрийского, германского и российского, жить в мире и согласии с Россией, утверждая тем самым принцип монархизма в Центральной Европе. Полковнику не составило труда сделать вывод, что если такое препятствие войне, каким был Франц-Фердинанд, убрано, то скоро заговорят пушки.

Анастасия уловила смятение мужа и погладила его по руке.

— Может быть, на этот раз пронесет, милый?.. — полуутвердительно, полувопрошая произнесла она.

— Бог даст! Бог даст! — защебетала Зинаида Сухопарова, для надежности перекрестившись.

Безмятежное свадебное настроение было испорчено. Во второй коляске говорили о том же. Стало заметно, что и прохожие на улице чаще, чем обычно, останавливались подле газетчиков, разворачивали листы и читали прямо на тротуаре. Сонная одурь летнего воскресенья по-

степенно сменялась атмосферой глухой тревоги и неизвестности.

По Невскому из конца в конец разносились одни и те же выкрики разносчиков газет:

— Убийство наследника австрийского престола! Убийство герцога Фердинанда!..

Когда крики раздавались очень близко, Анастасия вздрагивала и острее начинала понимать, что это событие может сказаться на ее счастье. Ведь Алексей военный и в числе первых может сложить голову.

Алексей понимал, что им скоро предстоит разлука, может быть, навсегда. Напрасно он планировал свадебное путешествие в Италию, напрасно испрашивал отпуск и получал паспорта, заказывал билеты, отели в агентстве Кука...

Повернули на Знаменскую, где две недели назад, готовясь к свадьбе и началу новой, семейной, жизни, полковник снял квартиру в только что отстроенном доходном доме. Колеса экипажей загремели по булыжнику, показался огромный пятиэтажный дом с двенадцатью колоннами по фасаду. В первой витрине у ворот Настя увидела аптечные склянки и объявления о воде Зельтера, освежающей здоровых и придающей силы больным. Толстый швейцар в галунах распахнул дверь подъезда с хрустальными стеклами, коляска остановилась. Алексей легко спрыгнул на тротуар, откинул ступеньку и чинно подал руку молодой жене. Ему хотелось поднять ее и взбежать единым духом на четвертый этаж, но вместо этого полковник торжественно прошествовал с Анастасией к электрической подъемной машине, впустил в кабину шафера Сухопарова с женой и мальчиком, которому и выпала редкостная удача нажать белую фарфоровую кнопку с цифрой 4. Лифт медленно пополз вверх, щелкая на каждом этаже.

У дверей новой квартиры Соколовых ждали тетушка Алексея, заменившая ему мать, и родители Насти. По обычаю они обсыпали молодоженов овсом, словно конфетти.

Молодежь из второй коляски не стала ждать подъемную машину, а в мгновение ока оказалась на четвертом этаже. Овес еще продолжал сыпаться с Настиного платья и мундира Алексея, у них был несколько растерянный вид, который вызвал взрывы хохота гостей и родственников.

Гостиная, куда все устремились, была полупуста и

сияла первозданной чистотой. Самым дорогим украшением ее был рояль — свадебный подарок Алексея Анастасии.

Гостей сразу же попросили в столовую, к свадебному столу. Он был любовно сервирован под руководством тетушки и, хотя и не ломился от разносолов, радовал глаз аппетитными закусками. Два официанта, приглашенные на этот день из ближайшего ресторана «Эрмитаж» на Невском, ждали сигнала открывать шампанское. Гости уселись кто как хотел, хлопнули пробки — свадебный обед начался...

Как положено, говорили тосты и кричали «Горько!». Насте было очень весело и радостно от милых лиц людей, собравшихся на ее с Алексеем праздник, и от того, что тетушка Алексея, которая будет жить с ними, такая славная и добрая старушка, и что ее собственная мать, Василиса Антоновна, кажется, от души готова полюбить и понять Алексея...

Но любящим сердцем Настя чувствовала тревогу мужа, видела появляющиеся две поперечные морщинки на его лбу, означавшие, как она уже знала, беспокойство и напряжение мысли. Страх и ожидание опасности начинали закрадываться в ее душу.

Вечерняя прохлада сменила наконец дневной зной. Обед подходил к концу. За окнами виднелась панорама крыш, высоко в светлом вечернем небе реяли ласточки. Казалось, мир и покой опустились на землю. Заканчивался день, который должен был стать самым счастливым для Соколовых.

Но он оказался роковым для мира. Он перевернул судьбы народов и государств, ускорил ход часов истории. Истекали последние мирные дни Российской империи, старой монархической Европы.

Петербург, июнь 1914 года

В понедельник, на следующий день после убийства эрцгерцога, Соколов решил явиться к обер-квартирмейстеру генералу Монкевицу, хотя и был в отпуске. Всегда ревностно относившийся к службе, он не мог упиваться личным счастьем, наслаждаться свадебным путешествием в дни, когда решались судьбы России. Империя стояла, по его убеждению, на пороге войны, к которой по-настоящему не была готова. Соколов знал степень боеготовности российской армии, к тому же давно убе-

дился в ограниченности и бездарности многих своих высших начальников, которым гибкость позвоночника заменяла государственный ум и стратегическое мышление.

...Утром, до завтрака, Анастасия и Алексей бродили по полупустым комнатам своей новой квартиры, обсуждая приятный вопрос о том, как они их будут обставлять, какого цвета обивку мебели следует выбрать, чтобы она гармонировала с обоями и гардинами... Они так и эдак прикидывали, как экономнее распорядиться той суммой, которую удалось накопить Соколову до свадьбы, рассчитывали его жалованье на пару месяцев вперед. В каждой комнате обязательно целовались.

Соколову было радостно и покойно рядом с Настей. Он не уставал открывать в ней новые и новые достоинства: тонкий вкус, разумную сдержанность, с какой Анастасия собиралась заводить свой дом. Ему нравилось ее искреннее и доброжелательное отношение к окружающим, стремление сделать им что-то хорошее, уделить частичку душевной теплоты.

Эти качества Анастасии сразу заметила и горячо расхвалила племяннику Мария Алексеевна. Анастасии тетушка тоже очень понравилась. Ей особенно импонировали народнические взгляды Марии Алексеевны, оставшиеся с молодых лет. Старая, сухая и казавшаяся чопорной дама немедленно оживилась, уронила с носа пенсне и горячо заговорила о справедливости и равенстве, когда они случайно коснулись в разговоре благотворительного концерта в пользу голодающих крестьян, в котором принимала участие и Настя.

Дома все было хорошо. Согласие и лад царили за первым совместным завтраком новой семьи, никаких признаков мировой катастрофы не ощущалось и в утренних газетах, которые вестовой Иван успел принести как раз к кофе. Алексея насторожили только сообщения из Берлина, в которых говорилось, что высшие руководители германской армии считают положение настолько спокойным, что собираются в отпуск.

«Германские генералы могут уехать от своей армии только в том случае, если полностью готов мобилизационный приказ и дело завертится и без них», — пришло в голову Алексею. Он счел этот признак угрожающим и достойным немедленного обсуждения с Сухопаровым, который замещал его по делопроизводству.

В час пополудни Соколов входил в свой подъезд на Дворцовой площади. Часовые отсалютовали ему, он не

торопясь поднялся по мраморной лестнице до площадки, где стоял бюст Петра и на двух мраморных досках пообочь его были выбиты золотом названия славных побед российской армии. На секунду Алексей задержался, окинув взглядом внушительный список, и заспешил на третий этаж, где в бывшем кабинете Данилова восседал теперь новый обер-квартирмейстер главного управления Генерального штаба генерал Николай Августович Монкевиц.

Монкевиц ничуть не удивился, увидев полковника, который уже целую неделю был в отпуске. Он знал, что Соколов — настоящий офицер и в чрезвычайных обстоятельствах никогда не оставит своих обязанностей. Генерал готовил доклад на высочайшее имя об убийстве эрцгерцога, и появление начальника австро-венгерского производства было очень кстати.

— Ваше превосходительство! — обратился Соколов к генералу после взаимных приветствий. — Каковы виды на войну у Сергея Дмитриевича?

Полковник знал о тесной дружбе генерала с министром иностранных дел Сазоновым и о том, что министр о всех европейских делах непременно советуется с Монкевицем.

— Его высокопревосходительство Сергей Дмитрич стоит на том, что война на этот раз почти неизбежна... — потер свои седины генерал. — Наши союзники в Париже, как сообщает посол Извольский, весьма и весьма настроены воевать! Если они начнут самостоятельно, мы неизбежно примкнем к ним в силу союзнической конвенции.

— Но успеет ли получить наша агентура в Срединных державах сигнал о необходимости перехода на вариант работы по военному времени? — озабоченно спросил полковник, который давно уже, со времен Балканских войн, ждал, что Франция будет втягивать Россию в большую европейскую войну с Германией.

— Сомневаюсь... — раздумчиво протянул Монкевиц.

— Но ведь это может грозить им арестами и расстрелами, если мы заранее не обусловим связь с агентами, когда прямые почтовые отношения между нами будут прерваны, — забеспокоился Алексей. Он живо представил себе чешскую группу — Стечишина, Гавличека, Младу, их друзей и помощников.

— В нынешних условиях я не могу приказать вам прервать отпуск! — с нажимом вымолвил генерал. —

Неизвестна окончательная позиция его величества. Может быть, государь еще сумеет уладить миром конфликт на Балканах, как не захотел он ввязывать Россию в Балканские войны...

— Стало быть, есть еще надежда? — обрадовался было полковник.

— Сазонов говорит, что очень мало... — важно передал слова министра Монкевиц и, закосив глазами, повернул разговор в русло, выгодное ему. — А как ваши агентурные организации в Австро-Венгрии, Алексей Алексеевич? Они снабжены инструкциями и адресами на случай войны?

— В принципе да, Николай Августович, — уверенно ответил Соколов, но тут же добавил: — Меня только очень беспокоит организация Стечишина. После провала Редля* я ее законсервировал на некоторое время. Но очень ценный агент — вы помните, это он быстро прислал нам записи бесед Конрада фон Гетцендорфа и фон Мольтке в Карлсбаде — находится сейчас под угрозой провала из-за своей активности. Я, кстати, собирался его вызвать под удобным предлогом в Италию, где сам намеревался провести с женой отпуск. Но теперь, полагаю, с ним невозможно будет встретиться нигде, кроме Вены или Праги, куда он может выехать к родственникам.

Монкевиц отвел косящие глаза в сторону и забарабанил по зеленому сукну стола кончиками пальцев. Он явно задумался о чем-то своем, не служебном. За окном белесое небо источало жар.

Соколов размышлял. Тревога за Гавличека, Филимона и Младу все больше охватывала его. Инструкции на случай чрезвычайных обстоятельств были направлены группе уже давно — накануне первой Балканской войны. Прошло почти два года, какое-то из звеньев могло устареть и подставить под удар всю организацию.

Надо ехать самому — напрашивалось решение. А это значит, что Настя останется в одиночестве бог знает на сколько недель, а может быть, и месяцев! И это теперь, когда так счастливо началась жизнь...

Голос сердца подсказывал один за другим аргументы против поездки, но голос разума сурово напомнил:

* Полковник австрийского генерального штаба, создатель службы контрразведки Дунайской монархии, Редль в 1913 году был разоблачен как агент русской разведки.

могут погибнуть замечательные люди, братья. Надо ехать!

Соколов решительно вторгся в отрешенное молчание генерала.

— Ваше превосходительство! — официально обратился он к начальнику. — Прошу отдать приказ о прекращении моего увольнения в отпуск, а также срочно подготовить необходимые документы для поездки в Прагу и Вену...

Монкевиц встрепенулся.

— С богом! Я знал, что ты решишь именно так... — повернул просветлевшее лицо к Соколову генерал. — Когда думаешь отъезжать?

— Надо немедленно дать через Вену сигнал Стечишину о встрече со связным и с агентом «В-8», предпочтительно в Праге... Послезавтра «Нордэкспрессом» выезжаю в Берлин и Лейпциг, оттуда через Швейцарию достигну Австрии... На пути через Германию надеюсь провести рекогносцировку германской мобилизации: если приказ уже отдан, немцы будут удлинять посадочные платформы, готовя их для войск, да и многое другое спрятать никак нельзя...

— Алексей Алексеевич! — вздохнул Монкевиц. — Большая надежда на тебя. Не подведи, голубчик!

— Диспозицию поездки представлю завтра, — четко ответил полковник и поднялся уходить. Генерал еще раз вздохнул и пошел провожать подчиненного до дверей кабинета, что он делал в исключительных случаях.

...В полном смятении чувств подъезжал Алексей к своему дому. Его ждала самая прекрасная женщина мира — его жена, а он везет ей известие о своем спешном отъезде! Как объяснить Насте невозможность ехать вместе, как сообщить ей о полной неопределенности сроков возвращения? Как, наконец, устроить ее жизнь на то время, пока он будет в отсутствии? Эти и десятки других вопросов терзали Соколова до тех пор, пока он не поднялся к себе в квартиру.

Настя встретила его в прихожей. Она, наверное, выглядывала из окна, ожидая, догадался Алексей. По виду мужа Анастасия все поняла и решила быть ему поддержкой и опорой.

— Милый, наша поездка откладывается? — стараясь быть как можно спокойней, спросила Настя.

Алексей молча кивнул головой. Настя подо-

шла и обняла его. Они простояли так несколько минут, и Алексей никак не мог начать свое печальное сообщение.

— Тебе очень плохо? — спросила Настя.

— Да, очень! — вздохнул он. — Я должен послезавтра уехать...

— Надолго? — словно выдохнула Анастасия, и у нее внутри все оборвалось. Но тут же она вновь взяла себя в руки и усилием воли подавила готовую вспыхнуть панику.

— Вероятно, да!

— Поездка для тебя опасна? — подняла Настя на Алексея глаза, полные слез. Он решил слукавить.

— Что ты, родная! Это вроде путешествия на воды, когда болен: скучно, глотаешь какую-то гадость и ждешь не дождешься отхода обратного поезда...

Он поцеловал глаза Насти и ощутил на губах солоноватый вкус ее слез.

— Начнем готовиться к твоему путешествию, — поддержала Настя его нарочито веселый тон и повлекла мужа в гостиную, чтобы составить список вещей, которые он должен взять в дорогу. До отъезда оставалось 48 часов.

Две ночи, остающиеся до среды, Соколов не сомкнул глаз. Виною был совсем не полуночный свет, разлитый в природе. Слились воедино заботы о Насте, волнение о предстоящей сложной операции, предчувствие огромных событий, надвигающихся на Европу...

Когда, сморенная сном, жена засыпала, разметав по подушке густые и длинные пепельно-платиновые волосы, Алексей без сна лежал часами, боясь пошевелиться, не сводя глаз с дорогого лица.

Алексей старался насмотреться впрок. Иногда ему казалось, что еще можно отменить поездку, как-нибудь списаться со Стечишиным и Гавличеком, передать им уточненные инструкции через кого-нибудь из консульских или посольских чинов. Но он представлял, как австрийская контрразведка идет по следу его друзей и соратников, а он хочет отсидеться в тепле и уюте своего гнезда, и волна стыда окатывала его.

В среду, в 6 часов вечера «Нордэкспресс» уносил от Варшавского вокзала полковника Соколова. В глазах Насти, без сил оставшейся стоять на дебаркадере, сквозь слезы расплывались контуры исчезающих зеленых вагонов.

Милях в двадцати на северо-запад от Лондона, среди пологих холмов Бекингемхэмпшайра, покрытых лоскутьями полей, огражденными каменными изгородями, чуть в стороне от больших дорог, уютно расположилось поместье лорда Ли Фэйрхэмского. Небольшой дворец готической архитектуры времен Тюдоров окружен флигелями различных хозяйственных назначений и стоит на том самом месте, где в тринадцатом веке находился дом основателя усадьбы сэра Генри Скаккарио Эксчекерского.

Последний хозяин дворца, лорд Ли, подарил свое поместье государству, дабы оно стало загородной резиденцией премьер-министра кабинета его величества. Богатый лорд хотел хоть таким способом войти в историю своей страны, но в первые десятилетия после своего щедрого акта не много преуспел в этом, ибо местопребывание премьера вне Лондона было известно до конца пятидесятых годов нашего века только узкому кругу посвященных лиц...

Первый июльский уик-энд* принес Британии великолепную погоду. Мягкое солнце задолго до полудня просушило ровно подстриженные лужайки для гольфа в четверти мили от старого чекерского дома. Кое-где газонокосилка прошлась только несколько часов назад. В неподвижном воздухе стоял еще резкий и свежий аромат травы.

Три джентльмена в костюмах для гольфа и в сопровождении мальчиков, несущих сумки с клюшками, приблизились к лужайке. Впереди всех шел прямой и поджарый лорд Асквит, своей характерной загребающей походкой словно плыл министр иностранных дел сэр Эдуард Грей, чуть сзади энергично ступал сутулый рыжеватый первый лорд Адмиралтейства сэр Уинстон Черчилль.

Джентльмены недавно окончили первый завтрак, их щеки румянились от чудесной погоды и старого портвейна. Достигли старта, и, пока кэди** устанавливали мячи, спортсмены принялись выбирать клюшки, каждый из своей сумки.

Сэр Герберт, как и полагается премьеру, сделал первый удар. Его мячик не долетел несколько ярдов до

* Буквально: конец недели, суббота, воскресенье.

** Мальчики, помогающие игрокам в гольф.

лунки, что свидетельствовало о хорошей спортивной форме Асквита.

Сэр Эдуард выбрал не ту клюшку, и его мяч плюхнулся где-то посредине между стартом и лункой.

Энергичный и молодой сэр Уинстон, недавно влюбившийся в гольф, от избытка сил метнул свой мячик далеко в сторону от лунки.

Партия началась. Теперь можно было и поговорить.

— Господин премьер-министр! — нетерпеливо начал Черчилль. — Вчера шеф Интеллидженс сервис* закончил доклад для членов кабинета об обстоятельствах покушения в Сараеве...

— Я знаком с этим документом... — вклинился сэр Эдуард. Однако по присущей ему привычке говорить и ничего не сказать продолжать не захотел.

Напористый сэр Уинстон не стал огрызаться на министра иностранных дел, хотя ему очень хотелось задать тому трепку.

— Боюсь, что директор Ай-Си приготовил в своем докладе сюрприз для слишком широкого круга людей, — изрек он.

— Что вы имеете в виду? — насторожился Асквит.

— Из его доклада можно сделать вывод, сэр, что агенты британского правительства принимали участие в организации покушения на наследника престола Австро-Венгрии! — четко сформулировал свой ответ Черчилль и добавил: — Заседание кабинета министров — не та аудитория, где можно открывать самые сокровенные тайны имперской политики!

— Не находите ли вы, сэр Эдуард, что это опрометчиво? — повернулся Асквит к Грею.

В это время джентльмены приблизились к мячу министра иностранных дел. Теперь Грей оказался более удачлив. Его мяч запрыгал поблизости от первой лунки. Игроки все вместе направились к деревьям, под которыми покоился мяч сэра Уинстона.

— Я бы сказал, сэр, — ответствовал Грэй, — что достопочтенный директор Ай-Си несколько перестарался...

— В каком смысле? — бросил вопрос Асквит, хорошо зная манеру разговора министра иностранных дел.

— В смысле откровенности, сэр! — уточнил Грей. — К тому же, как нам хорошо известно, решающую роль

* Британская разведка.

сыграли в этой драме господа, находящиеся на германской службе...

— Кто еще знает об этом? — решил уточнить премьер-министр, обращаясь к Черчиллю.

— О существовании заговора против эрцгерцога знали некоторые члены кабинета Сербии, — обнаружил свою осведомленность сэр Уинстон. — Премьер Пашич еще в середине мая, то есть за полтора месяца до выстрелов, приказал усилить пограничный контроль между Сербией и Австрией и по неофициальным каналам информировал Вену об опасных антиавстрийских замыслах в Сараеве.

— И какие меры приняли в Шенбрунне? — с удивлением спросил британский премьер.

— Как ни странно, никаких! — ответил министр.

— Чем вы это объясните, сэр Уинстон?

— Очевидно, кто-то доставил престарелому императору Францу-Иосифу успокоительную информацию. Похоже на то, что в окружении монарха имелись люди, заинтересованные в трагической неожиданности. Под их влиянием были спешно назначены маневры в Боснии. А ведь известно, что в Сербии эти маневры расценивали как прелюдию к нападению. Более того, сама дата прибытия Франца-Фердинанда в Сараево была выбрана явно не случайно. В этот день сербы отмечают годовщину трагического события в своей истории — битву на Косовом поле. Их разбил тогда турецкий султан Мурад, и Сербия на много веков попала под турецкое иго... — демонстрировал сэр Уинстон недюжинные познания в истории. — Кстати, сэр! Султан Мурад был убит сербским воином Милошем Обиличем, который стал национальным героем своего народа. Экзальтированные юноши, участвовавшие в покушении на австровенгерского наследника, хотели стать современными Обиличами...

В разговор вмешался Грей.

— Нашим дипломатическим агентам на Балканах также показалось весьма странным, что не было принято никаких дополнительных мер предосторожности и после того, как в автомобиль эрцгерцога была брошена бомба. Программа продолжалась, как было объявлено ранее... Судьбе явно кто-то помогал из Вены.

— И вы не знаете кто? — неожиданно язвительно спросил Асквит, посмотрев на Черчилля остро и почти недружелюбно.

В этот момент, повинуясь логике игры, Черчилль полез в канаву под деревьями, куда закатился его мяч. Резким ударом Черчилль выбил мяч к ногам премьера.

Когда по траве запрыгал мяч сэра Уинстона, сэр Герберт молча повернулся и направился к своему мячу. Спокойно и неторопливо он прицелился и легким толчком послал белый шарик в лунку. Затем с видом триумфатора премьер оперся на свою клюшку и стал поджидать партнеров, мячи которых также были подогнаны почти к цели.

Когда Грей и Черчилль приблизились, Асквит продолжил деловой разговор.

— Джентльмены! Примите меры, чтобы с докладом Ай-Си были ознакомлены, кроме вас, только мистер Ллойд Джордж и, разумеется, его величество. Упаси бог, если кому-либо еще станет известно, что какие-то чиновники британского правительства причастны к сараевскому убийству или знали о нем и не предотвратили злодеяние! — лицемерно изрек премьер-министр. — Лично я не желаю более ничего слышать об этом коварном преступлении, да вознесет господь души эрцгерцога и его супруги...

— Мы позаботимся об этом, сэр! — пообещал министр иностранных дел, и было непонятно, что именно он имеет в виду — молчание разведки или вознесение душ. — Полагаю, милорд, что в связи с трагическим инцидентом следовало бы наметить основные линии британской политики. Ближайшие недели обещают быть весьма бурными...

— Полагаю, что на Балканах начнется схватка, которая будет нам весьма кстати! — прямолинейно брякнул Черчилль. Ему удалось загнать мячик в лунку, и он победоносно смотрел теперь на Грея. Министр подогнал свой мяч к самому краю лунки и изогнулся для решающего толчка.

— Сэр Уинстон прав — это выгодный момент для начала войны! — убежденно высказался сэр Герберт. — Германия жаждет утвердиться на Балканах и вытеснить нас и французов из Турции и с Ближнего Востока. Она готова к войне с Францией и Россией. Вместе с тем ее большая морская программа еще не завершена и кайзер надеется на наш нейтралитет...

Сэр Эдуард выпрямился, так и не сделав удара.

— Мы не можем позволить себе отсрочку войны, джентльмены! — решительно произнес он. — В против-

ном случае Россия слишком утвердится в Персии, укрепится в Средней Азии, приблизившись к Афганистану и Индии... К тому же, если при русском дворе одержит верх немецкая партия и Россия забудет про свои союзнические обязательства Франции, Британская империя окажется на грани больших неприятностей. Как можно скорее мы должны столкнуть Россию и Францию с Германией и Австрией.

— Вы глубоко правы, достопочтенный сэр! — с чувством изрек морской министр. — Пока Россия и Франция будут обескровливать себя на полях сражений с Германией, мы должны стоять в стороне и помогать союзникам только нашим флотом, ведя морские операции по истощению центральных держав. Когда же все стороны настолько ослабеют, что не смогут протестовать, мы продиктуем им свои условия!..

Между тем кэди приготовили мячи для продолжения игры. Джентльмены прервали на несколько минут обсуждение политических задач. Но вот белые твердые комочки резины со свистом улетели к следующей лунке. Спортсмены мгновенно превратились в членов кабинета.

— Боюсь, однако, что кайзер не захочет начинать большую войну, если узнает о непременном нашем участии в ней! — вернулся к теме министр иностранных дел.

— Морская разведка также располагает подобными сведениями, — лаконично добавил Черчилль.

— Джентльмены! Я мог бы предложить следующую тактику, которая была бы весьма действенна для втягивания Германии в большую войну, — сообщил лорд Асквит, равномерно вышагивая по газону. — Правительству и дипломатическим представителям следует до последнего момента — пока Германия и Франция, Австрия и Россия не войдут в необратимый конфликт — производить впечатление, что Британия останется в любом случае нейтральной, что мы стоим выше всей этой ссоры... Когда же война разгорится вовсю, мы начнем воевать на море, направив во Францию лишь такой экспедиционный корпус, какой не позволит французам лишить нас плодов победы.

— Мистер премьер-министр глубоко прав! — поддержал Асквита Черчилль. — Более того. Наш экспедиционный корпус можно отправлять во Францию только тогда, когда боши уже несколько обескровят ее.

— Вы забыли русский «паровой каток», который

способен достичь Берлина за две-три недели! — вмешался в разговор Эдуард Грей. — И вообще, примите во внимание неисчислимые людские резервы этого колосса на Востоке. Иногда мне становится дурно при мысли о всех этих массах пушечного мяса, которое может в один прекрасный момент прозреть и повернуть штыки против нас!..

От досады сэр Эдуард так сильно ударил свой мяч, что он улетел за каменную изгородь. Кэди побежал разыскивать белый шарик в некошеной траве. Упрямый спортсмен-министр отправился туда же своей характерной походкой.

— Из русского «парового катка» нужно выпустить пар вместе с кровью! — с неожиданной ненавистью крикнул вслед Грею морской министр. Сэр Герберт, прицеливаясь к своему мячу, с одобрением подумал о молодом первом лорде Адмиралтейства. Премьер предрекал, что с таким темпераментом и имперской страстью он далеко пойдет в политике, где напористость иногда заменяет ум и талант. А здесь явно имелся и ум.

— Не нужно так волноваться, мой друг! — покровительственно изрек Асквит. — Вы правы в том отношении, что если Россия выйдет победительницей из этой войны, то перспективы Британии в Европе и Азии будут весьма мрачными. Балканы практически превратятся в вассальную провинцию Российской империи: за счет Богемии, Моравии, Словакии и других славянских областей, находящихся ныне под короной Габсбургов, славянская махина еще больше увеличится; захватив Босфор и Дарданеллы, Петербург выведет русский военный флот в колыбель европейской цивилизации — Средиземное море.

— Еще опаснее, если Россия осуществит эти цели без войны, — перебил довольно невежливо своего премьера морской министр, — в результате дворцовых переворотов во всех этих мелких и диких балканских княжествах, сговорившись с Вильгельмом за наш счет. Русский царь станет диктовать свою волю Европе, как когда-то это делал Александр I. А потом — России вовсе необязательно овладевать Персией. Сделает она ее своим прочным союзником — великая и могучая Британская империя со всеми нашими жемчужинами превратится в разрезанный надвое организм! Нет! Любой ценой мы должны именно сейчас столкнуть Россию с центральными державами, ослабить их до такой сте-

пени, чтобы они и подумать не могли о каком-то ущемлении британских интересов!..

Над головами игроков просвистел, словно пуля, мяч.

— Итак, джентльмены! Мы все — за немедленную и спасительную для Британии европейскую войну! — резюмировал появившийся вслед за своим мячом сэр Эдуард Грей. — Ну что ж! Наша дипломатия готова приложить к этому все усилия...

— Что касается британского флота, то я отменяю ежегодные маневры и приказываю провести пробную мобилизацию, в ходе которой Гран-Флит придет в боевую готовность!..

— А я, джентльмены, буду молить бога простить мне мои прегрешения, если они есть! — с постной миной завершил политическую часть беседы премьер.

Партнеры перешли на более легкомысленные темы, энергичнее заработали ногами и клюшками. Белые мячи полетели к лункам. Чисто английский уик-энд принял обычные традиционные формы. С войной было решено.

Северное море, июль 1914 года

Повелитель Германской империи кайзер Вильгельм при всей немецкой личной экономности и бережливости тратил большие государственные деньги на придание особого блеска своему двору. Двор должен был потрясать правителей и министров чужих стран могуществом и величием императора, многочисленностью челяди и роскошью дворцов.

600 комплектов парадных ливрей хранилось в кладовых дворца. Самих же слуг было столько, что частенько они болтались без дела по Берлину. Принадлежности дворцового стола оценивались в два миллиона марок. Около 200 экипажей ежедневно обслуживали придворных — обер-гофмейстерину, придворных дам, генерал- и флигель-адъютантов, директоров департаментов, обер-гофмаршала и прочих.

Каждый день двора был похож на праздник, наполненный яркими красками и пышными представлениями. Но великому кайзеру все быстро надоедало. Он утолял свою жажду внешних эффектов и популярности путешествиями или торжественными выездами, когда толпы народа глазели на него, как на циркового слона. Лучше всего он чувствовал себя на борту любимой яхты

«Гогенцоллерн». Ритмичный стук судового двигателя словно баюкал императора, плеск воды о борта успокаивал нервную систему, а морской ветер, напоенный солью и свежестью, немного кружил голову. Курсы плаваний «Гогенцоллерна» под штандартом отдыхающего императора были довольно однообразны — норвежские фиорды Северного моря или солнечная весенняя Адриатика, где Вильгельм приобрел остров Корфу и выстроил на вершине горы дворец с просторными солнечными залами.

Июльский маршрут 1914 года не должен был отличаться от обычного и вызывать чьи-либо подозрения. Нельзя было также далеко уходить от главных сил германского флота. «Гогенцоллерн» готовился крейсировать в Северное море.

Днем 6 июля императорский поезд из 12 вагонов медленно втягивался в лабиринт путей военной гавани Вильгельмсгафена. Состав подали на пирс, где перед строем почетного караула в полной парадной форме замерли пятидесятилетний командующий Флотом открытого моря адмирал Ингеноль и его помощник контр-адмирал Хиппер.

В лучах яркого солнца купались надстройки, скошенные трубы и мачты императорской яхты, на которой уже приготовились поднять личный штандарт императора рядом с военно-морским флагом империи. Опытный машинист остановил вагон монарха напротив ковра, на котором Вильгельм должен был принять рапорт адмирала. Поодаль, прижатые оцеплением моряков к кормовым трапам пришвартованных миноносцев, почтительно обнажили головы горожане, пришедшие приветствовать обожаемую особу его величества.

Оркестр грянул императорский марш, толпа заорала «Хох!», когда на ступеньках площадки показался Вильгельм. Его сопровождали начальник морского генерального штаба адмирал Поль и начальник морского кабинета кайзера адмирал Мюллер. Командующий флотом не удивился, когда не увидел всегда сопровождавшего императора морского министра. Ему уже сообщили, что его высокопревосходительство адмирал фон Тирпиц убыл «на охоту» в Тюрингский лес.

Рапорт и приветствие не заняли много времени. По красной ковровой дорожке Вильгельм приблизился к трапу «Гогенцоллерна», пригласив адмиралов следовать за собой.

Хозяин и гости прошли на императорскую палубу, и пока ее величество в сопровождении двух любимых фрейлин переходила из вагона на корабль, император провел небольшой военный совет.

— Господа, в силу важной дипломатической необходимости я отправляюсь в путешествие по фиордам Норвегии. Однако прошу иметь в виду, что вскоре в империи будет объявлен кригсгефарцуштанд *. Мы должны быть готовы начать борьбу с легкомысленными французами и коварной нацией обманщиков — Англией. Привести в боевую готовность Флот открытого моря и вспомогательные эскадры... — Кайзер повернулся к адмиралу Полю и продолжал отдавать команды: — Предупредите адмиралов Сушона в Средиземном море и Шпее в Китае, что обстановка внушает тревогу. Однако в их распоряжении остается примерно три недели, и они смогут принять меры предосторожности... Вам всем, господа, надлежит проверить готовность секретных баз в уединенных пунктах нейтральных стран по приему наших крейсеров и снабжению их топливом и боезапасом, — Вильгельм был в экстазе, волнение не оставляло его уже несколько дней. Слушатели это чувствовали. Нервность императора понемногу передавалась морякам, они начинали осознавать важность предстоящих дней, ради которых император и фон Тирпиц работали долгие годы, терпя критику левых в рейхстаге, добиваясь новых ассигнований на военно-морской флот, форсируя строительство его боевых сил и военно-морских баз...

Император между тем продолжал набрасывать основы стратегии германского флота, построенные на том факте, что для разгрома Франции потребуется всего три-четыре недели. Вслед за падением Парижа сухопутная армия должна будет передислоцироваться против России и разгромить этого союзника Франции. Тогда военно-морская сила Германии будет значительно увеличена за счет первоклассных кораблей русского флота, взятых в контрибуцию, и обрушится со всей тевтонской мощью на этих британских мерзавцев! Теперь или никогда!..

Адмиралы молчали, потрясенные приближением момента, который должен был увенчать их славой. Вильгельм поднялся с кресла, закрывая военный совет.

* Состояние военной опасности.

— Эскадры вывести в Северное море для последнего мирного учения! «Гогенцоллерн», как всегда, сопровождают два миноносца для поручений. Связь шифром по искровому телеграфу! С нами бог! Он покарает Англию!

Адмиралы покинули борт яхты и, стоя на пирсе, ждали, когда «Гогенцоллерн» отвалит. Вильгельм подошел к леерам. Его душа вибрировала в унисон с палубой, под которой тысячесильная машина набирала мощь и проворачивала винты. «Скоро начнется наш марш к триумфу!» — ликовал кайзер. Били литавры, и пронзительно свистели дудки оркестра, трещали барабаны, возбужденно ревела толпа.

Кайзер опирался правой рукой о поручень, его усы грозно топорщились; он представил себя на боевом мостике флагманского линкора, добивавшего огнем орудий главного калибра жалкие остатки британского Гранд-Флита. Необыкновенное воодушевление, воцарившееся в его душе после получения известия об убийстве эрцгерцога, несло его, словно по воздуху.

«Гогенцоллерн» проходил мимо дредноутов и крейсеров с выстроенными на палубах четкими линейками матросов. Над рейдом неслись звуки оркестров, грозные крупповские орудия подняли свои жерла. Скоро они пошлют тонны металла и взрывчатки не против дощатых мишеней, а в живую плоть британского флота.

Долго, пока мог видеть, кайзер не отводил взора от стройной линии боевых кораблей Флота открытого моря, его любимого детища и честолюбивой надежды.

Волнение не оставляло императора все три недели, проведенные им на борту яхты в норвежских фиордах. Оно выливалось в резолюциях, которыми кайзер испещрял поля телефонных докладов, поступавших к нему с Вильгельмштрассе.

...Мирно синеет вода в фиорде. В ее глади отражаются скалы и сосны на них. Редкие белые облака проплывают над горами и морем. На берегу — домики, крашенные охрой, с белыми оконными переплетами и дверями, пузатые парусники рыбаков у причалов, белая строгая церковь. Это мирная Норвегия...

На письменный стол перед кайзером флаг-офицер кладет доклад германского посланника в Вене. Старый дипломат начал его словами: «Я пользуюсь каждым удобным случаем, чтобы спокойно, но настойчиво и серьезно предостерегать от необдуманных шагов...»

В бешенстве дернулся в кресле Вильгельм. Его рука, вспарывая стальным пером бумагу, чертит: «Кто его на это уполномочил? Это глупо! Это вовсе не его дело! ...Если дела потом пойдут неладно, будут говорить, что Германия не захотела! Пусть Чиршки изволит бросить эти глупости. С сербами нужно покончить, и чем скорее, тем лучше».

Пейзаж, дышащий миром, звон колокола сельской церковки, призывающий прихожан на молитву, не смягчали горевшее огнем войны сердце кайзера...

Флаг-офицер подает императору сообщение из Вены о предполагавшемся предъявлении Сербии чрезвычайно тяжелых, почти невыполнимых требований, сформулированных так, чтобы их нельзя было принять. Но шифровка заканчивалась словами: «Если сербы согласятся выполнить все предъявляемые требования, то такой исход будет крайне не по душе графу Берхтольду, и он раздумывает над тем, какие еще поставить условия, которые оказались бы для Сербии совершенно неприемлемыми».

Вильгельм возмущен малодушным предположением. Он пишет на полях: «Очистить Санджак! Тогда сразу произойдет свалка! Австрия немедленно должна вернуть его себе, чтобы предотвратить возможность объединения Сербии с Черногорией и отрезать сербов от моря!»

...Император получает сообщение, что премьер одной из двух частей Австро-Венгрии — граф Тисса — призывает к сдержанности и осторожности. Кайзер мгновенно взрывается резолюцией: «Это по отношению к убийцам-то? После того, что случилось? Бессмыслица!» Чуть ниже приписывает: «Я против военных советов и совещаний. В них всегда одерживает верх трусливое большинство». Телеграф уносит его резолюции послам и министрам для сведения и руководства к действию...

«Гогенцоллерн» разводит пары, поднимается все севернее, почти до мыса Нордкап. Природа становится суровее, погода — прохладнее. Кайзера не могут развлечь удовольствия, приносившие ему отдохновение еще год назад — беседы о живописи и архитектуре, чтение книг и пасьянс.

Флаг-офицер докладывает императору одно из лицемерных писем лорда Грея, полное миролюбивых фраз и неисполнимых предложений. Вильгельм пишет на нем:

«Как я могу решиться успокаивать австрийцев! Не-

годяи (сербы) агитировали за убийство, их необходимо согнуть в бараний рог... Это возмутительное британское нахальство!.. Я не считаю себя вправе, подобно Грею, давать его императорскому величеству Францу-Иосифу указания, как ему защищать свою честь. Грею это нужно объяснить ясно и определенно; пусть он видит, что я не шучу. Сербия — разбойничья шайка, которую нужно наказать за убийство! Я не стану вмешиваться ни в какие дела, подлежащие разрешению императора. Это чисто британские взгляды и манера снисходительно давать указания. С этим нужно покончить! Император Вильгельм».

Наступает 20 июля. Начальник морского кабинета адмирал Мюллер получает указание кайзера доверительно сообщить директорам крупных германских судоходных компаний о возможности военных осложнений и о необходимости вывода в связи с этим всех германских торговых судов из будущих вражеских портов, дабы противник не захватил их в качестве призов. Еще только 20 июля!

В эти же дни он отдает приказ о скрытном проведении мобилизационных мероприятий, в том числе и о возвращении Флота открытого моря с учений. Канцлер Бетман делает попытку по телеграфу предостеречь императора, но получает ответ: «Неслыханное предложение! Прямо невероятное!.. Штатский канцлер до сих пор не оценил положение!»

На следующий день Бетман вновь хлопочет против слишком поспешной мобилизации, настаивает на сохранении спокойствия. «Спокойствие — это долг мирных граждан! — отвечает ему Вильгельм. — Спокойная мобилизация — вот так новое изобретение!»

На «Гогенцоллерн» поступает сообщение из Вены. В нем до сведения императора доводится, что Берхтольд заверил русского посланника в отсутствии всяких завоевательных планов и вообще говорил с ним в примирительном тоне. Вильгельм делает на полях пометку:

«Совершенно излишне! Создает впечатление слабости... Этого нужно избегать по отношению к России. У Австрии есть достаточные основания. Теперь нечего ставить на обсуждение уже сделанные шаги... Осел! Необходимо, чтобы Австрия забрала Санджак, а то сербы доберутся до Адриатики!.. Сербия не государство в европейском смысле, а разбойничья шайка!»

...Большими шагами меряет кайзер тиковую палубу

«Гогенцоллерна». Он даже не может спать после обеда. Офицеры яхты и миноносцев по очереди делают ему доклады о выдающихся морских сражениях. При этом особенно важным считается так препарировать историю, чтобы британский флот во всех случаях демонстрировал свои недостатки. Только это немного успокаивает императора, и он спокойно отходит ко сну...

Наконец терпение его иссякло, он приказывает взять курс на Вильгельмсгафен. Повелитель возвращается в свою столицу, чтобы из берлинского Шлосса руководить последними приготовлениями к давно взлелеянной им войне.

Главное, что Вильгельм решил осуществить в эти ответственные дни, — обмениваться с Николаем такими телеграммами, которые усыпили бы бдительность российского родственничка и как можно далее оттянули мобилизацию русской армии. Еще лучше, если эта мобилизация начнется, когда германская армия будет уже полностью отмобилизованной и начнет свои военные действия — так думал великий Гогенцоллерн.

Потсдам, июль 1914 года

Вильгельм совершал утренний моцион верхом по парку Сансуси. Крупной рысью шел любимый конь Солдат. Чуть сзади императора держался принц Генрих Прусский, только что вернувшийся из Англии, где он встречался с королем Георгом V. Принц Генрих не успел выспаться с дороги, как его поднял адъютант императора и предложил сопровождать державного брата на прогулке. Теперь он трясся в седле, хотя не любил верховую езду, а обожал автомобили. Он знал, что Вильгельм с нетерпением ждет его отчета о поездке в Англию, что от его доклада, вероятно, зависит, быть большой войне сейчас или Германии следует подождать, пока Англия сама не сцепится с Россией из-за Персии и Туркестана.

«Сколько он еще будет так мчаться? — думал Генрих. — Ведь не станешь самые конфиденциальные вещи выкрикивать на скаку...» Утро было жарким, принц Генрих быстро утомился. Адъютанты обоих братьев держались чуть поодаль.

Наконец они подъехали к картинной галерее и, спасаясь от солнца, вошли внутрь. Кайзер обожал живопись. Но он слышал, что среди современных худож-

ников нет никого, кто хотя бы приближался к старым мастерам. Поэтому, когда он хотел отдохнуть или умерить свое волнение, вызванное политическими врагами — внешними или внутренними, — всегда обращался к коллекции, собранной его предками — королями и курфюрстами.

Все эти дни он был на пределе. Даже путешествие на «Гогенцоллерне» в норвежские фиорды на этот раз не принесло никакого успокоения, хотя кайзер надеялся, что северная природа ниспошлет ему трезвую голову и холодный разум.

Сегодня из-за волнения Вильгельм не мог принять доклад принца Генриха о его пребывании в Англии у себя в кабинете и решил поговорить с ним здесь, в картинной галерее, среди полотен великих мастеров.

Под золочеными сводами галереи за зашторенными окнами было прохладно. Мраморный пол из бело-коричневых плит также отдавал холодком. Служители плотно затворили двери за вошедшими, и под сводами раздались гулкие шаги четырех человек. Адъютанты, как и раньше, держались позади шагах в пятнадцати.

— Мой дорогой Генрих, насколько успешной была твоя миссия? — задал первый вопрос Вильгельм. Он остановился у полотна Рубенса «Святой Иероним» и сделал вид, что его очень интересует картина. На самом деле он ничего не видел, а был весь обращен в слух.

— Вилли, я много раз беседовал с нашим послом в Лондоне Лихновским... — начал принц.

— Этот господин безобразно для истинного немца влюблен в Англию и корчит из себя джентльмена! — прервал его злой репликой император.

— Именно так, но для этой страны Лихновский — самый лучший посол, — отметил Генрих и продолжал: — Лихновский каждый день встречался с Греем, и тот всячески подчеркивал, что, пока дело идет о локализованном столкновении между Австрией и Сербией, Англии это не касается...

— И это все?! — нетерпеливо рявкнул император.

— Нет, это только начало их бесед... Грей также сказал, что он лично был бы взволнован, если бы общественное мнение России заставило царя выступить против Австрии, а в случае вступления Австрии на сербскую территорию опасность европейской войны надвинется вплотную...

— Что ты никак не можешь подойти к сути —

вступит Англия в войну или не вступит, если мы нападем на Францию и Россию?! — рассердился император. — Это главный вопрос, от которого зависит, быть или не быть войне сейчас. Я не могу рисковать против объединенной коалиции Франции, России и Англии хотя бы в первые два месяца. Моей армии нужно три недели, чтобы разгромить Францию, и еще немного времени, чтобы до основания потрясти Россию. Тогда может вступать в войну и Англия, я разгромлю ее на море и на суше! Самое главное — полезут англичане в драку сразу или, как обычно, будут выжидать — чья возьмет?

— Я могу тебе только сказать, что Грей дословно заявил Лихновскому следующее... — Принц Генрих достал из внутреннего кармана маленькую записную книжку и зачитал: — «Всех последствий подобной войны четырех держав, — Грей совершенно недвусмысленно подчеркнул число «четыре», — Францию, Россию, Австро-Венгрию и Германию, — прокомментировал свои записки принц и продолжил чтение: — совершенно нельзя предвидеть».

— Что еще говорил Грей? — нетерпеливо перебил император снова.

— Лихновский докладывал, что Грей пустился в дурацкие рассуждения о том, что война вызовет обнищание и истощение, а возможно, и революционный взрыв. Он болтал об ущербе, который военные действия принесут мировой торговле, то есть самим англичанам, и прочий вздор... Лихновский твердо заявляет, что о возможности вмешательства в войну пятой державы — Англии — Греем не было сказано ни единого слова.

— А что мой братец Георг? — вопросил Вильгельм. Он стал немного успокаиваться от приятных вестей, принесенных Генрихом. Тут только он увидел полотно, перед которым стояли, и поразился тому, что глаз святого Иеронима, словной живой, смотрит поверх него, императора, предвидя далекое будущее. Сам Вильгельм не мог такого, и ему сделалось неприятно. Он отошел от картины Рубенса и подошел наугад к другой. Это оказалось полотно Караваджо «Фома неверующий». Напряженная фигура Фомы отвечала его собственному настроению, и он остался подле картины, остро воспринимая то, о чем говорил брат.

— Король отдает себе совершенно ясный отчет в серьезности положения, — рассказывал принц Ген-

рих. — Он был даже несколько взволнован. («Не так, как ты сейчас», — злорадно подумал Генрих, видя почти невменяемое состояние Вильгельма.) Жоржи уверял меня, что он и его правительство сделают все, чтобы локализовать войну между Сербией и Австрией. «Мы приложим все усилия, — сказал он дословно, — чтобы не быть вовлеченными в войну и остаться нейтральными»... Я полностью убежден в серьезности этих слов Георга, как и в том, что Британия сначала действительно останется нейтральной... Но сможет ли она долго оставаться вне схватки?.. — заключил принц. — Об этом я не могу судить.

— Фон Мольтке и не требует, чтобы Англия долго оставалась нейтральной, — буркнул Вильгельм. — Как только мы расколотим Францию и повергнем Россию, Жоржи может укладывать чемоданы и бежать в Индию, но и там мы его достанем... Вместе с Индией.

Сомнения покинули кайзера. Он круто повернулся на каблуках к адъютанту.

— Теперь за работу. Вызвать ко мне фон Мольтке, фон Тирпица, фон Ягова... Надо спешить!

...Прошло чуть больше суток. Наступила среда, 29 июля.

Император был в отличнейшем расположении духа. Он ужинал с семьей при свечах на открытом воздухе. Цветущие розы доносили свой аромат до стола. Вдруг во дворце захлопали двери — кто-то быстро шел к террасе, где расположились Вильгельм, его жена, принцесса Цецилия и сыновья императора. Гофмаршал подошел к Вильгельму и склонился над его ухом.

— Ваше величество, просили передать срочную телеграмму из Лондона...

Резко отодвинув недопитый бокал с мозельским вином, кайзер встал и подошел к дверям, за которыми маячила фигура курьера. Он взял пакет, надломил сургуч и достал донесение Лихновского, только что расшифрованное в министерстве иностранных дел.

Посол сообщал, что Грей вызывал его сегодня дважды. В первый раз он не сказал германскому послу ничего существенного, а лишь продолжал говорить о посредничестве четырех держав. Через короткое время министр иностранных дел Англии пригласил Лихновского еще раз. Он встретил посла словами: «Положение все более обостряется». Министр заявил дружеским тоном, что теперь он вынужден в частном порядке сде-

лать послу одно сообщение. Британское правительство, заявил Грей, желает и впредь поддерживать прежнюю дружбу с Германией и может остаться в стороне до тех пор, пока конфликт ограничивается Австрией и Россией. «Но если бы в него втянулись мы и Франция, — подчеркнул посол, — положение тотчас же изменилось бы, и британское правительство при известных условиях было бы вынуждено принять срочные решения. В этом случае нельзя было бы долго оставаться в стороне и выжидать...

Текст сообщения словно удар обухом поразил императора. Он даже покачнулся. Потрясая листком телеграммы и сверкая глазами, он подошел к столу.

— Англия открывает свои карты в момент, когда она сочла, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении! — зарычал кайзер. — Низкая торгашеская сволочь старалась обманывать нас обедами и речами. Грубым обманом были слова короля в разговоре с Генрихом: «Мы останемся нейтральными и постараемся держаться в стороне как можно дольше».

Император в изнеможении опустился на стул.

— Британия определенно знает, — продолжал он громко и зло, — что стоит ей произнести одно серьезное предостерегающее слово в Париже и Петербурге, порекомендовать им нейтралитет, и оба тотчас же притихнут. Но Грей остерегается вымолвить это слово и вместо этого угрожает нам!

Не стесняясь присутствия женщин, взбешенный Вильгельм начал площадно бранить Грея и Англию.

— Мерзкий сукин сын! Ферфлюхте хуре! — неистовствовал кайзер. Внезапно он замолчал, посидел молча несколько минут, затем приказал адъютанту немедленно передать канцлеру, начальнику большого генерального штаба фон Мольтке и морскому министру фон Тирпицу о том, что независимо от позиции Англии война будет начата, как только армия отмобилизуется.

— Готовить ноты с объявлением войны России и Франции! — заявил Вильгельм. — Начинать немедленно! Завтра документы показать мне!

Петербург, июль — август 1914 года

Небывалая жара не отпускала Петербург. Было душно, воздух был пропитан запахом гари. Так бывает на пожаре — еще не видны грозные языки огня, пожи-

рающие дом, но откуда-то уже потянуло терпким запахом дыма. Опасность на пороге, а люди, занятые своими делами, только подсознанием улавливают ее, но вот заволновались и тревожно подняли головы...

В таком состоянии находилась Европа в последние дни июля. В российской столице все были наэлектризованы сообщением, сделанным в прессе: «Императорское правительство внимательно следит за развитием австро-сербского конфликта, который не может оставить Россию безучастной».

По городу сразу же разнеслось заявление, сделанное германским послом графом Пурталесом, что Германия как союзница Австрии поддерживает законные требования венского кабинета к Сербии. Говорили также, что германский посол, всегда такой спокойный и благообразный господин, сделался вдруг нервным в движениях, с блуждающим взглядом и прерывистой речью.

На всех углах, в трактирах и ресторанах, в салонах и лавках — восхваляли Францию, верили, что она не оставит Россию в беде. Одновременно поругивали англичан, не проявивших еще своего истинного отношения к кризису, потрясшему Европу. Никто не был уверен, что Альбион встанет на сторону России и Франции, случись война с германцами.

В эту удушающую жару, когда даже легкие бризы с Финского залива не освежали сколько-нибудь заметно пропитанной гарью атмосферы, мало кто из чиновного и служилого мира сидел в Петербурге. Движение наблюдалось лишь вокруг Дворцовой площади, где располагались министерство иностранных дел, Генеральный штаб, Военное министерство: туда и сюда сновали курьеры, чиновники, офицеры... Работа здесь шла даже в воскресенье, предназначенное православным людям для отдыха и покоя.

Покоя не было и послам, а из-за них и всей остальной дипломатической челяди. Попробуй-ка побегай по всему городу по удушающей жаре на встречи со своими русскими и прочими знакомыми, выведай у них, что они думают обо всей этой ситуации, выпей с ними бессчетное количество бокалов и бокальчиков, а вечером, не дающим прохлады, садись пиши доклад, да еще потом подготовь донесение к отправке в МИД...

Сергей Дмитриевич Сазонов трудился в эти дни от зари до зари. В субботу, 25 июля, в три часа пополудни

он принял французского и британского послов вместе. Более экспансивный Палеолог, не дав и рта раскрыть флегматичному Бьюкенену, сообщил господину министру, что вчера германские послы в Париже и Лондоне вручили французскому и английскому правительствам ноту, в которой содержится требование, чтобы австро-сербская ссора была покончена исключительно между Веной и Белградом.

— Они хотят запугать нас! — почти взвизгнул Палеолог и зачитал последние слова ноты: — «Германское правительство делает все, чтобы конфликт был локализован, ибо всякое вмешательство третьей державы должно, по естественной игре союзов, вызвать неисчислимые последствия».

— Неужели вы поддадитесь наглым германским требованиям? — вопрошает французский посол, закончив чтение.

— Имею честь сообщить вашим превосходительствам, — откидывается в своем кресле министр, — что сегодня утром в Царском Селе под председательством государя состоялось важное совещание с военными. Его величество принял решение мобилизовать Киевский, Московский, Казанский и Одесский военные округа, имеющие быть нацеленными против Австро-Венгрии. В общей сложности это составит тринадцать корпусов...

— Но это всего лишь частичная мобилизация!.. — комментирует Бьюкенен.

Министр обращается к нему. Он всеми силами, стараясь придать своей английской речи максимум убедительности, настаивает на том, чтобы Англия более не медлила с переходом на сторону Франции и России, когда на карту поставлено не только европейское равновесие, но и сама свобода Европы.

...Кабинет министра выходит окнами на Дворцовую площадь. На противоположной ее стороне у подъездов скопилось несколько штабных автомобилей. Мимо дипломатов смотрит в окно с портрета российский канцлер Горчаков, не столь далекий предшественник Сазонова. Выражение лица на полотне слегка брезгливое, не без хитрости и ума. Кажется, что его взгляд уведен в сторону не случайно — «железный канцлер», как называли современники Горчакова, не одобряет альянса России с Францией и Англией, хотя и видит опасность со стороны Германии.

Палеолог хорошо знает дипломатическую историю России. Он указывает на портрет канцлера и говорит, обращаясь к послу Великобритании:

— Дорогой сэр Джордж! В этом самом кабинете в июле 1870 года князь Горчаков заявил вашему отцу, сэру Эндрью, что германские честолюбивые замыслы опасны. Не Россию должен беспокоить рост германского могущества. Пусть современная Англия не совершает той ошибки, которую она когда-то сделала...

Палеолог намекает на то, что Англия толкнула Россию на несколько десятилетий в объятия Германии и что нынешняя политика Альбиона, уклоняющегося от четкого определения своей позиции, — на руку Берлину. Бьюкенен понимает коллегу.

— Вы прекрасно знаете, что убеждаете сейчас того, кто и так уже убежден, — бросает он, делая жест безнадежности, свидетельствующий о том, что ему самому непонятно молчание его правительства.

Троица дипломатов расстается, несколько подавленная неясностью положения.

На следующий день, в воскресенье, просторный салон перед кабинетом министра иностранных дел Российской империи снова принял в свою сень французского посла. Палеолог примчался сюда по первому звонку Сазонова, который захотел рассказать союзнику о только что состоявшейся беседе с австрийским послом графом Сапари. Министр сам вышел в приемную, чтобы пригласить Палеолога. Он предложил гостю занять место у курительного столика и, едва раскурив сигару, начал без всякого предисловия:

— Я побудил графа Сапари к откровенному и честному объяснению...

Палеолог приготовился слушать и запоминать, чтобы как можно точнее сочинить депешу Пуанкаре.

Спокойный и даже суховатый в обычном состоянии, министр вдруг красочно начал рассказывать, как он читал графу Сапари текст австрийского ультиматума сербам, как отмечал недопустимый, оскорбительный и нелепый характер главных статей.

Французский посол понял, что министр очень возбужден, но в его задачу не входило охлаждать страсти. Скорее наоборот.

— А потом я сказал ему самым дружеским тоном, — продолжал Сазонов: — «Чувство, породившее этот документ, справедливо, если у вас не было иной цели, как

защитить вашу территорию от происков анархистов. Но форма не может быть одобрена...» Я предложил ему взять назад австрийский ультиматум, изменить его редакцию. Только тогда может быть достигнут благоприятный результат...

«О каком результате он говорит? — с возмущением подумал Палеолог. — Неужели он всерьез полагает, что переговоры между Петербургом и Веной способны дать хоть какой-нибудь результат? Ведь Извольский должен был дать ему понять ясно и нелицеприятно, что войну надо начинать сейчас, иначе Германия станет слишком сильной».

Но вслух посол поздравил министра с удачно проведенным разговором.

Сазонов вытер белоснежным платком внезапно вспотевшую лысину. Он словно угадал мысли посла и взволновался еще больше. Дрожащим голосом он принялся объяснять свое поведение.

— Я вынужден спасать дело мира... Его величество не без влияния государыни, вероятно, прилагает все усилия, чтобы заставить Германию отказаться от мысли о войне. Он готов передать дело в Гаагский международный трибунал, он намерен побудить Сербию принять как можно больше статей австрийского ультиматума, чтобы решить дело миром...

— Ни в коем случае! — взорвался посол. — Если бы мы имели дело только с Австрией! Тогда бы у меня оставались еще надежды... Главное — это Германия! Она обещала своей союзнице большой триумф; она убеждена, что мы не осмелимся до конца противиться ей, что Тройственное согласие уступит, как оно уступало всегда. Но на этот раз мы не можем более уступать...

Сазонов провел рукой с платком перед глазами, словно отгонял какое-то страшное видение.

— Мой дорогой посол! Ужасно думать о том, что готовится!..

Спокойно и неторопливо работала в эти дни только военная машина Российской империи. Пожалуй, даже слишком спокойно.

После первого порыва, вызванного месяц назад убийством эрцгерцога Франца-Фердинанда, когда разведка перешла на усиленный режим и уже смогла доставить кое-какие сведения о секретной мобилизации, проводимой Срединными империями, основные колеса механизма Генерального штаба вернулись к старому

ритму вращения. Многие офицеры находились в летнем отпуску и не догадывались о серьезности положения. Только несколько генералов и полковников, умудренных опытом прошлых войн, примчались в свои части с иностранных курортов. По дороге через Германию они наблюдали приступы антирусской и антифранцузской истерии, сотрясавшие немецкую нацию. В Берлине толпа побила нескольких русских, рискнувших говорить между собой на родном языке, сыпала проклятия и угрозы в адрес российского посольства.

В главном штабе занятия шли как обычно. Допоздна горели только окна отдела генерал-квартирмейстера, ведавшего иностранные армии, да канцелярии мобилизационного комитета.

Дело закипело здесь только в день объявления Австрией войны Сербии. Было получено высочайшее повеление начинать частичную мобилизацию. Государь предписал также собраться на совещание об этом акте Сазонову, Сухомлинову и Янушкевичу, а мнение глав ведомств иностранных дел, военного и Генерального штаба доложить ему по телефону в Петергоф.

Когда Сазонов пересекал площадь, чтобы войти в кабинет Янушкевича, где имело быть совещание, толпа манифестантов с пением церковного гимна «Спаси, господи, люди твоя!» и с антигерманскими выкриками вваливалась на Дворцовую площадь через арку Генерального штаба.

Манифестация напомнила Сазонову 9 января и последовавшую за этим рабочую революцию.

«Слава богу, тогда отделались манифестом 17 октября! — пришло на ум министру. — К чему приведет грядущее событие? Точно ли победоносная война укрепит монархию и успокоит чернь?..»

Сазонов отогнал от себя мрачные предчувствия и повернулся к своему спутнику, Николаю Александровичу Базили, вице-директору канцелярии министерства.

— Как трогательно видеть волеизъявление народа, не правда ли, Николай Александрович?

— Ваше высокопревосходительство, вся Россия сейчас бурлит! — ответил подобострастно заведомую неправду опытный чиновник.

Через угловой — Царский — подъезд прошли в кабинет генерал-лейтенанта Янушкевича. Военный министр Сухомлинов был уже там и восседал во главе длинного стола, на этот раз не закрытого картами. Он

был красен от возбуждения и еле дождался, когда министр и его чиновник усядутся, чтобы начать речь.

— Разве мы можем, хотя и временно, ограничиться частичной мобилизацией?! — поднял он руку с зажатым в ней царским приказом. — Надо доложить его величеству, что при нынешних обстоятельствах мы не имеем выбора между частичной и общей мобилизацией.

— Сергей Дмитриевич, — обратился Сухомлинов к Сазонову, — извольте взять на себя доклад государю о том, что частичная мобилизация не будет технически исполнимой иначе, как при непременном условии расшатывания всего механизма общей мобилизации... Мы уже были сегодня в Петергофе у его величества с начальником Генерального штаба, — кивнул он на Янушкевича, — но ничего не добились...

Военный министр тяжело вздохнул и продолжал аргументировать свое предложение о всеобщей мобилизации.

— Если мы сегодня ограничимся мобилизацией тринадцати корпусов, назначенных действовать против Австро-Венгрии, то окажемся бессильными перед угрозой со стороны Германии, реши она оказать поддержку Австрии в Польше и Восточной Пруссии. Ведь по сведениям нашей разведки немцы уже несколько дней открыто проводят мобилизацию и готовят военные коммуникации. Германская армия пришла в движение. Если мы не примем самые неотложные меры, то можем сразу же потерять Польшу...

— Мне ясно положение, — выразил свою точку зрения Сазонов. — Распорядитесь, Владимир Александрович, связать меня с Александрийским дворцом в Петергофе.

...Государь подошел к телефону в отличном настроении. Он только что искупался в заливе и ощущал приятную прохладу и свежесть. Сазонов по голосу чувствовал это настроение и был к тому же весьма убедителен. Он доложил о единодушии всех участников совещания в полной нецелесообразности частичной мобилизации. В заключение доклада он испрашивал согласия на общую.

— Соизволяю! — ответил царь.

Когда Сазонов передал это Сухомлинову и Янушкевичу, те едва не разразились криком «ура!».

В Главном штабе закипела деятельность. Через несколько часов мобилизационные документы, нужные для

рассылки по телеграфу во все уголки империи, были изготовлены.

Еще было светло, когда открытый мотор, в котором сидели Генерального штаба полковник Добророльский, главный делопроизводитель мобилизационного комитета и его младшие чины, промчался мимо Александровского сада, пересек Исаакиевскую площадь и затормозил на Почтамтской улице.

Городовой, стоявший возле главной телеграфной станции, взял под козырек. Полковник Добророльский, важно прижимая к себе черный сафьяновый портфель, в сопровождении двух офицеров проследовал через весь огромный зал в кабинет управляющего. Тот, вызванный заблаговременно с дачи, догадывался о важности задания, которое предстояло выполнить сегодня его телеграфистам.

Полковник Добророльский открыл портфель и вынул из него предписание управляющему, подписанное согласно законам империи министрами военным, морским и внутренних дел.

Управляющий твердой рукой принял этот важный документ.

— Сухомлинов, Григорович, Маклаков... — прочитал обер-телеграфист и двинулся было из-за стола. Но резко зазвонил телефон. Хозяин кабинета снял трубку.

— У аппарата начальник Генерального штаба Янушкевич! — раздался в наушнике громкий озабоченный голос. — Немедленно передайте господину полковнику Добророльскому, что государь повелел приостановить общую мобилизацию!

Сазонов впал в тихое бешенство, когда узнал от Янушкевича, что царь отменил общую мобилизацию российской армии. Министр всю ночь ходил большими шагами по своей огромной казенной квартире и никак не мог составить убедительную речь, с которой надлежит завтра же поутру обратиться к монарху. Ведь не скажешь ему всю истинную правду о том, что Палеолог и слышать не хочет о возможности замирения, что он, министр, слишком заангажирован французами и не может сопротивляться их нажиму, даже если бы это и угрожало самому существованию империи.

С рассветом Сергей Дмитриевич бросился в постель, но даже приятная прохлада накрахмаленных тончайшего голландского полотна простынь не умерила его волнения.

«Что будет, если Вильгельм и Николай сумеют договориться? — с ужасом думал министр. — Россия потеряет союзников, а он — могущественных друзей!.. Тогда ему не удержаться в министерском кресле, да и вообще на поверхности...»

Много тяжелых дум передумал за эту ночь Сазонов. Он так и не сомкнул глаз. Только утро принесло ему уверенность, что все задуманное осуществится: чиновник доложил сообщения телеграфных агентов о том, что австрийцы начали бомбардировку Белграда.

Спокойствие сразу же возвратилось к министру. После ванны, бритья и легкого завтрака он почувствовал себя значительно лучше. Раздался звонок. Это был Янушкевич. Он просил министра прийти к нему.

Своей обычной походкой вприпрыжку, только еще более торопливо, Сазонов, как и накануне, пересек Дворцовую площадь. Перед Зимним дворцом собирались в небольшие группки манифестанты, выкрикивая лозунги «Да здравствует Сербия!», «Да здравствует Франция!». Некоторые господа распаляли себя пением «Боже, царя храни!». Они почему-то думали, что царь сейчас в Зимнем дворце и готовится к войне, надеялись на его появление в окнах или на балконе.

Сазонов не вошел, а вбежал в кабинет Янушкевича. Там уже находился, словно и не выходил, военный министр. Лысина Сухомлинова пылала от возбуждения. Оба генерала уже пытались с утра пораньше связаться с государем и уговорить его на всеобщую мобилизацию. Но рассерженный Николай не желал ничего слышать.

— Черт бы побрал эти новомодные телефоны, — сердито бубнил Янушкевич. — Не будь этой дурацкой шкатулки, я бы получил бумагу от его величества с курьером на час позже, и тогда Добророльский уже успел бы передать указ о мобилизации во все концы России. А теперь, если наша мобилизация будет отложена больше чем на сутки, немцы нас расколотят прежде, чем мы успеем вынуть шашки из ножен...

— Государю доподлинно известно, что в Германии объявлено состояние военной опасности, а он не разрешает нам обнародовать указ об общей мобилизации. Император Вильгельм якобы утверждает, что он старается всеми силами способствовать соглашению между Австрией и Россией, — расстроенно добавил к словам начальника Генштаба Сухомлинов. — Хоть бы вы, до-

рогой Сергей Дмитриевич, поговорили с его величеством по телефону. Может быть, он вас послушает!

Сазонов в душе ликовал, видя, что два столь разных генерала, один, Сухомлинов, любимец царя, и второй, его антагонист, любимец великого князя Николая Николаевича, — теперь единодушны в столь важном решении.

— Что я должен сделать, ваше высокопревосходительство? — задал он вопрос Янушкевичу, ответ на который давно знал.

— Убедите его величество в необходимости немедленной общей мобилизации... Сообщите ему, что в Германии уже призван ландштурм и созданы баншутц-команды *... — скороговоркой от возбуждения выпаливает начальник российского Генерального штаба. — Скажите государю, что, по донесениям нашей разведки, немцы уже давно скрытно ведут мобилизацию и буквально через неделю после объявления войны могут вторгнуться в пределы Российской империи... Мы же будем беззащитны, поскольку наша мобилизация рассчитана на то, что лишь через 26 дней мы соберем силы, притом без корпусов с юго-восточных и восточных окраин империи, а полностью отмобилизуемся и подтянем войска к любой точке фронта лишь на 41-й день...

Сазонов чуть прикрыл глаза, чтобы умерить их нервный блеск. В обычное время он ни за что бы не поддался просьбам в чем-то убеждать царя. Ведь это сопряжено с серьезной опасностью утратить самому доверие его величества. Но теперь, когда назревают великие события, которые он и его старый друг Извольский так долго готовили, никак нельзя оставлять дело на волю случая. Если Вильгельм сможет убедить царя в своем миролюбии, то Николай Александрович еще откажется ввязываться в эту войну. Ведь сумел же царь не попасть в расставленные ловушки во время недавних Балканских войн. А уж как французы старались втравить Россию в драку на Балканах. Ан нет! Проявил-таки характер Николай Романов, не поддался!..

И вот теперь два старых генерала, сидевших против него, призывают уговорить царя начинать мобилизацию. А ведь оба не какие-нибудь молодые генштабисты, которые после Берлинского конгресса вознена-

* Охрана железных дорог и других путей сообщения в военное время.

видели Бисмарка за то, что он предал интересы России всегдашним ее врагам — австрийцам и англичанам. Наоборот, Сухомлинов из тех, кто считает своим другом кайзера Вильгельма и весьма гордится германским орденом Черного Орла, пожалованным ему в Берлине. Янушкевич, клеврет великого князя Николая Николаевича, — тот, пожалуй, ненавидит немцев от души...

Сазонов решил немного подразнить военных. Подняв бровь, он выразил сомнение:

— Вдруг мне удастся уговорить государя на час, а он снова передумает и отменит общую мобилизацию? Ведь я могу пустить в ход только дипломатические аргументы, дипломатия же — вещь переменчивая: сегодня так, завтра совсем иначе...

— Вы уговорите его величество хоть на десять минут и передайте мне его повеление о мобилизации по телефону, — быстро нашелся Янушкевич. — А затем я сломаю телефонный аппарат, уеду на острова дышать воздухом, пока указ не передадут по телеграфу...

— Ну, господа, с богом! — поднялся министр иностранных дел и подошел к телефону. Офицер, сидевший вместо барышни на коммутаторе Генерального штаба, быстро соединил его с телефоном петергофской «Александрии». Царь долго не подходил к аппарату, затем Сазонов услышал далекий знакомый, с хрипотцой и несколько растерянный голос монарха, не привыкшего говорить по телефону.

Министр доложил, что он говорит из кабинета начальника Генерального штаба. Царь прервал его вопросом: «Что же вам угодно, Сергей Дмитриевич?»

— Убедительнейше прошу вас, ваше величество, принять меня с чрезвычайным докладом еще до обеда! — поклонился телефону министр.

Николай Романов долго не отвечал. Сазонову стало казаться, что царь вообще бросил трубку, но отбоя почему-то не было. Наконец самодержец неуверенно сказал: «Я приму вас в три часа».

Сухомлинов и Янушкевич вздохнули облегченно, а военный министр даже перекрестился.

Сазонов посмотрел на часы и поспешил домой переменить рубашку. Утренняя была совсем мокрая от жары и волнения. Через час он был уже на Балтийском вокзале и занял место в придворном вагоне. В Петергоф министр прибыл к назначенному часу.

Петергоф, июль 1914 года

Скороход императорского двора провел Сазонова к царскому кабинету маленького загородного дворца «Александрия» и удалился, оставив на попечение дежурного офицера охраны. Царь принял министра сейчас же, как только ему доложили.

Широкие окна кабинета, расположенного на первом этаже, были растворены по случаю жаркого дня. Из них открывался, насколько хватает глаз, вид на Финский залив. Несколько гравюр с военными сюжетами на стенах, два письменных стола, один из которых завален бумагами, а другой — всякого рода безделушками, кожаный глубокий диван и шесть таких же кресел составляли обстановку рабочей комнаты царя. Сазонов и раньше бывал в этом кабинете с докладами, но только сегодня он обратил внимание на простоту комнаты. Хозяин ее тоже выглядел отнюдь не самодержцем всея Руси, а мужиком, одетым в малиновую шелковую рубаху и серые суконные брюки, заправленные в сапоги.

Большие мешки под глазами выдавали усталость и нездоровье царя, лицо его было озабоченно.

— Здравствуйте, Сергей Дмитриевич! — вежливо поздоровался Николай, отвечая на приветствие министра, и спросил: — Не будете ли вы возражать, если на нашей беседе поприсутствует генерал Татищев? Вы знаете, он состоит в свите Вильгельма как мой представитель, и ему полезно послушать, о чем мы с вами поговорим... Он завтра утром едет в Берлин...

— Ничего не имею против, ваше величество, — наклонил голову Сазонов. — Буду даже рад, поскольку давно имею честь знать его превосходительство! Осмелюсь только высказать сомнение, что его превосходительству удастся успеть ко двору Вильгельма до начала войны...

— Вы думаете, что уже поздно? — спросил Николай, бледнея.

Министр ответил утвердительно.

— Все же... — Царь позвонил, и вошел Татищев. Блестящий гвардеец был благоухапен и беззаботен, словно вся наэлектризованная атмосфера последних дней его нисколько не касалась. Он только переводил глаза с государя на министра и обратно, не понимая

их волнения. Постепенно его лицо прояснилось — генерал уразумел, что речь идет о непосредственной военной опасности. Видимо, в Берлине, при дворе кайзера, где он исправно нес службу на балах, раутах и попойках с прусскими офицерами, его старательно оберегали от всех серьезных разговоров и тем более военных планов.

Сазонов, волнуясь и даже слегка заикаясь, изложил государю все, что он слышал в кабинете начальника Генерального штаба, прибавив к этому новые сведения, полученные министерством иностранных дел за те два дня, что он не был у царя с докладом.

Постепенно голос Сазонова обрел силу, он с жаром доказывал царю, что положение настолько изменилось к худшему, что уже не осталось никакой надежды на сохранение мира. Все примирительные предложения России были отвергнуты, хотя они далеко выходили за пределы уступчивости, которую можно ожидать от великой державы. Министр иностранных дел вкратце изложил мнение Сухомлинова и Янушкевича об опасности отсрочки общей мобилизации.

Царь согласно кивал, слушая рассуждения Сазонова. Вместе с ним кивал и Татищев. Вдруг Николай словно спохватился.

— А как вы смотрите на это? — задал он вопрос, передавая министру телеграмму, полученную утром от Вильгельма и еще неизвестную Сазонову. На листе стояло:

«Если Россия мобилизуется против Австро-Венгрии, миссия посредника, которую я принял по твоей настоятельной просьбе, будет чрезвычайно затруднена, если не совсем невозможна. Вся тяжесть решения ложится на твои плечи, которые должны будут нести ответственность за войну или за мир. Вилли».

Подняв глаза на Николая, Сазонов удивился. Лицо царя, всегда такое спокойное и даже безразличное, сейчас выражало гнев. Видимо, Николай был крайне задет тоном своего родственника и содержанием его послания.

— Военные рассказали мне, — прокомментировал телеграмму Сазонов, — что германский генеральный штаб и его начальник фон Мольтке настояли перед императором Вильгельмом немедленно запустить машину мобилизации на полный ход, иначе они слагают с себя полномочия... Эти совершенно точные сведения передал

нам один наш офицер, Соколов, находящийся сейчас в Германии...

Николай тягостно молчал, а потом сказал тоном обиженного ребенка:

— Вилли требует от меня невозможного. Он забыл или не хочет признать, что австрийская мобилизация была начата раньше русской, и теперь желает прекращения нашей, не упоминая ни словом австрийскую. Вы знаете, что я уже раз задержал указ о мобилизации и согласился лишь на частичную. Если бы я теперь выразил согласие на требования Германии, мы стояли бы безоружными против мобилизованной Австро-Венгрии. Это безумие!

Вслед за царем словно прозрел и генерал Татищев.

— Ваше величество, а ведь Вильгельм хочет оттянуть наши мобилизационные мероприятия, а сам, наверное, мобилизует армию...

Сазонов в душе торжествовал. Он понял, что царь вполне созрел для решения, нужного военным и ему. Сазонов понял также, что всему существу Николая Второго была противна сама мысль о войне с Германской империей, с Вильгельмом, да еще в союзе с республиканской Францией. Но сила обстоятельств была выше царя. И как ни жаль ему было рвать тесные узы дружбы, связывавшие его с Вильгельмом, как ни оттягивал он этот момент, приходилось принимать решение.

Царь молчал. Он только чертил что-то на бюваре вечным золотым пером. Крупные капли пота покрывали его лоб.

Сазонов вновь заговорил о том, что телеграмма Вильгельма лжива, что германский посол граф Пурталес только вчера был у министра, и стало понятно, что война неизбежна, что в Берлине требуют капитуляции России перед центральными державами, которой империя никогда не простила бы государю... Царь молчал, и мучительный процесс размышления отражался на его лице.

Наконец он отложил перо и голосом, глухим от волнения, сказал:

— Это значит обречь на смерть сотни тысяч русских людей. Как не остановиться перед таким решением!..

Сазонов снова бросился в атаку. Он усилил нажим. Зная религиозность и даже мистицизм самодержца, он решил действовать с этой стороны.

— Ваше величество, — начал он с жаром, — с нами бог! Вам не придется отвечать ни перед ним, ни перед

историей за все кровопролитие, которое принесет с собой страшная война. Ведь она навязана России и всей Европе злой волею врагов, сил сатанинских, решивших поработить нас и союзников наших. Они хотят обречь нас на жалкое существование, зависимое от Срединных империй... Мы зажаты в тупик, из которого можем выйти только с поднятым мечом...

Генерал Татищев сидел ни жив ни мертв. Он также осознал всю серьезность момента и не пытался даже рта раскрыть.

Николай вперил свои глаза в одну точку где-то на поверхности вод. Потом словно вздрогнул, вздохнул и, оборотясь к Сазонову, с трудом выговорил:

— Вы правы... Нам ничего другого не остается делать, как ожидать нападения неприятеля. Передайте начальнику Генерального штаба мое повеление о мобилизации.

Сазонов тут же встал и без всяких церемоний пошел в соседнюю комнату, где у адъютанта он заметил телефонный аппарат. Петербург включился сразу.

— Николай Николаевич! — сказал Сазонов Янушкевичу. — Его величество милостиво повелеть соизволил об общей мобилизации! Как вы меня слышите?

— Спасибо, Сергей Дмитриевич! — отозвался генерал. — Мой телефон испортился!..

Лейпциг — Мюнхен — Карлсбад, июль 1914 года

Соколов много раз ездил в негласные командировки за границу, и всегда все проходило гладко. Но эта поездка началась с полупровала. В Эйдкунене, на германской пограничной станции, где происходила пересадка из вагонов широкой русской колеи «Норд-экспресса» в миниатюрные вагоны того же экспресса, но стоящие на европейской колее, начались первые неприятности.

Германский чиновник пограничной стражи, возвращая Алексею его паспорт, был особенно предупредителен и козырял совсем по-военному. Сразу после этого таможенник так тщательно перетряхивал небольшой багаж Соколова, словно искал в нем что-то особенное. Разумеется, он ничего не нашел, так как фальшивые документы Алексей должен был получить на перроне в Лейпциге от агента, кому они были пересланы особым путем еще вчера.

В довершение столь пристального внимания Соколов,

открыв свой паспорт, увидел под описанием собственных примет еле заметную надпись тоненьким карандашом «Полковник русского Генерального штаба».

Что это? Тот общеизвестный факт, что Соколов «стоит» на картотеке германских пограничных властей? Или о нем поступило специальное сообщение в Эйдкунен от германской агентуры из Петербурга? И случайно ли осталась надпись в паспорте нестертой? Может быть, ему хотели дать понять таким образом, что бесполезно что-либо предпринимать в Германии? Обо всем этом следовало поразмыслить.

Ведь намеченная встреча в Лейпциге грозила смертельной опасностью человеку, который до сих пор не был на подозрении у контрразведчиков Германии. Но если не будет встречи, то с какими документами отправится Соколов дальше, в Карлсбад и Прагу, а может быть, и Вену, если потребуется встретиться с Гавличеком, не создавая ему неудобств отъезда из столицы Австрии? Ведь из-за срочности командировки не было возможности подготовить запасной вариант. Стоя у окна своего купе и погасив в нем свет, чтобы даже в сумерках и ночью видеть военные приготовления на хорошо освещенных германских станциях, Алексей решил дать коллегам в Петербург шифрованную телеграмму через военного агента в Берлине о том, чтобы ему выслали новые документы в Штутгарт, в русскую миссию при дворе вюртембергского короля Вильгельма.

Германская империя состояла из союзных государств и княжеств, во многих из которых оставались еще традиционные посольства и миссии, как до объединения Бисмарком германского государства под владычеством Пруссии. Такие дипломатические представительства России существовали, помимо Штутгарта, в Мюнхене, Дармштадте, Дрездене, Карлсруэ, Веймаре и Гамбурге. Соколов остановился на столице Вюртемберга потому, что был хорошо знаком с тамошним российским посланником Сергеем Александровичем Лермонтовым, переведенным туда из Мадрида, где он был первым секретарем посольства. В Мадриде у Соколова бывали кое-какие встречи, и Сергей Александрович всегда отправлял его почту в Петербург экстренно, со своим курьером.

Теперь Алексей надеялся, что сможет получить в миссии документы, а затем уйти от наружного наблюдения, которое, безусловно, немцы поставили за ним из Эйдкунена. Оторвавшись от филеров в Германии, можно

через нейтральиую Швейцарию въехать в Австро-Веигрию под видом коммерсаита и провести иужиые встречи в Карлсбаде, Праге и Веие, если Гавличек ие сможет выехать из столицы.

Составляя мыслеиио иовый план, Алексей виимательно иаблюдал за дорогами и станциями, опытным глазом геиштабиста подмечая малейшие детали мобилизации Кое-что, особеиио любопытное, ои заиосил особым своим шифром, похожим иа перечень сделаиных расходов в блокнотик. Через Берлин ои иамеревался передать эти сведения в той же телеграмме в Генштаб.

Выходя в Берлиие из поезда под высокие своды Силезского вокзала, Алексей без труда обиаружил за собой слежку, ио дразиить коитрразведку ие стал, поскольку ничем предосудительным в столице империи не собирался заниматься. Он взял такси и отправился иа Уитер-деи-Линдеи, где в великолепном здаиии российского императорского посольства военный агент полковиик Базаров располагал коиторским помещеиием.

С Базаровым полковиик засиделся до вечера. Сначала оии подготовили и отправили телеграмму с иаблюдеииями Соколова по дороге. Запрашивать иовые документы Соколову не потребовалось, так как в сейфе русского разведчика в Берлине хранился фальшивый паспорт, приготовлеииый для одиого из агеитов, виешие похожих иа Алексея. Встреча с этим агентом предстояла лишь через месяц. Спокойный и внешие флегматичный Павел Александрович рассудил, что за это время он истребует из Петербурга новый докумеит, а паспорт швейцарца — торговца хроиометрами Ланга — вручил Соколову.

Обедать Базаров повел своего старого знакомца и приятеля в пивную «Флюгге» иа Лейпцигерштрассе, где подавали настоящее первоклассиое баварское пиво и мясные деликатесы из Тюриигии. Обед превратился в ужии. Только за полночь военный агент проводил своего друга к отелю «Бристоль», извинившись, что ие сможет прийти проводить его иа вокзал.

На полутемных улицах ночного Берлина, пока шли от «Флюгге» до Унтер-ден-Лииден, вдали от любознательных ушей официаитов, договорились о том, что Соколов по приезде иа книжную ярмарку в Лейпциг, что являлось официальиой целью его визита, отдаст свой российский паспорт в полицейский президиум города для регистрации, как и полагается.

Паспортом, конечно, придется пожертвовать, зато Соколов выиграет пару дней, когда его будут искать не очень активно. Он сможет уйти далеко. Базаров предупредил коллегу и о том, чтобы он ни в коем случае не вздумал садиться в поезд, идущий с огромного лейпцигского вокзала. Полиция установила там множество негласных постов: поскольку в городе и на этой станции сходится большинство железнодорожных магистралей Германии, здесь очень удобно вылавливать любую подозрительную личность.

Он рекомендовал Соколову пройти от Лейпцига до Альтенбурга под видом туриста, используя попутные омнибусы, а в Альтенбурге сесть на поезд и через Гоф отправиться в Мюнхен.

Алексей так и сделал. Он оторвался от очень плотного и нахального наружного наблюдения, делая вид, что осматривает только что возведенный грандиозный памятник Битве народов, разразившейся в наполеоновские времена у стен Лейпцига, и, переодевшись прямо в магазине, где купил костюм туриста и рюкзак, отправился по дороге на Альтенбург.

Стояли дивные дни. Соколов был не одинок на дороге. Ему попадались группы гимназистов, студенты, почтенные семейства с малым достатком, проводившие свои отпускные дни в путешествии по родной стране... Совет Базарова был хорош — он ничем не выделялся из путешествующих туристским способом. За день он покрыл пешком и с помощью омнибусов четыре десятка километров, отделявших Лейпциг от Альтенбурга, переночевал в придорожной корчме и утром был на перроне станции маленького городка.

. Подошел мюнхенский поезд. Дорога до столицы Баварии продолжилась без приключений. От Мюнхена до австрийской границы было совсем недалеко. Соколов из случайного разговора с попутчиком в вагоне узнал, что в связи с кризисным положением в международной политике германские власти усилили строгости при выезде в нейтральные государства и, в частности, в Швейцарию. Полковник тем же туристским путем добрался до пограничной с Австро-Венгрией станции и обнаружил, что здесь, наоборот, режим был облегчен. Алексей решил рискнуть, не тратить время на Швейцарию, а явиться прямо в Карлсбад на встречу со Стечишиным со своим фальшивым швейцарским паспортом. Он рассчитывал, что в пик курортного сезона здесь будет столько ино-

странцев, что полиция не обратит внимания на швейцарца с «больным желудком». А если и обратит, то... На подобный случай Соколов запасся пятью дюжинами прекрасных швейцарских часов, которыми якобы торговал. Он мог в качестве образца товара сделать дорогой презент слишком назойливому полицейскому чину.

Переезд австро-германской границы сошел благополучно. С чемоданом вновь приобретенного платья и с «образцами» часовой продукции разведчик очутился в милом австрийском городке Зальцбурге. Здесь работал председателем провинциального правительства один из агентов группы Филимона Стечишина. Соколов еще в Петербурге, готовясь к поездке, выучил его домашний адрес и мог послать доктору Рамбусеку открытку с условным текстом. Однако встречи с каждым участником группы не входили в планы полковника. К тому же он не хотел без нужды подвергать опасности ценного сотрудника.

Он отправил из Зальцбурга письма Стечишину и Гавличеку, с которыми намеревался обязательно повидаться. Отсюда, из столицы одной из провинций Дунайской монархии, его путь лежал на север, в Карлсбад, где должна была состояться встреча с директором большой нелегальной разведывательной организации русского Генерального штаба Филимоном Стечишиным.

«Ланг» прибыл в Карлсбад на третий день вечером, когда до назначенного свидания оставалась еще целая неделя.

Алексей несколько раз накоротке бывал на этих прославленных водах. Причиной, слава богу, была не какая-нибудь хроническая желудочная или печеночная болезнь, а профессия разведчика. Теперь в его распоряжении было порядочно времени, чтобы отдохнуть. Голова Алексея постоянно была занята сложными и острыми вопросами проверки и перепроверки собственного поведения, тщательного планирования каждого шага.

Соколов остановился в недорогом пансионате «Алиса», соответствовавшем положению «Ланга», уплатил хозяину за 26 дней вперед, словно собирался именно столько времени наполнять свои внутренности исключительно полезной, но отвратительной на вкус водой. На этом космополитическом курорте никого не заинтересовал пока коммерсант-швейцарец, ведущий себя в точности так, как должен это делать добропорядочный буржуа.

Соколов вставал рано утром, выпивал свой кофе, оплаченный вместе с помещением, прополаскивал особую фарфоровую кружку с носиком-ручкой, которую полагалось наполнять водой из шпруделя, то есть источника, и покидал до вечера свою узкую спальную комнату. Целый день он изнывал от скуки, перечитывая свежие газеты в кафе «Бульвар», заглядывая в ресторан Штайнера, где одна и та же публика играла в карты, или в кафе Бидерманна, где другая компания целый день стучала костяшками домино. Ему нужно было примелькаться во всех злачных местах и не выделяться среди других подобных кургастов.

Во второй половине дня он для собственного удовольствия поднимался в гору, где на вершине в лесу уютно пристроилось охотничье кафе «Эгерлендер». Отсюда весь Карлсбад был как на ладони, и можно было часами любоваться видом красных черепичных крыш городка, обезличенной отсюда пестрой толпой на набережной речушки Тепль и густыми лесами, покрывающими горы вокруг долины, где расположился курорт.

Однажды он со скуки рискнул раскошелиться. Вопреки легенде, по которой он слыл небогатым торговцем, «Ланг» взял извозчика, с которым объехал окрестности. Больше всего ему понравился микроскопический городишко Эльбоген (Локет), расположенный в дюжине верст от Карлсбада. Алексей пообедал в гостинице «Белый конь», где ему торжественно сообщили, что здесь останавливался сам господин министр Иоганн Вольфганг Гёте и сиживал вон за тем столиком в углу.

От колодца на единственной рыночной площади городка начиналась улица куда-то вверх, на гору, к замку. У прохожего Соколов спросил, кому принадлежит это живописное гнездо, но получил ответ, исключающий шутливость. Оказалось, что в неприступном замке на верхушке скалы помещается тюрьма для особо опасных государственных преступников империи.

...Время встречи с Филимоном приближалось. Она была назначена в трактире близлежащей деревни Пиркенхаммер, куда кургасты частенько ходили для разнообразия обедать.

Рано утром, подкрепившись в какой-то молочной, Соколов кружным путем отправился в Пиркенхаммер. Он тщательно проверился на этот раз и, выходя к трактиру на деревенской площади, положил в правый карман карлсбадскую газету «Бадеблатт» в знак того, что

все в порядке. Он нашел свободный столик на открытой террасе, откуда во все стороны было хорошо видно, заказал пльзеньское пиво и стал дожидаться Стечишина.

Ровно в четыре, как было условлено, через площадь от омнибуса прошел полный краснолицый господин с седыми волосами, веселыми глазами и довольно острым носом. В левой руке он держал венскую газету «Нойе фрайе прессе», что означало также отсутствие за ним наблюдения. Одними глазами Соколов пригласил Филимона к своему столу. Новый гость попросил официанта узнать у молодого приятного господина, не позволит ли он занять свободное место за его столиком, а затем с независимым видом уселся и поздоровался с Алексеем.

Соколов незаметно сунул клочок бумаги Стечишину, где нарисовал путь к густым зарослям на склоне горы в версте от деревушки. Там он собирался продолжить встречу. Филимон все понял. Тогда Алексей расплатился и вышел.

Стечишин не заставил себя долго ждать. Он явился, прихватив с собой корзинку, наполненную в трактире напитками и закусками. На полянке среди густого кустарника, не видимые никому, зато отлично просматривающие все вокруг, встретились два друга и соратника. Корзинка Филимона очень скрасила их долгожданное свидание.

Разведчики удобно устроились так, чтобы у каждого был свой сектор обзора, и принялись обсуждать складывающееся положение. А оно день ото дня накалялось. В австрийской и германской прессе звучали все более воинственные ноты. Стечишин сообщил, что идет скрытая мобилизация австро-венгерской императорской и королевской армии.

Филимон поведал, что до сих пор, до середины июля, венцам не удалось убедить строптивого руководителя Венгрии графа Тиссу в необходимости начала войны против Сербии и России. Причина сопротивления Тиссы, как предполагал Филимон, заключалась в опасениях графа, что в случае победы и аннексии славянских областей, которые, по мысли эрцгерцога, должны были сделать монархию триалистической, Венгрия потеряет все свои особые права и возможности влиять на политику Вены. При поражении в войне, о котором Тисса, по сведениям Стечишина, также задумывался, старую габсбургскую монархию ожидала гибель...

Разведчики подробно обсудили способы связи с Рос-

сией на случай войны. Соколов продиктовал соратнику адреса в Швейцарии и Голландии, которые, видимо, останутся нейтральными, вручил Стечишину несколько ампул с симпатическими чернилами, проинструктировал, как ими пользоваться. Словом, профессиональная конференция состоялась по полной программе.

Филимон отговорил Алексея втречаться с профессором Массариком и доктором Бенешем, которые неплохо помогали его группе, добывая исключительную по ценности информацию из верхов империи. В шовинистическом угаре, уверял Стечишин, охватившем венские круги и их администрацию в Праге, за обоими главными деятелями партии национальных социалистов было установлено усиленное наблюдение. Даже краткая встреча с ними немедленно повлекла бы за собой арест смельчака и не принесла никакой пользы.

— Не беспокойся, Алекс! — завершил свои уговоры Филимон. — Наши люди найдут способ связаться с ними и передадут твои вопросы и пожелания...

Соколов согласился. Гораздо нужнее была для него встреча с начальником оперативного отдела императорского и королевского Генерального штаба полковником Гавличеком. Правая рука Конрада фон Гетцендорфа, тот, как выяснилось, никуда не мог отлучиться из Вены по случаю объявленного среди офицеров «состояния военной опасности». В столице бушевали шовинистические страсти, со дня на день ожидали бомбардировки Белграда австрийской артиллерией. Стечишин посоветовал Соколову спешить в Вену, пока военные строгости не сделали границы непроходимыми. Он обещал помочь, если нужно, документами, которыми его группа располагала в необходимых количествах.

Условились о связи на то время, пока Соколов будет находиться на территории Дунайской империи. Время, отведенное для встречи, истекло.

— Свидимся ли мы с тобой когда-нибудь еще, брат ты мой? — дрогнул голос Филимона, и слеза блеснула в уголке его глаза. Он весь как-то сгорбился и не казался уже таким представительным и самоуверенным, каким увидел его Соколов пару часов назад у трактира. — Доживу ли я до конца этой большой войны, которая вот-вот разразится?.. И что она нам принесет?..

— Свободу! — решительно утвердил Соколов. — Свободу и такую победу славянства, какой еще не знал мир! Береги себя, Филимон!

Петербург, 31 июля 1914 года

Ранним утром пятницы 31 июля по всему городу были расклеены красные листки официального объявления общей мобилизации. Молчаливые толпы людей собирались у этих листков на рабочих окраинах. Иногда здесь раздавались горестные вопли женщин, узнавших, что их мужья и сыновья скоро должны идти на войну. Иногда какой-нибудь богомольный недавний крестьянин начинал часто-часто креститься, шепча побелевшими губами: «Спаси, господи, люди твоя!»

Анастасия обмерла, прочитав первый такой листок, который она заприметила на афишной тумбе.

«Вот и грянуло то, о чем месяц назад говорил Алексей! — подумала она. — Каково ему теперь там, вдали от России?! А я даже не знаю, где он!..

Вокруг нее стояли люди, по многу раз читая и перечитывая царский указ, который многим принес суровую перемену жизни. Здесь, на Васильевском острове, жил рабочий люд, красные листки отнюдь не возбудили у народа восторга и умиления. Питейные заведения были переполнены с раннего утра, выбрасывая на улицу из своих дверей пьяных мужиков, горланящих печальные песни или размазывающих по лицу пьяные слезы.

...Российский министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов отужинал и решил еще поработать. Следовало привести в порядок последние бумаги, дабы будущие историки могли возложить всю тяжесть вины за развязывание страшной войны на германцев. То, что война будет страшной, не вызывало никакого сомнения у господина министра.

В раскрытое окно министерского кабинета вместе с вечерней прохладой вливался шум толпы, не иссякающей на Дворцовой площади после того, как была объявлена мобилизация. До Сазонова доносились выкрики: «Да здравствует Франция!», «На Берлин!», «Долой Вену!» Иногда голоса принимались нестройно кричать «ура!», и тогда становилось очевидно, что к подъезду Генерального штаба прибыл очередной автомобиль с господами офицерами.

Министр бегло просматривал документы и раскладывал их в определенной последовательности. На некоторых из них он писал резолюции. Наконец, Сазонов взял самую последнюю телеграмму государю кайзера Вильгельма и еще раз внимательно перечитал ее:

«Я дошел до крайних пределов возможного в моем старании сохранить мир. Поэтому не я понесу ответственность за ужасные бедствия, которые угрожают теперь всему цивилизованному миру. Только от тебя теперь зависит отвратить их. Моя дружба к тебе и твоей империи, завещанная мне моим дедом, всегда для меня священна, и я был верен России, когда она находилась в беде, во время последней войны. В настоящее время ты еще можешь спасти мир Европы, если остановишь военные мероприятия. Вильгельм».

Сазонов отложил телеграмму и задумался. Он вспомнил весь тот нажим, который оказал на него Бьюкенен по поручению Грея. Британский посол требовал обязательного вступления России в войну, но так, чтобы она оставалась в глазах английского общественного мнения страдающей, обороняющейся стороной. Только тогда Грей гарантировал поддержку Британии и возможное участие ее в войне на стороне Франции и России.

Сазонов и сам понимал всю важность для держав Согласия изобразить Германию и Австро-Венгрию грубыми агрессорами. Именно поэтому Сергей Дмитриевич решил без возражений принять текст, переданный ему Греем и корректировавший его собственные предложения, удивившие вчера весь берлинский кабинет. Сазонов вынимает из стопки документов этот листок и еще раз вчитывается в него.

«Если Австрия согласится остановить продвижение своих армий на сербской территории и если, признавая, что австро-сербский конфликт принял характер вопроса, имеющего общеевропейское значение, она допустит, чтобы великие державы обсудили удовлетворение, которое Сербия могла бы предложить правительству Австро-Венгрии, не умаляя своих прав суверенного государства и своей независимости, Россия обязуется сохранить выжидательное положение».

Министр закрыл глаза и откинулся в кресле.

«Неужели Вильгельм испугается участия Англии в войне и в последнюю минуту откажется от своего вызова? — напряженно думал министр. — Как тогда его раззадорить, словно быка на корриде, и выставить в роли покусителя на всеобщий мир? Ведь это весьма важно для всех систем союзов... На чьей стороне выступит, например, Италия? Итальянцы будут крайне возмущены, что союзники их не спросили о таком важном деле, как начало войны .. И если сейчас союз Италии

с Австро-Венгрией и Германией трещит и потихоньку разваливается, то бестактность Вильгельма подорвет его окончательно. Тем более что собственные интересы Италии в Средиземном море и на Балканах диаметрально противоположны австрийским...»

Старинные напольные часы красного дерева с бронзой в углу министерского кабинета мелодично отзвонили одиннадцать. Сазонов поднялся было с кресла, чтобы сложить депеши в сейф, но вошел секретарь и доложил, что германский посол граф Пурталес просит встречи.

«Вот оно, предъявление ультиматума, — удовлетворенно подумал министр. — Ура, Вильгельм решил стать виновником войны!»

— Приглашайте посла! — приказал Сазонов.

Граф Пурталес появился тотчас, словно стоял за дверью. Он почти бегом приблизился к столу министра. Обычно подтянутый и благообразный, с белесыми кроткими глазами, милой улыбкой, полускрытой в седой бородке клинышком и аккуратно подстриженных усах, с нимбом седых волос на полулысой продолговатой голове, граф теперь хочет изобразить гнев и возмущение, полагающиеся ему по сценарию, присланному из Берлина вместе с текстом ультиматума. Но ему плохо удается это, поскольку он всегда искренне и сердечно дружил с Сазоновым, с петербургским светом, где его любили и уважали.

Его «грозный» вид скорее похож на растерянность, в глазах посла стоят слезы, но он пытается говорить твердым голосом.

— Господин министр! — заявляет он. — Я уполномочен моим правительством потребовать от России прекращения всех ее мобилизационных мер как на германской, так и на австро-венгерской границе!.. Если российская мобилизация не будет прервана, то вся германская армия мобилизуется!..

Посол подчеркнуто смотрит на часы. На них — половина двенадцатого.

— Срок истекает ровно через двенадцать часов!

Как будто свалив тяжелую ношу, посол преображается. Из напыщенного, играющего в твердость посланника Германской империи он превращается в растерянного и жалкого старика.

— Согласитесь на демобилизацию! Согласитесь на демобилизацию! Согласитесь на демобилизацию!.. —

бормочет он дребезжащим от волнения голосом и умоляюще смотрит на Сазонова.

Сазонов, которого перед приходом посла почти одолела нервная дрожь, теперь совершенно успокоился. Он твердо отвечает графу Пурталесу:

— Господин министр! Я могу лишь подтвердить то, что сказал вам сегодня его величество император Николай Второй. Пока останется хоть один шанс на предотвращение войны, пока могут быть продолжены переговоры с Австрией — Россия не будет нападать. Однако нам технически невозможно демобилизовать армию, не расстраивая всю военную организацию. Законность этого соображения не может оспаривать даже ваш Генштаб!..

Пурталес делает жест отчаяния.

— Согласитесь на демобилизацию! — как заклятие произносит он.

Сазонов холодно смотрит на посла. Пурталес поворачивается и шаркающей походкой слабого человека уходит.

Вена, июль 1914 года

...Вена еще веселилась. Только на Бургринге, в районе императорского дворца Хофбург собирались патриотические демонстрации по преимуществу из студентов и господ особого пошиба в котелках, которые явно смахивали на полицейских агентов.

Полны были рестораны и кафе, кондитерские и пивоварни, винные подвальчики и открытые кофейни в парках. Единственно, что отличало Вену тех предвоенных дней от обычной, мирной столицы, — это особое почтение к офицерам. Господам в военной форме подчеркнуто вежливо уступали дорогу господа в штатском, дамы бросали на них особенно нежные взгляды... Словом, офицерство процветало, как никогда ранее.

Соколов стал на постой в отеле «Вандль» на Петерсплатц, в самом центре Внутреннего города. Как и предписано правилами, он сдал портье свой паспорт и получил от него расписку, в которой было назначено лично явиться в императорскую и королевскую полицейскую дирекцию, Шпенглергассе, № 564, в течение 24 часов за видом на жительство.

«Вот тебе и первая проверка!» — подумал Алексей. На всякий случай он привел в порядок сафьяновые фут-

ляры, в которых лежали дюжины часов. Они должны были подкрепить при негласном обыске версию о швейцарском коммивояжере, который лечился в Карлсбаде, а затем решил немного подработать в империи. На всякий случай он не стал искать связи с Гавличеком в первый же день своего пребывания в Вене, а отложил это до тех пор, пока не закончатся проверки гласные и негласные. А что будут и негласные — полковник не сомневался. Он хорошо знал коварство и рвение Максимилиана Ронге, возглавившего Эвиденцбюро после Урбанского. «Макс не упустит случая присмотреть за новым иностранцем в разгар международного кризиса», — думал Алексей.

Так оно и вышло. Хотя Соколов благополучно получил в полиции свой вид на жительство сроком действия в шесть недель, но ловушки, которые он поставил в своем багаже, сообщили ему, что вещи тщательно перерывались. Из-за этого открытия ему еще несколько дней пришлось изображать из себя настоящего коммивояжера, посещать оптовые фирмы, торговавшие часами, часовые лавки, часовых дел мастеров, чтобы выяснить конъюнктуру, предварительно «договориться» о возможных поставках и условиях.

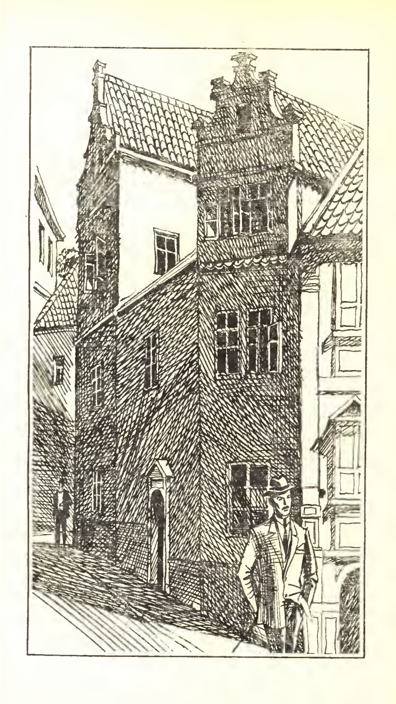
На венских улицах «часовщик Ланг» чрезвычайно осторожно проверял, нет ли за ним слежки, дважды ее обнаруживал и тогда утраивал свою осторожность. Наконец, лишь когда пару дней подряд он не замечал за собой наружного наблюдения, рискнул бросить открытку с условным текстом полковнику Гавличеку на его домашний адрес. Алексей вызвал его на встречу в знакомое местечко у вершины Холма Константина в парке Пратер.

Гавличек пришел на встречу очень взволнованный.

— Завтра мы начнем бомбардировку Белграда из тяжелых орудий... — сказал он Соколову вместо приветствия, хотя они давным-давно не виделись.

— Значит, начинается большая война!.. — ответил ему Алексей. — Мне надо с тобой о многом поговорить! Каким временем ты располагаешь?

— Сегодня — четвертью часа... — озабоченно посмотрел на часы Гавличек. — Ведь завтра начинается война, притом с нападения нашей армии на слабых сербов. Это будет прелюдия к общеевропейскому столкновению... Конрад фон Гетцендорф уговорил престарелого императора. Тот наконец дал согласие... Гораздо

хуже для Конрада складывается положение в Венгрии: граф Тисса, хотя формально и согласился с необходимостью выступать в поход, но не отдал об этом приказа. Из-за этого я сегодня должен выехать в Будапешт и вести переговоры с командованием Гонведа о совместных действиях... Ближайшие дни мне придется пробыть в Будапеште.

Видя огорченное лицо Соколова и понимая, что подробный разговор крайне необходим и ему, Гавличек поразмыслил и с надеждой сказал:

— Послушай, Алекс! Может быть, ты сочтешь возможным выехать в Будапешт, и мы там без помех переговорим?.. Я имею в виду, что контрразведка мадьяр работает гораздо слабее австрийской, без тесного контакта с германской... Дело еще и в том, что в Венгрии есть мощные силы, которые не хотят вступать в войну с Россией и притормаживают патриотические демонстрации. Впрочем, как ты можешь видеть в Вене — здесь тоже не очень радуются большой схватке. Государственной полиции приходится помогать энтузиазму своим наличным составом, переодетым в штатское.

— Хорошо, Петр! — согласился после недолгого раздумья Соколов. — Завтра утром я тоже выезжаю в Будапешт. В какой гостинице ты остановишься?

— Скорее всего в «Отель д'Юроп», напротив висячего моста через Дунай...

— Тогда я поищу себе номер на другой стороне — в Офене... — предложил Соколов, назвав старинный мадьярский город Буду немецким именем, употребляемым на австрийских военных картах.

...Уютный колесный пароход на линии Вена — Будапешт, своего рода плавучий отель, доставил полковнику массу удовольствия. Алексей позволил себе немного расслабиться в одноместной каюте и на палубе в плетеном кресле. Как всегда в такие минуты, когда непосредственная опасность не нависала над ним, он возвращался мыслями в Петербург, на Знаменскую, к Насте.

«Вот, милая, я и поехал в свадебное путешествие!.. Только, увы, без тебя, мое сокровище!» — думал он, словно писал бесконечное письмо. В нем он рисовал Насте все, что могло бы заинтересовать жену. «Жену» — это слово еще не стало для него привычным. Алексей особенно тосковал, когда вспоминал три дня и две ночи своего счастья, унесенного войной.

Берлин, 1 августа 1914 года

Уже несколько дней бушует многотысячная человеческая масса у ворот российского императорского посольства на Унтер-ден-Линден. Бурши ревут патриотические песни, толпа то и дело подхватывает гимн «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес!» («Германия, Германия превыше всего!»), ругает Россию и русских, требует войны.

Главная улица столицы Германской империи похожа на реку, вышедшую из берегов. На всем ее пространстве — от берлинского Шлосса, фасад которого украшен двумя скульптурами вздыбленных коней и их укротителей работы русского мастера Клодта, до Бранденбургских ворот — кипят и переливаются толпы людей. Они остановили все движение по улице, и шупо * — грозные, неумолимые шупо — получили строгий приказ не препятствовать бурному волеизъявлению подданных его величества императора Вильгельма Гогенцоллерна.

Манифестации молодежи собираются на площади между Бранденбургскими воротами и Тиргартеном, оттуда направляются к аллее Победы, к австрийскому посольству, чтобы выразить союзническую верность, а потом — к сербскому посольству, чтобы разрядиться в диких криках и оскорблениях...

Финансовый рынок тоже реагирует весьма патриотично: за 100 русских рублей золотом, в двадцатирублевых империалах, дают теперь только 185 марок. А ведь позавчера давали 220. Биржа мстит по-своему.

Молчали только рабочие предместья — Веддинг, Копеник, Трептов...

Канцлер Бетман-Гольвег хотел во что бы то ни стало заставить их принять участие в общем шовинистическом хоре. Для этого требовалось изобразить перед социал-демократами справедливый характер войны и начать ее под лозунгом борьбы с... царизмом!

Утром 1 августа, когда текст ноты с объявлением войны России следовало уже давно передать в посольство в Петербурге, кайзер обнаружил, что документ еще не готов. Он послал своего адъютанта к фон Бетману с требованием ускорить выработку ноты.

---

* Шупо — название полицейского в догитлеровской Германии.

Адъютант граф Хилиус примчался к дворцу рейхсканцлера в ту самую минуту, когда туда на своем авто прибыл с визитом один из крупнейших воротил Германской империи, директор Гамбургско-Американской кампании Альберт Баллин. Хилиус знал давнишние симпатии Баллина к Англии, вытекающие из специфики его деловых интересов, и о большой дружбе финансиста с английским банкиром, поверенным английских Ротшильдов, личным другом покойного короля Эдуарда VII и нынешнего первого лорда Адмиралтейства Черчилля — Эрнстом Касселем.

«Старая лиса не случайно пожаловала сюда в такой горячий денек!» — подумал граф и решил на всякий случай обратить внимание своего повелителя на связи канцлера. Однако это не помешало ему раскланяться с пароходчиком, наградив его самой сладчайшей улыбкой.

Дворецкий провел господ в салон, где работал фон Бетман. Рейхсканцлер в сильном возбуждении расхаживал взад и вперед по залу. За рабочим столом хозяина, заваленным толстенными томами и справочниками, копошился известный обоим тайный советник Криге. Прилежный и усердный чиновник то и дело отирал пот со лба и набрасывался на очередной том.

— Объявление войны России все еще не готово? Я должен сейчас же иметь ноту! — время от времени восклицал расхаживающий канцлер и тоже принимался отирать пот с шеи.

Заинтересованный Хилиус подошел ближе к столу и увидел книги по государственному и международному праву от Гуго Гроция до Мартенса и Блюнчли, раскрытые на тех страницах, где, по мнению Криге, можно было почерпнуть прецеденты.

Старый приятель канцлера Баллин позволил себе усесться без приглашения и закурить сигару. Фон Хилиус с недоумением наблюдал за рейхсканцлером, пересекающим комнату, как маятник: адъютант императора был хорошо воспитан и не мог сесть без приглашения хозяина. А Бетман был настолько озабочен, что ему не приходила в голову подобная мысль.

После одного из очередных выкриков канцлера: «Я должен иметь ноту России!» — Баллин непринужденно задал вопрос хозяину:

— А почему, собственно, ваше превосходительство так торопится с объявлением войны России? Ведь есть

еще Франция и наши доблестные армии туда ринутся в первую очередь?!

— Как вы не понимаете?! — с досадой бросил ему Бетман. — Иначе я не заполучу социал-демократов!

Петербург, 1 августа 1914 года

Субботний присутственный день чиновного Петербурга уже заканчивался, но германской ноты, подводящей черту под ультиматумом, предъявленным вчера, еще не было. По российскому министерству иностранных дел поползли слухи, что Вильгельм передумал, что возможно еще умиротворение Австрии и переговоры с Берлином. Многие из чинов дипломатического ведомства с этим и отправились на дачи.

Только к вечеру Сазонову доложили, что граф Пурталес вновь требует встречи. Министр понял, что решающий час наступил. Сергей Дмитриевич перекрестился на маленький образок, прежде чем из квартиры перейти в официальный кабинет.

Часы прозвонили семь, когда министерский швейцар растворил двери кабинета и впустил германского посла. Граф Пурталес был бледен как мел, его глаза распухли от слез, которые он тщательно скрывал даже от жены. Сазонову показалось, что Пурталеса слегка пошатывало, и он пожалел бедного старика, любимца всего дипломатического корпуса Петербурга и столичных великосветских салонов.

Справившись с волнением и выпрямившись, посол довольно твердым голосом спросил министра:

— Намерено ли российское императорское правительство дать благоприятный ответ на ноту германского императорского правительства от 31 июля сего года, настаивавшую на прекращении мобилизации русской армии?

Сазонов молчал. Он вдруг воочию увидел гигантскую пропасть, вырытую не без его участия, в которую готовы провалиться целые страны и народы, если он сейчас отрицательно ответит на вопрос посла германского императора. Министр почувствовал спазм в горле.

Пурталес истолковал молчание Сазонова по-своему. Уже с некоторой надеждой в голосе он повторил вопрос, стараясь придать словам более мягкое выражение.

Сазонов собрал всю силу воли, чтобы преодолеть слабость. Горло отпустило, и министр твердо ответил: «Нет!»

Словно отброшенный этим категорическим ответом, Пурталес отступил на шаг. Он тоже обрел твердость, которая в обычное время была совершенно ему несвойственна. Посол не желает слушать, что говорит ему в оправдание своего «нет!» российский министр. А министр уверяет, что мобилизация — еще не война, что монархи еще могут приложить усилия для спасения мира...

В третий раз посол задает свой вопрос и, получив столь же твердое: «Нет! Вы проводите преступную политику!», — медленно снимает белую лайковую перчатку с правой руки. «Он кинуть, что ли, ее мне хочет?» — мелькает ироническая мысль в мозгу министра.

Сняв перчатку, посол извлекает из внутреннего кармана расшитого золотом мундира конверт из плотной белой бумаги с печатями, украшенными германским гербом, и торжественно, словно делая салют шпагой, передает его Сазонову.

Оба понимают, что момент передачи конверта с объявлением войны сам по себе не отворит реки крови. Она начнет литься лишь тогда, когда две военные машины столкнутся, когда войска войдут в соприкосновение. Два старых человека понимают, что очень многое их связывало лично и будет продолжать связывать, несмотря ни на что, ни на какие фронты, которые лягут между ними. Но символика акта такова, что оба вздрагивают, как от удара электрическим током, когда белый конверт переходит из руки посла в руку министра.

Сазонов — это нужно для истории — произносит снова свою фразу:

— Вы совершаете преступное дело!

— Мы защищаем нашу честь! — с дрожью в голосе говорит посол. Он крайне расстроен и еле стоит на ногах.

Сазонов открывает конверт и читает текст об объявлении войны. Нота коротка. Ему бросается в глаза сначала последняя, самая существенная фраза: «Его величество германский император, мой августейший монарх, от имени империи принимает вызов и считает себя в состоянии войны с Россией!»

Перейдя к вводной части, Сазонов видит вдруг в скобках два варианта формулировок. Изумлению министра нет предела. Ведь небрежность переписчиков делает ноту не документом, творящим историю, а посмешищем, заодно и чиновников посольства, выпустивших ее в таком виде.

Сазонов зачитывает вслух эти два варианта:

— «Россия, отказавшись воздать должное...» Далее в скобках: «...не считая нужным ответить... Россия, обнаружив этим отказом...», а в скобках — «этим положением»...

Затем министр в упор смотрит на посла и удивленно поднимает одну бровь.

Пурталес сам поражен и не может сказать ни слова. Он то краснеет, то бледнеет, в глазах его начинают блестеть слезы.

Сазонов заканчивает чтение и торжественно изрекает:

— Проклятие народов падет на вас!

— Мы только защищаем нашу честь! — снова, но уже шепотом повторяет граф Пурталес.

— Ваша честь не была затронута, — с пафосом продолжает Сазонов. — Вы могли одним словом предотвратить войну, но вы не хотите этого! Помните, что существует божественное провидение и оно вас накажет!

— Это правда, существует божественное правосудие!.. И оно накажет вас!.. Божественное правосудие! — бормочет растерянный и подавленный посол.

Почти себя не контролируя, бедный Пурталес направляется к раскрытому окну и останавливается, уткнувшись в штору. Старый слабый человек тихо плачет, скрыв лицо от министра.

— Мог ли я знать, что так закончится мое пребывание в России?! — слышно сквозь рыдание.

Сазонов подходит к нему, чуть обнимает его за плечи и пытается успокоить старого друга, ставшего теперь врагом.

— Дорогой граф, я никогда вас не забуду... Давайте теперь простимся как добрые знакомые... — предлагает Сазонов.

— Прощайте, прощайте!.. — обнимает его Пурталес.

Никто в Петербурге еще не знает, что с этого часа Россия находится в состоянии войны с Германской империей.

Петербург, 2 августа 1914 года

В субботу вечером весь Петербург уже знал, что Германия объявила войну России. К трем часам дня в воскресенье офицеры гвардии Петербургского военного округа и высшие сановники империи были созваны в Зимний дворец на торжественный молебен и акт объявления войны Германии. Приказано явиться в походной форме, государственным деятелям — в парадных мундирах.

Утро началось колокольным звоном во всех церквах, толпы чисто одетой публики сбирались из всех частей города на Невский, Миллионную, на Дворцовую площадь и на набережные Невы.

Полицейские в парадных мундирах, словно в престольный праздник, торжественно дирижировали движением по Загородному проспекту, Литейному и Садовой. В районе Зимнего стояли усиленные наряды полиции, а кое-где и конные городовые.

На рабочих окраинах полицейских в форме и агентов в штатском было несметное число. В департаменте полиции пристально следили за митингами и собраниями рабочих на заводах, где вместо здравиц царю-батюшке и ура-патриотических речей раздавались лозунги против войны. Голоса еще стихийны и неорганизованны, но генерал-майор отдельного корпуса жандармов, начальник Петербургского охранного отделения Михаил Фридрихович фон Котен доносит в департамент, что 1 августа прекращали работу 27 тысяч человек на двадцати одном заводе. Генерал вдумчиво пишет в своем рапорте:

«Выступавшие на означенных сходбищах ораторы подчеркивали общность интересов «всего мирового пролетариата», настаивали на обязательности для сторонников социалистических тенденций всеми мерами и средствами бороться против самой возможности войны, независимо от поводов и причины начала таковой... рекомендовали призываемым в ряды армии запасным обратить всю силу оружия не против неприятельских армий, состоявших из таких же рабочих пролетариев, как и они сами, а против «врага внутреннего в лице правительственной власти и существующего в империи государственного устройства».

Николай Романов находился в самом подавленном настроении. Он никак не мог осознать, что империя вступила в войну. Царь не мог сосредоточиться на бу-

магах, в глаза лезла телеграмма Распутина: «Крови-то! Крови! Останови! Григорий». Прочитав ее еще раз, Николай перекрестился и отложил бланк подальше. Принялся изучать проект сегодняшней своей речи в Зимнем дворце, принесенный Фредериксом. Слова не лезли в голову.

«Дочитаю на борту яхты!» — лениво подумал царь, и стало обидно, что в такой дивный день, когда перед окнами «Александрии» призывно голубели воды Финского залива, надо ехать в Петербург, отбывать службу в Зимнем и общаться с народом... Царь не любил и всячески избегал этого общения. Но сегодня...

Вошел Фредерикс, и по его почтительному поклону Николай понял, что пора собираться в путь. Спустя четверть часа малая императорская яхта «Александрия», имея на борту царскую семью, полным ходом шла в Петербург.

Сидя в салоне, украшенном красным деревом и вишневым бархатом, Александра Федоровна готовилась к встрече с русским народом. Она уговаривала себя не выражать никаких чувств перед толпой, готовилась демонстрировать уверенное спокойствие великой государыни, которой уготовано будущее, ничуть не менее славное, чем жизнь прабабки ее супруга Екатерины Великой. Александра Федоровна с некоторых пор стала думать, что по своим царственным качествам и человеческим достоинствам только она одна способна войти в русскую историю как настоящая соперница Екатерины Второй. «Государство, как и мужиков, следует держать в строгости, самодержавие нетленно и вечно, как мир» — таковы принципы Аликс, которыми она никогда не поступится.

Царица не переживала, что Россия втянута в войну с Германией, на первый взгляд война не таила никакого риска: Антанта явно располагала бо́льшими силами, чем Срединные империи. Однако в сердце от предстоящей встречи с тысячными толпами людей все же возникал легкий холодок. Даже чудесная погода, придавшая этой воскресной поездке характер почти увеселительного путешествия, не могла развеять русскую царицу. Александра Федоровна оставалась задумчивой. За все время пути до Николаевского моста, где императорская семья должна была пересесть на небольшой паровой катер, ее величество не произнесла ни слова.

На берегах Невы подле Зимнего дворца яблоку негде

было упасть. Только к Иорданскому подъезду прямо от воды по граниту ступеней и торцам мостовой проложен красный ковер и по обе стороны от него на сажень оставлен проход.

Лабазники и белоподкладочники, отставные офицеры и чиновники, домохозяева и мелкие предприниматели, рабочая аристократия и зажиточное крестьянство из окрестных сел — все это собралось сегодня к Зимнему дворцу выразить верноподданнические чувства, излить шовинистический угар, которые обуяли их при первых звуках военных труб. Царь и царица приняли этих людей за «великий русский народ» и умилились от соприкосновения с ним на Дворцовой набережной, у Иорданского подъезда Зимнего.

Через толпу, вставшую на колени, царская семья проследовала во дворец. Николаевский зал был полон. Три тысячи человек, в большинстве — офицеры в походной форме своих полков, затихли при виде монарха.

Царь явился в полевой форме пехотного полковника. Александра Федоровна и великие княжны — в белых простых платьях. Наследник нездоров, он остался в Петергофе...

Царская семья занимает место у алтаря в центре зала. На столе, крытом алым бархатом, — корона, скипетр и держава. Огромная красная шпинель, на вершине короны обрамленная бриллиантами в форме креста, оказалась в луче солнца и брызжет кровавым огнем.

Церковный хор грянул «Тебе бога хвалим!». Начался молебен. Огромный зал зашелестел, когда православное воинство начало креститься. Николай также истово творит крестное знамение, устремив глаза, полные слез благости, на чудотворную икону Казанской Божьей матери, взятую специально для молебствия на несколько часов из Казанского собора.

Неподвижна, точно мраморная статуя, стоит среди зала императрица. Ее голова высоко поднята, она не крестится, а время от времени закрывает глаза, словно от крайнего страдания. Ее лицо покрыто багровыми пятнами, губы плотно сжаты, зрачки остекленели. Кое-кому из критически настроенных придворных кажется, что приступ истерии вот-вот сразит ее...

Хор поет многолетие царствующему дому и государю императору. Молитва окончена, но тот же басовитый дьякон начинает читать царский манифест народу: «Милостию божией мы, Николай Второй, император и само-

держец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и прочая, и прочая, и прочая... Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами... вынуждена... принять необходимые меры предосторожности... перевести армию и флот на военное положение...»

Мощный бас дьякона гремит в полной тишине не только под сводами Николаевского зала, но хорошо слышен во всех соседних помещениях Зимнего. Через открытые окна он проникает на улицу, где ему внимает толпа.

Дьякон вещает о том, что самодержец «...прилагал все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров», что Германия «внезапно объявила России войну» и теперь он вынужден воевать, чтобы оградить честь, достоинство и целостность империи.

Николаю, который еще два часа назад читал этот документ, теперь странно было слышать его в столь мощном и артистическом исполнении. Он звучит для него, словно эхо в горах, за которым последует обвал. Но коечто из желанных мыслей он все же улавливает: «...В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага!..»

Чтение манифеста окончено, государь приближается к алтарю, чтобы поднять руку над Евангелием, которое ему подносит первосвященник.

Затем царь держит речь к армии и гвардии, цвет которых собран сегодня здесь, в Зимнем дворце. Неожиданно для себя он не пользуется шпаргалкой, припасенной внутри фуражки, а говорит уверенно и с необыкновенным подъемом. Он заканчивает речь словами, которые за сто два года до него произнес в присутствии той же иконы Казанской Божьей матери его пращур Александр Первый, объявляя войну вторгшемуся в Россию Наполеону: «...Я здесь торжественно клянусь, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли русской...»

Громовыми раскатами «ура!» покрывают его последние слова офицеры. «Ура!» начинает перекатываться по набережной Невы. Перед царем, глаза которого необычно сверкают, опускается на колено великий князь Николай Николаевич. Его примеру следует весь зал. Минут десять в зале стоит неистовый шум, который переходит

в звуки гимна «Боже, царя храни!». Многие дамы и даже офицеры плачут, не скрывая слез.

Как всегда, первым находится комендант дворцовой охраны генерал Спиридович. Он пытается проложить дорогу царской семье к выходу в покои, но офицеры гвардии, обступив царя, целуют ему в экстазе руки, края одежд царевен и царицы...

Наконец Николай Александрович и Александра Федоровна покидают зал и через внутренние апартаменты проходят к балкону. На Дворцовой площади — море голов стотысячной толпы, хоругви, знамена, иконы, портреты царя. Толпа грозно гудит. Когда на балконе появляется самодержец, толпа, как один человек, падает на колени и запевает гимн. Они готовы бить «австрийцев, немцев и германцев».

...Спустя сутки такая же толпа разгромила и подожгла германское посольство.

Париж, август 1914 года

На Париж стремительно набегали минуты, когда Германия объявит Франции войну. Уже начата мобилизация, и колонны резервистов нестройно маршируют по улицам в сторону Восточного, или Страсбургского, вокзала. Будущих солдат сопровождают их подружки. Мужчины идут, усыпанные цветами. Толпа на запруженных народом центральных улицах столицы возбужденно кричит: «Да здравствует Франция!», «Да здравствует Россия!» В районе Елисейских полей и улицы Сен-Оноре, где расположено английское посольство, можно слышать выкрики: «Да здравствует Англия!»

Британскому послу, розовощекому и упитанному лорду Берти, пока неизвестно, вступит ли его страна в бой на стороне своих союзников. Посол в этом не уверен. Поэтому он приказал опустить шторы на окнах, затворить ворота, чтобы толпа ненароком не ворвалась на посольский двор и не устроила демонстрацию протеста против молчания Лондона.

Во всех ресторанах Парижа, несмотря на дневное время, оркестры без устали играли военные марши, французский, русский и английский гимны. Если в Петербурге подавляющее большинство ресторанных оркестрантов происходило из Румынии, то в Париже почти все были из Венгрии. Музыканты-мадьяры, несмотря на то, что их империя должна была вот-вот вступить

в войну с Францией, старательно надували щеки, трубя «Лотарингский марш» в знак того, что прекрасная Мариана силой доблестного французского оружия воссоединится наконец со своими сестрами, печально стонущими под немецким сапогом — с Лотарингией и Эльзасом.

Под бравурные звуки, несущиеся из окон, толпы молодежи маршировали по улицам с победным кличем — «На Берлин!».

Вышел приказ военного губернатора: с началом мобилизации все шикарные рестораны закрыть, в остальных — прекратить подавать алкогольные напитки; кафе должны закрываться в восемь часов вечера вместо полуночи, хозяевам запрещено выставлять столы на улицу... На следующий день после германского ультиматума, в котором германский посол барон фон Шен требовал от имени своего правительства разъяснений дальнейшего курса французской политики, толпа разгромила немецкие лавки.

Третьего августа в природе как будто стало прохладнее, но энтузиазм патриотов, распевавших на улице «Марсельезу», не остывал.

Сорокапятилетний военный министр Франции, цветущий и энергичный Адольф Мессими, упивался этими днями, надеясь, что они станут началом великого триумфа Франции. Все было готово для того, чтобы сокрушить извечного противника — Германию, жестоко унизившую его горячо любимую родину. Человек неистового темперамента, военный министр отдавал распоряжения о мобилизации, о подготовке реквизиции автомобильного парка и лошадей для нужд армии, вел одновременно тысячи дел. Получив хорошее военное образование и дослужившись в тридцать лет до капитанского чина, он вышел в отставку в связи с делом Дрейфуса и целиком занялся своим огромным поместьем, где разводил мясную породу серых быков. От быков он перешел к политике. Здесь он также преуспел, ибо сумел прочно связать Россию и великого князя Николая Николаевича с интересами Франции, обеспечив грядущую войну русским пушечным мясом.

В один из этих горячих денечков он засиделся в своем министерском кабинете наполеоновского особняка на улице Святого Доминика. В восемь часов вечера раздался звонок прямого телефона из Елисейского дворца.

— Слушаю, господин президент! — слегка привстал

со своего кресла за столом, принадлежавшим некогда самому Наполеону, военный министр.

— Адольф! — запросто обратился к нему Пуанкаре. — Германия объявила нам войну! Приезжайте и захватите по дороге морского министра...

— Наконец-то мы сокрушим бошей! — с нескрываемым восторгом отозвался в трубку Мессими. Его глазки за очками ярко заблистали. — Да здравствует Франция!

— Да здравствует армия! — в тон ему ответил президент лозунгом, который в эти дни был на устах всего Парижа.

Министр приказал секретарю вызвать автомобиль к подъезду и стал собирать бумаги о ходе мобилизации, которые, как он полагал, могли заинтересовать президента.

Обогнули дворец военного министерства и по бульвару Сен-Жермен поехали к мосту Согласия. Площадь на другом берегу Сены была полна людей. Незнакомые люди обнимали каждого одетого в военную форму. У здания морского министерства бушевала толпа, размахивая трехцветными флагами республики и провозглашая славу военным морякам. Нещадно терзая резиновую грушу гудка, шофер еле пробился к главному подъезду, откуда, раскланиваясь на все стороны, под аплодисменты возбужденных людей, вышел бывший врач, а ныне морской министр Гутье.

Пока Гутье подходил к авто, Мессими сказал краткую речь толпе, вызвав взрыв энтузиазма. Затем оба министра унеслись на Елисейские поля, в резиденцию президента.

Усиленный караул стоял у кованых ворот, ведущих во двор Елисейского дворца. Министров знали здесь в лицо и пропустили без задержки.

Как вихрь, почти волоча за собой робкого и растерянного морского министра, Мессими ворвался в кабинет главы республики. Только здесь он несколько остыл.

Маленький, короткошеий Пуанкаре пригласил министров сесть.

— Господа, вы уже знаете, что история предоставляет нам шанс вернуть Эльзас и Лотарингию, строго наказать современных гуннов?! — высокопарно начал бывший адвокат. — Но мы должны позаботиться о том, чтобы как можно меньше потерять цветущих мужчин, добрых французов, вступивших в армию... Мы должны

щадить этих людей, которые бросили свои орудия труда, чтобы взять в руки ружья!..

«Не ружья, а винтовки!» — мысленно поправил президента Мессими. Как профессиональный военный он знал отличие гладкоствольного ружья от нарезной винтовки и всегда отмечал ошибку в речи этих штатских...

— Господин военный министр! — обратился президент к старому другу и соратнику. — Вам надлежит усилить нажим на Петербург, чтобы русские как можно скорее начали свое наступление и как можно больше войск ввели в дело!

— Господин президент, это уже исполнено, — важно повернул свою круглую голову на толстой шее Мессими. — Мое министерство и главная квартира армии постоянно указывают на это обстоятельство русскому военному агенту, графу Игнатьеву. Как мы знаем из перехвата его корреспонденции в Петербург, граф ежедневно подгоняет шифрованными телеграммами своего главнокомандующего, великого князя. Впрочем, Николай Николаевич и сам с исключительным пониманием относится к нашим просьбам... Военный агент в России, маркиз де Ля-Гиш и посол Палеолог неустанно пропагандируют государственным деятелям Петербурга, генералам Ставки и даже в салонах, где делают погоду, настоятельную необходимость движения русского «парового катка» на Германию.

Узкие щелочки глаз на монгольского типа лице месье президента сузились от удовольствия еще больше. Президент пригладил свои короткие редкие волосы, потом по-простецки почесал клиновидную бородку.

— Мой дорогой Мессими, мой дорогой Гутье! — начал Пуанкаре, заговорщицки понизив голос. — Я пригласил вас, чтобы обсудить еще одну деликатнейшую проблему...

Министры обратились в слух.

— Сейчас в Средиземном море крейсируют два новейших германских корабля. Это линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау». «Гебен» сильнее любого нашего или английского корабля на этом морском театре. По данным союзного британского адмиралтейства, оба крейсера могут быть направлены Тирпицем в Черное море для укрепления турецкого флота в случае войны Турции с Россией. Так ли это? — обратился президент к морскому министру.

— Совершенно верно, ваше высокопревосходитель-

ство, — отозвался тот, и лицо его выразило недоумение. — Начальник морского генерального штаба вице-адмирал Пивэ настаивает на том, чтобы отправить в Тулон приказ нашим доблестным морякам атаковать каждое германское военное судно, которое окажется в пределах видимости.

— Вы уже отправили такой приказ? — забеспокоился Пуанкаре.

— Нет, я только подготовил телеграмму... — продолжал недоумевать морской министр.

Президент облегченно вздохнул.

— Мой дорогой Гутье, — вкрадчиво промолвил он.— Учтите, что Россия проявляет наибольшую заинтересованность в разделе Турции, которого мы ни в коем случае не можем допустить, поскольку эта страна приносит Франции очень, очень много золота. Мы и наши английские друзья серьезно озабочены тем, чтобы Россия в самом начале войны не смогла захватить своими силами Константинополь и проливы... Вы представляете, что будет, если русский десант возьмет с моря Константинополь и закрепится на Дарданеллах и Босфоре? Это будет конец нашего влияния в Малой Азии и на Балканах!

Недалекий морской министр сделал вид, что все прекрасно понял, хотя и не сразу сообразил, как можно столь коварно выступать против своего союзника, от которого к тому же ждешь немедленной помощи. Но, будучи опытным политиканом, Гутье предпочел не задавать вопросов, рассчитывая, что дальше все станет яснее.

— Итак, дорогой мой Гутье, вам следует послать в Тулон телеграмму с указанием командующему флотом не вступать в бой с германскими крейсерами «Гебен» и «Бреслау», а теснить их в восточный сектор Средиземного моря, чтобы они пришли в Турцию и укрепили собой слабый турецкий военно-морской флот. Имея две столь мощные боевые единицы, турки отобьют любую попытку русских захватить Константинополь...

— Это гениальная идея! — оживился доселе молчавший военный министр. — Ведь если «Гебен» и «Бреслау» останутся в Средиземном море, баланс сил сложится не в пользу флотов нашего и британского... Тогда труднее будет рассчитывать на вступление в войну Италии на нашей стороне, к чему мы должны так же всемерно стремиться!

— Может быть, — робко попытался вставить слово морской министр, — все-таки лучше потопить «Гебен» и «Бреслау» в Средиземном море, не выпуская их в Турцию?

Румяное, с мясистым красным носом лицо Мессими выразило недоумение, смешанное с презрением. «И это военно-морской министр!» — казалось, говорила его гримаса.

Пуанкаре спокойно повторил еще раз:

— Германские крейсера следует отогнать в восточную часть Средиземного моря! Вы поняли, господин министр?! Если у вас имеются другие предложения, то оставьте их до завтрашнего заседания совета министров. Коллеги разъяснят вам полную необходимость этого!

— Что вы! Что вы, господин президент! — совсем оробел Гутье. — Я исполню ваш приказ, не извольте сомневаться...

...Морской министр настолько растерялся от всех забот, свалившихся на него, что не только не ответил на запрос командующего средиземноморским флотом вице-адмирала Буэ де ля Перера, что ему делать с «Гебеном» и «Бреслау», но не сообщил ему даже о начале войны!

Ля Перер и британский адмирал Милн, командующий английским флотом Средиземноморья, напрасно бороздили голубые просторы. «Гебен» и «Бреслау» спокойно отбункеровались на Сицилии и 10 августа вошли в Дарданеллы, имея только одну случайную перестрелку с английским крейсером «Глостер».

12 августа турецкое правительство объявило, что оно покупает у Германии два крейсера, и на их мачтах взвились турецкие флаги. Впрочем, для команд и командиров этот акт ничего не изменил.

С прибытием «Гебена» и «Бреслау» на Черном море установилось непрочное равновесие сил между российским и германо-турецким флотами, к чему и стремились коварные союзники России.

Петергоф, август 1914 года

Война была объявлена, но пока оставалась в России понятием отвлеченным. Лишь огромные толпы мобилизованных у воинских присутствий, безоружные колонны будущих солдат, нестройно шагающих в казармы и на железнодорожные станции, бесконечные молебствия ду-

ховенства во всех храмах о победе постоянно напоминали о ней.

Царская семья собиралась в Москву, чтобы, как писали газеты, «по обычаю державных предков искать укрепления духа в молитве у православных святынь московских». Наследник Алексей чувствовал себя плохо, самостоятельно ходить не мог, и отъезд несколько задерживался.

В тот же воскресный день, когда Николай Второй объявил в Николаевском зале Зимнего дворца свой манифест о войне, правительствующему сенату был дан именной указ:

«Не признавая возможным по причинам общегосударственного характера стать теперь же во главе наших сухопутных и морских сил, предназначенных для военных действий, признали мы за благо всемилостивейше повелеть нашему генерал-адъютанту, главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа, генералу от кавалерии е. и. в. вел. кн. Николаю Николаевичу быть верховным главнокомандующим».

Несмотря на войну, дни царской четы текли в Петергофе как обычно. Государь играл в лаун-теннис, постреливал в парке ворон из винтовки «монтекристо», купался, ходил по грибы...

Государыня кипела от возмущения по поводу назначения великого князя Николая Николаевича верховным главнокомандующим, но никак не могла найти повод сделать выговор своему недальновидному супругу. Наконец случай представился.

Уже который день подряд Александра Федоровна уходила в середине дня к себе в маленький будуар и, не в силах никого видеть, в одиночестве плакала злыми слезами перед раскрытым окном в розарий. Она изливала и свой страх перед этой несвоевременной войной, затеянной кем-то явно против ее и Ники воли, когда еще большей махиной нависла над ней такая чужая, непонятная и грозная Россия.

Видит бог, она старалась любить свою новую родину, быть хорошей императрицей, но получалось, что без конца ей давали понять, что она здесь чужая и нежеланная. Один только Ники и Аня Вырубова любят ее, да еще старец Григорий искренне хочет ей добра... Остальные — это только угодливые лакеи разных рангов, все эти чемодуровы, мосоловы, воейковы...

А злобный и завистливый высший свет Петер-

бурга? Как она хотела сблизиться с потомками Рюриковичей, Милославских, Шереметьевых и других родовитых аристократов... Когда она вздумала собирать у себя по вечерам маленькое дамское общество, чтобы наладить сердечную близость за болтовней и вязанием, по всему Петербургу пошли сплетни и насмешки о насаждении при дворе бюргерских добродетелей, о том, что она якобы собственноручно штопает носки супругу и бранится на кухне с поваром из-за каждой копейки...

И на балы-то перестала ходить из-за того, что не может видеть, как сладко и любезно улыбаются ей все эти придворные и кавалерственные дамы. Но они не знают о том, что ей, царице, доброжелатели докладывают все, что они между собой болтают о «гессенской мухе»... И вот теперь в довершение всего Ники назначил верховным главнокомандующим грубияна и солдафона Николая Николаевича... Вот будут торжествовать проклятые княжны-черногорки Анастасия и Милица! Эти две вороны и так обирают российскую казну ради своего отца — черногорского короля, а теперь, наверное, задумали и трон российский к рукам прибрать... Все говорят, что в Новой Знаменке у великого князя двор пышнее и влиятельнее, чем у нее, царицы. Что будет, если великий князь, став главнокомандующим, начнет одерживать победы и получит власть и влияние над всей Россией?! Ведь он тогда без труда избавится от нетвердого Ники! А вместе и от нее! А как же с мечтой стать такой же великой и всесильной, сделаться доброй покровительницей всей Европы, какой была ее замечательная предшественница на русском троне и тоже немка — Екатерина Вторая?

Горькие думы бесконечной чередой проходили через беспокойный и необузданный мозг Александры Федоровны, ввергая ее то в бешенство, то в отчаяние. Императрице нужна была нервная разрядка, выход энергии.

Надушенный седеющий красавец граф Гендриков, личный секретарь ее величества, испросил через камерлакея разрешения войти к своей повелительнице и сообщил ей, что сегодня в ночь его высочество великий князь Николай Николаевич отбывает поездом на свою Ставку, в местечко Барановичи. Министр двора почтительнейше интересуется, будут ли ее и его величества провожать верховного главнокомандующего российским воинством?

— Почему же великий князь избрал время своего отъезда ближе к полночи? — желчно спросила царица.

Гендриков стал лепетать что-то про военную тайну, про германские аэропланы, которые могут забросать поезд главнокомандующего бомбами...

— Я буду справляться о решении его величества, граф... — отпустила царица секретаря нервным жестом.

«Наконец-то выскажу все Ники», — решила Александра Федоровна и, как только граф, пятясь и кланяясь, удалился, решительными шагами направилась к кабинету Николая.

Император пребывал в ровном расположении духа. С утра он поиграл в теннис, затем выкупался в заливе, где вода оставалась необыкновенно теплой, и сидел теперь, раскладывая пасьянс. Он чуть поморщился, увидев лицо Аликс, покрытое красными пятнами от возбуждения, заплаканные глаза и узкие побелевшие губы.

«Опять предстоит серьезный разговор...» — лениво подумал Николай.

— Ники, Фредерикс намекает, что нам следует поехать проводить великого князя, отъезжающего на Ставку... — без предисловия начала царица. — Ты уже дал свое согласие?

— Дорогая, барон придет ко мне с бумагами несколько позже... — уклончиво, не отрываясь от пасьянса, спокойно ответил Николай.

Александра Федоровна решительно села у карточного столика и испытующе уставилась на мужа.

— Ники, почему ты назначил этого необузданного, высокомерного и заносчивого человека верховным главнокомандующим? Почему ты не взял эту великую миссию — спасти Россию — на себя? — с еле сдерживаемыми истеричными слезами вопросила императрица.

Николай с сожалением посмотрел на почти сошедшийся пасьянс, чуть слышно вздохнул, понимая, что надо наконец объясниться с бедной Аликс, так тяжело переживавшей все последние дни. Ласково глядя на нее, он принялся излагать свои соображения.

— Дорогая! — начал он. — Когда я высказал свое намерение стать во главе армии на заседании совета министров, все принялись умолять меня не делать этого! Даже председатель совета Горемыкин, а с ним и такие верные люди, как Кривошеин и Щегловитов... Особенно Сазонов. Он сказал даже пылкую речь в обоснование мнения моих министров. Потом, ты знаешь, наши союзники тоже желали видеть Николашу главнокомандующим... Ты помнишь, когда он в двенадцатом году ездил в

Париж на маневры, его там и принимали как главнокомандующего...

— Но ведь он глюпий и вздорный безобразник! — от волнения Александра Федоровна заговорила с еще большим, чем обычно, немецким акцентом.

— К сожалению, это так! — согласился царь. — Но когда я позже спросил военного министра, почему он, зная мое желание быть с доблестными войсками и во главе их, не высказался в пользу такого решения, добряк Сухомлинов оправдался тем, что был в одиночестве и это не давало ему нравственного права идти против мнения всех... Я понял, что он сам мечтал стать верховным главнокомандующим, и в шутку предложил назначить его на эту должность.

— И что же? Сухомлинов, во всяком случае, не хуже, чем этот наш родственник... — поджала губы царица.

— Да, он достаточно разумный человек! — согласился Николай. — Он не потерял головы от такого предложения и спросил меня, что в таком случае будет делать на войне Николаша... Я ответил, что предназначаю его командовать Шестой армией. Тогда Сухомлинов очень тактично выразил сомнение, будет ли это соответствовать рангу и авторитету великого князя в армии... Вот чем мне нравится старик — терпеть не может Николашу, а рассуждает вполне разумно: ведь на самом деле армия стоит за Николашей.

— Это-то и страшно, Ники! — скривила рот Александра Федоровна. — Он всех покорил — за него горой генералы, гвардия, Сазоновы и прочие... Он ведь может забрать себе всю власть, и ничего не останется ни тебе, ни маленькому... Господи, что же будет!.. — взмолилась императрица.

Николай оставался непоколебимо спокоен.

— Не надо так переживать, Аликс! — пытался он утешить жену. — Пойми, я не мог сделать иное назначение... За Николашей двор и армия. Пока он не оступится в сражениях, а это случится очень скоро, его будут считать военным гением...

— Это не так! Это не так! — словно прокаркала Аликс в ответ.

— Дорогая, я все прекрасно понимаю! — бесстрастно продолжал Николай Александрович. — И не собираюсь отдавать ему всю полноту власти. По законам Российской империи Николаша будет ее иметь только в полосе

фронтов, а что касается всего государства, то военные дела останутся у нашего милого военного министра, а гражданские — у министра внутренних дел и совета министров, кои и шага не сделают без моего слова...

Красивые глаза государя злорадно заблестели.

— Не волнуйся, дорогая! — неторопливо продолжал Николай... — Если он станет выходить из повиновения, я его немедленно смещу...

— Ах, Ники! — капризно воскликнула Аликс, не думая сдаваться. — Мосолов мне доверительно рассказал, а Аня подтвердила, что в Новой Знаменке у великого князя при «малом дворе» уже назначения делают... Притом в ведомства, к которым князь отношения не имеет... Эти противные черногорки — Анастасия и Милица — даже прошения о помиловании принимают, словно Николаша царь, а не ты!..

— Да, да! — подтвердил император. — И Фредерикс мне говорил как-то на днях, что радость по поводу назначения верховным главнокомандующим приглушила у великого князя чувство ответственности и осознание трудности возложенного на него поручения...

— Вот видишь, Ники!.. — хищно выпалила царица. — Хмель власти уже ударил ему в голову! То ли будет еще, когда в его руках окажется армия! Вспомни императора Петра Третьего, супруга Екатерины Великой!..

Царица затрепетала — ведь она напоминала супругу о своем любимом периоде российской истории. Николай недовольно поморщился.

— Его убили офицеры гвардии! Они нарушили присягу! Они подняли руку на помазанника божьего! — истерично выкрикивала Александра Федоровна.

«Сегодня ей ничего не докажешь... — огорченно подумал Николай, начинавший привыкать к припадкам жены и видевший в них только доказательство ее огромной любви к себе. — Хорошо бы найти какой-нибудь предлог, чтобы остаться одному и подумать над всем, что она сказала. Ведь это шло от сердца и от желания сделать как можно лучше, оставить как можно больше власти в наследство маленькому. Николашу действительно занесло... И непонятно, отчего его так любит армия?.. Воейков рассказывал, что после ухода царской четы из Николаевского зала офицеры гвардии и армии устроили какую-то дикую овацию Николаше... Даже на руки подняли и несли по залу... Это его-то, детину гигантского

роста... Попробуй не назначь дядюшку после этого главнокомандующим!.. А может быть, зря я не настоял на своем и не взял под свою руку армию и флот?.. Но... что сделано, то сделано! Будем теперь молиться богу! На все его воля, и не оставит он меня благостию своею...»

Николай не прерывал императрицу. По опыту он знал, что в такое время лучше всего дать ей выговориться, наплакаться, полежать с компрессами от мигрени, чем приводить логические аргументы.

Повод препроводить государыню в ее покои тоже возник — адъютант вошел и доложил, что прибыл господин посол союзной Франции Морис Палеолог.

— Проси посла подождать! — резко сказал Николай и заботливо повел к двери Аликс, нежно обнимая ее за плечи.

Петергоф, август 1914 года

Наголо бритый маленький надутый человек, представляющий республиканскую Францию при дворе российского самодержца, не знал покоя со дня объявления Германией войны России. Война в его стране не была еще юридически свершившейся, но Палеолог уже развил бурную деятельность в петербургских салонах и со своими осведомителями.

С утра он завтракал в Царском Селе у великого князя Павла Александровича и его морганатической супруги графини Гогенфельзен в присутствии члена Государственного совета Михаила Стаховича, насквозь пропитанных идеями трогательной дружбы с Францией. Господа французские симпатизеры без малейшей утайки отвечали на вопросы любознательного посла, характеризуя ему взгляды и правых и левых в Государственной думе и в Государственном совете, и среди своих знакомых, и среди знакомых знакомых...

В четыре часа посол ехал на свидание со своим штатным осведомителем господином Б. из «прогрессивных кругов» и допрашивал его о том, как проходит в стране мобилизация, нет ли инцидентов в воинских присутствиях, как народ реагирует на войну. Он с удовлетворением узнавал, что никаких беспорядков нет, что лишь на редких фабриках и заводах продолжаются забастовки. Правда, для этого полиции пришлось пересажать всех известных ей большевиков и сослать их в Сибирь. Правда, еще не арестованные большевики продолжают ут-

верждать, что война приведет к торжеству пролетариата. Но это в данный момент посла совершенно не заботило... Зато все либералы, радикалы, прогрессисты и даже такие крайние демократы, как меньшевики, — все объединились под патриотическими знаменами и приготовились воевать за интересы великой Франции до последней капли крови русского мужика...

Вечером Палеолог ужинал со своим старым другом послом Британии сэром Бьюкененом.

За считанные дни Палеолог побывал во всех самых известных салонах и даже у графини Кляйнмихель, где его особенно интересовало, как ведут себя теперь барон Розен, князь Мещерский и министр Щегловитов, всегда проповедовавшие соглашение с германским императором. Оказалось, что крайне правые и немецкая партия, дух которой был особенно силен в салоне графини, потрясена нападением германизма на Сербию и славянство. Спасти Сербию и наказать германизм — вот единый дух салонов. А то, что при этом следует и коечто прихватить из чужого, например турецкого, владения, — это уже вопрос второй, к благородному негодованию не относящийся.

Сегодня, направляясь на виллу «Александрия» для аудиенции, которую ему устроил Сазонов, а после этого во дворце Знаменки, где находился пока верховный главнокомандующий, посол хотел как бы подвести итог своим наблюдениям и сообщить в Париж президенту и другу Пуанкаре о том, как блестяще он выполняет в Петербурге его поручение.

В сопровождении церемониймейстера господин посол прибыл на придворной яхте «Стрела» к причалу Петергофа. Его уже ожидала карета с адъютантом императора и скороходом в пышных одеждах XVIII века. Утомленный качкой, посол втиснулся в карету, и резвые кони понесли его к «Александрии».

Летний дворец русского царя утопал в цветах. Перед ним расстилалась гладь Финского залива.

Посол важно проследовал в приемную, ведомый скороходом и церемониймейстером. Адъютант его величества пошел доложить о министре союзной державы, но что-то долго не возвращался. Потом, несколько смущенный, вернулся в гостиную и попросил господина посла несколько подождать. Поговорили о нынешнем отъезде его высочества великого князя в Ставку, о том, как четко, минута в минуту, идут воинские эшелоны со всей

России на запад, туда, где собирается под знаменами русская армия.

Через несколько минут, показавшихся Палеологу часами — так он хотел скорее увидеть императора, — посла пригласили в кабинет царя.

Николай Романов был в походной форме. Он стоял у окна, потирал себе висок, словно мучимый мигренью.

Посол почтительно поклонился монарху и ждал, что его пригласят сесть. Но царь словно забыл о кожаных креслах, стоящих в кабинете, и продолжал стоять. Послу тоже пришлось стоять.

— Я хотел, — негромко говорит Николай, — выразить вам свое удовлетворение позицией Франции. Показав себя столь верной союзницей, ваша страна дала миру незабвенный пример патриотизма и лояльности. Прошу вас, господин посол, передать правительству Франции и особенно моему другу президенту сердечную благодарность...

«Неужели это все, ради чего я качался на яхте и ждал в приемной?..» — недовольно думает посол, но с умилением старого дипломата льстивым голосом произносит ответную речь.

— Правительство республики будет очень тронуто благодарностью вашего величества, — начинает Палеолог, заведомо зная, что российский самодержец терпеть не может даже слово «республика». Но посол подчеркивает именно его и продолжает, искусно придавая голосу волнение, которого вовсе не испытывает. — Мое правительство заслужило ее тою быстротой и решительностью, с которыми выполнило союзнический долг, когда убедилось, что дело мира погублено...

Палеолог хорошо знает, что произносит лживые и пустые слова, поскольку Франция еще никакого своего союзнического долга не выполнила, а, наоборот, делала и делает все, чтобы заставить Россию осуществить тот план военных действий, который будет выгоден Франции и совсем невыгоден России.

— В роковой день, когда бессовестный враг объявил войну России, — патетически восклицает посол, — мое правительство не колебалось ни единого мгновения...

— Я знаю, знаю... Я всегда верил слову Франции... — перебивает посла Николай. Подбирая слова, царь медленно и задумчиво выражает надежду, что соединенной мощью Антанты через три-четыре месяца Срединные империи будут повержены.

Палеолог согласен с государем, но искусно переводит разговор на опасности, которые угрожают Франции. Немцы еще не начали наступление на Париж, они топчутся в Люксембурге и застряли у фортов Льежа в Бельгии, но посол не жалеет усилий, чтобы толкнуть неотмобилизованную русскую армию на крепости Восточной Пруссии и Тори, дабы оттянуть германские корпуса на восток.

— Какой ужасной опасности подвергнется Франция в первые же дни войны, — закатывает глаза посол. — Французской армии придется выдержать страшный натиск двадцати пяти германских корпусов... Я умоляю ваше величество предписать вашим войскам перейти в немедленное наступление, иначе французская армия будет раздавлена. Тогда вся масса германцев обратится против России.

— Милый посол, не волнуйтесь так, — отвечает на паническую тираду Палеолога Николай. — Как только закончится мобилизация, я дам приказ идти вперед. Мои войска рвутся в бой. Наступление будет вестись со всею возможной силой. Вы, впрочем, знаете, что великий князь Николай Николаевич обладает необычайной энергией...

Посол доволен. Он получил заверения самодержца, о которых сегодня же сообщит шифрованной телеграммой в Париж. Кроме того, он имеет основание говорить об этом во всех салонах. Результат неплохой, и Палеолог с удовольствием болтает еще о том о сем. Николаю беседа не доставляет особенного удовольствия, но он поддерживает ее, демонстрируя свои знания военной техники, наличного состава германской и австро-венгерской армий, позиций Турции и Италии...

Неожиданно Николай замолкает, нерешительно мнется и вдруг заключает посла в объятия.

— Господин посол, позвольте в вашем лице обнять мою дорогую и славную Францию.

Так же внезапно царь отпускает посла, и Палеологу становится ясно, что аудиенция окончена.

Новая Знаменка, август 1914 года

С чувством исполненного долга покинул Палеолог царскую виллу «Александрия». Садясь в карету, он еще раз оглянулся на уютное здание летней резиденции царя, а сам уже прикидывал дорогу до Знаменки.

Мысленно набросав депешу в Париж, посол принялся продумывать предстоящую беседу с великим князем. Перед внутренним взором француза возник человек гигантского роста с длинным лошадиным лицом и белесыми злыми глазами.

«Натура мелкая и тщеславная. Обладает известной волей, переходящей, впрочем, часто в упрямство, громовым голосом и слабостью к крепким русским выражениям, из-за чего у великого князя происходили ссоры с гвардейскими офицерами, не терпевшими оскорблений... — припоминал посол штрихи к характеристике нового вождя русской армии. — Покрывает всячески «своих», не дает их в обиду, даже если они и заслуживают наказания... Говорят, один из помощников князя, генерал Газенкампф — бр-р, опять немецкая фамилия, — ехал на извозчике к главнокомандующему с совершенно секретными журналами главного крепостного комитета по вопросам обороны Финского залива. Сойдя с извозчика у дворца великого князя, генерал ринулся в гостиную с такой скоростью, что забыл бумаги в пролетке. Когда вспомнил — ни извозчика, ни бумаг не было... И что же? Великий князь даже не пожурил преступника — не то что под суд отдать. Хорош главнокомандующий!»

Палеолог вздохнул и решил настроить себя более благожелательно к великокняжескому семейству — ведь уже показался их дворец.

По случаю предстоящего отъезда великого князя в Ставку в приемной, гостиных и всех залах первого этажа дворца толпился народ. Суматоху возглавлял генерал-майор Саханский, управляющий «малым двором» великого князя и княгини, он же глава свиты. Теперь он назначен комендантом Ставки и своими бестолковыми распоряжениями лишний раз доказывал, что в России начальство ценят не за ум и деловитость, а совсем за другие качества. Саханский был такой же великий путаник, как и сам Николай Николаевич, а потому особенно им ценим.

Толпы знакомых набежали поздравить великого князя с назначением, а заодно и проститься с ним. Это были представители самых аристократических фамилий, родители бесчисленных Владей, Коков, Жоржей и Алексов, которых по протекции великого князя взяли из боевых гвардейских полков и устроили на безопасные и теплые штабные местечки.

«Он уже выиграл свое главное сражение, — подумал Палеолог, увидя в гостиной Николая Николаевича цвет петербургского общества. — Теперь ясен секрет его популярности — великому князю обязаны все сливки общества и их храбрые отпрыски...»

В плюшевой гостиной великой княгини Анастасии чувствовали себя «своими людьми» министр Кривошеин и бывший начальник Генерального штаба, а ныне начальник штаба верховного главнокомандующего Янушкевич, протопресвитер российской армии отец Георгий Шавельский, неизвестные Палеологу генералы и их дамы.

При виде посла союзной державы в прихожей и в залах раздались возгласы «Да здравствует Франция!». Услышав их, хозяин дома выглянул из кабинета, где беседовал с толстяком Родзянко, председателем Государственной думы. Заметив посла, он извинился перед Михаилом Владимировичем и широким жестом пригласил к себе Палеолога. Не раздумывая, как полчаса назад его племянник, Николай Николаевич привлек к себе посла. Палеолог уткнулся носом в звезду ордена св. Андрея на груди великого князя и слегка оцарапал щеку.

— Господь и Жанна д'Арк с нами! — воскликнул Николай Николаевич, и сильный перегар шампанского распространился от него. Лакей внес поднос с бокалами, полными золотистого напитка. Палеологу ничего не осталось, как взять один себе, Николай Николаевич отставил на свой стол сразу два.

У посла мелькнула мысль, что великий князь, хотя и владеет французским языком, но, очевидно, незнаком с историей Франции. Иначе он не призывал бы Жанну д'Арк, ибо теперь война идет совсем не за то, чтобы изгнать англичан из пределов Франции.

Отхлебнув напитка «вдовы Клико», возбужденный не в меру гигант, с лица которого не сходило счастливое выражение от столь желанного назначения и не менее желанного отъезда на войну, продолжал громким голосом:

— Мы победим! Разве провидению не было угодно, чтобы война разгорелась по такому благородному поводу — защитить Сербию, охранить слабых! Обстоятельства благоприятны для нас!

Выразив в поздравлении нужную степень восторга словами верховного главнокомандующего, Палеолог ре-

шил приступить к делу, ради которого он и приехал в Знаменку.

— Через сколько дней, ваше высочество, вы перейдете в наступление? Двадцать пять германских корпусов уже стоят на пороге прекрасной Франции, чтобы раздавить ее, как гроздь винограда под солдатским сапогом!..

— Дорогой посол! Я прикажу наступать, как только эта операция станет выполнимой, — уверяет великий князь. — И я буду жестоко атаковать. Может быть, я даже не буду ждать того, чтобы было окончено сосредоточение моих войск. Как только я почувствую себя достаточно сильным, я начну нападение...

Посла не устраивает столь неопределенный срок — как только он сочтет себя достаточно сильным...

— Ваше высочество, — настойчиво и нахально нажимает Палеолог, — согласно франко-русской военной конвенции, под которой стоит подпись генерала Янушкевича, Россия обязывается выступить на 15-й день после начала мобилизации! Это документ, который следует уважать!..

— Я имел в виду, что наступление начнется 14—15 августа, мой дорогой посол, — оправдывается верховный главнокомандующий российской армии. — Вот посмотрите...

Николай Николаевич подводит Палеолога к большому столу, заваленному картами. Водя кривым, желтым от никотина пальцем по листам, он начинает объяснять свой план действий. Великий князь говорит, что первая группа армий будет действовать против Восточной Пруссии, вторая — в Галиции против Австро-Венгрии, а третья воинская масса, собираемая в Польше, назначена покатиться на Берлин, как только фронт в Галиции «зацепит» и «установит» неприятеля. Он целиком повторяет тезисы военной игры в Киеве, хотя сам был ее первым противником.

Между делом Николай Николаевич опрокидывает второй бокал в свой большой и красный рот и, все более вдохновляясь, расписывает представителю союзника, как лихо его войска начнут колошматить немцев.

С хитреньким выражением глаз Палеолог следит за всеми его движениями по карте, чтобы вечером живописать свой визит в Знаменку в дневнике, который, как он уверен, войдет в историю, и в документе, который посол отправит на Кэ д'Орсе.

Палеолог хорошо знает — ему рассказывал об этом

сам Пуанкаре, — что депеши французского посла в Петербурге из-за их яркости и великолепного литературного стиля внимательно читают в Париже даже «бессмертные» *, если, конечно, имеют к ним доступ.

Поэтому посол уже сейчас подбирает слова, которыми он опишет этого человека гигантского роста, потомка русских бояр, вспыльчивого, деспотичного, непримиримого... Прекрасно зная и способствуя развитию недостатков великого князя, чтобы обратить их на пользу Франции, Палеолог не станет писать, что великий князь — тщеславный, неумный, вздорный и капризный грубиян, рекордсмен-матерщинник российской армии, способный отрубить голову любимой борзой собаке, демонстрируя остроту клинка дамасской стали из своей коллекции оружия. Ведь Палеолог, хотя и дипломат, призванный обманывать всех и вся в пользу тех, кто его послал, но тоже хочет выглядеть джентльменом. А это значит — говори всегда о своих знакомых только хорошее, даже если готов им всадить нож в спину.

Николай Николаевич настолько воодушевляется своим рассказом, что слезы умиления показываются на его глазах.

— Будьте добры передать генералу Жоффру самое горячее приветствие и уверение в моей полной вере в победу. Скажите ему также, — слезы чуть не брызжут из покрасневших глаз великого князя, — что я прикажу рядом со штандартом главнокомандующего поставить знамя Франции, которое он подарил мне два года назад, когда я присутствовал на маневрах у вас на родине...

С силой сжимая руку посла, великий князь провожает гостя до двери и восклицает на прощанье:

— А теперь — на милость божию!

Будапешт, август 1914 года

Прежде чем идти на встречу с Гавличеком, Соколов собрался осмотреть город, в котором ему еще не довелось бывать. Дотошный разведчик, Алексей, разумеется, знал многое из истории мадьярской столицы и Венгрии, прекрасно изучил ее армию, называемую Гонвед, имел представление о характерах политических деятелей и о

* Так называют членов Французской академии, избираемых из числа выдающихся писателей и ученых страны.

многом другом, что касалось мадьяр и их жизни. Однако в прекрасном городе на Дунае он оказался впервые.

Рано утром, не позавтракав, Алексей вышел из своей гостиницы «Фортуна» в Буде, чтобы на пустынных улицах центра, пока на них не появились зеваки и бездельники, определить, идет ли за ним слежка. Несмотря на шестое чувство разведчика, которое ему сигнализировало, что опасности нет, он решил тщательно провериться, памятуя пословицу «береженого бог бережет».

Соколов заплатил крону пошлины и вышел на Цепной мост. Перед ним открылась панорама прекрасного города. На правом холмистом берегу Дуная возвышался внушительный массив крепостного дворца. К северу от него, за недавно пробитым сквозь гору туннелем, уступами поднимались бастионы и крыши экзотического Крепостного района. Самый красивый из фортов — Рыбацкий бастион — нависал над старинным предместьем Буды Рыбацким и остроконечными крышами гармонировал с вычурными барочными формами церковных башен предместья. На Крепостной горе четким кружевом из камня словно парила в воздухе колокольня церкви Богородицы.

Далее к северу зеленые холмы застроены уютными домиками и покрыты виноградниками. Из-за моста на Дунае, недавно построенного, казалось, выплывал огромный корабль. Но то был остров Маргит, где, как было известно Соколову, располагался увеселительный парк.

Алексей перевел взгляд на левый берег реки, туда, где бурно разросся Пешт. На набережной Дуная здесь возвышалось величественное здание парламента, украшенное готическими башенками с замысловатой каменной резьбой. По всему его фасаду, обращенному к реке, тянулась аркада, в которой смешаны готические и неоренессансные мотивы. Огромный купол драгоценной короной венчал здание, словно вырастая из крыши, на которой Соколов насчитал около девяноста статуй.

Набережная с новыми высокими домами выходила к самым устоям моста, похожим на римские триумфальные арки.

Вниз по Дунаю, под горой Блоксберг, связывал берега еще один красавец мост — Эржбет. На том и другом берегах масса куполов, остроконечных шпилей церквей, башенок минаретов.

«До чего же красиво! Подумать только, эти два города еще недавно были совершенно отдельными, а те-

перь стали единой столицей мадьяр», — подумал Алексей и двинулся дальше. Пройдя по Пешту, Соколов вышел на оживленную площадь, посреди которой возвышалась большая скульптурная композиция, еще хранившая на себе черты новизны. Это оказался памятник выдающемуся венгерскому поэту конца прошлого века Михаю Вёрёшмарти, который стоит здесь в окружении героев своих произведений.

В одном из зданий, замыкающих площадь, Соколов увидел кондитерскую, на которой все надписи были сделаны только по-немецки. Соколов почувствовал голод и вошел внутрь. Как ни покажется странным, но Генерального штаба полковник, гусар и храбрый разведчик имел тайную слабость. Алексей вообще любил хорошо поесть, но особое предпочтение отдавал кондитерскому ассортименту. Теперь он стоял в заведении, основанном в Будапеште знаменитым швейцарским кондитером Жербо. Он легко нашел свободный столик. Девушка в швейцарском народном платье с вышитым фартучком приняла у него заказ и принесла по его просьбе свежую «Нойе цюрихер цайтунг». Именно это издание полагалось читать по утрам швейцарскому коммивояжеру «Лангу».

Позавтракав, узнав свежие швейцарские новости, Соколов пошел осматривать Белварош — самую оживленную часть Пешта, территорией которого в старину ограничивался весь город. Алексей купил в книжной лавке путеводитель Бедекера на немецком языке и присел, изучая его страницы в одном из маленьких кафе торговых рядов «Парижский двор». Он не только узнал массу интересных сведений о столице мадьяр, но почерпнул из книжицы еще одну важную вещь — ему следует поменять место свидания с Петром, поскольку турецкая мечеть, возле которой была условлена встреча, согласно Бедекеру оказалась расположенной в малолюдном месте. Каждый прохожий может вызвать здесь подозрение.

Алексей полистал путеводитель и пришел к выводу, что встретиться следует в большом парке, где лет пять назад была отстроена своеобразная крепость Вайдахуняд. В этом сооружении здешние архитекторы пытались показать все стили архитектуры, характерные для венгерской истории. Вайдахуняд стала излюбленным местом посещений всех туристов в Будапеште. Ясно, что там они с Гавличеком не вызовут нежелательного любопытства.

Соколов выбрал место у статуи Анонима, королевско-

го летописца XIII века. В знак того, что имя его осталось неизвестным потомкам, лицо статуи монаха скрыто капюшоном. Соколов поразился символике этого памятника и подумал, что смысл ее весьма идентичен принципам работы разведчика.

Тут же, в кафе, Алексей набросал несколько строк Петру, нашел посыльного, вручил ему серебряную крону и приказал отнести в «Отель д'Юроп» возле висячего моста, господину Гавличеку. Мальчишка бросился со всех ног исполнять поручение щедрого господина.

...Встреча двух прилично одетых господ у статуи Анонима не привлекла ничьего внимания. Соколов и Гавличек нашли в некотором отдалении, у озера, свободную скамью, обстоятельно обсудили за пару часов все вопросы, связанные с передачей сообщений в Швейцарию или Данию и Швецию при наличии военной цензуры, «черных кабинетов» и прочих рогаток, замедляющих, а то и вовсе препятствующих движению письма.

Однако всего они обсудить не смогли, поскольку Гавличек был приглашен начальником штаба Гонведа на ужин со своими офицерами.

И опять целый свободный день с утра до назначенного часа Соколов изнывал от тоски по дому, по Анастасии. «Как там проходит мобилизация? Готова ли Россия отразить натиск врага? Как положение в Петербурге? Справляется ли Сухопаров с обязанностями, замещая его по делопроизводству?..»

Алексей надеялся, что на сегодняшнем свидании они решат все вопросы и он сможет проскользнуть из Венгрии в Румынию, остающуюся нейтральной. Там он почти дома: ведь любого румынского чиновника можно купить с потрохами, вопрос лишь в сумме...

С такими мыслями отправился он пешком по набережной Дуная к Брюкбаду*. Он подошел ко входу в тот момент, когда на штабном моторе Гонведа подъехал Гавличек. Господа наняли на двоих кабину «люкс» с двумя каменными ваннами, в которых журчала исходящая пузырьками газа вода. Дебелая служительница, готовая на все услуги, принесла клиентам махровые полотенца и купальные халаты. Гости заказали легкого балатонского вина и отпустили с богом женщину, одарив ее чаевыми.

* Старое название известных купален в Будапеште.

Гавличек с легкой завистью смотрел на красивое, поджарое и мускулистое тело Алексея, хорошо тренированное верховой ездой. Сорокапятилетний начальник оперативного отдела австрийского генеральиого штаба ие занимался спортом и с годами стал розов и рыхл.

Полковиики погрузились в каменные ваииы. Нежиое тепло с приятиым покалыванием углекислого газа охватило их.

— Алекс, вчера вечером мадьяры рассказали иитересный эпизод, характериый для политической жизни Венгрии, — начал Гавличек. Ои удобно разлегся в ванне и своим видом иапоминал римского патриция, привыкшего вести беседы в столь иепривычном положении. — Здесь есть очеиь популярный поэт и публицист Андре Ади. Он чертовски талаитлив, но близок по взглядам к отверженным социалистам... Так вот, три месяца назад, в мае, предполагалась поездка вождя радикального крыла самой радикальиой из венгерских партий в Россию. Этот лидер — весьма образованный и неглупый человек — Михай Каройи, озабочениый проблемами равиовесия в империи, собирался отправиться в российскую столицу за помощью. Так вот Ади по этому поводу заявил в своей газете, что, если бы Россия имела возможность дать мадьярам новую демократию и культуру, как она сделала с Балкаискими страиами, только это было бы надежно... Самое интересное: я устаиовил, что так думают и многие офицеры Гоиведа. Они считают, что Россия заинтересована в существоваиии прекрасной, богатой, демократической Венгрии рядом с разномастными германскими соперниками. Поздравляю Россию с таким другом! Ведь Ади здесь пользуется большим весом...

Соколов и Гавличек поболтали, иаслаждаясь горячей целебной водой. Но тепло расслабляло мысль, ие давало сосредоточиться на самом главном. Первым это обиаружил Гавличек.

— Эй, Алекс! — позвал он. — Давай вылезем и поговорим на суше... А то я не способен воспринимать серьезиый разговор — ванна размагничивает!

— Согласен! — отозвался Соколов.

Они оделись в теплые махровые халаты, устроились на ивовых креслах и повели деловую беседу. Гавличек информировал Соколова о решеиии стратегических вопросов, дислокации будущих корпусов, которые Австрия собиралась двинуть на Россию. Они пересмотрели многие

крупные и мелкие нити, из которых соткана ткань информации разведчика высокого класса.

Гавличек и Соколов никуда не торопились. Потягивая легкое вино, они спокойно обсудили все проблемы. Гавличек кое-что записал себе в книжечку. Соколову пришлось труднее — он запоминал все наизусть, чтобы не создавать улик.

Настал час расставания. Друзья-соратники обнялись. На сей раз, вопреки традиции, Соколов ушел первым. Он чувствовал себя в Будапеште как бы вне опасности. Тем более что главное дело было сделано. Теперь можно трогаться в обратный путь до дома...

Петергоф, август 1914 года

Необычайное оживление царило поздним вечером на вокзале Петергофа. Генерал Данилов собирался засекретить отъезд верховного главнокомандующего в Барановичи, но весь петербургский свет, тесно связанный с гвардией родственными или дружескими узами, счел себя обязанным побывать в этот день либо во дворце Знаменки, либо на перроне вокзала в момент отбытия на фронт великого князя Николая Николаевича.

Моторы, кареты, коляски и даже извозчики забили небольшую, ярко освещенную электричеством площадь перед вокзалом. Везде стояли группки офицеров и господ, поджидавших прибытия главнокомандующего. Полиция оцепила дебаркадер, подходы к Царскому павильону и залам первого класса, где собралось самое изысканное общество. Ждали приезда государя и посматривали на двери Царского павильона, которые должны быть открыты за пять минут до вступления в них самодержца. Особенно волновался начальник вокзала. Старик боялся открыть на свой страх и риск Царский павильон для великого князя, поскольку лишь недавно получил выговор за такой проступок от дворцового коменданта Воейкова. Маленький, злобный человечек пригрозил ему отставкой, если промах еще раз повторится.

Сейчас начальник вокзала сидел в своем кабинете тихо, как мышь, мелко-мелко крестился и молил бога, чтобы адъютанты Николая Николаевича о нем забыли...

Подъехали в одном авто верховный главнокомандующий, его брат великий князь Петр Николаевич, их супруги — сестры Анастасия и Милица Николаевны. На пло-

щади военный оркестр заиграл личный марш Николая Николаевича, офицеры вытянулись и взяли под козырек, толпа стихла.

С раскрасневшимся лошадиным лицом, в маленькой полевой фуражке на крупной голове, возвышающейся на несколько вершков над свитой, Николай Николаевич проследовал в залы первого класса, где его восхищенно приветствовали дамы и господа. Но главнокомандующий был беспокоен. Он почти не отвечал на приветствия добрых знакомых и даже милых женщин.

Взволнованное ожидание царя главой армии и флота передалось толпе, чуть приглушило ее восторг. Наконец со стороны виллы «Александрия» послышались звуки клаксона царского авто. Толпа облегченно вздохнула единой грудью. Из темноты показался тридцатипятисильный «рено» с вензелями «Е. И. В.» и «Н. II.» на дверцах.

Мотор остановился, оркестр было грянул императорский марш, но в растерянности замолк — из лимузина вышел не царь, а... дворцовый комендант Воейков.

Великий князь увидел эту сцену через нарочно полуоткрытую дверь зала первого класса и побелел. Его лицо окаменело. Он сел в кресло.

Воейков приблизился к Николаю Николаевичу и отчетливо, так, что слышно было даже в самом дальнем углу зала, произнес:

— Его императорское величество, государь Николай Александрович милостиво повелеть соизволил передать вашему высочеству его искренние приветствия, пожелания счастливого пути и скорого окончания войны блестящей победой российского воинства!

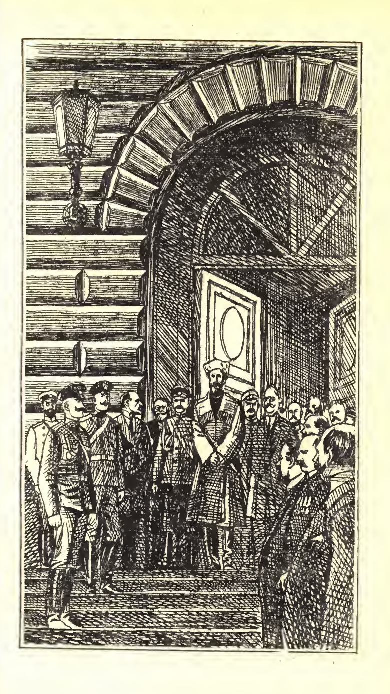
При словах царского приветствия Николай Николаевич заставил себя встать. Голосом, охрипшим от злости, он мог только вымолвить:

— Я... тронут... очень тронут!

На шаг сзади мужа стояла великая княгиня. При виде Воейкова ее глаза загорелись зеленым светом, как у кошки. Княгиня до боли стиснула зубы, чтобы не разрыдаться от нанесенного оскорбления.

Воейкова не просили остаться, а сам он счел свою миссию выполненной, несколько развязно повернулся перед главнокомандующим и сбежал с лестницы к авто.

...До отхода поезда оставались считанные минуты. Сотворили краткую молитву, и свита великого князя, ставшая теперь его штабом, стала рассаживаться по ку-

пе. Николай Николаевич поднялся на площадку своего салон-вагона. Великая княгиня Анастасия Николаевна часто-часто крестила его и экзальтированно посылала воздушные поцелуи. Ее сестра и Петр Николаевич утирали глаза. Дамы на дебаркадере махали белыми платочками, ночными бабочками мелькавшими в свете ярких электрических фонарей. Сдержанно звякнул станционный колокол, зачуфыкал, словно тетерев на току, паровоз, лакированные синие вагоны покатились во тьму...

Едва ярко освещенный вокзал скрылся, Николай Николаевич зашел в вагон и попросил пригласить к нему Янушкевича. Начальник штаба явился в считанные минуты. Главнокомандующий устало присел к столу и спросил у буфетчика шампанского.

— Спрыснем отъезд на войну, Николай Николаевич! — обратился он по-свойски к Янушкевичу. Не в обычаях генерал-адъютанта было отказывать великому князю, тем более в распитии шампанского.

Промочив горло, великий князь вернулся к главному, с его точки зрения, событию дня. Он вспомнил визит Палеолога и его настоятельное требование поскорее начать наступление.

— Успеем ли мы к 14 числу начать наступление на Восточную Пруссию, Николай Николаевич? — не совсем уверенно спросил главнокомандующий. — Ведь я обещал это Франции в лице ее посла!..

— Видит бог, ваше императорское высочество! — с подчеркнутым оптимизмом отозвался Янушкевич, — мобилизация идет минута в минуту, как в мобилизационном плане записано... Эшелоны с войсками следуют по железным дорогам строго по расписанию. Пограничная завеса не дает неприятелю вторгаться в пределы империи... Бог даст, соберем достаточные силы к четырнадцатому и ударим по Гумбинену, Алленштейну, а там и до Кенигсберга недалеко... Весь наш план войны, который мы проработали, теперь покатился, как по рельсам... Управления штаба уже действуют. Ваше высочество может быть спокойным!..

Волнения дня утомили великого князя. Он едва успел скрыть зевок, стали слипаться глаза.

— Благодарю, Николай Николаевич! — поднял он свой бокал в последний раз за этот многотрудный день и отпустил начальника штаба...

Раздетый камердинером и облаченный в ночную ру-

башку на немецкий манер, Николай Николаевич перед сном рухнул на колени у киота с иконами в своем спальном купе. Затем, умиротворенный, вытянулся во весь огромный рост на постели, специально изготовленной для него и установленной не поперек, а вдоль вагона.

Вагон качало и шатало на стыках рельсов, великому князю отчего-то сделалось беспокойно. Засыпая, он слышал, будто колеса стучат: «Впе-ред! На смерть! Вперед! На смерть!..»

Германштадт (Сибиу), август 1914 года

Успешно проведенные встречи с резидентом Стечишиным и полковником Гавличеком настроили Соколова на оптимистический лад. Он поверил в надежность своих документов, регистрируя их в полицейдиректоратах городов Германии и Австро-Венгрии. Все сходило благополучно.

Алексей устал и в день последней встречи с Гавличеком решил немедленно возвращаться в Россию, но не кружным — через Швейцарию — путем, как было предусмотрено в диспозиции его командировки, а через Румынию.

Как рассказал ему Гавличек, с которым Алексей обсуждал проблему перехода границы, выезд в Румынию до сих пор относительно открыт. Петр специально наводил справки в штабе Гонведа, и ему сказали, что румынский король придерживается пока нейтралитета. Вена и Берлин не хотят сердить его, рассчитывая на участие Румынии в войне на стороне Срединных империй.

Действительно, формальности для пересечения границы Австро-Венгерской империи были здесь пока самыми минимальными. Однако Алексей и Петр Гавличек не могли знать, что полковника русского Генерального штаба усиленно ищут.

Поиски Соколова начались сразу же, как только он исчез из поля зрения сыщиков на Лейпцигской книжной ярмарке. Начальнику полиции Лейпцига из-за бездарной работы его филеров было выражено высочайшее неудовольствие. Даже любимец императора майор Вальтер Николаи вынужден был оправдываться перед его величеством за плохую работу службы наружного наблюдения. Майору удалось выкрутиться только потому, что это его агентура принесла из Петербурга точные данные о первом этапе нелегальной поездки крупно-

го русского разведчика. Соколова надлежало немедленно захватить и бросить в каземат раньше, чем будет объявлена война. Как только начнутся военные действия, полковника можно будет уже судить как шпиона, и, если он не захочет стать агентом-двойником, немедленно расстрелять.

Вильгельм неистовствовал, когда узнал, что из-за разгильдяйства лейпцигских сыщиков русский разведчик скрылся бесследно, растворился, пожертвовав паспортом, оставленным им в полицейском директорате Лейпцига! Самые лучшие полицейские и жандармские чины были отряжены на поиски Соколова. По всей империи и даже в союзную монархию были разосланы фотографии, подробные приметы и ориентировка о зловредных деяниях русского полковника.

Особенно были предупреждены жандармские подразделения на транспорте и пограничная стража. Словом, вся карательная машина Срединных империй была нацелена на поимку Алексея Соколова.

Виновник всей этой суматохи и его друзья не подозревали о том, что над ним нависла серьезная угроза. Даже осведомленная организация Стечишина узнала об этом слишком поздно — в день, когда уже прошла последняя встреча Соколова с Гавличеком в Будапеште. Предупредить Гавличека или Соколова не было никакой возможности, и Петр, лишь вернувшись в Вену, узнал о беде, грозящей другу.

...Паровоз быстро тянул пассажирский поезд Будапешт — Бухарест. В вагоне второго класса, в сидячем шестиместном купе ехали какой-то православный поп и «швейцарский торговец Ланг». Садясь на свое место, Алексей подумал, что это дурная примета — встретиться с незнакомым священником. Потом он стал себя успокаивать тем, что примета родилась во времена папы римского Александра Борджиа, который тайком, при помощи яда убил многих людей. Чтобы они не умерли без последнего причастия — преступник папа все-таки верил в святость обряда и не хотел грешить перед богом, — Борджиа посылал заранее попа исповедовать жертву, обреченную на смерть.

До румынской границы оставалось еще два десятка верст, когда в вагон вошел жандармский патруль, севший в приграничном венгерском Германштадте. Офицер невысокого чина, явно не славянин и не мадьяр, а, повидимому, из богемских немцев-служак, в сопровожде-

нии двух солдат шел по коридору вагона, заглядывая лениво в купе. Соколов видел их еще на перроне в Германштадте. Они не очень насторожили разведчика.

Даже сейчас Алексей не чувствовал особого беспокойства, пока офицер, как ему показалось и сразу не понравилось, не задержался у двери их купе несколько дольше, чем у остальных.

Правда, хитрый жандарм, заметив человека, похожего по приметам на того самого русского разведчика, которого так упорно разыскивает вся тайная полиция империи, постарался не спугнуть его раньше времени. Но для Соколова было вполне достаточно и легкого сигнала опасности, который он интуитивно принял.

Поезд мчался, застилая окно сизым дымом. Когда патруль прошел и, по расчетам Соколова, должен был перейти в соседний вагон, Алексей выглянул из купе, словно намереваясь выйти покурить в коридоре. О, проклятье! У выходов на обе вагонные площадки стояли жандармы, положив руки на кобуры револьверов.

«Это плохой признак, — решил Соколов. — Значит, они получили приказ стрелять без предупреждения. Но в кого?! Неужели это слежка за мной?! Может быть, провалился Гавличек и выдал меня?! Нет, не может быть! К тому же команда о моем аресте не могла так быстро пройти по линиям связи...»

«Ланг» вернулся в купе.

«Может быть, здесь скрыта какая-нибудь другая причина? — принялся он размышлять. — Охотятся вовсе не за мной, например, за этим священником?»

Тут же Алексей сказал себе: «Не трусь и не лицемерь — ты прекрасно почувствовал, что жандарм «клюнул» именно на тебя! Сейчас надо не заниматься самообманом, а решать, что делать? Можно, конечно, рискнуть, выбить чемоданом окно и спрыгнуть под откос. Но, во-первых, как поведет себя в этом случае поп? Во-вторых, даже если на полном ходу не переломаешь себе руки и ноги, а то и шею, окажешься на положении преследуемого зайца в местах, где нет ни явок, ни симпатизирующих людей... Когда только что началась война и особенно силен угар шовинизма... Может быть, отличные документы вывезут и на этот раз? Что же, надо идти навстречу опасности с высоко поднятой головой, презрев ее!..»

Время принимать решение истекло. В коридоре послышался топот множества ног, обутых в сапоги, и в дверях купе снова выросла фигура жандармского офицера. Соколов сидел с безразличным видом.

— Господин! Ваши документы! — требовательно протянул руку к «Лангу» жандарм. «Швейцарский коммерсант» не торопясь достал из серого дорожного пиджака бумажник, раскрыл его, вынул ленивым движением паспорт и протянул офицеру. Тот не глядя сунул его в карман.

— Следуйте за мной! — приказал он пассажиру.

Алексей, сохраняя спокойный вид, поднялся, застегнул пиджак и спросил ровным голосом:

— А как быть с моими вещами?

— Заберите их! — заявил офицер.

Тут Соколов возмутился. Он снял с сетки свой чемодан, повелительно сунул его солдату-жандарму, который ближе всех оказался к двери. Тот почтительно принял его.

— Я готов! — опять спокойно произнес Алексей.

Офицер пошел по узкому коридору вагона впереди арестованного. Сзади топали солдаты. Поезд начинал тормозить перед последней пограничной станцией.

Вагон остановился. «Ланг», предводительствуемый офицером, в окружении солдат жандармерии был доставлен в зал пограничной стражи. За деревянным барьером под охраной двух солдат томилась уже группа цыган, видимо, перешедших из Румынии в Австро-Венгрию.

За другим деревянным барьером, за обшарпанным столом сидел офицер более высокого звания, чем захвативший Соколова. Голубая форма императорской и королевской кавалерии украшала этого господина.

Соколов не проявлял внешних признаков беспокойства. Как солидный коммерсант он был уверен, что все формальности будут соблюдены и, когда господа офицеры удостоверятся в безупречности его документов, он будет отпущен для дальнейшего следования на том же поезде в румынскую столицу. Мысленно он ругал себя за торопливость и неосторожность.

Первый офицер подошел к старшему и что-то прошептал ему, показывая на Соколова. Ротмистр внимательно посмотрел на арестованного и зачем-то полез в стол. Он вынул оттуда кипу бумаг, порылся в них. Вдруг Соколов увидел, что пограничник извлекает его собственную фотографию и пару листков впридачу.

«Это провал! — понял Алексей. — Никакие документы не помогут!»

— Господин полковник Со-ко-лов?! — с издевкой, растягивая его фамилию, произнес ротмистр.

Понимание офицерской чести и рыцарские представления о войне не позволили Соколову юлить и выкручиваться.

— Да, это я! — гордо произнес Алексей.

— Есть ли при вас оружие? — встал австрийский офицер со своего стула.

— Нет, прошу запротоколировать, что я въехал в империю до объявления войны и не имел при себе оружия! — потребовал Алексей.

— Господин полковник! Вы арестованы! — объявил ему ротмистр и повернулся к младшему офицеру: — Немедленно освободите камеру от всякой швали, — распорядился австриец, — посадите туда русского и приставьте усиленный караул!..

Восточная Пруссия, август 1914 года

Душный август заливал лица солдат и офицеров едким потом. Жара установилась над всей Европой, и к раскаленному солнцу на белесом небе потянулись дымы пожарищ Бельгии, Франции, Люксембурга, куда уже ступил сапог германского солдата.

По чистым и аккуратным бельгийским дорогам бесконечными колоннами шли серо-зеленые пехотинцы кайзера, цокали копыта лошадей уланских и драгунских полков, гремели колеса артиллерийских дивизионов и полевых кухонь.

Штурмовые отряды и дивизии правого фланга германской армии проламывали дорогу к незащищенной с севера границе Франции. «Пусть крайний справа косится плечом моря!» — гласил приказ.

К вечеру 5 августа германские части подошли к фортам первоклассной бельгийской крепости Льеж, но, несмотря на внезапность своего появления, ночную бурю с грозой и ливнем, взять форты не смогли. Бельгийская армия оказала решительное сопротивление немцам, сорвав их расчеты. К седьмому числу им удалось овладеть только городом и несколькими переправами через реку Маас. К 12 августа германцы подтянули к бетонированным и броневым башням крепости невиданные еще гаубицы калибров 380 и 420 мм. Словно кувалдой орехо-

вые скорлупки, разнесли тяжелые снаряды очаги сопротивления, прикрытые метровой толщей бетона. 16-го Льеж пал.

20 августа боши заняли столицу Бельгии Брюссель, вышли на города Намюр, Динан и готовились всей мощью обрушиться на французские войска, осуществляя директиву главного командования по охвату и разгрому французских сил.

Армия Франции и английский экспедиционный корпус тоже получили приказ наступать. Медленно разгоралось так называемое «пограничное сражение». Оно началось 20 августа, когда в основном завершилось развертывание французских и английских войск на Западном фронте. Германские армии фон Клюка и фон Белова уже заканчивали прорыв через Бельгию и нависали грозной тучей над левым флангом французов.

Прямой опасности Франции и Парижу пока не было. Главнокомандующий силами союзников на Западном фронте генерал Жоффр еще мог перегруппировкой своих сил поставить надежный заслон перед корпусами немцев. Но «чаровник петербургских салонов» — посол Палеолог — уже паниковал в Царском Селе на аудиенциях, на светских раутах и на многочисленных встречах с сановниками и министрами, которых только мог залучить к своему столу.

В Ставке усиленно толкал русскую армию в наступление маркиз де Ля-Гиш, неустанно повторявший вместе с английским майором Ноксом великому князю Николаю Николаевичу: «Ваше высочество! Сроки, установленные франко-русской конвенцией, истекли, нужно спасать Францию!»

Цепкая напористость Палеолога и аристократическая убедительность маркиза де Ля-Гиша сделали свое дело в Петербурге и Барановичах. 10 августа Ставка направила косноязычный приказ командующему Северо-Западным фронтом Жилинскому:

«Принимая во внимание, что война Германией была объявлена сначала нам и что Франция как союзница наша, считая долгом немедленно же поддержать нас и выступить против Германии, естественно, необходимо и нам в силу тех же союзнических обязательств поддержать французов ввиду готовящегося против них удара германцев... Верховный главнокомандующий полагает, что армиям Северо-Западного фронта необходимо теперь же подготовиться к тому, чтобы в ближайшее вре-

мя, осенив себя крестным знамением, перейти в спокойное и планомерное наступление».

17 августа началось движение 1-й армии под командованием генерала Ренненкампфа. Его полки перешли границу империи и двинулись на запад, к Кенигсбергу, столице Восточной Пруссии.

Солдаты, изматываясь на марше, в короткие минуты привалов с удивлением глядели на добротные каменные жилые дома и сараи, дворы, огороженные каменными заборами, островерхие кирки. Земля была образцово ухожена, как на картинках из журнала «Сельский хозяин». Дороги чистые и все с брусчатым гранитным покрытием. Вот только люди покидали селения задолго до прихода русских войск, словно предупрежденные кем-то, оставляя в домах вещи и продукты. На полях, вздымая высоко столбы дыма, горели подожженные немцами скирды соломы, указывая движение русских войск.

Первое столкновение с неприятелем произошло у уютного городка Шталлупенена. 1-й корпус самоуверенного немецкого генерала Франсуа, не неся боевого охранения, не выслав разведку, с полным презрением к неграмотным в военном отношении Иванам, вошел в соприкосновение с русскими и был потеснен.

19 августа 1-я русская армия подошла к Гумбинену. 2-й корпус навис над городком с севера, 3-й корпус охватывал его с востока и юга.

...Подполковник Мезенцев был в отличном настроении, несмотря на трудности движения его батареи по лесным и полевым дорогам, разбитым сапогами пехоты, копытами коней кавалерии и артиллерийских упряжек. Иногда его трехдюймовки глубоко увязали в сыпучем сером песке. Тогда орудийные расчеты по-муравьиному облепляли пушки и выталкивали их на более твердый участок дороги.

Мезенцев следовал со своей батареей, когда командир дивизиона Сахаров получил от передовой артиллерийской разведки сведения о том, что на авангардную 4-ю батарею, вышедшую из леса на открытое место, обрушилась тяжелая германская артиллерия.

Дивизион остановился в перелеске, скрытый от наблюдателей противника пересеченной местностью. Полковник Сахаров, высокий сухопарый блондин, разложил на зарядном ящике карту, определяя позиции оставшихся у него под командованием 5-й и 6-й батарей. Он выбрал лесистый овражек в полутора верстах от деревуш-

ки Бракупенен и в версте от шоссе, идущего почти параллельно тому, по которому только что шел дивизион. Ездовые быстро дотянули орудия до места, но выяснилось, что позиция хороша, а видимость ограниченная. В округе не было ни высоких густых деревьев, ни холмов, с которых можно наблюдать позиции неприятельской пехоты и германских батарей. Единственным высоким объектом торчала водокачка в Бракупенене, но, разумеется, и противник должен был предположить, что она служит хорошим наблюдательным пунктом. Подняться на нее и корректировать оттуда огонь батарей было заманчиво, но сопряжено с большой опасностью.

Офицер-наблюдатель поручик Глухов вызвался занять водокачку. С телефонистом они забрались в маленькое помещение на ее верхушке, обращенное окнами прямо на германцев.

Телефонисты тянули провода, расчеты ставили пушки в наскоро отрытые позиции, маскировали их ветвями и поливали водой песок, чтобы при выстреле не вздымалось облако пыли, демаскирующее орудия. Бывшие крестьяне и рабочие, одетые в серые шинели, спокойно и деловито правили свой ратный труд, не обращая внимания на редкие слепые разрывы германских снарядов, падавших в беспорядке на русские позиции.

Шестидюймовые «чемоданы» неприятеля неслись с тихим шелестом и над батареей Мезенцева, вздымая в ближнем тылу фонтаны песка. Поражения были пока только случайные. Артиллеристы поняли, что у немцев нет хорошего наблюдателя.

Наконец все было готово для открытия огня. Мезенцев скомандовал прицел для каждого орудия, лязгнули затворы, натянулись шнуры.

— Огонь... Пли! — скомандовал подполковник. Дружно рявкнули трехдюймовки, посылая разящую сталь на вражескую батарею.

— Ваш высокоблагородь! — оторвался телефонист от трубки. — Глухов докладывает: накрытие с первого залпа!..

После следующего залпа корректировщик донес, что орудийный расчет германской батареи разбегается, унося с собой раненых.

Глухов не терял времени даром на своей водокачке. Он сообщил координаты еще одной цели. На этот раз то была тяжелая германская батарея, стоявшая слева на полузакрытой позиции. Разрывы ее шрапнелей вспыхи-

вали над русской пехотой, прижимая ее к земле. Глухов передал об этом серьезном противнике и на 5-ю батарею. Соседи Мезенцева тоже готовились открыть по нему огонь. 16 русских пушек обрушили на германцев полсотни снарядов, и тяжелая батарея противника замолчала.

Дуэль продолжали немецкие гаубицы большого калибра, бросая снаряды издалека и явно не имея корректировщика. Очевидной их целью была водокачка — немцы, вероятно, догадались, что прицельный огонь невидимых им русских пушек корректировался с нее.

Багровое солнце начинало клониться к закату, обещая назавтра ясный день. Когда стало темнеть, немецкий снаряд все же попал в водокачку, и она загорелась. Глухову и телефонисту еле удалось спастись. С закопченным лицом, в пропыленной от близких разрывов гимнастерке, поручик явился на батарею.

В темноте подошла и заняла позиции правее 6-й 4-я батарея. Весь дивизион оказался в сборе.

Мезенцев приказал соорудить в полуверсте от позиций ложную батарею из бревен и тележных колес. Ночью на это место откатили две пушки и выпустили из них дюжину снарядов по позициям тяжелой германской артиллерии. Германцы встрепенулись и ответили на огонь. Они явно засекли вспышки выстрелов и готовились поутру разгромить дерзких русских.

Ночь прошла спокойно. Пощелкивали лишь одиночные винтовочные выстрелы часовых. Артиллеристы Мезенцева, выставив охранение, отужинали, и, сморенные усталостью, мгновенно заснули, кто где смог притулиться.

Ночная прохлада освежила подполковника. Обстрелянный в молодости на японской войне, он совершенно не волновался. Он тоже сразу уснул, заказав себе с рассветом быть на ногах. Снов он не видел, несколько часов промелькнули, словно один миг. Подполковник уже бодрствовал, когда первые лучи солнца засветили небо в тылу русских позиций.

Неприятель словно ждал этого момента — загрохотала германская артиллерия.

Русская пехота ожидала противника в неглубоких окопах. Сплошной сыпучий песок не давал возможности отрыть полный профиль траншей, хотя старослужащие солдаты старательно вязали из прутьев плетни и пытались остановить ими утекающий из-под лопаток грунт.

Свист и шипение пуль, грохот разрывающихся бризантных шрапнелей германцев заставлял каждого съежиться в своей лунке, сжаться, чтобы занять как можно меньше места на этой грешной земле в надежде, что авось шальная пуля его не достанет.

Пушки дивизиона стреляли так, что начала лопаться краска на стволах. Удалась и хитрость Мезенцева — первые два часа неприятель палил из тяжелых орудий по ложным позициям, разбивая в щепы фальшивые пушки. Но вот германцы пристреляли русские позиции, и все чаще на месте окопов поднимались в воздух черные султаны взрывов. В пехоте огонь был так плотен, что были выбиты почти все офицеры, солдаты стали медленно отступать за боевые порядки своей артиллерии. Три батареи очутились на самом переднем крае.

Вдали появились германские цепи. Огонь неприятельской артиллерии усилился. Бомбы гаубиц словно огромными молотами били по земле, застилая ее черным дымом и тучами песка. Песок мешался с едким потом, проникал под гимнастерки, вызывал нестерпимый зуд.

Осколки тяжелых снарядов и бризантных гранат поразили уже некоторых батарейцев. Остальные работали с ожесточением, заменяя выбывших товарищей.

По всем уставам и канонам войны командиры трех русских батарей, очутившихся без прикрытия пехоты, уже давно имели право отойти. Но дивизион, прикрывавший отход своей пехоты, явно жертвовал собой ради спасения остальных. И командиры и солдаты выполняли свой воинский долг. Даже легкораненые оставались на батареях, посильно помогая товарищам.

Мезенцев начал нервничать. В мощный цейсовский бинокль он видел со своего наблюдательного пункта, как из леса, видневшегося за серой лентой шоссе, вышли новые серо-зеленые цепи. Ветер доносил треск прусских барабанов, визгливые трели дудок.

— Беглый огонь прямой наводкой, трубка на картечь! — скомандовал командир батареи, когда серая масса солдат, словно перебродившее тесто, вылилась на шоссе.

Шоссейная дорога заволоклась дымом. Огонь и грохот царили в клубах этого дыма. Когда он рассеялся, страшная картина предстала перед артиллеристами — шоссе было завалено трупами и ранеными.

Мезенцев перекрестился, хотя и не был религиозен: ужас от содеянного душегубства и одновременно торже-

ство захлестнули его — атака врага отбита. Бой вызвал обострение всех его чувств. Инстинктом обстрелянного артиллериста он угадывал, какого калибра и куда летит снаряд противника. С радостью он видел, что и батарейцы не испытывали страха, а споро делали свое дело.

...Снова и снова вопили дудки германских фельдфебелей, снова и снова тишина поля и глухой топот пехоты врага сменялись грохотом разрывов. Русские батареи перемалывали пехоту, пока германское командование не опомнилось и не обрушило на артиллеристов губительный огонь своих тяжелых пушек и гаубиц. Под его прикрытием германская пехота стала обходить справа 4-ю батарею.

Вот уже затрещали немецкие пулеметы в тылу соседей... 4-я батарея умолкла. Батарейцы Мезенцева поняли: батарея погибла.

Бородатые лица артиллеристов посуровели — гибель надвигалась и на них серо-зеленой лавиной.

Гаубицы неприятеля ожесточенно кидали бомбу за бомбой на позиции упрямой русской артиллерии.

Против 5-й и 6-й батарей германцы приблизились до дистанции в 500—600 шагов. Серо-зеленые фигуры залегли, почти сливаясь с землей, и ожесточенно стреляли по русским. Огонь пушек Мезенцева становился все реже и реже — иссякал боезапас.

Немцы прекратили артиллерийский огонь, боясь поразить своих, но ввели в дело пулеметы.

5-й батарее удалось отойти. Передки 6-й были разбиты, и артиллеристы приготовились к худшему. Орудия выпустили по последнему снаряду. Командир приказал готовить кинжалы и револьверы. Серо-зеленые фигуры поднялись в полный рост и устремились на русских. Уже можно было различать перекошенные от ярости морды.

И тут свершилось чудо. С гиканьем и свистом, на полном карьере примчались передки 5-й батареи. Мигом подхватили они трехдюймовки Мезенцева, оставшихся в живых артиллеристов и таким же карьером умчались буквально из-под носа опешивших немцев.

Только один пулемет послал шальную очередь вслед русским. Мезенцева словно кто-то толкнул в спину. Боли он не почувствовал, но стал медленно падать вперед. Если бы расторопный ездовой не подхватил его, тяжело раненный подполковник мог погибнуть под колесами.

...Мезенцев очнулся от тряски в санитарной фуре.

Под брезентом, натянутым на дуги, было полутемно. Рядом стонал раненый пехотный штабс-капитан.

— Ожили его высокоблагородие... — сказал кому-то возница, заметнв, что Мезенцев пошевелился и открыл глаза. Немедленно из-за брезента высунулась голова денщика Семена. Оказалось, он сопровождал верхом санитарный фургон, после того как санитар перевязал раны подполковника и отправил его в лазарет.

— Как германцы? Отбиты? — прошептал Мезенцев.

Семен скорее угадал, чем услышал, вопрос командира и громко, почти крича от радости, что Мезенцев жив, ответил:

— Так точно! Герман дальше не пошел!.. Положили мы шрапнелькой супостата!..

Мезенцев откинулся на сене, устилавшем дно фуры, стараясь найти положение, при котором меньше бы ныла спина. Он еще не знал, что ранен серьезно и на много месяцев выбыл из строя. Не знал он также, что за этот бой будет награжден золотым оружием.

Уже в госпитале ему рассказали, что немцы проиграли первое большое сражение — под Гумбиненом. Никто еще — в русских и германских штабах — не подозревал, что это поражение скажется затем на всей кампании 1914 года на обоих фронтах — Восточном и Западном. Мезенцева радовало, что победе этой помог и мастерский огонь его батареи, геройская храбрость его артиллеристов.

Кобленц, август 1914 года

15 августа, когда развертывание германских армий согласно мобилизационному плану завершилось, Большой Генеральный штаб переехал из Берлина поближе к фронту, в рейнский городишко Кобленц в ста километрах от франко-германской границы.

Император Вильгельм возложил на себя верховное командование войсками. Начальником штаба, а фактически главнокомандующим стал Хельмут Мольтке. Это был не тот активный, энергичный военачальник, который готовил германскую армию к победе по «Плану Шлиффена». Споры с Вильгельмом в конце июля, когда император захотел вдруг изменить план войны и повернуть германские корпуса на Россию, вместо того чтобы ударить по Бельгии, произвели надлом в душе генерала.

«Печальный Юлиус», как шутливо называл Мольтке

император, сделался еще печальнее. Его угнетало буквально все — и то, что бельгийцы оказали германской армии жесточайшее сопротивление, совершенно не бравшееся в расчет «Планом Шлиффена», и то, что происходили задержки в графике движения войск через Бельгию, и атаки французов в Лотарингии, и первые схватки с русскими, которые оканчивались отнюдь не победой доблестных пруссаков.

Зато император был в зените славы. Штаб нарочно составлял маршевые планы многих полков таким образом, чтобы они следовали через Кобленц, где его величество пылкими речами напутствовал германских рыцарей на бой во славу рейха, во славу германизма.

Вильгельм остановился в Кобленце на жительство в старом замке бывшего курфюрста Трирского, где в предвоенные времена проживал и принц Прусский. Прекрасный дворец выходил фасадом на парк и площадь, а задней стороной на Рейн. Здесь кайзер почти не изменил своей привычке прогуливаться перед завтраком пешком или верхом в сопровождении дежурного адъютанта. В окрестностях Кобленца сохранилось еще много исторических рыцарских замков с богатыми коллекциями произведений искусства и оружия. Император частенько отправлялся в гости к их хозяевам и проводил за любимым занятием — говорить о живописи — всю первую половину дня. Великолепные новейшие «даймлер-бенцы», специально изготовленные в Штутгарте на заводах «Даймлера» для главной квартиры и лично императора, сокращали расстояния.

По Кобленцу император не любил гулять после одного инцидента. В тот злосчастный день он дошел до древней церкви св. Кастора, обошел ее вокруг и вышел на площадь, носящую имя того же святого. Здесь его внимание привлекли две плиты с какими-то надписями по-французски. На первой из них было выбито:

«1812 год. Замечателен походом против русских. В префектуру* Юлия Доазана».

— О! Колоссально! — умилился Вильгельм и подошел к другой плите. — Читайте! — приказал он адъютанту.

Тот начал бодрым голосом, но затем говорил все тише и тише:

* Префектура — время правления французских префектов в провинциях, завоеванных Францией в эпоху наполеоновских войн.

«Видено и одобрено Нами — Русским комендантом города Кобленца, 1 января 1814 года».

— Пфуй! Какой позор! — завопил неожиданно император. — Подойдите сюда! — приказал он священнику, вышедшему из храма. — Какая свинья это сделала?

— Ваше величество! — дрожащим голосом ответствовал пастырь. — Эту надпись велел высечь на камне русский генерал Сен-При, когда армия императора Александра разбила Наполеона Бонапарта...

— Опять русские! Опять французы! — возмутился Вильгельм.

Кобленц потерял для кайзера все свое очарование.

Вторую половину дня император посвящал стратегии и политике, беседам с фон Мольтке. Но в двадцатых числах августа спокойствие надолго покинуло Вильгельма. В Кобленц стали прибывать делегации юнкеров и городских жителей из Восточной Пруссии. Крупные титулованные помещики, старая аристократия — опора империи — заливались горючими слезами и молили защитить их собственность, выбить русских из Восточной Пруссии.

25 августа на вечернем докладе император был необыкновенно мрачен. Напрасно «Печальный Юлиус» веселым голосом читал депеши о том, что «3-я армия французов в районе Лонгви начала отход на линию Монмеди и южнее ее... 4-я французская армия, понеся большие потери в людях и материальной части, отошла с тяжелыми арьергардными боями за реку Маас, куда немедленно устремились победоносные германские войска... В тылу 5-й французской армии, в районе Динана появились части доблестной 3-й армии, и французы начали отход, оказавшись утром сего дня за Филиппвилем...»

«Победа близка!.. Победа близка!» — говорили сводки, но император оставался мрачен.

«Гумбинен! — повторял он. — Главная опасность для Германии и всей войны — Гумбинен! Надо спасти Восточную Пруссию — ведь именно там родилось все могущество Германской империи, выросли самые верные рыцари!»

— Как на востоке? — коротко спросил он Мольтке.

Полководец слегка замялся.

— Генералы Гинденбург и Людендорф вчера приступили к командованию войсками в Восточной Пруссии.

Русская 2-я армия генерала Самсонова продолжает движение от границы на Остероде и Алленштайн...

Мольтке кривым ногтем мизинца отчеркнул на карте Восточной Пруссии линию почти посередине провинции.

— Как?! — желчно взорвался император. — И вы допустили противника почти к побережью Балтийского моря?! Это неслыханно! Следующим шагом русских будет Берлин!.. Мне остается только отречься от престола!.. — истерически кричал император. — И это тогда, когда моя армия почти поставила на колени Францию! Когда разгром галльских петухов в красных штанах стал почти совершившимся фактом!

Кайзер внимательно разглядывал обстановку на карте.

— Что мы можем выделить для Гинденбурга? — почти спокойно спросил он.

— Ваше величество, Гинденбург не просит пока подкреплений... — осмелился возразить Мольтке.

— Я спрашиваю... — с угрозой в голосе заявил император, — что мы можем снять с Западного фронта, чтобы выгнать русских из колыбели германской цивилизации?!

Мольтке молчал. Военный министр генерал-лейтенант Эрих Фалькенгайн, присутствовавший на докладе, решил осторожно вмешаться:

— Ваше величество, полагаю, что Гинденбургу можно было бы направить гвардейский резервный корпус из 2-й армии, 11-й армейский корпус из 3-й армии и 8-ю кавалерийскую дивизию из 6-й армии Еще один корпус — 5-й армейский из 5-й армии, дислоцированный в районе Меца, — можно с этой же целью пока придержать, не бросая в наступление. Если дела в Восточной Пруссии пойдут совсем плохо, 5-й корпус тоже направим против русских...

— Молодец! — вырвалось у императора. — Готовьте приказ.

Барановичи, сентябрь 1914 года

Ошибка кайзера и Мольтке, когда под влиянием русских успехов в Восточной Пруссии два корпуса и кавалерийская дивизия были направлены на Восточный фронт, а еще один корпус не вводился в бой против Франции, ожидая исхода сражений на востоке, весьма

дорого обошлась стратегам в Кобленце. Части германских армий, с боями пробивавшиеся через Бельгию к французской границе, в битве на Марне решающего преимущества не имели. «План Шлиффена», предначертавший разгром Франции на 40-й день войны, не осуществился. Германские войска теряли силы и темп.

Корпуса, отправленные на восток, очевидно, могли решить исход битвы на Марне и открыть немцам дорогу на Париж. Но паника среди юнкеров и жителей Кенигсберга, вызванная наступлением русских, сделала свое дело — эшелоны спешили из Бельгии через всю Германию в Восточную Пруссию.

И русские войска, нещадно подгоняемые приказами Янушкевича и Николая Николаевича, стремились туда же. Они шли через сосновые перелески, по песчаным дорогам, размалываемым десятками тысяч солдатских сапог, деревянными колесами обозных фургонов и телег, железными шинами пушек и зарядных ящиков...

В песках Восточной Пруссии, у Мазурских озер, сближались армии для сражения, которое вызвало у современников необыкновенный и незаслуженный резонанс. Никакой особенной стратегической перспективы новая битва не имела и иметь не могла. Она нужна была только ставкам. Отступая от своих тщательно разработанных планов войны, германская спасала имущество и владения восточнопрусских помещиков-юнкеров. Русская, также отступая от своего плана стратегического развертывания, — исполняла требования союзников, которым нужно было оттянуть как можно больше германских войск с Западного фронта. А где произойдет бойня, на каком участке фронта русское пушечное мясо оплатит своей кровью векселя, выданные Петербургом парижским и лондонским банкирам, — почти не имело значения...

Подполковник Сухопаров спешил в Ставку верховного главнокомандующего. С начала войны он занимался в главном управлении Генерального штаба организацией шифрованной связи управлений Ставки с военным министерством и Царским Селом. Ехал он в Барановичи впервые. В серенький день с моросящим дождем Сухопаров вышел на перрон. Перед ним, за невысоким зданьицем станции открывался унылый городишко, лишь недавно ставший таковым из обычного белорусского местечка. Ставка оказалась расположенной не в самом городе, а в версте от него, в большом лесу. Следующих в

Ставку оказалось человек двадцать. На казенных моторах они добрались до места за несколько минут. В лесу желтели свежим песком насыпи для рельсов, на которых стоял поезд великого князя и еще несколько составов из классных вагонов. Между составами кое-где вросли в землю бараки. Над вагонами курился дымок, вокруг поезда главнокомандующего выстроилось кольцо часовых.

Сухопарова и других офицеров, прибывших в Ставку, встретил комендант и разместил их по вагонам. Сухопарову досталось купе рядом с его сослуживцем по Генеральному штабу полковником Скалоном. Он отдал вестовому свой тощий чемодан и пошел представляться непосредственному начальнику, генерал-квартирмейстеру Данилову.

Генерал сразу же смутил подполковника, заявив ему, что работать он будет в том самом маленьком станционном домике, где теперь помещалось все управление генерал-квартирмейстера, а завтракать и обедать — в вагоне-столовой великого князя. Тут же Данилов на чертеже показал его место за столом.

Сухопарова удивило такое экстравагантное, без всяких удобств размещение Ставки главнокомандующего российской армии.

— Видите ли, — не без юмора развеял его недоумение полковник Скалон, — стоицизм в жизни всегда похвален, а на войне просто необходим. Одно дело, когда офицеры, сражающиеся на передовой, получают приказы из роскошного особняка, где нежится их верховное руководство, а другое — когда они знают, что их военный вождь также испытывает лишения. ...Если же говорить о специфически военных причинах учреждения Ставки в столь малом местечке, то, во-первых, оно равно удалено от двух наших фронтов — Северо-Западного и Юго-Западного, во-вторых, это не какой-нибудь губернский город с его ресторанами и злачными местами, ночные бдения в которых способны серьезно подорвать здоровье и умственные способности некоторых слабых духом офицеров...

Сухопаров понял, что Скалон выражает своей иронией мнение очень многих чинов штаба верховного главнокомандующего. Нелепое размещение Ставки отнюдь не повысило авторитета великого князя и Янушкевича в глазах подполковника, который и раньше весьма скептически относился к «лукавому» и его любимцу — на-

чальнику штаба, со странным юмором называвшему себя «стратегической невинностью».

...Подошло время обеда. Скалон повел новоприбывшего коллегу в вагон-столовую великого князя. Их столик стоял у стеклянной перегородки, отделявшей стол его высочества, за которым сидели Янушкевич и специально приглашаемые лица, и столики военных представителей союзных стран. Главную роль, как выяснил Сухопаров впоследствии, играл представитель Франции генерал Д'Амад со своим заместителем, генералом де Ля-Гишем.

В том же отделении сидели Данилов, протопресвитер армии отец Шавельский и семь адъютантов великого князя.

Великий князь вошел с некоторым опозданием. На его лице были написаны умиление и радость. Офицеры встали.

— Прошу садиться! — скомандовал отрывисто Николай Николаевич и, взяв серебряную чарочку, полную какого-то напитка, радостно поведал: — Господа! Из французской Главной квартиры сообщили, что одержана грандиозная победа над германцами на Марне! Ура, господа офицеры! Виват Франция! Германские войска отступают на север!..

Все снова встали и подняли свои бокалы. Нестройным хором прокричали «ура!» и уселись за столики в тесном и узком вагоне.

У верховного главнокомандующего русской армией блестели на глазах слезы восторга от блестящего триумфа союзников. Его верное союзникам сердце трепетало от радости за огромную удачу милых и очаровательных французов. Николай Николаевич со всей своей душевной щедростью забыл, выбросил из ума напрочь воспоминания о том, как он всего две недели назад подгонял несчастную армию Самсонова на Млаву и Сольдау, заталкивая ее ради спасения Парижа в мешок неизвестностей Восточной Пруссии.

Великий князь был истинным сыном династии Романовых. «Мелочи» его не волновали.

Уже были сданы в архив сведения о том, что «...германцам в период 29—31 августа удалось взять в плен около 30 тысяч человек, 6 тысяч человек было убито и до 20 тысяч раненых русских солдат и офицеров осталось на поле боя. Около 20 тысячам войск удалось прорваться на юг и выйти из окружения». Уже потрясло

всю Россию сообщение Ставки о несчастье при Сольдау, составленное в следующих выражениях: «Вследствие накопившихся подкреплений, стянутых со всего фронта благодаря широко развитой сети железных дорог, превосходные силы германцев обрушили на наши силы около двух корпусов, подвергнувшихся самому сильному обстрелу тяжелой артиллерии, от которой мы понесли большие потери... Генералы Самсонов, Мартос и Пестич и некоторые чины штабов погибли...»

«Чудо на Марне» всколыхнуло весь вагон-столовую. Была забыта и победа под Гумбиненом, и гибель армии Самсонова, и победы в Галиции над австрийцами. За каждым столиком зажужжал свой особый разговор.

Сухопаров задумался о превратностях военной судьбы, играющей десятками тысяч человеческих жизней. Вдруг до него донесся разговор из-за стеклянного барьера, отделявшего их стол от места трапезы французов.

Генерал Д'Амад давал собственную оценку положения своему заместителю генералу Ля-Гишу, недавно прибывшему в Ставку.

— Какой правильный инстинкт двигает великим князем и его начальником штаба! Этот же инстинкт проявляется сейчас в Петербурге — русское общественное мнение и военные руководители гораздо больше интересуются сражением на Марне, чем собственными победами в Галиции...

— О да, мой генерал! — глубокомысленно изрек Ля-Гиш. — Ведь судьба войны воистину решается на Западном фронте. Если Франция не устоит, то и Россия принуждена будет отказаться от борьбы с германизмом. Сражение в Восточной Пруссии, я имею в виду разгром России под Сольдау, дали мне доказательства того, что русским не по плечу воевать с немцами. К сожалению, боши подавляют славян превосходством тактической подготовки, искусством командования, обилием боевых запасов... У них богаче и разнообразнее способы передвижения войск, в частности, множество грузовых моторов... Русских можно сравнить разве что с австрийцами!.. До войны я лично более высоко оценивал русское пушечное мясо...

У Сухопарова кровь ударила в голову от невольно подслушанного разговора. Он хотел встать и дать пощечину Ля-Гишу, вызвать его на дуэль. Лишь огромным усилием воли сумел он себя сдержать, понимая, что никто в штабе не поймет его душевного движения и ему

придется расстаться с армией, а возможно, и попасть под военно-полевой суд. Он сразу потерял всякий аппетит и лишь ковырял вилкой для приличия в жарком, мучительно дожидаясь конца обеда.

Так начиналась его командировка в Ставку.

Петербург, сентябрь 1914 года

Тайная советница Шумакова была счастлива. То, о чем она мечтала всю жизнь, воплощалось в действительность. В ее квартире у зятя и дочери — настоящий политический салон.

Петербург говорил о салонах светских дам: о салоне графини Ирины Илларионовны Шереметьевой, урожденной Воронцовой-Дашковой, где собирались оппозиционно настроенные офицеры гвардии и судачили о Распутине, о салоне графини Софьи Сергеевны Игнатьевой, где собирались правые и поносили на все лады левых и кадетов, о германофильствующих салонах графини Марии Эдуардовны Кляйнмихель, фрейлины Софьи Карловны Буксгевден, тетки очаровательного князя Феликса Юсупова — Елизаветы Феликсовны Лазаревой. Остроты, родившиеся в салонах, разлетались по всей столице.

Когда еще было неизвестно, вступит ли в войну Англия на стороне союзников, из гостиной графини Игнатьевой полетело: «Британский сфинкс молчит на весь Петербург!»

Послы и военные агенты блистали в салонах остроумием, генералы и полковники делились свежайшей военной информацией, политики предлагали оригинальнейшие решения вечных проблем. Словом, салон — это законодатель умственных мод, источник мудрости для всех, кто удостоен чести бывать в нем, гордость и слава хозяйки и хозяина.

А вот теперь салон и у Шумаковых, как по привычке называли фамилию советницы и ее дочери, забывая при этом, что есть здесь муж Татьяны — Глеб Иоаннович Кожин. Забывчивость простительная, ведь всегда салон славен хозяйкой.

Зато Глеб Иоаннович трудился как пчелка, чтобы собрать в свой улей уже знаменитых или только еще нарождающихся «общественных» деятелей. Словечко становилось модным, кто-то серьезно запускал его в оборот, как жука в ухо. Обозначало оно главным образом

шумливых депутатов Государственной думы и других пылких ораторов, обличающих всяческие беспорядки в империи.

Два или три известных в думских кругах депутата регулярно стали приходить по четвергам к Шумаковым на вечерний чай. Им нужна была аудитория, чтобы самовыражаться, и они нашли ее не только в лице доброй тайной советницы, ее славной дочери, грешившей в юности даже марксизмом, и скромного, но деловитого господина инженера путей сообщения. Дом бывал полон гостей — милых и приятных интеллигентных людей, один из которых, кажется, даже сотрудничал в газетах.

Для полного торжества Татьяны пригласили Шумаковы и кое-кого из участников старых, довоенных «четвергов». Попала в их число и Настя. Во-первых, она теперь была женой Генерального штаба полковника и весьма недурна собой, что очень могло украсить политический салон. Во-вторых, когда полковник вернется с фронта — Шумаковы были убеждены, что Соколов находится именно там, — его рассказы о военных действиях послужат к вящей славе собраний у Шумаковых.

Настя ничего не знала о подобных сложных политических рассуждениях Аглаи Петровны и была весьма удивлена, когда Татьяна разыскала ее и пригласила к себе на «четверг». Оказывается, она не держала обиды за тот маленький инцидент, который Соколовы учинили со спиритом в доме на Пушкинской прошлой зимой. Она была бы счастлива видеть у себя давнюю подругу — ведь соберется кое-кто из старых друзей, придут и новые люди — депутаты Думы и даже один профессор — гордость Петербурга.

Анастасия давно, с самого начала войны, не имела вестей от Алексея. Ее дни и вечера без него были просто мучительны. Славная и добрая тетушка Соколова заботилась о ней как о родной дочери, опекала как могла и делила с ней тревогу об Алексее. Но ничто не могло рассеять молодую женщину, томимую неизвестностью. Повинуясь своему характеру — быть там, где трудно, где нужны заботливые женские руки, — Настя решилась пойти работать сестрой милосердия в лазарет Финляндского полка, неподалеку от дома, где еще недавно жила с родителями.

В начале сентября, когда в столицу стали поступать первые раненые с Северо-Западного фронта, Настя прошла ускоренные курсы сестер милосердия и теперь нес-

ла дежурства в палате для тяжелораненых. Но через день она была свободна и не знала, куда себя деть, чтобы унять бесконечную тревогу и мучительные ожидания весточки от Алексея.

Ближайший четверг оказался свободным. Анастасия согласилась побывать у Шумаковых.

Просторная гостиная была полна гостей. Их возраст и политические платформы, судя по разговору, были самыми разнообразными. Кадет восседал здесь рядом с трудовиком, монархист по-парламентски спорил с эсером.

«Здесь явно нет большевиков... — решила Анастасия, — в противном случае настроение кое-кого из гостей было бы не таким благодушным».

Молодой и красивой даме немедленно нашлось удобное место поблизости к главным пророкам, сиречь депутатам Государственной думы. Один из них, громоздкий и заросший мужчина дикого вида, держал как раз слово. Он комментировал несчастье под Сольдау.

— Целая армия потеряна! Цвет российского воинства! Неужели опять повторяются бесславные сражения позорной японской войны? Неужели снова великая Русь идет к катастрофе — революции?!

Оратор сделал эффектную паузу, в которую немедленно влез следующий желающий высказаться общественный деятель. Он был в отличие от предыдущего думца чисто выбрит и лыс. Его голова возникла в воздухе, словно розовый шарик на веревочке галстука. И говорил он тоненьким и писклявым голоском.

— Посмотрите, кто командует доблестными русскими войсками! Генерал Ренненкампф — немец! Его даже не предали суду за то, что он и шага не сделал в помощь Самсонову! Рейнботы, Гакебуши, Штюрмеры и прочие Утгофы, Корфы, Мейеры заполняют штабы, командуют полками и дивизиями, ведают снабжением армии! Поистине — неладно что-то в Датском королевстве!..

Кто-то из германофильствующих гостей перебил оратора и, чтобы пустить разговор по другим рельсам, подбросил новую тему.

— Мы должны объединиться и поддержать правительство, ибо российское отечество в опасности! Не стыдно ли, господа, сейчас, в эти трудные для России дни, вносить раскол в общество, как это делают большевики, призывая к поражению самодержавия?

— А вы?! А вы сами?! Разве с трибуны Думы вы не подрывали самодержавие, призывая к конституции, свободе, равенству?..

Насте было интересно следить за спором, в котором сталкивались позиции разных группировок «общественности».

— А вы знаете, вы знаете?.. — ворвался вдруг в разговор гость, которого представили Насте как видного публициста. — Есть основания для пессимизма, особенно наблюдаемого в высших сферах...

Все общество замерло, пораженное столь громко высказанным откровением. Ведь еще недавно про высшие сферы говорили только шепотом, а теперь во весь голос, да еще принародно! Польщенный вниманием, осведомленный публицист продолжал:

— В этих кругах... в этих кругах уже давно обращают внимание на то, что неудачи... неудачи постоянно преследуют императора... судьба всегда против него... против него... жизнь его величества... его величества... это сплошная цепь катастроф!.. Говорят даже... — публицист понизил голос, — что линии его руки ужасны...

— Ах! — воскликнула какая-то дама.

— Да! Да!.. Государю императору предопределены несчастья...

Журналист то громогласно, то понижая голос, напомнил про Ходынку в день коронации, когда несколько тысяч человек было задавлено. Спустя несколько недель Николай отправился в Киев и там на его глазах утонул в Днепре пароход с тремястами людей. Еще несколько недель спустя в его присутствии в поезде умирает любимый министр князь Лобанов. Затем последовала война на Дальнем Востоке, когда япошки потопили императорский флот, а с ним и замечательного адмирала Макарова, пал Порт-Артур, разгромлена Маньчжурская армия... После кровопролитной войны — революция 1905 года, ее жестокое усмирение... Политические убийства — великого князя Сергея Александровича в Москве... В Киеве в двух саженях от него самого убивают Столыпина... А теперь?.. Что теперь должна думать общественность о перспективах этой несчастной войны? Она опять началась поражением...

Бойкий сосед Насти, вещавший, словно пифия, беды и несчастья для России, замолчал так же внезапно, как и заговорил. Однако эффект он произвел сильный — об-

щество притихло независимо от партийных взглядов. Тягостное молчание затянулось.

— М-дааа!.. — прервал его депутат-трудовик. — Народ надеется на верховного главнокомандующего великого князя... Вот это сильная личность!

— Если бы была сильная, — окрысился на трудовика кадет, — то не погубил бы цвет российской армии в Мазурских озерах и лесах в угоду братьям-союзникам... Самая лучшая помощь Парижу — наступать на Галицию, как это делают генералы Рузский и Брусилов... А знаете, что говорил Сергей Юльевич Витте про великого князя? Он считает Николая Николаевича вообще мистически тронутым... Граф полагает, что великий князь натворил и еще больше натворит бед России!..

Настя слушала бойких ораторов и приходила в недоумение. Добро бы это были революционеры, на худой конец анархисты или эсеры... А то ведь чистейшей воды «слуги буржуазии», как выражается Василий. Однако они теперь подкапываются под самодержавие, ругают главнокомандующего. Вот ведь времена настали! Толкуют о единстве народа и армии, народа и власти, а сами подрывают это единство... Народ в их речах — как разменная карта у банкомета...

Между тем гости Шумаковых вновь вернулись к трагедии армии Самсонова и к бездарности генералов, ведших ее в бой. Имя самого командующего, покончившего с собой и ушедшего таким образом от позора за разгром армии, произносилось с сочувствием и прощением — в среде русского офицерства пуля в лоб всегда считалась достойным выходом из трудного положения.

Анастасия поражалась тому, с каким апломбом говорили «общественные» деятели о войне, о страданиях «несчастных солдатиков», о горячем энтузиазме «героев, рвущихся в бой». В своем лазарете она слышала правдивые и жуткие рассказы раненых солдат о кровавой бойне, идущей от Балтийского моря до Карпат, о том, как по живым людям хлещет с неба шрапнель или как поднимается к небу огромный столб огня, обломков деревьев и клочьев человеческих тел, когда на окоп падает германский тяжелый снаряд.

Салонные разговоры о войне, разглагольствования о милых союзниках, прожекты наступлений — все вызывало у Насти глухое раздражение. Она улучила удобный момент, когда витии притомились и гостей пригласили к столу. Настя ушла не прощаясь.

Царское Село, сентябрь 1914 года

В Александровском дворце ничто не напоминало о войне. Все было тихо и спокойно, как в прежние годы. Лишь один незначительный эпизод прогремел под сводами и затих, не отразившись ни на ком из виновных. А дело было так.

Когда царская семья вернулась из Москвы, где всласть помолилась у кремлевских святынь о даровании победы славному российскому воинству, ее величество, утомленная неблизкой дорогой, вошла в свою угловую гостиную. И обомлела, кровавые круги поплыли у нее перед глазами. На самом видном месте висел гобелен, изображавший несчастную Марию-Антуанетту с детьми, казненную французскую королеву, бестактно, а может быть, и со злым умыслом подаренный во время недавнего визита республиканца Пуанкаре. Аликс устояла на ногах — императрица победила в ней слабую женщину. Она немедленно вызвала дворцового коменданта Воейкова.

— Кто это сделал? — грозно вопросила она.

— Ваше величество, произошла ошибка!.. — принялся оправдываться генерал. — Гобелен запаковали еще в Петергофе, сразу после приема президента, намереваясь положить в кладовую. По случайности, видимо, доставили сюда... Не извольте гневаться — он немедленно будет снят...

Государыня простила виновных, гобелен остался висеть, но поплакала в одиночестве: как ее не понимают даже близкие люди, как они невнимательны. А ведь при любом германском дворе такая небрежность немыслима!..

У государя были свои забавы и заботы. Он поигрывал с офицерами конвоя в домино, для разминки пилил дрова или гулял по парку. К нему приезжали министры — не привозили ничего чрезвычайного, только обычные скучные бумаги, которые царь, памятуя наказы своего батюшки, старательно испещрял подписями.

Иногда приезжал Сазонов и рассказывал, что Палеолог давит на него сильнее, чем фон Клюг на Париж, требуя все новых и новых русских наступлений.

Царю эти кляузы стали прискучивать. Его не волновали потери — уж чего-чего, а мужиков на Руси хватит! Он даже остался спокоен, когда услышал страшную весть о гибели армии Самсонова. «На все воля

божья!» — только и сказал он. Но его тихо бесило, что союзник только требовал и не давал никакого заверения о дележе завоеванного. Царь решил вызвать на аудиенцию посла Палеолога и предъявить Франции свой счет, пока не станет слишком поздно.

Церемониймейстер Евреинов, приставленный от царского двора к дипломатическому корпусу, в сопровождении скорохода явился в посольство за послом. Сазонов еле успел предупредить Палеолога о том, что беседа будет долгой и, несмотря на ее конфиденциальность, следует быть в парадном мундире.

По военному времени церемониал почти отсутствовал: посла сопровождали только Евреинов и скороход.

Палеолога провели в личные покои императорской семьи. В самом конце коридора, рядом с комнатой дежурного флигель-адъютанта, была гостиная для личных гостей императора.

У дверей малого царского кабинета арап, одетый в пестрые восточные одежды, отворил дверь, и Палеолог остался один на один с могущественным монархом, повелителем ста восьмидесяти миллионов подданных.

Кабинет небольшой, одно окно. Огромный диван, покрытый восточным ковром, кресла темной кожи, черного дерева письменный стол с аккуратно уставленным письменным прибором, книжный шкаф с бюстами на нем. Портреты и семейные фотографии по стенам.

Хозяина кабинета — мелкорослого, чуть курносого военного с аккуратно расчесанной бородой и хорошо подстриженными усами в сумраке осеннего дня сразу и не заметить. Он, вероятно, сидел и курил в полутьме, подумал посол, уловив тонкий аромат турецкого табака.

Царь указал гостю на кресло.

— Садитесь... поудобнее. Сегодня... э... я вас задержу... надолго!

Палеолог расшаркался перед императором и сел.

— Как благоугодно, ваше величество! Буду счастлив, ваше величество!..

Сильными руками Николай ставит поближе к послу курительный столик восточной работы с медным подносом. В шкатулке из лака — папиросы.

— Вот, пожалуйста, табак!.. Это из Турции... Мне прислал их султан... теперь у меня большой запас их... а других нет...

Вежливый до приторности, наголо бритый, с белым бескровным, словно сахарная голова, черепом, Палео-

лог воспитанно берет двумя пальцами папиросу и ждет сигнала. Царь зажигает спичку и предлагает огня послу. Затем зажигает свою папиросу. С удовольствием заядлого курильщика затягивается.

Николай хвалит французскую армию, тепло отзывается о своих собственных войсках и делает вывод, что победа теперь уж не ускользнет от союзников.

— Конечно, будут еще жертвы... дорогой Палеолог... И господь ниспошлет нам испытания... но я верю в победу! — глядя своими красивыми глазами на посла, запинаясь от какой-то робости, мямлит царь и стряхивает пепел в медный сосудик.

Затем, видимо преодолев внутренний барьер, Николай начинает говорить без запинки.

— Мой дорогой посол, я призвал вас, чтобы посоветоваться о будущем мире, — начинает царь. Он вольно располагается на широком диване и попыхивает папиросой. — Что мы станем делать, если Австрия и Германия запросят у нас мира? Видимо, до этого не так уж и далеко...

— О, ваше величество, — пылко подхватывает Палеолог. — Это вопрос первостепенной важности — будем ли мы договариваться о мире или просто продиктуем его нашим врагам. Очевидно, мы должны вести войну до победы, которая позволит нам требовать таких возмещений и гарантий от центральных держав, на которые их монархи никогда не согласятся, если не будут принуждены просить у Сердечного согласия пощады...

— Полностью согласен, дорогой посол, — поддакивает царь. — Мы должны окончательно раздавить германские державы и будем продолжать войну до полной победы... Что касается условий будущего мира, то я решительно настаиваю на выработке их только нашими тремя союзными державами — Россией, Францией и Англией. Никаких конгрессов, никаких посредничеств после войны в чью бы то ни было пользу!.. Это мое решение, и я от него не отступлю!.. — решительно заявляет Николай.

Посол наблюдает за выражением лица монарха. С удивлением для себя он обнаруживает, что русский царь волнуется, но, видимо, тверд в своем мнении.

«Посмотрим, что ты скажешь после войны, — думает посол. — Конгресс-то мы обязательно созовем; он и примет решения, выгодные нам, а не вашей полудикой

стране... Так что, ваше величество, и не надейтесь на выгодный для вас раздел».

Внешне посол бесстрастен. Никакая игра мысли не отражается на его лице, никакой огонь не загорается в его глазах. Николай продолжает разговор об общих основах будущего мира победителей.

— Главное, в чем мы должны прийти к согласию, это уничтожение германского милитаризма. Вооруженный германизм держит всю Европу в состоянии кошмара вот уже сорок лет и наконец снова напал на Францию, чтобы продолжить свое грязное дело, начатое в 1870 году... Наша задача — лишить германцев всякой возможности реванша...

Посол услышал слова, слаще которых для него в России еще не произносилось. Русскими руками свернуть шею германскому орлу, лишить его военной мощи и возможности реванша — это и есть главная задача Франции, а неумный царь, высказывает ее как свою собственную и наиважнейшую.

— Ваше величество, я благодарен за это заявление и уверен, что правительство Республики откликнется на пожелания императорского правительства самым сочувственным образом... — любезно улыбается посол.

— Я благодарен моим союзникам и ценю их понимание общих целей, — говорит Николай. — Спешу сказать, что я заранее одобряю все, что Франция и Англия сочтут необходимым потребовать для себя, вырабатывая точные условия мира... Я бы хотел сегодня вкратце рассказать, что думаю по этому поводу сам... Должен прибавить, — словно оправдывается государь, — что я еще не советовался с моими министрами и генералами...

Николай встает с дивана, берет с письменного стола аккуратно сложенную карту Европы и кладет ее на курительный столик. Затем пододвигает ближе одно из кресел и садится.

Он уже совсем освоился с гостем и говорит, как в домашнем кругу, желая произвести впечатление на Палеолога, а значит и на Францию, своей искренностью и благожелательностью.

— Сначала об интересах России, мой дорогой посол... Мы ожидаем от победы в войне против германцев в первую голову исправления границ Восточной Пруссии. Генеральный штаб желает, чтобы новая граница проходила по берегу Вислы... Я же полагаю это чрезмерным, тем более что намерен воссоздать Польшу, для

которой будут необходимы Познань и часть Силезии. Мы отберем эти части от Германии и отдадим новой Польше. Кстати, мой дорогой посол, как вам нравится воззвание к полякам, с которым обратился по моему повелению великий князь главнокомандующий? — поинтересовался император. — Надеюсь, оно создаст необходимый для победы дух в сердцах всех поляков, живущих в нашей империи и прозябающих в империях Австро-Венгерской и Германской...

Палеолог действительно весьма интересовался польской проблемой и взаимоотношениями поляков и русских. Однако действовал он как раз в противоположном направлении — посол всячески хотел поссорить поляков и Россию, возбудить дух сепаратизма и русофобии на польских землях. Поэтому он весьма насторожился, когда услышал из уст царя о Польше. В самых восторженных выражениях Палеолог расхвалил воззвание Николая Николаевича к полякам, хотя был весьма низкого мнения о нем: документ был расплывчатый и малообещающий. Он вызвал энтузиазм, который сам Николай Николаевич озаботился поскорее притушить, чтобы не дать полякам ничего конкретного.

Николай не замечает фальши в восторгах посла и продолжает делиться самыми сокровенными мыслями о переустройстве послевоенной Европы по предначертаниям союзников.

Он говорит о том, что Россия потребует себе Галицию и часть Карпат, чтобы дойти до естественных пределов на западе, в Малой Азии займется армянами, которых ни в коем случае нельзя оставлять под турецким игом. Он открывает послу, что если будет особая просьба армян, то Армения сможет присоединиться к России. Когда Николай доходит до судьбы черноморских проливов, он останавливается. Вопрос слишком серьезен, чтобы говорить о нем скороговоркой. Посол, зная об особом интересе своего правительства и, главное, своего дальновидного друга — президента, просит Николая объясниться.

— Для России это будет самый важный результат войны, и мой народ не понял бы без него тех жертв, которые я заставил его понести во имя справедливости... — высокопарно начинает царь. — Должен признаться, твердого решения у меня пока нет. Однако два принципиальных вывода я уже сделал для себя и, надеюсь, мои союзники целиком поддержат их...

«Как бы не так! — думает посол. — Если бы госпо-

дин Романов знал истинное мнение Парижа и Лондона о категоричном нежелании отдать России проливы, он бы, наверное, пошел войной не против Вильгельма, а против нас...»

На лице же посол изображает улыбку внимания и готовится запомнить слова царя дословно, ибо понимает: здесь стержень беседы, ее главный интерес для Пуанкаре.

— Турки должны быть изгнаны из Европы, — уверенно начинает Николай. — Во-вторых, Константинополь может стать нейтральным портом, городом под международным управлением. Северную Фракию — до линии Энос — Мидия — следует присоединить к Болгарии, а остальное — от этой линии до морей, конечно, исключая окрестности Константинополя, отойдет к России...

Посол решает уточнить, но так, чтобы не сложилось впечатления согласия Франции на решение проблемы проливов в пользу союзника.

— Ваше величество! — осторожно прерывает он царя. — Если я правильно понимаю мысль, то Босфор, Мраморное море и Дарданеллы составят западную границу Турции, а сами турки останутся запертыми в Малой Азии?

— Да, так! — отзывается царь.

«Ну и аппетит у этих мужиков!» — думает Палеолог.

Не давая согласия за Францию, посол решает все же получить кое-что для своей страны. Пока хотя бы поддержку Николая во французских территориальных приобретениях на развалинах Османской империи.

— Я хотел бы напомнить, ваше величество, о том, что Франция обладает в Сирии и Палестине важными духовными и материальными интересами. Мы хотели бы получить эти части Турецкой империи под свое управление и надеемся на согласие России...

— Разумеется! — проявляет щедрость Николай. — Мои дорогие союзники могут рассчитывать на мое одобрение всего, что они хотят потребовать от нынешнего неприятеля...

Николай аккуратно складывает карту Европы и берет вместо нее лист, на котором крупным планом изображены Балканы.

— Мой дорогой посол, теперь я хотел бы высказать свою точку зрения о будущих территориальных измене-

ниях на Балканском полуострове, — спокойно и неторопливо говорит он. — Полагаю, что Сербия может присоединить себе Боснию, Герцеговину, Далмацию и северную часть Албании. Греция, видимо, получит южную Албанию, кроме Валлоны, которая могла бы отойти к Италии, если та будет хорошо себя вести... Болгария, если она вступит в войну на нашей стороне, будет компенсирована от Сербии областями в Македонии...

Николай водит мизинцем по тем странам и районам, о которых говорит. Посол внимательно следит за его движениями. Палеолог ни словом не реагирует, но император, кажется, с большим удовольствием слушает сам себя и не замечает молчания посла.

— Что же будет с Австро-Венгрией? — вслух раздумывает царь. — Она, наверное, не выдержит тех территориальных потерь, на которые вынужден будет пойти Франц-Иосиф.

Посол решается вступить в разговор. Австро-Венгрия — это не сфера интересов Франции, и здесь можно обещать все, что только пожелает Россия, — ведь ей никогда не достанется то, на что она претендует. Англия не позволит слишком усилиться славянской империи.

— Да, Венгрия, лишенная Трансильвании, которую следует отдать Румынии за ее помощь в войне, вряд ли захочет и далее выступать в одной империи с Австрией. Австро-венгерский союз потерпел крах... Чехия наверняка добьется независимости; у Австрии останутся только немецкий Тироль и Зальцбургская область...

Император, полузакрыв глаза, поет, словно песню, планы расчленения старинного врага и предателя России.

— А что вы думаете делать с Германской империей? — вопрошает Палеолог.

Несколько мгновений Николай молчит, словно подбирает слова и проговаривает их сначала для себя. Его губы беззвучно шевелятся.

— Главное я вижу в том, — медленно и значительно произносит он, — чтобы императорское достоинство не было сохранено за домом Гогенцоллернов. Они обманули народы, нарушили мир в Европе и должны поплатиться германской короной. Впрочем, они могут остаться прусскими королями в новой Германии, куда Пруссия может войти отнюдь не ведущей и главенствующей силой...

Посла это устраивает, ибо объединенная Бисмарком

под эгидой Пруссии Германия не только оставалась могучей силой в Европе, направленной против Франции, но и отобрала у его родины Эльзас и Лотарингию. Царь продолжает. Посол — весь внимание.

— Впрочем, границы Пруссии также должны измениться, чтобы ее милитаризм никогда больше не мог получить достаточных питательных соков... Мы вернем Польше ее земли, находящиеся сейчас под Пруссией, а границу Восточной Пруссии отодвинем далеко на запад... Разумеется, Франция возвратит себе Эльзас и Лотарингию, и я отдал бы вам еще рейнские провинции...

«Браво! — мысленно восклицает посол. — Наконец-то он заговорил о настоящем деле!..»

— Несчастная Бельгия, попираемая ныне германским сапогом, в награду за свое участие в нашем союзе сможет получить в области Аахена достаточное приращение к своей территории...

— А колонии? А германские колонии?! — нетерпеливо торопит посол царя.

— Я полагаю, что их разделят между собой Англия и Франция. У России нет претензий на колониальные владения... — спокойно, словно о давно решенном, говорит Николай. — Я хотел бы еще двух территориальных изменений, — добавляет он после краткой паузы. — Шлезвиг, отобранный у Дании, должен быть возвращен ей вместе с районом Кильского канала...

«Ага! Ты хочешь, чтобы твои датские родственники сторожили все выходы в Балтийское море и не пускали туда чужие военные флоты!..» — догадывается посол.

— Кроме того, следовало бы между Пруссией и Голландией возродить маленькое германское государство — Ганновер, сделав его королем кого-либо из симпатизирующих союзникам германских принцев...

— Ваше величество, но все германские принцы сейчас командуют армиями Вильгельма! — возмущается Палеолог.

— Я имею в виду других принцев, кто находится сейчас на русской службе, — открывает свои тайные планы Николай.

Посол вспоминает, что действительно при русском дворе обретается масса всяких Ольденбургских, Баттенбергских и других князей. Он поражается хитрости царя, который уже сейчас продумал этот сложный во-

прос: послевоенное деление Европы и за Рейнские провинции хочет создания полувассального от России государства в самом центре Западной Европы.

«Неужели он все-таки умен, этот Романов? — со страхом думает посол. — Может быть, все мои информаторы от ненависти к нему неправильно оценивают его умственный потенциал и считают его упрямым и недалеким человеком?.. А ведь если Россия самостоятельно одержит победу в этой войне, или хотя бы раньше нас разгромит Германию и войдет в Берлин, нам трудно будет отказывать в ее претензиях! — приходит на ум Палеологу. — Воистину прав Пуанкаре в стремлении ослабить эту империю и не дать ей одержать скорую победу!..»

— Ваше величество, означает ли все сказанное, что вы хотите полного конца Германской империи? — задает вслух свой очередной вопрос посол. — В том виде, в каком ее создали и куда ее направили Гогенцоллерны, эта империя устремлена против Франции. Я не буду защищать ее, но... — посол на этом останавливается. Мысленно же он продолжает: «не станет ли слишком сильной для Европы империя Российская?»

Царь, кажется, улавливает не высказанный Палеологом вопрос.

— Мы должны заботиться о нашем союзе и после войны. Великое дело, которое совершат ваша и наша армии, может остаться прочным лишь тогда, когда мы сами будем сплоченными и едиными...

«Вот демон! — думает посол. — Куда повернул! На сплочение после войны! Как будто знает, что Англия и мы только и ждем конца войны, чтобы отобрать у России все, на что она зарится! Нет, положительно он умен, Николай Романов!..»

Посла пугает не только открывшаяся вдруг политическая прозорливость русского императора, тем более, похоже, это собственные мысли Николая — Сазонов не осмелился бы на подобные рассуждения, не зная точки зрения французов и англичан. Никто другой из окружения царя, в том числе и императрица, также не способны к столь долговременному плану. Значит, император сам сформулировал цели своей политики в Европе, и, надо сказать, довольно основательно, — к такому выводу приходит Палеолог. Об этом он решает проинформировать особым шифром лично президента республики.

Кабинетные часы мелодично отзванивают семь вечера.

— О! Я, наверное, вас утомил, дорогой посол? — любезно спрашивает государь.

Палеолог понимает, что ему вежливо намекнули о конце аудиенции. Он встает со своего кресла, в котором так и не шелохнулся два с половиной часа.

— Я был счастлив повидать ваше величество! — раскланивается Палеолог.

— Я тоже очень рад поговорить с вами, мой дорогой посол, — улыбается ему сквозь усы Николай.

Но Палеолог не может уйти, прежде чем не задаст еще один вопрос, с которым он начинает и заканчивает каждый день в Петербурге.

— Ваше величество! — обращается он к царю. — Позвольте на ходу спросить вас о том, как идут дела на фронте и когда ваши доблестные войска начнут новое наступление на германцев?

— Сейчас в Польше идет ожесточенное сражение, — говорит царь, провожая посла до дверей. — Германцы пытаются прорвать наш фронт, а великий князь не позволяет им этого. Он пишет мне, что скоро надеется сам перейти в наступление... Он по-прежнему занят единственной мыслью — как можно скорее начать поход на Берлин...

— И что же? — несколько неучтиво прерывает Палеолог.

Настроение царя неуловимо меняется. Он уже не так любезен и очарователен, как несколько минут назад.

— Трудно сказать сейчас, где нам удастся пробить себе дорогу на Берлин... — раздумчиво говорит он. — Будет ли это севернее Карпат или в районе Познани? А может быть, и севернее Познани... Многое будет зависеть от сражения, которое начинается сейчас между Краковом и Лодзью...

Прощайте, мой дорогой посол! Поверьте, я искренне рад так откровенно переговорить с вами не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне!..

Палеолог изображает на своем лице гримасу сожаления, смешанного с восторгом и надеждой вновь в скором времени лицезреть его императорское величество. Затем он мчится в посольство, чтобы по горячим следам продиктовать секретарям беседу с императором.

Кобленц, декабрь 1914 года

В тихий милый Кобленц к рождеству собиралась вся семья доброго «папы Вильгельма», как это принято в истинных германских семействах. Прибыла императрица, которую супруг в грош не ставил и на которую позволял себе повышать голос в присутствии посторонних. Вместе с ней в одном литерном поезде приехала принцесса Цецилия, единственная и любимая дочь императора.

Примчались принцы — пять крепышей в военной форме, с ярко-красным румянцем на щеках, веселые и беззаботные, как и положено в молодости.

Прибыл главнокомандующий военно-морскими силами принц Генрих Прусский, брат императора.

Последним, буквально за два часа до начала мессы в сочельник, когда «папа Вильгельм» начинал уже злиться из-за его отсутствия, явился кронпринц Вильгельм, тридцатидвухлетний командующий 5-й армией. Кронпринц, разумеется, мог бы быть вовремя. Диденхофен, где стоял его штаб, всего в паре сотен километров от Кобленца. Однако старший сын и наследник императора хотел показать независимость и занятость фронтовыми делами. К тому же он не питал особых родственных чувств, и ему платили тем же.

Короли и императоры никогда не любили тех, кто наследовал их корону и власть, даже если это были родные дети — плоть от плоти и кровь от крови. В свою очередь, и наследники не могли дождаться естественного свершения событий и иногда подгоняли их каплей яда или иным искусственным путем. Правда, так бывало в средние века, а в просвещенный двадцатый отцы и сыновья, дядья и племянники из-за корон уже не душили и не травили друг друга. Они сохраняли видимость добрых отношений.

Первенец Вильгельма Гогенцоллерна, увы, не имел царственного вида и осанки. Это был узкогрудый и сутуловатый молодой человек, довольно хрупкий на вид, с худощавой физиономией, похожей на лисью. Кронпринц не производил на окружающих впечатления умного и проницательного деятеля. Скорее наоборот, его считали довольно заурядным парнем, любителем дешевых политических эффектов и громких демонстративных заявлений. Но надо отдать ему должное, престо-

лонаследник Вильгельма II всерьез готовился стать повелителем Германии и всего мира.

Он примчался в Кобленц в забрызганном грязью автомобиле, в походной форме. На груди его гордо болтались Железные кресты 1-го и 2-го классов, полученные им от императора за победы над французами в пограничном сражении. Его прислуга и свита прибыли чуть раньше и с большим комфортом в специальном поезде.

Праздничный ужин после мессы был накрыт в парадной зале королевского дворца, перед камином, в котором горели огромные дубовые бревна. В соседнем зале стояла богато украшенная елка, под которой Христос-дитя уже разложил свои подарки всем членам семейства. Баварское пиво оросило начало ужина — целиком зажаренного кабана, рейнские вина — его середину: полсотни сортов ароматных колбас и паштетов. Трапезу завершили французские коньяки, которых доблестная германская армия уже достаточно набрала в брошенных французами при отступлении шато.

Как водится, мужчины после ужина удалились поболтать за глотком коньяка и сигарой, дамы остались за столом пригубить ликеры, от которых сон делается спокойнее, а лицо розовее.

За высокими окнами дворца барабанил противный дождь, который смыл остатки снега в парке и сделал всю природу серой и невыразительной. В зале уютно горели стеариновые свечи, выхватывая пятнами света героев и охотников на гобеленах XVII века. Молодые принцы испросили разрешение уйти и отправились в офицерское казино. Остались кайзер, кронпринц Вильгельм и принц Генрих Прусский.

Настроение кайзера, несмотря на веселый и милый праздник, было мрачным и подавленным. Ему уже надоела эта игра в войну, когда нет побед, а со всех сторон докладывают об одних лишь неприятностях. Вот и вчера канцлер счел возможным представить доклад, из которого следовало, будто запасы нитратов на складах химических трестов истощаются, и скоро пороховым заводам не из чего будет делать порох. И это вместо того, чтобы всячески развивать производство, заваливать заранее все склады этими проклятыми нитратами... Что же, теперь, значит, нужно заключать мир, поскольку порох уже не изготовишь?!

Император стал вспоминать приятное. Это были зо-

лотые довоенные денечки, когда можно было, вызывая восторг народных толп, проехать на Остров в гости к Георгу Британскому или, на худой конец, встретиться с Ники, покататься на яхте по Средиземному морю или пожить на Корфу под благословенным синим небом юга...

Голосом, в котором сквозила жалость к самому себе, кайзер начал разговор с братом и сыном.

— Австрийцев бьют русские... а из-за чего? Австрийское офицерство крайне неудовлетворительного состава — вот почему австрийская армия не дает того, что могла бы дать...

Кронпринц и принц Генрих встрепенулись.

— Сказались роковые последствия того, что в Австрии знать не несет тягот военной службы. Она держится в стороне от армии, а офицерство из-за этого состоит только из профессионалов... Профессионалы же, известно, сражаются не за императора, а за жалованье...

— Вилли, как глубоко ты прав! — пробасил принц Генрих. — У них и не могло образоваться истинной внутренней спайки в офицерском корпусе, раз нет удовлетворения выполненным святым долгом!..

— Меня удручает эта позиционная война! — брякнул Вильгельм без всякого перехода. — Мои силы скованы, плотность войск на фронте уменьшается, наступление становится невозможным. Надо что-то делать!..

— Ваше величество! — вдруг вмешался в разговор кронпринц. — Отец, я тоже много думал над всеми этими вопросами и пришел к выводу, что нам следует заключить мир с Россией — тогда мы будем иметь возможность повернуть все армии на Париж и одним броском закончить войну...

— Мои генералы обещали мне, что одержат полную победу над Францией за шесть или восемь недель! А сколько уже прошло недель от начала войны?! — снова жалобным тоном вопросил император.

— Почти пять месяцев, Вилли! — напомнил принц Генрих.

— А мы все топчемся на фронте протяженностью в семьсот километров и не сделали пока ни одного серьезного прорыва французских укреплений, не прорвались с севера, как требовал великий Шлиффен...

— Отец! — настойчиво повторил кронпринц. — Я совершенно сознательно заговорил о сепаратном ми-

ре с Россией. По-моему, это блестящий выход из положения! Если Николай пойдет на мир с нами, мы сможем перебросить все войска на запад и легко прорвем франко-английский фронт. Если русский царь не сможет или не захочет вести с нами переговоры, сам факт наших с ним контактов внесет смуту в отношения между державами Согласия, и мы на этом кое-что выиграем...

Вильгельм-старший перестал капризничать и внимательно посмотрел на кронпринца. Отблески свечей то и дело хищно зажигали глаза на лисьей мордочке его первенца и престолонаследника.

«Он не так глуп!» — с похвалой подумал император.

— А на каких условиях ты мыслишь заключение мира с русскими?..

— Ваше величество, я полагаю, что мы вполне можем пообещать им Константинополь, а следовательно, и проливы, чего так страстно добивается, судя по показаниям разведки, вся русская верхушка...

— Это мы можем смело обещать, тем более что Англия при любом послевоенном урегулировании не даст русским воспользоваться важнейшими частями турецкой территории... А что еще?..

— Учитывая всегдашнюю погоню России за чужими деньгами, — я имею в виду займы, которые российские банкиры нахватали в Париже и Лондоне, — можно было бы предложить дяде Ники пять или десять миллиардов золотых рейхсмарок на покрытие издержек войны...

— Неглупо!.. — дал оценку предложениям наследника император.

— Я бы отдал России еще пару кусков Польши, — вступил в разговор принц Генрих. — Одна из навязчивых идей Ники — создать, под своей эгидой, разумеется, польское королевство в старых границах Польши... Для вящего соблазна мы могли бы пойти и на такое предложение ему... Как ты думаешь?

— Превосходно! Идея плодотворна. Но как ее осуществить?! Ведь прямо я не могу написать Николаю письмо с этими предложениями?! Надо подумать...

...Наутро, совершая утренний туалет, император милостиво принял с докладом полковника Вальтера Николаи, начальника разведки. Поучиться государственной мудрости пришел и кронпринц. Он сидел с внимательным видом, пока Николаи перечислял новые части

противника, пришедшие на англо-французский фронт. Затем полковник доложил о некотором затишье в боях, проистекшем, вероятно, из-за праздника рождества.

Когда парикмахер закончил прическу императора, а массажист — обрабатывать его щеки, Вильгельм ласково обнял за плечи своего любимца, обер-шпиона Германии.

В рабочей комнате Вильгельма Второго все столы были завалены картами самых разнообразных масштабов.

Только маленький столик в углу с четырьмя креслами подле него был чист от схем военных действий.

Вильгельм любезно усадил Николаи в кресло, молча указал на другое кронпринцу и сел сам. Схватив здоровой правой рукой сухую левую, кайзер страстным шепотом выдохнул:

— Нам очень нужно поссорить союзников с Россией!.. Какие у нас есть для этого средства?.. Впрочем, средство я назову вам сам — сепаратные переговоры между Берлином и Петербургом... Мой сын предложил неплохую идею... Нам теперь требуется дельный исполнитель или исполнительница... Как вступить в контакт с царем, разумеется, совершенно негласно, так, чтобы ни одна живая душа не узнала?

Император принялся развивать перед Николаи условия, которым следовало отвечать человеку, достойному поручения. Естественно, это должен быть достаточно ловкий человек высшего общества, которого хорошо знают и к которому отнесутся с доверием Николай и Александра. Такому лицу будут даны самые высокие полномочия, однако, не зная реакции царя, было бы неосторожным вмешивать сразу имя самого кайзера. По-видимому, из тех же соображений не следует ссылаться и на высоких официальных деятелей Берлина — канцлера фон Бетмана или министра иностранных дел фон Ягова...

Николаи внимательно и почтительно слушал. Ему нравилась вся эта комбинация, любой исход которой — удачный или неудачный — одинаково хорошо работал на пользу империи. Руководитель разведки прекрасно понимал, что слухи о контактах Берлина и Петрограда неизбежно просочатся в Лондон и Париж и поведут к охлаждению между союзниками. Он даже решил помочь быстрейшему проникновению этой информации

в Лондон и мысленно наметил для этого кандидатуру крупного банкира Баллина.

Полковник имел точные сведения, что Баллин имеет большие финансовые интересы в британских банках и готов поделиться с их директорами кое-какими секретами Германии — разумеется, если это позволит ему приумножить свои вклады. Что касается каналов связи, то через Данию или Швецию проще простого дать знать в Лондон.

К концу речи императора Николаи — верный и быстро соображающий слуга — уже имел что предложить хозяину.

— Ваше величество! — обратился он к Вильгельму. — Недавно я просматривал для своих целей списки русских, которые были задержаны или сами задержались с началом войны на территории Срединных империй. Я обратил внимание на одно имя, которое, возможно, вы знаете. Это фрейлина русской царицы, дочь директора императорского Эрмитажа и гофмейстера двора Мария Васильчикова. Начало войны застало ее в принадлежащем ей имении «Кляйн Вартенштайн» недалеко от Вены. Мадам запрещено покидать поместье, ибо это может вызвать ненужные толки в народе.

— А как мадам относится к германизму и нашему двору? Будет ли она служить нам лояльно? — распрямился император в своем кресле. — Каковы ее настроения?

— Я исследовал эти вопросы, ваше величество, ибо была определенная необходимость... — довольно туманно выразился Николаи. Он пока не хотел открывать Вильгельму свои планы относительно использования космополитки.

— Как жаль, что я сам не могу написать письмо Николаю... — задумчиво и сентиментально протянул Вильгельм. — У нас были такие чудные письма друг к другу... Он бы меня понял скорее, чем какую-то фрейлину... Увы, я лишен этой возможности...

— Как я понял, письмо следует написать фрейлине... — вмешался в разговор кронпринц и замолк, не окончив фразу. Мысль тотчас подхватил начальник разведки.

— Лучше всего, если письмо будет адресовано не самому царю, а более симпатизирующей Германии императрице Александре! — высказал предложение Николаи.

— Обсудите с фон Яговом, уведомите об этой политической акции канцлера империи и начинайте готовить фрейлину...

Прага, январь 1915 года

Пять месяцев томится Алексей Соколов в военной тюрьме на Градчанах в Праге. После ареста в Германнштадте его повезли в арестантском вагоне в Прагу, где служил в 8-м корпусе начальником штаба его выдающийся агент полковник Редль. Как правильно полагали австрийские контрразведчики, в Праге продолжала действовать большая разведывательная организация, снабжавшая материалами Соколова. Максимилиан Ронге рассчитывал, что в Праге удастся заставить русского разведчика давать показания.

Именно под этим предлогом военная прокуратура императорской армии отказалась выдать Германии полковника русской разведки, хотя австрийцы и захватили его только потому, что германские контрразведчики снабдили коллег прекрасными фотоснимками русского и подробным описанием его примет.

Затянутый в рюмочку следователь майор Юнгвирт тщетно пытался принудить Соколова говорить о его связях с чехами. Он с немецкой методичностью вызывал его на допрос в здание военного суда на Градчанах каждую неделю, но ни одна из этих «бесед» не позволила ему занести в тощую папку с надписью «Оберст Соколофф» ничего, кроме ставшей традиционной строки: «Русский полковник отказался вести разговор на военные или политические темы».

Содержали Соколова на этаже для важных государственных преступников в одиночной камере, но в довольно сносных условиях. Полковнику сохранили его гардероб, позволяли отдавать в стирку белье и изредка заказывать обед в ближайшем ресторане, разумеется, за его счет и с доставкой через вахмистра тюремной охраны.

Маленькая камера освещалась днем окошком, забранным толстой железной решеткой. Кроны деревьев не закрывали дневного света. Впрочем, промозглой осенью и сырой бесснежной зимой даже днем над городом стояли туман и смог. Густые клубы каменноугольного дыма из множества каминных, печных и фабричных труб застаивались над Прагой.

Сквозь смог, а в редкие солнечные дни ясно и отчетливо Соколову был виден королевский летний дворец на противоположной стороне оврага, называемого Оленьим рвом. Если подтянуться на руках к верхнему обрезу окна, то можно увидеть на склонах за дворцом насаженные когда-то графом Хотеком и носящие теперь его имя сады. Багряной осенью они представляли собой необыкновенно яркую картину, и Соколов не раз любовался ими. Чтобы не потерять спортивной формы, он занимался гимнастическими упражнениями, используя решетку своей темницы как своего рода «шведскую стенку».

Алексей верил, что найдет достойный выход из почти безвыходного положения, в которое попал, как он считал, из-за своей торопливости. Только с течением времени, когда группа Филимона Стечишина, узнав о его аресте и месте заточения, смогла установить с ним связь, Соколову передали, что все силы германской и австро-венгерской контрразведок были брошены на его поимку. Это известие, впрочем, нисколько не облегчило душевных мук Алексея. Их несколько умерило лишь сообщение о подготовке его побега, переданное через одного из тюремщиков, подкупленных Младой Яроушек. Связная группы Филимона оказалась, как всегда, на высоте и буквально в течение месяца через одного из своих служащих, симпатизировавших освободительному славянскому движению, разыскала ходы к человеку, работавшему в Новой Белой Башне. Теперь этот охранник регулярно передавал Соколову записки от резидента и носил Филимону послания Алексея.

Режим охраны русского полковника не был очень строгим. Это позволило Алексею получить в переплетах книг, которые он просил «купить» ему, тончайшие пилки. В буханках хлеба, передаваемых Младой, — части веревочной лестницы из легкого и тонкого шелкового шнура.

Соколов прятал шнур в матрасе, каждый день опасаясь обыска и краха всех планов. Но тюремщики были введены в заблуждение дисциплинированностью русского полковника, который беспрекословно выполнял все внутренние предписания и режим, никогда не выдвигал никаких претензий.

Приближался момент побега — он был намечен в ночь на 20 января. К этому времени Алексей условился с Филимоном, что в зарослях Оленьего рва в полу-

сотне метров от того места, куда он спустится в три часа ночи по веревочной лестнице, его будет ждать провожатый от Филимона, который и проведет его в надежное убежище.

Отбой прозвучал вечером девятнадцатого как обычно — в десять. Соколов погасил керосиновую лампу, выждал, пока на площадке не замолкнет шум обхода, проводящего вечернюю инспекцию.

Грохот подкованных сапог опустился с верхнего этажа в его коридор, затем сместился на этаж ниже, потом затих совсем. В темноте Соколов особенно явственно слышал все звуки. Ему казалось, что, начни он перепиливать решетку, шум этот услышит вся тюрьма. Однако надо было приступать к делу.

Занимаясь гимнастикой, Алексей в то же время тренировался быстро и на ощупь перепиливать толстые железные прутья. Теперь ему было легко приступить к этому. Мягкое железо, кованное кузнецом, очевидно, еще несколько столетий назад, легко поддавалось современной стальной пилке, но потребовалось перепилить шесть прутьев, чтобы образовалось достаточно большое отверстие, через которое мог проскользнуть человек.

Соколов предусмотрел все — он даже положил под дверь свое одеяло, чтобы сквозняк из открытого окна не колебал пламя лампы, стоящей на столике у ночного стража на этаже.

Когда последний прут поддался его усилиям и обломился, Соколов вытер горячий пот с лица. Из окна несло сырым и холодным воздухом. Он быстро вскрыл матрас и достал оттуда веревочную лестницу. Еще вчера ночью он связал все ее части воедино и теперь оставалось только покрепче привязать конец к торчащим зубьям спиленных прутьев. Прежде чем выбросить лестницу наружу, Алексей зажег в окне одну за другой две спички, а затем высунулся и посмотрел вниз. Далеко у подножия башни он увидел две вспышки потайного фонаря, направленные на его окно. Провожающий был на месте.

Алексей выскользнул через окно наружу. От резкого движения чуть не сорвался с двадцатиметровой высоты, не найдя в первую минуту под ногой звена веревочной лестницы. С трудом это ему удалось, и он почувствовал опору.

О стену башни бился пронзительный сырой и холод-

ный ветер. Соколов был в обычном штатском костюме, спину которого он разорвал об острые края спиленных прутьев. Спускаться по тонкой веревочной лестнице с высоты многоэтажного здания было нелегко. Делу помог человек, ожидавший внизу. Он поймал конец лестницы и повис на нем, чтобы Соколова меньше раскачивало. Но и при этих более благоприятных условиях Алексей несколько раз очень больно ударился о выступы стены.

Когда он спустился наконец вниз, только темнота зимней бесснежной ночи скрывала его разодранный костюм, натруженные до багрового цвета руки и в кровь разбитое лицо.

— Карел! — представился человек среднего роста, одетый в форму ландвера. — Надо спешить, пане полковник! Скоро люди пойдут на работу...

Соколов пожал ему руку. Тут же Карел накинул на него теплый плащ с капюшоном и, взяв за руку, потянул за собой по хорошо известной ему тропинке. Алексею удалось бросить только один взгляд снизу на махину башни и выступавший где-то высоко-высоко карниз крыши.

Раскисшая от талого снега почва, покрытая прошлогодней травой, шла резко под уклон. Карел уверенно лавировал между стволами деревьев и ветвями кустарников, не выпуская руки Соколова. Алексей подумал, что если бы он шел здесь один, то в довершение всего исцарапался бы в кровь в этом лабиринте.

Когда они удалились на полверсты от башни, выход из широкого Оленьего рва преградила крепкая высокая решетка с калиткой, запертой на висячий замок. Для спутника Соколова было делом нескольких секунд открыть замок отмычкой, отворить калитку, а затем запереть ее за ними другой отмычкой, которая сломает замок и не даст ему больше открыться. Этим Карел старался хоть на несколько минут задержать погоню. Кроме того, он щедро посыпал мокрую землю вокруг калитки порошком кайенского перца, чтобы полицейские доберманы, которых, без сомнения, приведут к следу, не смогли его взять от калитки.

На серпантине дороги, сбегающей здесь к подножию холма, на котором возвышаются Градчаны, стояла карета, запряженная парой лошадей. На козлах темнела фигура человека. Кучер распахнул дверцу при приближении Карела и Соколова. Когда оба оказались

внутри, сильные лошади взяли под гору вскачь и легко помчали экипаж по брусчатой мостовой. Промелькнули темные безлюдные улицы Клейнзайте — Малой страны, затем — ремесленного предместья Смихова, и карета выехала за город.

У Соколова не было сил говорить. Он откинулся на мягкие подушки и полузакрыл глаза. Спутник не тревожил его вопросами.

Экипаж катился по пустынной дороге на юг от Праги, вдоль Влтавы. В деревушках, выстроившихся вдоль дороги, кое-где теплились огоньки — это хозяйки начинали свой трудовой день За Збраславом свернули направо — на Радотин, проехали еще пару километров по узкой сельской дороге и очутились в маленьком поселке.

Возница правил привычной рукой, уверенно поворачивал на перекрестках. Наконец подъехали к воротам какой-то усадьбы, кучер соскочил с козел, отворил ворота и подал карету к боковому крыльцу. Никто не встречал гостей. Кучер и здесь уверенно поднялся по ступеням, открыл своим ключом дверь и пригласил войти Соколова и Карела.

В прихожей человек зажег керосиновую лампу, а затем быстро прошел на кухню и тщательно занавесил окно.

Скинув кучерскую накидку, возница оказался хорошо одетым и довольно упитанным господином приятной наружности, с пшеничными усами и пшеничными бакенбардами, между которыми светились голубые веселые глаза и розовел крупный прямой нос.

— Вице-директор Живностенского банка Пилат! — представился он Соколову.

— Полковник Соколов! — ответствовал Алексей.

— Добро пожаловать, друг, в мой загородный дом! — поклонился Пилат. — Здесь будет ваше убежище на ближайшие дни...

— Большое спасибо! — пробормотал Алексей. От усталости и пережитого напряжения он чувствовал себя разбитым и говорил еле слышным голосом. Чехи поняли его состояние.

— Карел останется вам помогать, а мне надо ехать!.. — решительно заявил хозяин и надел снова свою накидку.

Соколов подошел к Пилату, полуобнял его и сказал чуть бодрее:

— Еще раз благодарю за все, что вы для меня сделали!

— Не стоит благодарности, друг! Это наш долг перед лицом общего врага...

Вудсток, Оксфордшайр, январь 1915 года

Сэр Уинстон Леонард Спенсен Черчилль обожал бывать в родовом поместье герцогов Мальборо Бленхейме. Внук седьмого дюка * оф Мальборо Джона Уинстона, он был сыном третьего сына герцога и не имел прав на громкий титул, входящий в десятку первых Британии. Но он родился во дворце Бленхейм — на груде пальто и меховых шуб в комнате, превращенной во временную раздевалку для бала, который давал его дед в своем родовом имении. Уинстон стал вторым отпрыском по мужской линии герцогов Мальборо. В течение двадцати лет — пока у старшего брата его отца был только один сын, с которым что-то могло случиться — Черчилль сохранял все права на наследование огромного состояния и поместья с дворцом. Правда, впоследствии ему стал известен наказ его родной бабки, герцогини Мальборо, дочери американского мультимиллионера Вандербильта, ставшей женой ее другого внука, девятого герцога Мальборо: «Вашим главным долгом является рождение ребенка. И это должен быть сын, ибо было бы невыносимо, если бы этот недоносок Уинстон унаследовал титул герцога!»

Динамичная натура сэра Уинстона не давала ему времени пребывать в обиде и расстройстве из-за того, что судьба не дарила ему герцогства и миллионов фунтов стерлингов. Иногда он приходил к мысли, что никогда не сделал бы карьеру, не принял бы такого весомого участия в азартной и увлекательной игре, называемой политикой, случись ему по капризу фортуны унаследовать титул. Мистер Черчилль, член парламента, министр кабинета — невысоко ставил умственные способности и энергию своих близких родственников. Что его дядя Джордж, восьмой дюк, что братец Чарлз, ставший девятым герцогом Мальборо — ни в его глазах, ни в глазах его дорогой жены Клементины не имели никакого авторитета и не пользовались особым уважением.

* Дюк — герцог.

Сэр Уинстон признавал за ними лишь юридические реалии титула и богатства, но никак не преимущество менталитета или силы духа. Всегда, когда он на правах близкого родственника и нетитулованного побега на родословном древе Мальборо бывал приглашен в Бленхейм, Черчиллем владело двойственное чувство.

С одной стороны, он был горд тем, что его предки создали такой замечательный дворец, убрали его выдающимися произведениями искусства и семья Мальборо столь славна в Британии.

С другой, его здесь постоянно снедали зависть и тихое недоброжелательство к хозяевам, вытекавшие из его честолюбия и властолюбия. Сэр Уинстон прикидывал, как скоро он стал бы премьер-министром Англии, обладай он богатствами носителей титула герцогов Мальборо. Его бедный отец, третий сын герцога, вынужден был по традиции пробивать себе дорогу в политике сам, а теперь и он — сэр Уинстон Леонард Спенсер...

Черчилль, конечно, напрасно обвинял судьбу в несправедливости — ведь в его вознесении к вершинам британской политики очень большую роль сыграли связи семьи Мальборо, да и сама его номинальная принадлежность к высшему слою аристократии. Они открывали ему дорогу в кабинеты и салоны, королевские дворцы и к сердцам банкиров. Он был плоть от плоти, кровь от крови тех, кто управлял и владел Англией, ее колониями...

Из-за проклятой войны сэру Уинстону не удалось после рождества остаться отдохнуть в Бленхейме до крещения, как это могли себе позволить бездельники аристократы. Военно-морской министр вынужден был первые три дня нового, тысяча девятьсот пятнадцатого года провести в своем кабинете в Адмиралтействе и разрабатывать плодотворную идею, которая могла бы повернуть в пользу Британии весь ход войны. Идея была проста, как Колумбово яйцо — захватить силами британского флота Дарданеллы, оседлать их и уже не выпускать из рук, превратив в конечном итоге в новый Гибралтар.

Пусть далекие союзники в России в который раз клянут Великобританию, которая устами сэра Эдуарда Грея обещала 14 ноября отдать Петербургу после войны проливы — историки и юристы найдут потом способы оправдать мудрых политиков! Главное, не дать

России выйти в Средиземное море со своими товарами — хлебом, металлом, углем, а может быть, и военными кораблями. Ведь это будет смертельный удар по самым жизненным центрам британских интересов.

Долгие часы провел сэр Уинстон перед картой Ближнего Востока. Ужас охватывал его при мысли о том, что будет, если русские первыми высадят десант в Турции, обойдут Константинополь по суше и захватят Босфор и Дарданеллы! Майор Нокс и посол Бьюкенен вовсе не исключали подобной операции русского флота. По мнению Бьюкенена, русские именно с этой целью добивались втравливания в войну Болгарии, чтобы через болгарскую территорию напасть на Константинополь...

Здесь, в великолепном Бленхейме, под сенью родового герба Мальборо — двуглавого орла под княжеской короной в обрамлении двух василисков пурпурного цвета, поддерживающих щит вычурной формы с массой всякой всячины на нем, сэру Уинстону всегда приходили плодотворные мысли. По странной случайности атрибуты семейного герба Мальборо очень напоминали двуглавого орла в российском гербе. Это и изумляло и потешало сэра Уинстона, боровшегося всю жизнь против России...

Военно-морской министр, один из главных руководителей военной машины союзников сэр Уинстон Черчилль более не чувствовал себя второсортным отпрыском семейства, гостя́ под сводами Бленхейма. Пращур сэр Джон, первый герцог Мальборо, победитель при Бленхейме, назвавший в честь своей победы дворец и поместье в Англии, разумеется, гордился бы праправнуком — первым лордом Адмиралтейства.

«Ах, как нужна победа на море для славы сэра Уинстона и торжества британских интересов в послевоенном мире!..»

Полный честолюбивых дум и планов, расхаживал сорокалетний министр вечером накануне праздника крещения по Длинной библиотеке Бленхейма от ее северного крыла с великолепным органом до южного, где жарко пылали дрова в камине. Дым сигар улетал под своды трехэтажной высоты. Узкое длинное пространство помещения, вытянутое почти на сто метров, с двумя арками на высоких белых колоннах, было уютно освещено лампами на столах, разбросанных в живо-

писном беспорядке здесь и там, несколькими бра и пламенем камина.

В Длинной библиотеке могли бы свободно разместиться несколько сот людей. Но в огромном зале насчитывалось лишь пять человек: одним был сэр Уинстон, четверо других под зеленой лампой в противоположном углу играли в вист. Этих гостей Черчилль не интересовал, как они сами не привлекали внимания сэра Уинстона.

Со стороны органа показался один из слуг. Он явно кого-то искал. Заметив военно-морского министра, лакей подошел к нему:

— Милорд, прибыл из Лондона секретарь вашей светлости Эдуард Марш. Он просил доложить, что имеет важное сообщение...

— Проведи его сюда... — показал сэр Уинстон на диванную группу возле камина.

Личный секретарь первого лорда Адмиралтейства не заставил себя ждать. Высокий, худой, с неизменным моноклем в глазу, он тотчас появился в дальних дверях библиотеки и торопливыми шагами заспешил к патрону. По дороге он боязливо оглянулся на играющих в вист старичков.

— Милорд! — обратился Марш своим писклявым голосом к Черчиллю, — я привез срочные бумаги от сэра Реджинальда Холла...

— Вы уже ознакомились с донесениями разведки? — поинтересовался сэр Уинстон у своего довереннейшего сотрудника.

— Да, сэр! — коротко ответил Марш и добавил, еще раз оглянувшись на старичков, сидевших футах * в ста от места, где расположился министр: — Не сочтете ли возможным, сэр, найти другое помещение, где мы были бы одни...

Черчилль про себя подивился такой требовательности Эдди. Очевидно, сообщение было действительно очень важным и конфиденциальным. Первый лорд легко поднялся с дивана и повел Марша во Второй парадный дворцовый покой, расположенный через зал от Длинной библиотеки.

Личный секретарь сэра Уинстона за несколько лет совместной работы с патроном впервые попал во внутренние помещения родового дворца герцогов Мальборо.

* Английский фут — 0,30479 метра.

Он был подавлен их роскошью и пышностью. Еще бы! Это не какой-нибудь музей, а жилище сильных мира сего. Правда, Эдди и сам дергал за ниточку, управлявшую поступками одного из них. Но одно дело — работать с человеком, знать все слабости и сильные стороны его, использовать недостатки, обходить опасности характера и капризы, а другое — попасть в святая святых аристократии!

Они прошли через третий парадный покой, выдержанный в голубых тонах, с мебелью черного лака и огромными гобеленами, представлявшими подвиги родоначальника — первого герцога Мальборо.

Второй парадный покой, где они остались, отличался тональностью от третьего. Потолок и стены были здесь нежно-голубыми, богато отделанными светло-желтым золотом.

Сэр Уинстон устроился на диване в углу и жестом пригласил Эдди сесть рядом. Марш расстегнул кожаную папку, в которой возил всегда самые важные бумаги, достал лист доклада начальника военно-морской разведки сэра Реджинальда Холла и молча протянул его Черчиллю. Пока шеф читал, Эдди Марш с любопытством разглядывал богатейшее убранство зала.

Это занятие Марша прервал возбужденный голос Черчилля.

— Вы читали, что у Вильгельма Второго под влиянием кронпринца и, очевидно, министра иностранных дел фон Ягова созрела идея сепаратного мира Германии и России? Как вы оцениваете эту информацию?

— Милорд! Сэр Эрнст Кассель перед тем, как передать сообщение доверенного лица своего германского коллеги — директора Баллина, друга министра фон Ягова, мистеру Холлу, заметил, для передачи вам, что она абсолютно достоверна... Это — весьма серьезно и идет из совершенно иного источника, чем слухи, доставляемые господину Извольскому министром Сазоновым относительно возможной попытки Австрии заключить сепаратный мир с Россией. Его телеграмму мы перехватили и расшифровали...

— Не было нужды стараться, — буркнул Черчилль. — Все равно этот старый осел обо всем рассказал бы французам, а те — нам!..

— Милорд! — поспешил опровергнуть мнение сэра Уинстона его секретарь, — французы не всегда сооб-

щают нам важные сведения... Частенько они их скрывают от нас...

— Эдди, а насколько серьезны намерения Вильгельма отдать Дарданеллы России в случае сепаратного мира? Как вы думаете? — вернулся к существу вопроса первый лорд.

Эдди задумался.

— Полагаю, сэр, — медленно выговорил он, — что Германия могла бы пойти на разграничение сфер влияния с Россией на Ближнем Востоке и на демилитаризацию проливов. Но если эти две державы разделят Оттоманскую империю, совершенно невозможно будет удержать не только Персию, но и Индию. Она упадет как спелый плод к ногам Вильгельма... или русских... Египет и Северная Африка также станут германскими владениями...

— Вы правы! Союз России и Германии станет концом Британской империи... Я буду настаивать перед кабинетом на самой насущной необходимости начинать Дарданелльскую операцию... Я сломаю сопротивление тех министров, которые не понимают всей политической важности нашего единоличного вступления на проливы...

— Сэр! По данным милорда Касселя, русские еще не получили германских предложений о Константинополе и компенсации в десять миллиардов золотых марок за причиненный германцами вред России...

Черчилль уже понял, куда клонит его секретарь.

— Очень разумно! — одобрил он невысказанную вслух идею Марша. — Я поговорю с Греем насчет того, чтобы царю в ближайшее время сообщили о том, что мы согласны, при известных условиях, предоставить России Константинополь... Надо дать Романову этот аванс, чтобы не соблазнили его посулы Вильгельма... У Петрограда надо потребовать взамен что-то существенное, например, отправки на фронт последних резервов...

Эдди почтительно молчал.

— Передайте в главный штаб мой приказ начинать планирование операций Средиземноморского флота по взятию с моря турецких укреплений в Дарданеллах и прорыву к Константинополю через Мраморное море... Пошлите вице-адмиралу Кардену, командующему флотом в восточной части Средиземноморья, телеграмму от моего имени с просьбой ускорить присылку его пред-

ложений по этой операции... Подготовьте все материалы для моего выступления с этим проектом на военном совете...

Петроград, февраль 1915 года

В один из темных февральских вечеров, когда за окном хлюпала промозглая петроградская слякоть, Насте было особенно тревожно и тоскливо. Дежурство в лазарете начиналось только на следующий день, тетушка уехала к какой-то своей старой знакомой, у которой на фронте убили единственного сына — студента, ушедшего добровольцем. Отзывчивая Мария Алексеевна почла своим долгом на несколько дней переселиться к несчастной матери, чтобы разделить ее скорбь.

В квартире было плохо натоплено — истопника Савелия, поспевавшего протапливать печи целого подъезда, мобилизовали на войну, и он теперь маршировал на плацу Волынского запасного полка, с деревяшкой, изображавшей ружье. Кухарка Ефросинья пропадала с утра до вечера около этого плаца и почти не следила за хозяйством.

Самой Насте было безразлично, тепло или холодно в доме, есть ли на плите обед и поставлен ли к ее приходу самовар — апатия охватила ее после известия о том, что Алексей томится в плену у австрийцев. Много дней она проплакала, не отзываясь ни на ласковые уговоры матери, ни на мужественные утешения Марии Алексеевны, поседевшей за один день до снежной белизны. Но потом долг, возложенный молодой женщиной на себя — помогать раненым воинам, поднял ее на ноги и вернул к жизни, в которой главным сделался лазаретный ритм.

Сегодня на душе было совсем плохо, а пойти и поделиться своей тяжестью почти некуда. Из старых подруг в Петрограде оставалась одна лишь Татьяна Кожина, бывшая Шумакова.

Настя помнила последнее посещение салона Шумаковых, но сейчас даже атмосфера витийствующих политиканов казалась ей милее пустынного одиночества нетопленой квартиры. От Знаменской до Пушкинской — только перейти Невский. Настя решилась и через полчаса уже была у Кожиных.

Татьяна, видя огромные синие тени под глазами подруги, ее несчастный и расстроенный вид, завела Ана-

стасию сначала в свою спальню, попыталась развлечь рассказом о собственных переживаниях, связанных с игрой на бирже Глеба Иоанновича. Ее супруг, как оказалось, покинул место службы в международном обществе спальных вагонов и получил по протекции известного финансиста Игнатия Порфирьевича Мануса выгодное место в его обществе вагоностроительных заводов. Сейчас, когда все посходили с ума от военных заказов, Глеб Иоаннович успешно следует примеру патрона и покупает исключительно акции тех же предприятий, на которые обращает внимание Манус. И вскоре эти заводы и фабрики получают контракты на поставки для армии. Акции, естественно, взлетают в цене.

Увидев, что эти дела совершенно не волнуют Настю, Татьяна замолкла на полуслове. До нее дошла вся глубина переживаний подруги, и голосом, неожиданно дрогнувшим, она спросила:

— Что с Алексеем? Неужели все так плохо?!

— Он в австрийской тюрьме... — еле слышно ответила Настя, — я очень боюсь за него...

Татьяна молча обняла подругу и прислонилась к ее плечу головой.

— У меня... — глухо сказала она в плечо Насти, — тоже все очень плохо... даже еще хуже!..

От удивления Настя тихонечко ойкнула.

— У тебя хоть есть надежда! Алексей — живая душа!.. — с горечью прошептала Татьяна. — А Глеб — это ходячая бухгалтерская книга, «дебет» и «кредит», два пишет — три в уме!.. И все время у него эти три копейки на уме!.. Ни о чем другом не говорит, не помышляет!.. И мысли у него копеечные.

Татьяна горестно умолкла.

Анастасия поняла, что Татьяне так же, как ей самой, нужно участие и доброе слово. Алексей хоть и далеко, но она его не потеряла. А Глеб Кожин рядом с Таней, три четверти суток проводил с ней, но оставался совсем чужим, словно бездушный манекен.

Они поплакали вместе, потом стали вспоминать довоенные годы и бурные идейные схватки на прежних шумаковских четвергах... Понемногу они рассеялись и, воспользовавшись Татьяниными запасами пудры «Коти», могли вскоре выйти к гостям. Как повелось, на четверг к Шумаковым пришли многие.

Уже энергично высказывался в углу гостиной, собрав группу внимательных слушателей, громоздкий и

заросший до глаз депутат Государственной думы, как помнила Настя, либерального толка.

В другом углу просторной комнаты сложилась своя аудитория; во главе ее ораторствовал лысый и писклявый господин, громивший в прошлый раз носителей германозвучащих фамилий.

Стол был накрыт для ужина а-ля фуршет *.

Несколько гостей уже паслись на тучной, не в пример прошлому, его ниве. Был четверг сырной седмицы, и по этому случаю в центре стола красовался великолепный выбор сыров, который сделал бы честь магазину купца Елисеева. По краям его разместились пирожки с вязигой, разные сорта рыбы, грибы соленые и маринованные, овощные соления и маринады... На малых столиках пообочь стопочкой были сложены тарелки разных калибров, ножи, вилки, чайные чашки. Отдельно, на особом столе, дымил самовар и были выставлены вазочки с вареньем и блюдечки.

— Это все мама... — словно оправдываясь, сказала Татьяна, — она на свою пенсию демонстрирует Глебу, как надо жить!..

— А он? — поинтересовалась Настя.

— Ах! — махнула с пренебрежением Татьяна. — Он сюда даже не заходит в этот день, чтобы не расстраиваться...

Дебаты были в самом разгаре. Обсуждались только что появившиеся в печати сообщения о разрушениях, которые немцы причинили городу Радому, отступая под напором доблестных российских войск.

— Не «желтая опасность» угрожает в наши дни цивилизации, — страстно бросал слушателям бородатый депутат, — не азиаты рушат устои культуры, а варвары средней Европы, гунны с берегов Рейна и Эльбы оставляют за собой выжженную пустыню...

— А какими потерями даются все эти наши победы? — ядовито подбросил вопрос депутату поджарый господин в визитке и полосатых брюках, явно не аристократического происхождения. — Потери у нас неслыханные, господа! — Гость в визитке воспользовался тем, что депутат на мгновение замолк. — Одних раненых собирают тысячами после каждого сражения... Настала эпоха пушек и пулеметов — они косят людей, как хороший крестьянин траву. И все-таки, осмелюсь заявить,

* Ужин или прием, когда едят стоя, не садясь за стол.

жертв было бы гораздо меньше, если бы наша главная квартира вовремя позаботилась об оружии, патронах и снарядах!.. Ведь наши пушки не стреляют по той причине, что нет шрапнелей; у нас нет тяжелой артиллерии, господа, а военное министерство по-прежнему отписывается от запросов армии бумажными объяснениями! Поистине, общественность должна брать дело снабжения армии в свои руки, господа!

— Именно так... — поддержал говорившего другой господин. — Это наша пагубная доктрина, о которой еще граф Лев Николаевич Толстой писал «дие эрсте колонне маршиерт, дие цвайте колонне маршиерт...» и, чтобы захватить полверсты у неприятеля, устилают ее ранеными и трупами солдат!

— Господа, господа! — вдруг прорезался визгливый голос правого депутата. — Напрасно вы ругаете верхи Российской империи. Мы здесь имеем образцы истинно римского благородства и самопожертвования!.. Вот вам свежий пример: все знают, что наш многоуважаемый председатель Совета министров, его высокопревосходительство Иван Логгинович Горемыкин, не имея министерского портфеля и казенной квартиры через это, получил ассигнование на покупку нового дома для лица, занимающего сию должность... — Кое-кто из любителей посплетничать насторожился, а депутат продолжал: — Хотя казна отпустила на покупку миллион, Иван Логгинович купил дом генерал-адъютанта Безобразова всего за 700 тысяч и совершенно отказался от дотации в двести тысяч рублей на приобретение мебели. Он перевез в новый дом свою старую мебель, а двести тысяч просил направить на улучшение санитарного дела в действующей армии!..

— Что за старец! Воплощенная экономия! — издевательски протянул со своего места бородач. — А вот Распутин не стесняется запускать руку в государев кошель!

— Что вы тут повышаете голос про Распутина ни к селу ни к городу?! — возмутился писклявый деятель правых. — Если бы Распутина не было, вам надо было бы его выдумать для компрометации царской фамилии!

Дискуссия стала переходить в ссору, а этого мадам советница не могла допустить, поскольку всякий скандал только вредит серьезному политическому салону.

— Господа! — влюбленным грудным голосом вме-

шалась Аглая Степановна, — пожалуйте ужинать, а то заморились, чай простынет!..

Известие о чае окрылило гостей. Они потянулись в столовую. Только самые заядлые спорщики остались в комнатах. Насте становилось интересно на этой ярмарке мнений.

За чаем и закусками страсти несколько поостыли. Еда увлекла и правых, и либералов, примирила борцов салонных течений.

Настя вышла в гостиную и вдруг увидела здесь хорошо знакомое лицо. Это был Гриша, бывший студент-белоподкладочник. Он возмужал, ему очень шла полувоенная форма английского покроя.

— Настенька! Здравствуй, здравствуй! — обрадовался он, увидев старую знакомую. — Я слышал, ты теперь замужняя дама? Представь, пожалуйста, супругу!..

— Его здесь нет! — довольно сухо ответила Настя. Григорий понял, что молодой женщине неприятно об этом говорить. Он истолковал это по-своему и немедленно стал проявлять знаки внимания Насте.

—Давай поговорим, дорогая Настенька! — засуетился Гриша. Он усадил ее на диван, сел рядом, взял ее руку в свои и, заглядывая в глаза, заговорил искательным голосом:

— Ну, пожалуйста, ну поговорим немножко!.. Я так давно тебя не видел!.. Ну, хочешь, расскажу, как я ездил недавно в действующую армию?!

Насте было неудобно резко оборвать его, хотя молодой женщине стало как-то нехорошо от липких, обволакивающих речей Гриши.

— Расскажи, — тусклым голосом согласилась Настя. Гриша, казалось, не замечал ее холодности. Он разливался соловьем, явно рассчитывая на других благодарных слушателей. Таковые не замедлили появиться. Несколько гостей попросили разрешения присесть рядом и послушать. Гриша широким жестом пригласил их рассаживаться.

Гриша дважды ввернул, что ездил в действующую армию по просьбе самого Александра Ивановича Гучкова...

— Что я видел!.. Что я видел!.. С продовольствием армии интендантство не справляется. Солдаты голодают. Пища нижних чинов плохая. Хлеба мало. Мясо, правда, дают почти каждый день, но с супом, а каши не дают совсем... Солдаты роют картофель... Все нижние чины

уже жаждут мира и часто сдаются в плен, притом, как говорят, — с радостью. Сапог у многих нет, ноги завернуты в полотенца, а вагоны с сапогами стоят затиснутые на забитых составами станциях. Вожди сидят далеко от передовой за телефонами, связи с войсками не имеют...

Под оханье и покачивание головами внимательных слушателей Гриша с воодушевлением продолжал свой рассказ.

— Во время боев, когда германцы прорвались, Ставка прислала четырнадцать тысяч человек — и все без ружей! Эта колонна подошла чуть ли не на самую передовую и очень стала стеснять войска. Офицеры на войне хороши, а генералы плохи. Начальник дивизии Третьего сибирского корпуса Лашкевич бросил дивизию и бежал в Гродно. То же сделал Епанчин. Он бросил свой корпус и бежал от наступления неприятеля в Ковно... Как только немцы порвали телефонную связь, ее не восстановили конницею... Сам командующий армией лежал в обмороке и не распоряжался!..

Гриша все говорил, говорил, говорил... Настя вспомнила Алексея, перед ней встали сотни раненых солдат, которых она перевязывала в своем госпитале. Ей стало очень тяжело.

Молодая женщина осторожно, чтобы не перебивать оратора, поднялась с дивана и выскользнула из кружка, который ему внимал. В прихожей она быстро оделась и вышла на воздух. По ночному Невскому от Варшавского вокзала без остановки шли трамваи, полные раненых.

«Завтра в госпитале снова будет много работы», — подумала Настя и заспешила домой.

Прага, февраль 1915 года

Полковник Максимилиан Ронге, начальник Эвиденцбюро *, проклинал свою хлопотливую должность. У него голова шла кругом от множества забот, свалившихся невесть откуда на его плечи. Сначала, когда русские начали свое наступление в Карпатах, пришлось переводить главную квартиру армии в Тешин и охранять ее там от неприятельского шпионства.

Полковника бесило, что, несмотря на отлично поставленную службу осведомителей в императорской и

* Бюро разведки австро-венгерского Генерального штаба.

королевской армии, целые роты, батальоны и даже полки, сформированные на славянских землях империи — в Богемии, Моравии и Словакии, — иногда в полном составе, при офицерах, сдавались в плен русским. Ненадежность славянских частей становилась все более очевидной, и верхушка армии хотела найти козла отпущения. Ронге боялся, как бы его служба не оказалась под ударом. Ведь господа дворяне, составлявшие генеральский корпус армии, с презрением относились к разведке и контрразведке, считая занятие, которому Максимилиан посвятил всю жизнь, неблагородным делом.

А тут еще, минуя его непосредственное начальство — Конрада фон Гетцендорфа, — через самого господина министра иностранных дел графа Берхтольда поступил секретнейший приказ. Максимилиану Ронге следовало организовать встречу двух германских эмиссаров и одного австрийского аристократа, давно оказывавшего негласные услуги Эвиденцбюро, с русской фрейлиной Васильчиковой в ее имении Кляйн Вартенштайн. Но сначала было необходимо рядом административных угрожающих мер подготовить русскую хозяйку австрийского поместья к сотрудничеству с австрийскими властями для организации ее переписки с царем. Так хотели германцы, и граф Берхтольд не мог отказать его величеству Вильгельму Второму в его настоятельной просьбе.

Ронге так и не понял, разрешено ли ему доложить все дело Конраду или и от него следует держать все в секрете. На всякий случай он решил доверительно проинформировать своего начальника о том, что, по-видимому, Берлин начал с царем какую-то игру, ведущую, возможно, к сепаратному миру Германии и России. Рассказывая историю фон Гетцендорфу, полковник разыграл легкое возмущение эгоистическим поведением германского императора. По тому, как усмехнулся Конрад, подкрутив острые кончики усов, разведчик понял, что германцы отнюдь не опередили дунайских союзников.

Начальник Генерального штаба не скрыл от шефа секретной службы, что его бывший подчиненный, князь Гогенлоэ, прослуживший несколько лет военным атташе при дворе в Петербурге, а ныне посол в Германии, уже давно направил царю письмо примерно такого же содержания, какое предстояло теперь переправить с помощью Васильчиковой. Князь Гогенлоэ пытался внушить царю мысль послать в Швейцарию доверенное ли-

цо для встречи с представителем императора Франца-Иосифа.

Царь ничего не ответил. Теперь подобную же операцию было приказано проделать при помощи русской фрейлины, но в пользу германцев.

Ронге уже давно предполагал использовать Васильчикову в интересах своей службы. Он заблаговременно, еще с довоенных времен расставил сеть вокруг придворной дамы царицы, обожавшей свое австрийское имение и не пожелавшей из него уезжать даже с началом войны. Полковник досконально, через прислугу в Кляйн Вартенштайне, знал настроения Васильчиковой. Он не сомневался, что фрейлина в силу своих проавстрийских симпатий и из-за экономических интересов легко пойдет на сотрудничество. Огорчало Ронге только то, что Мария Васильчикова была глупа, самоуверенна и болтлива. Возникала трудность с сохранением абсолютной тайны вокруг предприятия.

Чтобы исключить утечку информации, Ронге занимался всем делом, связанным с Васильчиковой, только сам. Это отнимало массу времени и требовало постоянных разъездов между Тешином, Веной и Берлином. В деле были ангажированы столь высокие лица, что даже представитель Эвиденцбюро при отделе «IIIВ» Большого Генерального штаба Германии не имел касательства ко всей операции.

А тут еще этот русский разведчик, с которым Максимилиан Ронге так хотел поработать, чтобы перевербовать, бежал из тюрьмы в Праге. Пришлось срочно выехать в чешскую столицу, чтобы на месте разобраться, как это произошло. Полковник Ронге, еще не зная всех обстоятельств побега Соколова, предположил, что русскому помогала целая чешская организация.

В Праге все подтвердилось. Оказалось, что наутро после побега Соколова исчез один из тюремщиков, на которого и раньше падали подозрения в симпатиях к узникам славянского происхождения. У основания башни, как доложили начальнику Эвиденцбюро, были найдены следы двух человек, ясно отпечатавшиеся на мокрой земле. Ронге ходил и в Олений ров, чтобы увидеть на местности путь дерзкого побега. Задрав высоко вверх голову на окно, которое ему указал полицей-президент Праги, возглавивший расследование, Максимилиан мысленно содрогнулся, когда представил себе, с какой высоты спускался по веревочной лестнице беглец.

«У этого русского и мужества, и физической силы, наверное, с избытком!..» — подумал уважительно о своем противнике начальник Эвиденцбюро.

Наблюдательный полицей-президент заметил, что интерес начальства к обстоятельствам побега русского разведчика начал рассеиваться, и весьма своевременно пригласил полковника на обед.

Мотор, клаксон которого приводил в трепет всех полицейских и сыщиков Праги, быстро домчал гостеприимного хозяина города и Ронге от Градчан к Пороховой башне. В легких сумерках рядом с мрачной громадой Порохувки светились желтыми электрическими лампами огромные перепончатые окна Репрезентативного дома.

Полицейский на перекрестке, завидя хорошо знакомое авто, остановил движение. Мотор подкатил к роскошному порталу Репрезентяка, как в просторечии именовался ресторан. Швейцар услужливо распахнул двери. Ронге остановился у зеркала поправить прическу. Он увидел в нем, как высокий и стройный кавалерийский ротмистр с непременным моноклем и стеком вышел из зала ресторана. В зеркале промелькнули его иссиня-черные, коротко подстриженные волосы и тонкая нитка усов над энергично очерченным ртом.

Что-то неуловимо знакомое было в лице ротмистра. Ронге обернулся, чтобы, может быть, узнать его со спины, но фигура этого человека не напомнила ему никого из знакомых.

«Наверное, я сталкивался с ним где-нибудь на маневрах... — подумал полковник, — а может, кто-то из здешних аристократов, встречавшихся в венских гостиных или в опере...»

Ронге сделался молчалив, напряженно вспоминая, откуда ему знакомо это лицо. Потом он отогнал назойливые потуги памяти и решил целиком отдаться беседе с полицей-президентом. Оказалось, что тот тоже обратил внимание на кавалериста и тоже решил, что где-то встречал его.

Хозяин и гость, перебирая общих знакомых, не могли себе представить, что в самом центре Праги преспокойно разгуливает в австрийской военной форме тот самый Алексей Соколов, обстоятельства бегства которого они только что расследовали на Градчанах. Черты поразившего их лица они видели на фото, разосланных во все концы империи.

Правда, вместо темно-русых кудрей у Соколова

остался на голове типичный ежик, как у Гетцендорфа, только не седой, а выкрашенный в черный тон, изменилась форма усов. Но он столь точно и безошибочно держался в образе надменного австрийского кавалериста — представителя привилегированного рода войск, что даже две опытнейшие ищейки Дунайской империи приняли его за своего знакомого.

Соколов, стараясь держаться спиной к Ронге, оделся, дал на чай гардеробщику и, высоко подняв голову, выпятив челюсть вперед, гордой походкой аристократа-кавалериста вышел на улицу. В душе у него все замерло, хотелось ускорить шаги. Но и на улице он не торопясь пошел к Порохувке, повернул от нее на Целетную улицу, в Старый город, чтобы в случае погони затеряться в его средневековых улочках и переулках. Лишь отойдя шагов сто за угол по Целетной, Соколов зашел в подвернувшуюся трафику * и через ее витрину, делая вид, что выбирает сорт папирос, оглянулся на арку между Порохувкой и Репрезентяком. Полицейской суеты он там не увидел и с полным основанием решил, что старина Макс так и не узнал своего давнего противника.

«Надо все-таки удвоить осторожность и не рисковать понапрасну... Было бы нелепо оказаться схваченным всего через пять дней после побега... — размышлял Алексей по пути в убежище. — И дернул меня черт обновить этот мундир в самом центре Праги... Нет, пожалуй, надо знакомиться с болтунами офицерами где-то в иных местах... С другой стороны, кавалерийскому офицеру неприлично ходить по забегаловкам... На всякий случай надо сделать небольшой перерыв, а потом попробовать потолкаться на вокзале. Там можно легко получить интересные сведения».

Соколов решил остаться еще на несколько месяцев в Австро-Венгрии, чтобы сбить ищеек со следа и добыть как можно больше информации перед своим возвращением в Россию. Кроме того, он хотел помочь Филимону наладить трудное дело агентурной разведки в дни войны. И сразу такая опасная встреча.

Барановичи, март 1915 года

Тишина и покой, словно в лучшие годы в Царском Селе, царили под огромными соснами барановичского

* Лавочка, в которой продаются папиросы, табак, почтовые и гербовые марки, газеты.

леса, где на специально построенных путях стояли литерные поезда. Желтый песок, которым аккуратно были присыпаны пути и дорожки между поездами, золотистая кора сосен и зелень хвои в голубом небе — все создавало свой особый колорит, который очень полюбился государю. Здесь спокойствие царя редко нарушали министры. Здесь он был в милой сердцу среде — в кругу офицеров, которые смотрели на монарха с обожанием. Здесь он даже меньше робел, вынуждаемый говорить...

Утренние доклады Янушкевича об обстановке на фронтах не оседали в памяти императора, они были неинтересны и не требовали никаких выводов. Наверное, это тоже успокаивало нервы государя, который очень не любил, если его заставляли думать и принимать решение. «На все воля божья!» — всегда хотелось Николаю ответить настойчивому домогателю. В Барановичах к нему никто не лез с просьбами, прошениями и всяческой другой чепухой, поскольку здесь был свой хозяин — великий князь Николай Николаевич...

Утром в теплом вагон-салоне, обитом зеленым шелком, было очень приятно пить не торопясь чай, курить любимые турецкие папиросы.

Сегодня, накануне отъезда в Царское Село, чай казался особенно вкусным, сосны и снег — удивительно милыми. Даже синицы, неутомимо скачущие под окнами царского вагона, и те выглядели по-особенному славно.

Неторопливо попивая чай, Николай вспоминал приятные вещи. Во-первых, 28 февраля, в самый день отъезда в Ставку, умер давний недоброжелатель, фрондер, источник всяких порочащих царя слухов — граф Витте. Царю уже доложили, что Палеолог телеграфировал в Париж по этому поводу: «Большой очаг интриг погас вместе с ним». Да, конечно, смерть графа Витте — облегчение. Он был такой независимый и дерзкий, а эти его вызывающие речи о нем, царе, что из него такой же монарх, как из глухого — капельмейстер...

«Господи! — перекрестился Николай. — Вот ты и подал мне знак, что убираешь помаленьку моих злейших врагов!»

На войне тоже дела шли неплохо. Вот-вот падет Перемышль и Галиция окажется под русскими войсками. Из Лондона пришло уведомление, что союзники согласны отдать России Константинополь. Наконец-то!

Мысль Николая лениво пошла по хорошо проторен-

ному руслу. Его отличная память напомнила ему резолюцию обожаемого батюшки, Александра Третьего, положенную в 1882 году на докладе посла в Турции Нелидова, первым высказавшего идею о занятии Босфора и Дарданелл: «Дай бог нам дожить до этой отрадной и задушевной для нас минуты. Я не теряю надежды, что рано или поздно, а это будет, и так должно быть». Воистину батюшка был прав! — думал Николай. — А как он настойчиво вел дело к тому, чтобы навсегда положить ключи от своего дома, сиречь от Черного моря, в российский карман?.. Вот и в письме генералу Обручеву батюшка тоже писал: «...у нас должна быть одна и главная цель — это завоевание Константинополя, чтобы раз и навсегда утвердиться на проливах и знать, что они будут постоянно в наших руках...» Правда, до идеала еще далеко, но кое-что прорисовывается. Жаль, с англичанами надо ухо держать востро, но, бог даст, все образуется к вящей славе и приращению империи...»

Из столового отделения государь прошел в свой кабинет. На письменном столе возвышалась большая груда казенных пакетов с докладами министров.

«Ах, опять эта нудная работа!» — думает самодержец, но, как и каждый день по утрам, заставляет себя сесть за чтение государственных бумаг.

Вдали, на станции Барановичи прогудел паровоз. Николай поднял глаза на настенные часы, и лицо его, погрустневшее было при виде горы докладов, снова просветлело.

«Прибыл петербургский!.. — прислушался он. — Может быть, Аликс прислала письмо?! Уже второй день от нее ни строчки... Что бы это значило? Не заболел ли кто из детей?!»

Мысли его далеко — в Царском Селе, откуда так приятно и так нужно для одинокой души получить весточку. Проходит полчаса, ухо государя улавливает в приемной шаги нескольких человек. Перед дверью всё замирает, затем робкий стук.

— Войдите! — командует царь. Появляется дежурный флигель-адъютант с сумкой фельдъегеря в руках.

— Ваше величество! Почта из Петербурга! — докладывает он.

— Посмотрите, есть ли письмо от ее величества! — говорит Николай.

Мгновение, и необычно толстый конверт со знакомым почерком оказывается в руках царя.

Флигель-адъютант хорошо отработанным приемом успел его вскрыть. Царю остается только вынуть содержимое. Но что это? Из большого конверта, надписанного рукой царицы, появляется ее записка и другой конверт, с адресом, выписанным незнакомой рукой.

Николай разворачивает листок от жены.

«Посылаю тебе письмо от Маши (из Австрии), которое ее просили тебе написать в пользу мира. Я, конечно, более не отвечаю на ее письма».

Николай изумился: неужели дело столь важно, что не могло подождать пару дней до его возвращения в Царское? Аликс знает, что он скоро вернется из Ставки, и тем не менее сочла нужным доверить письмо фельдъегерской почте...

Жестом царь отсылает флигель-адъютанта, усаживается за стол и, чтобы унять появившееся невесть откуда глухое волнение, закуривает папироску. Затем медленно вытягивает из конверта листки, сохранившие еще аромат каких-то незнакомых ему духов. Уже адрес отправителя «Клейн Варентштайн, Глоггнитц, Нижняя Австрия» говорит ему, что письмо от фрейлины императрицы Маши Васильчиковой, которая с началом войны осталась в своем имении под Веной. «Об этом случае что-то говорила Аликс... К тому же, судя по ее записке, она переписывалась с Машей... Интересно, через кого это женушка передавала свои письма в Австрию?.. По-видимому, через кузин в Дании или Швеции...»

Не торопясь, чтобы не упустить самого главного, из-за чего Аликс прислала письмо в Ставку, царь скользит взглядом по строчкам:

«25 февраля/10 марта 1915 года.
Ваше величество!

Сознаю всю смелость моего поступка писать вашему императорскому величеству... В настоящее грустное время я, кажется, единственная русская, имеющая доступ к вам, ваше величество, которая находится во враждебной нам стране... нахожусь в плену, т. е. не смею выходить из моего сада, — и ко мне сюда приехали *трое* — два немца и один австриец, все трое более или менее влиятельные люди...»

«Кто же это мог быть?.. Спросить Сазонова?.. Не стоит!.. Пожалуй, лучше Сухомлинова...»

«...и просили меня, если возможно, донести вашему величеству, «что теперь все в мире убедились в храб-

рости русских и что пока все воюющие стоят почти в одинаковом положении, не будете ли вы, государь, властитель величайшего царства в мире, не только царем победоносной рати, но и царем *Мира...* Теперь одно ваше могучее слово, — и потоки, реки крови остановят свое ужасное течение. Ни здесь, в Австрии, ни в Германии нет *никакой ненависти* против России, против русских; в Пруссии император, армия, флот сознают храбрость и качества нашей армии, и в этих обеих странах большая партия за мир, за прочный союз с Россией...»

«Однако, Маша взяла на себя смелую миссию!..» — думает Николай и никак не может понять — сердится он на фрейлину или испытывает облегчение от ее письма.

«...Теперь все гибнет: гибнут люди, гибнет богатство страны, гибнет торговля, гибнет благосостояние: — а там и страшная желтая раса, против нее стена — одна Россия, имея во главе вас, государь... Я была совсем изумлена, когда все это высказали. На мое возражение — что могу я — мне отвечали: «Теперь дипломатическим путем это невозможно, поэтому доведите вы до сведения русского царя наш разговор, — и тогда стоит лишь сильнейшему из властителей, непобежденному, сказать слово, и, конечно, ему пойдут всячески навстречу». Я спросила — а Дарданеллы? Тут тоже сказали: «Стоит русскому царю пожелать — проход будет свободен».

«Однако... — снова задумался Николай. — Ведь из Лондона только что сообщили, что союзники не возражают отдать проливы России!.. А теперь и неприятель передает о своей готовности замириться и передать мне Босфор и Дарданеллы. Однако что же дальше?..»

«Люди, которые со мной говорили, не *дипломаты,* но люди с положением, и которые лично знакомы и в сношениях с царственными правителями Австрии и Германии... Конечно, если бы вы, государь, зная вашу любовь к миру, желали бы через поверенное, близкое лицо убедиться в справедливости изложенного, эти трое, говорившие со мною, могли бы лично все высказать в одном из нейтральных государств, но *эти трое* — не дипломаты, а, так сказать, эхо обеих враждующих сторон...»

Царь дочитал письмо и запыхтел новой папиросой.

Мысли, изложенные Машей, нашли отклик в его душе, особенно радовало сообщение о том, что в Германии нет ненависти против русских.

«Но как же верность союзникам, если вступить с немцами в переговоры?.. Ведь думские круги и всяческая так называемая общественность не простят даже самых малых контактов с Вильгельмом?! Как же быть? И зачем только Аликс нарушила столь милый сердцу покой... И в тайне ли все это осталось от недругов в Петербурге?.. Слава богу, он скоро будет в Царском и сможет подробно обсудить с милой Аликс каждое слово письма...»

Царское Село, март 1915 года

Пасхальное умиротворение царило в душе императора со времени его последнего пребывания в Ставке. Даже письмо Маши Васильчиковой с намеками о сепаратном мире, переданное ему в Барановичи Аликс, и возникшее легкое подозрение, что женушка за его спиной ведет какую-то политическую игру с германцами, нисколько не омрачили настроения Николая.

В первый же день по его возвращении в Царское он строго поговорил с Аликс о ее переписке с Васильчиковой. Нет, он ничего не имел против Маши, но если их корреспонденция вдруг станет известна недругам, хотя бы и притаившимся в их собственной семье — этим черногорским галкам Милице и Анастасии, великим князьям и особенно их коварным женам, вроде «тети Михень» — Марии Павловны, то у него, русского царя, начнутся опасные отношения с союзниками и с проклятой «общественностью», всеми этими Гучковыми, Львовыми, Челноковыми...

С раннего детства Николай усвоил, что его врожденная скрытность, коварство и подозрительность были полезны в отношениях с лицемерами и тайными соперниками из собственной огромной семьи, называемой Домом Романовых. Покойный батюшка как-то внушил ему, что любой из царедворцев, камергеров и камерюнкеров, генерал- и флигель-адъютантов может оказаться заговорщиком, особливо ежели он умен и ярок. Отчасти поэтому Николай терпеть не мог сильных политических деятелей подле себя, независимо от того, был ли это придворный чин или министр. Любил он только бурбонов-офицеров, преимущественно из гвардии, да

подхалимствующих исполнителей его воли в высшем слое чиновничества.

И конечно, уж эти-то дела — контакты с неприятелем во время войны — следовало держать за семью печатями и доверять только самым близким и преданным людям...

Да, лучше всего он чувствовал себя здесь — в Царском Селе. Александровский дворец — воистину бастион его души. И совсем не потому, что внутри царской половины стоит 17 постов, а еще 40 рассыпано по парку. Не потому, что все здесь продумано для вящей безопасности монарха и его семьи: электрическое освещение люстр дублировано канделябрами со свечами; даже люстры зажигаются с третьего этажа, а настольные лампы — из полуподвала, чтобы никакой злоумышленник не мог одновременно выключить весь свет в любой зале и в темноте сотворить свое мерзкое дело...

Царское достаточно далеко от шумливого и иногда грозного Петербурга, от которого всегда накатываются только житейские и государственные бури. Здесь очень уютно: в укромной спаленке на стенах благолепное собрание восьми сотен икон с мерцающими живыми огоньками в красных и зеленых лампадах. Ничей посторонний и резкий голос не донесется здесь до его ушей. Николай пробовал было поставить к себе в кабинет новомодный телефон. Но когда бестолковая телефонная барышня соединила его с каким-то крамольником, который брякнул, что все Романовы дураки, и хваленая охранка не смогла разыскать оскорбителя — царь приказал убрать мерзкий аппарат.

Правда, Аликс сохранила в своих апартаментах — и в палисандровой, и в сиреневой гостиных — по аппарату, а специально для разговоров с ним, когда он в Ставке, велела установить прямой провод. Но он, Николай, никогда не позволит более врываться в его жизнь какому-то бесплотному голосу, который нельзя судить и повесить...

Мысль Николая скользила по поверхности явлений жизни, будучи уверена во всегдашнем благоволении провидения к помазаннику божьему. И в том, что неограниченное самодержавие есть абсолютное благо для его подданных... Ни совесть, ни доброта, ни любовь к людям не отягощали характера Николая Александровича Романова.

Российского самодержца совсем не волновало, что

на огромном фронте от Балтийского моря до Карпат мерзли без сапог и шинелей солдаты, ввергнутые его волей в грязную жижу окопов. От его сознания, как мячик от брони, отскакивали цифры напрасных потерь, факты о нехватке винтовок, патронов и снарядов, доклады о нераспорядительности военных и гражданских чинов...

Он частенько возвращался в эти дни к письму Маши Васильчиковой. Что-то очень сильно привлекало его к высказанным ею предложениям о мире с Германией. Сепаратном.

За несколько дней до пасхи начальник канцелярии министерства двора Мосолов, явившись на доклад, выложил из папки с бумагами... новое письмо Маши, на этот раз адресованное прямо ему, царю!

— Как оно попало к вам? — изумился Николай, вертя в руках конверт с русской маркой и штемпелями царскосельской почты.

— Ваше величество, оно было неизвестно кем опущено вчера вечером в почтовый ящик на станции... — развел руками генерал.

С заметным интересом и без гнева, как отметил про себя Мосолов, царь принялся читать письмо Васильчиковой.

«Не знаю, дошло ли до вашего величества письмо, которое осмелилась вам написать (10 марта нового стиля). С тех пор многое случилось — Пржемысль пал, наши храбрые воины отчаянно воюют в Карпатах — и вот опять ко мне приехали трое (два немца и один австриец), прося повторить написанное мною в первом письме и, может быть, не дошедшем до вашего величества, — читал царь и припомнил, что Сухомлинов, которому он дискретно поведал о первом письме, обещал выяснить имена тех, кто приходил к Маше, но пока ничего не доложил, — а именно — что в Германии и Австрии желают мира с Россией, и вы, государь, возымевший святую мысль о международном мире и по желанию которого был созван в Гааге мирный конгресс, вы, властитель величайшей страны в мире, вы один — тот, который, как победитель, можете первый произнести слово «мир», — и реки крови иссякнут, и страшное теперешнее горе превратится в радость».

Дальше шли строки, еще больше заинтересовавшие Николая.

«Меня просят довести до сведения вашего величе-

ства, что из *секретнейшего* источника известно, что Англия намерена себе оставить Константинополь и создать на Дарданеллах новый Гибралтар и что теперь ведутся тайные переговоры Англии с Японией, чтобы дать последней Маньчжурию...»

Будто уколотый в сердце, Николай отдернул руку с письмом в сторону. Сообщение Маши попало на самое его больное место — проливы и Маньчжурия, которую он уже давно в мечтах видел вассальным государством.

— Александр Александрович! — приказал он неожиданно Мосолову. — На сегодня с бумагами хватит... Я оставлю пока... это письмо... Можете быть свободны...

Начальника канцелярии такой оборот дела нисколько не озадачил. «Государь, видимо, хочет обсудить письмо с ее величеством...» — решил царедворец и молча стал собирать бумаги в портфель. Он угадал — едва за генералом закрылась дверь кабинета, Николай, изменив своему обыкновению двигаться и говорить не спеша, почти выбежал в коридор. На глазах дежурных — двух бородатых казаков лейб-атаманского полка, царь заставил себя пойти несколько медленнее — он не хотел, чтобы охрана и слуги думали, будто что-то случилось.

Взволнованный, он вошел в сиреневую гостиную. Аликс, сидя с ногами, укрытыми шотландским пледом, на атласном диване подле громадной корзины с белыми гвоздиками, что-то вышивала. Когда Ники вошел, Александра Федоровна быстро сняла очки — она не хотела, чтобы муж видел ее в очках, хотя в письмах к нему и писала кокетливо «твое старое Солнышко».

Николай тяжело опустился в кресло рядом с диваном.

— Какие-нибудь неприятности на фронте? — участливо спросила Александра.

— Нет! Маша прислала еще одно письмо, на этот раз адресуясь прямо ко мне... — настороженно, дожидаясь реакции Аликс, вымолвил Николай. Александра Федоровна сразу поняла, о какой Маше и каком письме идет речь. Она решительно отложила в сторону пяльцы.

— Что же тебя так взволновало, дорогой? — уставилась царица своими белесо-голубоватыми глазами на мужа.

— Она опять пишет, что к ней явились трое эмисса-

ров от германских и австрийских кругов с просьбой посредничать в переговорах о сепаратном мире...

— Ники, но ведь это весьма разумно! — прервала его Александра Федоровна. — Многие из близких нам людей точно так же считают!

Царь подал ей письмо, интерес к которому у царицы был столь велик, что она водрузила очки на нос и стала внимательно вчитываться в каждую строчку. Дойдя до слов о намерениях англичан, известных из секретнейшего источника, императрица не удержалась от многозначительного «о!», сказанного нараспев.

Последнюю строчку письма царица произнесла вслух:

«Если ваше величество желали бы прислать доверенное лицо в одно из нейтральных государств, чтобы убедиться, здесь устроят, что меня из плена освободят, и я могла бы представить этих трех лиц вашему доверенному лицу».

— И как ты думаешь поступить? — подняла Аликс глаза на Николая. — Не правда ли, германцы протягивают тебе руку для мира?! Примешь ли ты ее?

Николай задумался. Он машинально теребил правый ус, потом погладил по тому месту головы, куда когда-то была нанесена рана японской саблей.

— Дорогая, у меня начинает бродить мысль о мире, но... — царь снова погладил правый ус, — думаю, что еще рано начинать быстрые шаги к нему...

— Но, Ники! — мгновенно возразила царица. — Если мы не выйдем с почетом из войны, то ты и Россия будете опозорены и возможна революция, которую возглавит эта мерзкая Дума и все болтуны, которые за ней стоят... Но я боюсь, что в случае победы Англия не даст России воспользоваться плодами того мира, в котором она будет, как всегда, всеми руководить... Если же ты заключишь мир сейчас и получишь проливы, часть Галиции, контрибуцию или еще что-нибудь финансовое — это будет твоя победа! Англия и Франция, пока они заняты войной, не смогут отобрать плоды этой победы. Дума будет вынуждена заткнуть глотки своим мужицким ораторам, которые без конца подрывают власть...

Николай внимательно слушал рассуждения императрицы, и некоторое подобие интереса горело в его обычно безучастных глазах.

— В Европе нас тоже поймут правильно... — убеждала царица. — Вспомни, что писал тебе король Шве-

ции Густав всего месяц тому назад... Его тоже волнуют ужасы этой страшной войны, и мысли заняты изысканием средств, могущих положить ей конец... В любой момент, когда ты захочешь и найдешь это удобным, дядя Густав готов всемерно служить в этом деле...

— Аликс, это невозможно так сразу!.. — решил высказаться Николай. — Если мы не подготовим прежде почву, меня клевреты Англии заколют кинжалом, как закололи моего пращура Павла Первого!.. Его ужасная судьба всегда встает перед моими глазами, когда я думаю о единоборстве с Альбионом...

Я не питаю никакого зла к Вильгельму и Францу-Иосифу... — продолжал свои неожиданные откровения Николай. — Больше того, я с удовольствием принимал датского государственного советника Андерсена... Ты помнишь, я рассказывал тебе, что Андерсен по поручению своего короля Христиана сначала побывал с тайной миссией в Берлине и был принят Вильгельмом и канцлером Бетманн-Гольвегом. Оба говорили ему, что лучшая дорога к миру пролегает через мое сердце...

— Вот видишь, дорогой! Вильгельм тоже хочет мира с нами! Он без конца пускает пробные шары... — горячилась государыня, и некрасивые красные пятна появились у нее на лице и шее.

— Но не может же русский царь так сразу пойти на сепаратный мир... — возмутился Николай.

— Ники, никто и не собирается так сразу заключить сепаратный мир... — успокоила его Аликс. — Датский и шведский короли предлагают посредничество, Вильгельм его ищет, мы можем подготовить условия, например, разогнать назойливую Думу, убрать Сазонова, для которого нет ничего выше интересов Франции и Англии...

Николай молча размышлял над словами супруги. Государыня продолжала натиск. Она даже изменила позу и из спокойной, величественной и ленивой львицы, разлегшейся на диване, превратилась в разгневанную обличительницу с фанатичным блеском в глазах.

— Первый, кто будет всячески мешать твоему триумфу, — главнокомандующий Николай и его черногорские галки! Они вступят в какой угодно заговор с этой взбесившейся «общественностью», родившей ублюдочный Земгор!.. Надо убрать Николая из Ставки вместе с его лизоблюдом Янушкевичем, пока дядюшка не по-

требовал себе корону Галиции, а может быть, и шапку Мономаха...

— Что ты, Аликс! — пробовал слабо возражать царь. — У Николаши и в мыслях этого нет!..

— Как нет?! — вскинулась Александра Федоровна. — Вся Ставка, весь Петербург, вся Россия только и говорят, только и пишут, только и восхищаются его победами, не твоими!.. Во всей прифронтовой полосе — а она дошла почти до Петербурга и Москвы — хозяин не ты и не твои министры, а великий князь!.. А разве ты не знаешь, что в своих приказах по армии он стал писать таким стилем, на который имеет право один российский император?!

— Аликс, мы уклонились от существа дела! — деловито остановил императрицу Николай. — Я не возражаю против поисков дороги к миру... Пусть даже сепаратному... Но умоляю тебя ни словом не обмолвиться о нашем намерении! Об этом нельзя даже писать мне в письмах в Ставку, они могут быть перлюстрированы...

— Как?! — возмутилась императрица. — Ты допускаешь, что мои письма к тебе читают чьи-то хамские глаза? Это... кощунство!.. это... богопротивно!.. — задохнулась она в гневе.

— Я не могу ничего с этим поделать! — вздохнул царь. — В военное время цензура на фронте может открывать любые конверты...

— Ники! Ты должен это запретить! — потребовала царица.

— Но я не могу, цензура подчинена Николаше... — пытался оправдаться царь. Его робость только подлила масла в огонь.

— Вот видишь, насколько я права! — резко заявила Александра Федоровна. — Этот лошадник и пьяница, оказывается, читает наши письма! — Она заломила руки, на ее глазах показались слезы.

— Аликс, я этого не говорил! — перебил Николай. — Оставим эту тему и будем впредь в переписке осторожны! Вполне достаточно, что мы с тобой знаем о предмете, который необходимо довести до желаемого конца... На всякий случай, Аликс, — продолжал он спокойнее, — о письмах Маши я скажу Сухомлинову или, может быть, Мосолову, чтобы они подыскали подходящего человека, которого мы направим через Стокгольм и с помощью короля Густава — в Берлин; там он пощупает почву, на которой следует делать шаги к миру...

Ты можешь осторожно написать о нашем стремлении к миру твоему брату Эрни, который, безусловно, сообщит об этом Вильгельму... Будь только осторожна в высшей степени, придумай повод — хотя бы вопрос о гуманном отношении к нашим пленным в Германии...

Петроград, февраль 1915 года

Весь четверг Манус нервно готовился к обеду у Кшесинской. Чего только он не предпринимал, чтобы добиться приглашения в ее дом — посылал корзины орхидей после бенефиса, безделушки от прославленного ювелира Фаберже — на рождество... И все безрезультатно. Наконец, когда его секретарь разыскал у антиквара парные статуэтки Камарго, старинный Севр, принадлежавшие Наполеону III, Игнатий Порфирьевич преподнес их после очередного спектакля Матильде Феликсовне. В ответ на следующее утро он получил надушенный сиреневый конвертик с выпуклыми инициалами «М. К.» в углу, а внутри — о радость! — приглашение на обед в ближайшую пятницу.

Манус знал, что Кшесинская принимает многих по пятницам от 3.30 до 6, но самые близкие и нужные останутся на обед — в 8. Игнатий Порфирьевич очень хотел попасть в число нужных, оставляемых на обед. Он совершенно не надеялся стать в этом доме своим. Ему было важно завязать связи с великим князем Сергеем Михайловичем, начальником Главного артиллерийского управления и шефом артиллерии, дабы, пользуясь его поддержкой, устраивать выгодные дела по поставкам на армию. Сорокашестилетний дядя царя оставался тогда признанным любовником и покровителем Кшесинской. Он жил месяцами в ее доме, имея на втором этаже трехкомнатный апартамент. Первый этаж собственного дворца, в котором великий князь до войны устраивал приемы, — он уступил санитарному ведомству принца Ольденбургского. Там теперь трудились великосветские дамы, готовя бинты для армии.

Чтобы как-нибудь проникнуть в дом Кшесинской, Манус сначала стал пациентом ее личного доктора и переплатил ему массу денег, хотя не нуждался ни в каком лечении. Он кое-что сумел-таки узнать у разговорчивого эскулапа, который совсем не хотел терять щедрого пациента.

Доктор рассказал Манусу, что с помощью лучших профессоров Матильда выработала для себя строгий режим, целью коего было сохранить как можно дольше здоровье, молодую упругость мускулов, свежесть кожи. Доктор приходил к подъезду особняка на Каменноостровском проспекте всегда ровно в восемь утра, зная наперед, что его пациентка, что бы ни было накануне, встанет получасом ранее.

К приходу доктора она уже приняла ванну, взвесилась, ей сделали массаж. Матильда не любит тратить время попусту. Она даже на прическу отводит всего пять минут в день, но делает ее камеристка, которая была лучшей парикмахершей на Рю де ла Пе в Париже.

— Разумеется, — говорил Манусу доктор, — если у мадам появилось хоть четверть фунта лишнего веса, я немедленно отправляю ее прогуляться на вилле эдак часика два, не менее...

Затем доктор невзначай сообщил сумму гонорара, который он ежемесячно находит на столике маркетри в будуаре мадам... Манусу стало неудобно платить ему за услуги меньше, чем какая-то там куртизанка, как мысленно называл он Матильду прежде, не будучи знаком с ее твердым характером. Теперь же, понятно, он более реально представлял себе силу воли прима-балерины, сделавшей такую блестящую карьеру не только на сцене, но и в императорской семье. Манус понял, что имеет дело с незаурядной, яркой и сильной личностью, скрытой в маленькой стройной женщине с большими темными глазами и чуть припухлым чувственным ртом.

Именно потому, что Кшесинская была деловита и сильна характером, Манус очень боялся скомпрометировать себя какой-нибудь мелочью и получить отказ от дома. Была бы задета не столько его гордость, сколько коммерческие интересы и потеряны все произведенные уже вложения в доктора, подарки, цветы...

В шесть с половиной часов Игнатий Порфирьевич вышел из своего дома на Таврической к авто, имея в виду заехать к себе в контору Сибирского торгового банка на Невский, чтобы взять из сейфа деньги на послеобеденную карточную игру у Кшесинской. Для начала он решил проиграть ей и великому князю сотню тысяч — и теперь нуждался в наличности.

Манус все думал об умной, постигшей тайну успеха, хитрой маленькой Матильде, которая всегда улыбается, по словам доктора, даже слугам. «Всегда улыбка! —

это ее девиз. — И всегда говорить только хорошее о людях... В том числе — о соперницах и врагах».

Великие князья у Матильды словно у себя дома — непринужденны и милы, обожают ее, целуют ручки, а она им категорически приказывает, капризничает, и все ее фантазии неуклонно исполняются...

«М-да! — думал Манус. — Ссориться с ней опасно, особенно как вспомнишь, что ссора с Матильдой стоила карьеры двум министрам...»

Между тем авто Мануса, выехав с Университетской набережной, попало в затор из трамваев, извозчиков, таксомоторов у Ростральной колонны. Сквозь вечерний сумрак в тусклом свете фонарей Манус увидел фундаментальное здание Биржи. Столь родное и близкое ему по духу, оно настроило мысли банкира на привычный лад, который, однако, незаметно возвысился до патетики в предвкушении вечера с великими князьями.

«Вот одно из семи чудес современного мира — биржа! — размышлял Игнатий Порфирьевич. — Она ежедневно творит миллионы и миллионеров. В любой стране мира из ста миллионеров девяносто девять сделали свое состояние на бирже и акциях, котирующихся на ней. Разве не чудо, что она как по волшебству выкачивает деньги из карманов тех, кто работает, кто создает действительные ценности! Под магнетическим наркозом она отнимает заработанное тяжким трудом и превращает пот и кровь, слезы и муки в золото и акции.

Мужик вырастил и собрал с трудом урожай, а вся прибыль от его труда оказалась в Петрограде, в акциях железных дорог, экспортных хлебных фирм, элеваторов... Рабочий сварил сталь для рельса, по которому повезут хлеб, а сам голоден. Прибыль от его труда увеличила цену акций новороссийского общества «Юзовка» в Донбассе или общества «Русский Провиданс»... Даже где-то в джунглях негр под палящим солнцем срубает сахарный тростник, а на нью-йоркской бирже поднимаются акции сахарных заводов, пароходных обществ...

У биржи своя логика. Для нее чем хуже, тем лучше. Вот опять пришли нерадостные вести с войны, — биржа упорно идет вверх. Будут вести еще печальнее — это будет означать, что война затягивается. Значит, франк, фунт, рубль, марка еще больше обесценится, а биржа будет крепче. Появится много новых миллионеров, чьи деньги выросли из воздуха, а фундаментом были кровь, горе, разлука и смерть...»

Мануса даже передернуло от собственных мыслей.

Размышляя, Манус не заметил, как оказался у ворот двухэтажного особняка с кокетливой башенкой. Он позвонил в тяжелую дубовую дверь, окованную железом и просвечивающую зеркальным стеклом.

Манус сбросил тяжелую шубу на бобрах в невидимые руки умелого лакея и поднялся на несколько ступенек по беломраморной лестнице с толстым ковром. Вместо перил здесь были четыре львиные пасти, держащие шелковый канат... Более дюжины гостей уютно и непринужденно расположились в белой мраморной зале на диванах и в креслах вокруг Матильды и великого князя Сергея. Кшесинская поднялась, приветствуя нового гостя.

В ее доме не докладывают о входящих. Француз-камердинер, он же мажордом, и второй лакей знают в лицо весь петербургский свет и осведомлены, кто именно приглашен сегодня на обед. Невидимый гостям буфетчик знает, кто какую марку вина предпочитает. Бутылка стоит уже наготове, помимо припасенных для обеда полагающихся к каждому блюду вин.

— Вот, наконец, и вы, милый Игнатий Порфирьевич! — делает Матильда несколько шагов навстречу.

Целуя ее душистую руку по неопытности несколько дольше, чем принято в обществе, Манус глазами следит за великим князем. Он неловко выпускает руку Матильды, когда видит Сергея Михайловича, направляющегося к ним.

— Серж, я думала, что монсеньор Манус уже не придет сегодня к нам, — шутливо представляет великому князю Игнатия Порфирьевича Кшесинская.

— Что вы! Что вы! Разве можно к вам не приехать!.. — оправдывается Манус. — Вы несравненная волшебница, Матильда Феликсовна!..

Пожимая князю руку, Манус снова делает это чуть дольше, чем следует, кланяется чуть ниже, чем принято, и искательно заглядывает в глаза, что уж совсем выдает его плебейское происхождение. Улыбка Матильды остается чуть дольше на устах, дабы ободрить и поддержать гостя. Рядом с хозяйкой все места уже заняты, одно свободно подле великого князя, и Манус не очень ловко плюхается на него. По-видимому, это место и было предназначено ему.

Манус сначала не знает, что сказать князю Сергею Михайловичу. Все-таки великий князь, дядя самого

царя, а как мил и любезен! Подумать только! Он держится совсем как обыкновенный человек, но на самом деле он выше закона! Если, например, он убил бы когонибудь, то ни одни суд империи не принял бы дела к производству...

Разговор перед обедом весьма оживлен. Манус постепенно втягивается в него, высказываясь на свою любимую тему — о банковском деле. К его удивлению, разные биржевые анекдоты, которые он рассказывает великому князю, заинтересовывают все общество, в том числе и дам. Вот сила биржи — и здесь собрались люди, которые знают цену деньгам, хотят и умеют их наживать.

Приезжает высокий блондин, похожий на англичанина — великий князь Андрей Владимирович. Он здесь тоже как дома. Он любезно здоровается со всеми и уходит к себе наверх переодеться к обеду.

Чуть запоздав, входит известный в биржевых кругах и, следовательно, Манусу представитель в России французской оружейной фирмы Шнайдера, толстенький, с красным апоплексическим лицом, словно насосавшийся крови комар, Рагузо-Сущевский. Манус всегда завидовал этому польскому пану, который благодаря умелой дружбе с Кшесинской и великим князем Сергеем Михайловичем озолотил за счет российского артиллерийского ведомства не только Шнайдера, но и себя. Судя по тому, как бросилась прекрасная Матильда навстречу этому раскормленному и самоуверенному господину, не забывал он и ее.

Рагузу сопровождает дама, по-видимому, как думает Игнатий Порфирьевич, его жена, вся увешанная бриллиантами, искрящимися в электрическом свете сильных ламп. Манус с трудом узнал в этой светской женщине худенькую балерину, которой он несколько раз любовался из партера Мариинки. Она напомнила Манусу еще об одном источнике, питавшем его зависть к Рагузе, — поляк был счастливым обладателем кресла в первом ряду партера Мариинского театра, в первом его абонементе — балетном. Места в первом ряду, как ложи бенуара и бельэтажа в этом абонементе, переходили по наследству и только по мужской линии. Действовал даже неписаный закон, по которому можно было перекупить кресло во втором или в третьем абонементе, но никогда — в первом, ни за какие тысячи рублей.

Если бы нашелся невежда, кто продал бы свое ме-

сто в первом ряду партера, это был бы скандал на всю столицу! И только сам директор императорских театров мог распределить кресло, случайно освободившееся в связи с прекращением дворянского или высокочиновного рода в мужском колене. При этом он, как правило, запрашивал мнение о претенденте у своеобразного «дуайена * первого ряда» — дряхлого старика-сановника, дольше всех протиравшего бархат своего кресла.

Игнатий Порфирьевич знал, что, несмотря на все свои миллионы, ему никогда не видать собственного кресла в первом ряду первого абонемента, а Рагуза его имел.

Гостей пригласили к столу.

Впереди, почти не касаясь руки великого князя Сергея, словно парила в воздухе Матильда. Воздушное тюлевое платье ее жемчужно-голубого цвета дополняют сапфировые серьги и брошь, за которые, как гласила молва, его величество государь император заплатил в свое время Фаберже сто девяносто тысяч.

Во второй паре — жеманная и капризная Мэри, супруга Рагузо-Сущевского, рядом с великим князем Андреем.

По русскому барскому обычаю долго отдают дань закускам, накрытым в маленькой столовой, отделенной широкой дверью с витражом от зала, где накрыт и украшен цветами главный стол.

...В большом и грохочущем мире идет война. Миллионы грязных, завшивевших солдат подпирают в этот час спиной холодную глину окопов, младшие офицеры считают убитых и выбывших по ранению за минувший день. Где-то воет вьюга, заметая свежие трупы, или хлещет дождь, превращая траншеи в сточные канавы, не оставляя сухого места в землянках.

А здесь, в уютных стенах элегантного особняка, в тепле и аромате парижских духов, красивые породистые женщины и румяные, налитые сытостью мужчины, стоя вокруг обильного стола и поднимая в серебряных чарочках запрещенный во время войны — но не для них — алкоголь, перебрасываются любезными фразами, обращают к дамам витиеватые и пока приличные комплименты.

После закусок доходит очередь и до обеда. Учитывая военное время, блюд подается совсем немного.

* На дипломатическом языке — старейшина корпуса.

Уха из стерляди на шампанском и к ней пирожки — рассыпчатые, с вязигою, слоеные с фаршем из налимьей печенки и с икрой. Фазан со свежими грецкими орехами и пюре из каштанов (любимое князя Сергея), артишоки и сладкий соус «кумберлэн» (любимый князя Андрея). На десерт — весьма изысканный «примэр» для сего времени года — свежая земляника из оранжерей присутствующего дяди царя...

Тостов за обедом не произносят — пьют каждый сколько хочет и что хочет, но соблюдают все-таки очередность, предлагаемую метром: к ухе херес, мадеру и портвейн белый, к фазану — вино вайнштейн или малагу, к артишокам — токайское или шато д'икем. Погреба Матильды полны самыми изысканными марками вин, да и погреба великих князей всегда к ее услугам, но она редко прибегает к их помощи...

К концу трапезы все переходят на шампанское. Разговор за столом вертится вокруг мехов и драгоценностей. От Фаберже он перекинулся к бриллиантам графини Бетси Шуваловой, которая поразила всех обилием камней на последнем бенефисе кордебалета. От Бетси Шуваловой перешли к бенефису, потом обсудили наряды и драгоценности остальных знатных зрительниц — знакомых и незнакомых Манусу.

Игнатий Порфирьевич, профан в балетном и ювелирном искусствах, в разговоре участия не принимал, боясь ляпнуть что-нибудь несообразное. Его обуревали иные заботы.

«Когда же завести разговор о заказе на снаряды моему Коломенскому заводу?.. — раздумывал Манус. — А может быть, лучше пока вовсе не заводить? Наверное, надо сначала хорошенько проиграться великому князю и Кшесинской!..»

Наконец ужин заканчивается и гости переходят в малую гостиную, где все уже готово для покера.

За первым столом — Кшесинская, великий князь Сергей Михайлович, великий князь Андрей, Рагузо-Сущевский и Манус. Мэри не играет, она лишь сочувствует своему супругу и одновременно строит глазки князю Андрею. Манус очень любит покер за то, что в нем можно проиграть именно тому, кому хочешь, не возбуждая неудовольствия партнеров и не показывая окружающим, что делаешь это намеренно. Во всякой другой карточной игре такое сразу же становится ясным опытному игроку.

Манусу в этот вечер везет, ему приходится изворачиваться и блеффировать тем больше, что карта не идет к великому князю Сергею. Игнатий Порфирьевич покупает на что попало, когда собирается играть князь Сергей или Матильда, но с большими ухищрениями ему удается проиграть всего тысяч девяносто.

Прежде чем купить новые перламутровые фишки — в этом доме неприлично играть прямо на деньги, — Манус прикидывает, сколько и кому он уже «передал» денег: князю Сергею — тысяч пятьдесят, тысяч тридцать — Кшесинской, тысяч десять — князю Андрею, а остальные — Рагузо-Сущевскому. Игнатия Порфирьевича безумно раздражает проигрыш этому польскому пану, явному конкуренту, жаждущему прибрать к рукам те заказы, которые мог бы получить для своих заводов Манус. Он еще пару раз блеффирует против Матильды и доводит свой проигрыш до ста тысяч.

Самоуверенный Рагуза попыхивает египетской папироской и поблескивает глазами на свою жену, прощая ей кокетство с великим князем Андреем. Благодушествуя, он делает знак лакею подать шампанское, и тут Манусу приходят два короля. Думая, что князь Сергей пойдет после него, Манус сбрасывает своих двух королей и остается с тремя случайными пиковыми картами. Но князь Андрей и Кшесинская пасуют, и Манус прикупает две карты. Они оказываются тоже пиками. У Игнатия Порфирьевича теперь на руках одна из высших комбинаций в покере — «стрэт флэш».

Игнатий даже чертыхается про себя с досады, что надо идти против князя Сергея с такой картой. Он решает уже бросить их, как великий князь сам пасует. Манус остается с блестящей комбинацией против Рагузо-Сущевского. Радостный фейерверк загорается теперь у него в мозгу.

«Я тебе покажу сейчас, как хватать чужие подряды на шрапнель и ручные гранаты! — злорадно думает Игнатий Порфирьевич. — Ты у меня сейчас попрыгаешь, пся крев! Хоть ты сюда и раньше втерся, чем я, но я тебе сейчас задам перцу!»

Рагуза, не зная карт Мануса, но видя, что он постоянно блеффирует, заранее торжествует победу, имея на руках довольно высокую комбинацию карт. У него три туза и две двойки.

Оба стараются изо всех сил скрыть торжество, не выдать кипящих в душе страстей.

Рагуза кладет в старинное золотое блюдо, изображающее банк, горсть перламутровых фишек и доводит ставку до двадцати тысяч. Манус немедленно удваивает до сорока. Польский аристократ, желая побольнее наказать выскочку-купца, удваивает до восьмидесяти тысяч рублей и вопросительно смотрит на Мануса. С еле скрытым злорадством Игнатий Порфирьевич добавляет до ста и откидывается, как бы в панике, на своем кресле. К их столику собираются все играющие на других столах, ожидая, что же будет.

Коробочка с перламутровыми фишками пуста. Матильда достает из ящика секретера кости черного перламутра, которые идут здесь обычно по двадцать тысяч, когда случается такая игра, как сегодня. Без слов она дает игрокам по пять костей. В гробовом молчании, чтобы неосторожным словом не испортить игру, Рагуза и Манус ставят еще по две кости и вопросительно смотрят друг на друга. Ни один не хочет сдаваться.

Рагуза кладет оставшиеся три кости и доводит банк до двухсот сорока тысяч рублей. Он весь дрожит от азарта. Манус тоже кладет свои три костяшки по двадцать тысяч и невинными, словно у младенца, глазами смотрит на Рагузу.

Даже видавший виды лакей с подносом шампанского от любопытства приближается к столику, окруженному гостями. На блюде — триста тысяч рублей. Это стоимость имения, которое недавно купил в Ярославской губернии для Матильды великий князь Сергей Михайлович.

Рагуза просит открыть карты. Когда Манус переворачивает свои вниз рубашкой, вся гостиная ахает.

Кивок головы всевидящей хозяйки, и для охлаждения страстей вносят мороженое, петифуры, замороженные конфеты и фрукты. Бедный Рагуза умеряет свою досаду тремя бокалами шампанского и делает вид, что ничего особенного не произошло.

Воодушевленные выигрышем Мануса, игроки вновь рассаживаются вокруг столов, покер продолжается. К пятому часу утра Манусу удается-таки проиграть великому князю Сергею и Кшесинской еще полторы сотни тысяч — из тех, что он возвратил себе блестящей победой над Рагузой. Небрежно играя и уже не считая в уме тысячи, Манус мысленно философствует, раскладывая сегодняшний вечер по полочкам.

«Попробовал бы я предложить великому князю и

Матильде, — иронизирует в мыслях Манус, — взятку в двести тысяч рублей, хоть бы и в самой изящной форме! Меня бы с позором выкинули из этого дома и никогда не пустили бы на порог! А теперь... я спокойно открою бумажник, поднимаясь от стола, и на виду у всех отсчитаю новенькие пятисотрублевые билеты и подам их Матильде! А завтра столь же открыто приду в интендантство заключать контракт на поставки снарядов!.. Разумеется, теперь моя очередь приглашать к столу какого-нибудь там титулярного советничишку или другую чиновную душу, чтобы не отказала она мне накинуть пару миллиончиков на стоимость шрапнелей, ввиду подорожания легированных сталей, например... И приглашу я его в свой кабинет ресторана «Медведь», и начнется все сначала: икорка, балыки, грибочки в сметане на закуску и так далее, и тому подобное...»

Психогастрономические мысли Мануса лениво текли в такт ленивой игре. Начинался шестой час утра. На Каменноостровском проспекте затренькали первые трамваи. Азарт игры стихал, гостям для освежения подали снова турецкий кофе, чай и шампанское.

Игнатий Порфирьевич решил, что настала пора откланяться. Общество уже разделилось на маленькие кружки в согласии с интересами дам и господ. Манус неуверенно приблизился к группе, где раздавался смех Кшесинской. Матильда по его виду поняла, что банкир пришел поцеловать ей руку на прощанье. Она оценила его ненавязчивость.

— Милый Игнатий Порфирьевич! — прощебетала прима-балерина гостю. — Заходите запросто, теперь вы знаете сюда дорогу!.. А в пятницу — прошу на обед!..

Петроград, февраль 1915 года

За несколько месяцев, что Настя работала в лазарете Финляндского полка, она стала опытной сестрой милосердия. Госпиталь до войны был сравнительно небольшой, всего на триста кроватей. Когда же с фронта стали прибывать не только переполненные санитарные поезда, но и теплушки с ранеными, лазарет увеличили. Кровати для раненых стали ставить даже в коридорах.

Перевязки, обмывание, измерение температуры, кормление тяжелораненых, ночные дежурства — все Анастасия делала с искренним участием. Но ее никогда не

покидала мысль о том, где сейчас ее Алексей, здоров ли, жив ли?

Настя упорно ждала Соколова. Она ждала его каждый день. Если была дома, она все время прислушивалась — не раздадутся ли на лестничной площадке знакомые шаги, не звякнет ли колокольчик? Чтобы не пропустить первое мгновение возвращения Соколова домой, Настя не стала жить у родителей, а вместе с Марией Алексеевной, тетушкой Алексея, коротала свободные дни в большой и полупустой квартире на Знаменской улице.

В госпиталь приходилось ездить через весь город. И всякий раз Настя видела, как война меняет облик Петрограда, как на челе столицы возникают морщины и серость, скрытая боль и усталость. Появилось на улицах и особенно на Невском множество людей в серых шинелях. Это солдаты запасных полков, расквартированных в Питере, выздоравливающие раненые... На их лицах, особенно солдатских, не всегда можно было заметить благостное изумление пред величием столицы. Иногда из глаз били в толпу заряды злости и ненависти к сытой, гладкой статской публике, с предупредительностью уступавшей дорогу серым героям.

Небывало росли цены, и куда-то исчезли товары. Беднее день ото дня становились витрины магазинов на Невском и просто опустели на других проспектах. Извозчиков стало значительно меньше — лучшие лошади были реквизированы в кавалерию. Зато появились десятки фыркающих газолином четырехколесных металлических чудовищ. Кое-где в витринах и окнах были выставлены увитые трехцветными лентами портреты верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, гордо и бесстрастно взиравшего на мир.

Женщины, даже богатые, оделись в темное, на улице стало меньше мехов и показной роскоши. Афиши синематографов призывали посмотреть ленты с театра военных действий.

Гнетущая усталость от войны стала ощущаться повсюду. Она была особенно заметна на рабочих окраинах, куда Насте иногда приходилось ездить по поручениям Василия, впрочем, ставших довольно редкими. Военная дисциплина и заряд шовинизма, полученный солдатами с началом войны, еще делали свое дело, и открытых выступлений пока не отмечалось. Но в солдатских разговорах между собой стали проскальзывать ноты недовольства, обида за то, что у армии не оказа-

лось достаточного количества боевых припасов и оружия, наивное недоумение глупостью царских генералов. Ощущалось болезненное беспокойство за жен и стариков, оставшихся в деревне, где голод и нищета доводили до крайности.

По вечерам ходячие раненые собирались в вестибюле на первом этаже, играли в шашки, карты, вели долгие-предолгие разговоры о войне, о родине, о семьях. Столик дежурной сестры милосердия первого этажа стоял неподалеку от деревянных лавок подле печи, где велись особенно задушевные беседы.

Долгими вечерами, когда госпиталь постепенно затихал, с лавок доносились до Насти трогательные и страшные истории, которые накрепко запечатлевались в ее памяти.

— Чуть вернусь, долго дома не заживусь, — говорил своему соседу, чернявому мужику с забинтованными руками, одноногий калека, — на каторгу живо угожу... Женка пишет, что купец наш до того обижает, просто жить невмоготу. Я так теперича думаю: мы за себя не заступники были, с нами, бывало, что хошь, то и делай. А теперь нас германец да ротный повыучили... Я кажный день под смертью хожу, да чтобы моей бабе для детей крупы не дали, да на грех... Нет, я так решил, вернусь и нож Онуфрию в брюхо... Выучены, не страшно... Думаю, что и казнить не станут, а и станут — так всех устанут...

— Воистину так, милок, — поддакнул тихий голос,— вот я давеча в жирнальчике усмотрел картинку с подписью: «Козьма Минин нашего времени». На ей чисто наш Прокоп-лабазник на мешках стоит и надрывается — грит, почему я должон цену сбавить, грит, а не вы заложить жен и детей!.. Хе-хе...

— А то еще в тринадцатом на фоминой, — вступился третий собеседник, — пришел к нам дед из Питера. По многим местам ходил хожалым, бывалый мужик. Тот за верное принес, что затевают наши министры войну с немцами али с японцем по новой и что нужно ту войну-де провоеваться — чтобы понял народ, какой он ни до чего не годный, и никаких себе глупостей не просил бы... И про дороговизну сказывал, что еще хужее будет...

Настя сидела неподвижно и боялась пошевелиться, чтобы ненароком не спугнуть солдат. Она вспомнила слова Василия о том, что крестьяне в серых шинелях

стали умнеть, они устали от войны и рабочим-пропагандистам теперь гораздо легче работать в запасных полках, расквартированных в Петрограде.

Солдаты помолчали, повздыхали, потом второй голос снова начал:

— А я, Сидор, и не знаю, чаво опосля войны делать буду, ежели господь подаст пожить... Так я от всего отпал, что и сказать не могу. Здеся ты ровно ребенок малый, что велят, то и делай. И думать ничего не приказано, думкой-то здеся ничего не сделаешь... Чистая машина: что я — то и Илья, что Евсей — то и все...

— Ты, Никола, дурак, хоша и грамотный! — спокойно и веско произнес тот, кого назвали Сидором. — Задаром нас, что ли, палить из винтовки научили? Утомились мы на барских работах... Когда и по заповеди верили, что за труды много грехов простится... А теперя? У тебя на хозяйство разор, а Тит Титыч ваш второй али третий лабаз построил... Землица-то без мужика скудеет! А на хрен энтот Царьград — до него, чай, и в сапогах не дойдешь, истреплешь?! Вот и рассуди — куда нам прямее дорога: в окоп от германского «чемодана» прятаться али в деревне своей порядок навесть...

— Ты говори, брат, да не заговаривайся! — отозвался второй. — Куды ты клонишь, мать твою... В дезертиры наводишь, что ли?..

— Куды тебе с твоим Егорием! — поддразнил его Сидор. — Одно скажу: думаю я, что скоро дело сменится. Мы с покорностью идем, покуда греха боимся. А грехи разрешим — и другие нам пути найдутся...

Снова помолчали, потом Николай зашелестел бумагой.

— Я, братцы, душевную песню у антиллериста списал — так теперь выучить охота...

— Давай, сказывай песню!.. — встрепенулся Сидор.

Николай прокашлялся важно и, читая почти по слогам, начал:

Ты, тоска моя, тоска,
Гробовая ты доска.
Куды глазом ни гляну,
Только видно, что войну!
Оглушилось мое ухо
От военного от духа,
Поустала и рука
От железного штыка.
Оттопталися мои ноги
От военной от дороги,

Насте надо было идти давать лекарство в палату тяжелораненым, она скрипнула стулом, и голос мгновенно замолк. Солдаты притихли. Когда она ушла, Сидор успокоил собеседников:

— Не бойсь, братцы! Анастасия Петровна барынька не злая, у нее душа за солдата болит, самым тяжелым раненым завсегда помочь готова.

Настя вернулась через четверть часа, раненые уже разошлись по палатам. В госпитале было тихо-тихо. Казалось, что из-за окна слышен шелест падающего снега. Настя раздумывала над тем, что говорили солдаты. Она слышала в госпитале и другие разговоры. Напрашивался единственный вывод: народ, «серые герои», как их называли, устали от войны, от кровопролития. «Массы крестьян, — говорил Василий, — одетые в солдатские шинели, получили теперь представление об организации, научились стрелять и колоть штыками, озлились на мучения своих родных в тылу и свои собственные на фронте больше, чем на неприятеля. О немцах и австрийцах солдаты говорят без всякой ненависти, понимая, что те, как и они, — тоже подневольные люди, обязанные выполнять команды своих офицеров».

«Зерна революции и интернационализма всех трудящихся начинают прорастать», — припомнилась ей фраза Василия. Она сама это видела.

Наутро, по свежевыпавшему снегу и под ярким повесеннему небом, Настя спешила домой. Ее ждало новое известие о муже. Сухопаров сообщил, что Алексей бежал из тюрьмы и сейчас его укрывают в Богемии верные люди.

Царское Село, март 1915 года

По случаю войны пасхальный праздник в Петрограде был упрощен. Как и раньше, к слушанию пасхальной заутрени собрался к церквам весь Петроград. Как и раньше, особо торжественные службы имели быть в Исаакиевском и Казанском соборах. Но отменена была служба в Зимнем дворце.

Царская семья благолепно отстояла особый молебен о даровании победы российскому воинству в златоглавой церкви Воскресения Христова, что при Екатерининском дворце Царского Села. Присутствовали только близкие семье люди: граф Фредерикс с супругой, генерал Мосолов и дворцовый комендант Воейков с женами.

Из великих князей не пригласили никого — трещина в доме Романовых, возникшая из-за критического отношения к Аликс вдовствующей императрицы Марии Федоровны, тлеющего и всеми улавливаемого конфликта между царем и главнокомандующим и их женами, становилась все шире и глубже. Александра Федоровна даже отказалась делать на пасху подарки родственникам и приказала купить пасхальные яйца с сюрпризами у Фаберже только для мужа, сына, дочерей и тех, кто был приглашен на заутреню в царскосельский храм.

Изрядно разговевшись, Николай увлек в дальний угол начальника канцелярии министерства двора и о чем-то милостиво беседовал с ним. Генерал был одним из самых доверенных лиц и не однажды доказывал, что достоин такой великой чести. Кроме других достоинств, он умел глухо молчать о делах монарха, но при этом собирать массу всяких полезных или интересных слухов, сплетен, разговоров в обществе и тактично докладывать их Николаю Александровичу.

Мосолов никогда не позволял себе ни в чем осуждать государя или членов его семьи, хотя знал о самодержце много такого, о чем простые смертные и не догадывались. Именно Мосолову Николай решил доверить свою истинную точку зрения на возможность сепаратного мира. Усадив генерала рядом с собой на широкий диван, Николай предложил ему турецкую папироску. Оба с удовольствием закурили.

— Александр Александрович! — обратился государь к генералу. — Я бы хотел вас просить совершенно конфиденциально об одной услуге...

Мосолов изобразил на лице величайшее внимание.

— Дело, видите ли... касается... э... — Царем овладела его всегдашняя робость, хотя он разговаривал на этот раз лишь с одним, к тому же близким по духу человеком. Однако важность темы сковала его уста и мысли, — предложений о сепаратном мире с Германией, которые сообщила в письме фрейлина Васильчикова... Как вы относитесь к этой идее?

— Ваше величество, если цели России — проливы и Галиция — будут достигнуты без кровопролития, то имеет полный смысл начать переговоры! — твердо высказался генерал. — Политике противопоказана рыцарственность и жертвенность, ваше величество! Интересы России для всех ваших подданных должны быть выше выгоды французов или англичан... Многие истинно рус-

ские люди не верят Англии, ваше величество! — с жаром закончил свою речь Мосолов.

— Вы правы, генерал! Мы должны печься о выгоде и прославлении России, о приращении ее могущества и территории... — раздумчиво сказал Николай. — Меня тоже очень беспокоит позиция Англии в отношении к проливам... искренно ли они обещают нам их отдать или это только маневр британцев?.. По-видимому, нам все-таки следует поинтересоваться у Вильгельма, насколько серьезно он готов к замирению и компенсации России за выход из войны...

Мне нужно доверенное лицо, которое можно было бы послать в Берлин прощупать намерения германцев! — неожиданно прямо в лоб заявил Мосолову царь. — Есть ли у вас на примете такой человек, которому можно было бы доверить эту великую тайну? Достаточно близкий к вам и заинтересованный в ее сохранении? Разумеется, это должен быть дворянин, могущий быть принятым в высоких германских кругах... Может быть, даже германским императором... И способный достойно представить Россию...

Выражение лица Мосолова показало, что ему что-то пришло на ум, но царь решил высказать еще одно условие.

— Искомое лицо не должно знать, что идея его поездки исходит от меня и, разумеется, не иметь ничего общего с господином Сазоновым и представителями союзников в Петрограде...

— Да, ваше величество! — немедленно ответил генерал. — Осмелюсь предложить кандидатуру молодого князя Думбадзе...

— Это не родственник ли градоначальника города Ялты, генерал-майора свиты князя Думбадзе? — перебил его государь.

— Его родной племянник, ваше величество... — ответил Мосолов.

— Характеризуйте мне его поподробнее, Александр Александрович! — приготовился слушать Николай. Видно было, что к этому лицу он испытывал некоторое благорасположение.

— Ваше величество, Василий Давидович Думбадзе учился в Германии и в 1906 году вернулся в Петербург с дипломом инженера.

— Это хорошо! — произнес государь.

— Занимаясь коммерцией, он одновременно служил

главным управляющим вашего наместника на Кавказе графа Воронцова-Дашкова и весьма близок к его старшему сыну...

— Да, да, да! — прервал опять Мосолова Николай. — Мне очень импонирует, что старый граф в отношении всех великих князей держится в высокой степени независимо, отстаивает всегда мои интересы... Впрочем, продолжайте!

— Ваше величество! — не смутился остановками генерал. — Князь Василий Думбадзе весьма близок к его высокопревосходительству Владимиру Александровичу Сухомлинову, и военный министр настолько доверяет ему, что снабдил молодого князя материалами для издания своей биографии...

— Так эта книжка действительно принадлежит его перу? — снова поинтересовался царь.

— Именно он — автор... — Мосолов уверенно рисовал царю светского и делового молодого человека, располагавшего обширными связями в петербургских, берлинских и венских кругах, скромного, отзывчивого, находчивого и имевшего смелость брать на себя известный риск. Генерал умолчал лишь о том, что сам находится с ним в теснейших коммерческих отношениях и за комиссионные проводит через него многочисленные комбинации с передачей заказов на снаряды и автомобили, сукно и патроны дельцам, бессовестно вздувающим цены.

Николай был весьма доволен, что судьба посылает ему как раз такого человека, на которого можно возложить деликатную миссию. Настроение царя заметно улучшилось еще и потому, что у начальника канцелярии оказался уже готовый вариант, под каким соусом направить в Берлин личного эмиссара.

— Князя можно послать в Германию, поручив ему официально роль нашего разведчика, который должен выяснить через своих старых знакомых в Берлине участие немцев в разжигании сепаратистского движения на Кавказе, ваше величество! — предложил Мосолов.

— Но это потребует участия Генерального штаба, Александр Александрович?! — высказал сомнение Николай.

С жаром генерал начал разубеждать царя.

— Ваше величество! Для выдачи заграничного паспорта все равно придется обращаться в министерство

иностранных дел. Оно само не решит вопроса без вхождения в Генеральный штаб. Поэтому, дабы ограничить число лиц, сопричастных к тайне, следует сразу вступить в сношения с органом, который окончательно способен решить проблему. Нужно рекомендовать князю обратиться за выдачей паспорта для поездки хотя бы в Англию или Америку через Стокгольм...

Николай вежливо улыбнулся. Блеск в его глазах потух, и он, слегка прикоснувшись к руке генерала, мягко сказал ему:

— Александр Александрович! Это уже другая сторона дела... Извольте ее сами обсудить с князем и предпринять необходимые действия...

Мосолов понял, что надоедать государю после того, как было высказано столько доверия, грешно.

— Ваше величество, — поднялся он с дивана, — счастлив быть столь отличенным вами!

— Вот и хорошо! — подвел итог беседы самодержец. — Докладывайте мне регулярно о продвижении идеи... Только помните главное — я не должен быть скомпрометирован контактами с Берлином!

Вена, март 1915 года

В отличие от петербургской в венскую оперу приходили к началу независимо от родовитости и положения. Не опоздал и полковник Гавличек. По случаю военного времени господа офицеры, в том числе и «ротмистр Дауэрлинг», были в полевой форме. Только дамы, блиставшие в партере и ложах, демонстративно игнорировали суровость времен и сверкали драгоценными каменьями, золотом, источали довоенные ароматы парижских духов.

Когда из оркестровой ямы возникли и полились в зал чудесные звуки увертюры к моцартовскому «Дон-Жуану», а внимание всего зала переключилось от созерцания знакомых и незнакомых красавиц к сцене, где занавес обещал вот-вот открыть волшебный мир, рука Соколова словно невзначай легла на руку полковника Гавличека. Они обменялись рукопожатием. В антракте офицеры вели себя так, словно только что познакомились. Они не обсуждали ничего, кроме дивной музыки Моцарта.

— Господин ротмистр! — сказал в финале спектакля, когда гремели аплодисменты, полковник своему со-

седу по креслам. — Не окажете ли честь отужинать у меня дома?

«Очень хорошо, — решил Соколов, — в ресторане могут подслушать, а бродить по улицам полковнику императорской и королевской армии с уланским ротмистром несолидно, да и случайные встречи могут быть всякие...»

Во время обильного ужина в присутствии моравачки — жены хозяина предметом обсуждения было резкое ухудшение довольствия войск, установка вокруг Вены в предвидении русского наступления проволочных заграждений и укреплений, рост цен в лавках и другие препоны к бурному развитию цивилизации двадцатого века, порожденные войной. Затем Гавличек и его гость удалились в кабинет. Собственноручно затворив двери, через которые не проходило ни единого звука, Гавличек обнял своего русского соратника и расцеловал его.

Только здесь, в полковничьем кабинете, Алексей сбросил маску надменного австрийского кавалериста и снова стал добрым и внимательным человеком. Друзья расположились подле столика с моравским вином и подняли бокалы.

— За Россию! — сказал Гавличек.

— За независимую Чехию! — сказал Соколов.

Затем приступили к делу.

— Алекс, я подготовил для тебя документы на имя штабс-капитана Генерального штаба Фердинанда Шульца, имеющего поручение инспектировать железнодорожные сообщения и санитарное состояние маршевых батальонов в пути. Ты можешь вести наблюдение, но только в западных районах империи... Дело в том, что на галицийском фронте разъезжает настоящий Фердинанд Шульц и тебе надо остерегаться, чтобы с ним не встретиться...

— А ты не можешь нас поменять местами?.. — невесело улыбнулся Соколов.

— Я понимаю, что было бы крайне важно собрать данные по галицийскому фронту, но Шульц — в ведении другого отдела нашего штаба... — всерьез принялся оправдываться Гавличек.

Алексей дружески прикоснулся к его плечу.

— Не беспокойся, брат! Ты сделал великое дело...

Затем Гавличек достал из внутреннего кармана массивный серебряный портсигар, щелкнув крышкой, вынул

из него папиросу, лежавшую с краю, разломил ее. Внутри оказался микрофильм.

— Здесь данные, которые я собрал за минувший месяц... — протянул он еле видимый клочок, завернутый в папиросную бумагу. — А сейчас я тебе все это расскажу для ориентировки.

Алексей вынул перочинный ножик, сдвинул перламутр, украшавший его, и вложил в образовавшийся тайник микрофильм. После этого он уселся поудобнее и приготовился слушать. Гавличек собирался с мыслями.

— Сначала об общем состоянии империи... — предложил полковник, Алексей согласно кивнул.

— Война обнажила все язвы нашей монархии, началась вопиющая неразбериха, — начал офицер. — В нашей армии — впрочем, нам известно, что и в русской так же, — ощущается огромный недостаток оружия, боеприпасов, военного снаряжения... У нас к тому же резко усилилась склока между разными народами, населяющими империю. Дело доходит до ожесточенных потасовок между чешскими солдатами и мадьярами из гонведа. Богемские немцы презирают всех, пользуются в армии особыми правами и привилегиями... Полки, формируемые в Чехии, — самое слабое звено на галицийском фронте. Они активно вступают в сношения с вашими войсками, сдаются группами в плен. Несколько дней назад два батальона императорского и королевского 28-го полка, державшего оборону на Дукельском перевале, во главе со своими офицерами под звуки полкового оркестра перешли на сторону русских...

Соколов оживился, известие его обрадовало.

— И какие отклики это вызвало в армии?

— Император приказал отобрать знамя у полка и расформировать его... Франц-Иосиф и эрцгерцог, как главнокомандующий, издали приказы по армии, но эти приказы, зачитываемые чешским полкам перед отправкой на фронт, производят обратное действие — они сообщают солдатам о примере, который им показали чехи из 28-го полка!.. Боеспособность императорской и королевской армии резко упала за последние месяцы. Русские захватили почти все важнейшие перевалы в Карпатах. Фон Гетцендорф считает, что возникла реальная угроза выхода русской армии на Венгерскую равнину, что будет катастрофой для Центральных империй. Он просил уже Фалькенгайна о переброске новых немецких

дивизий с Западного фронта на помощь Австрии, — обстоятельно рассказывал Гавличек.

— Как говорят в Генеральном штабе, Фалькенгайн ответил Конраду, что простое вливание немецких дивизий в состав австро-венгерской армии, как это было не раз в кампании 14-го года, — не спасет положения. Германский Генштаб предлагает найти такую форму оперативного маневра, которая, безусловно, принесет успех союзникам. Фалькенгайн планирует фронтальный удар с целью прорыва русского фронта на одном из решающих его участков...

Соколов насторожился.

— А что известно о направлении главного удара?

— Все по порядку... — успокоил его Гавличек. — Фалькенгайн обсуждал с фон Гетцендорфом три варианта... — полковник достал из ящика письменного стола карту театра военных действий и склонился вместе с Алексеем над ней, раскрывая стратегические замыслы австро-германского командования.

— Первый: удар из Восточной Пруссии по северному крылу русского фронта. Вариант отставлен, поскольку не окажет существенного влияния на положение в Карпатах, где русская армия глубоко вклинилась в пределы Дунайской монархии. Вы могли бы продолжить поход на Венгерскую равнину... Удар из района Карпат по вашему левому флангу из-за гористой местности и трудностей сосредоточения здесь крупных воинских масс также не сулит успеха. Следовательно, столь любимые германцами операции на флангах исключаются. Конрад и Фалькенгайн решили наносить стратегический удар в Галиции, между Вислой и Карпатами, с задачей не только отбросить русских от Карпат, но и потрясти всю русскую армию. Будет создана мощная группировка германских войск и в случае успеха давление на Италию и Румынию. Важно оттянуть срок вступления их в войну на стороне Антанты. О возможности такого кошмара сейчас усиленно предупреждают наши дипломаты и разведка. Наступление германцев поддержит Турцию, австро-венгерские войска в Карпатах, создаст угрозу окружения южного крыла Юго-Западного русского фронта...

— Разумно придумано... разумно! — высказал свою оценку Алексей.

— В полосе наступления Висла на севере и Бескиды на юге будут сильно стеснять русские войска, а реки

Вислока и Сан немцы не считают серьезными для себя препятствиями... В мой оперативный отдел поступили данные германской и нашей разведки о том, что оборона русских организована на этом направлении весьма слабо. Вы сосредоточили в Карпатах большие силы и разрядили фронт в Западной Галиции. Там на дивизию приходится полоса в десять километров, а численный состав дивизии сейчас значительно сократился по сравнению с первыми месяцами войны.

— Ты изложил все это? — озабоченно поинтересовался Соколов. Он сразу понял большую угрозу, которую таило планируемое германское наступление.

— Конечно! Я тебе сейчас пересказываю основные черты для твоего сведения... — отозвался Гавличек. Он продолжал излагать диспозицию, сверяясь для точности с запиской, вынутой из бумажника.

— Удар готовится в районе Горлице. Для проведения операции выделены отборные войска с французского фронта — Сводный, Гвардейский, 10-й армейский и 41-й резервный корпуса. Мы считаем их лучшими соединениями германской армии... К ним добавлены императорский и королевский 6-й корпус и императорская и королевская 11-я кавалерийская дивизия. Все эти войска объединены в 11-ю армию, командовать которой будет Макензен...

— Да... — протянул Соколов. — Это один из активнейших германских генералов!..

— Он получил право подобрать командный состав из числа офицеров с большим боевым опытом. Участок прорыва нарезан в 35 километров. Здесь будет сосредоточено 126 тысяч штыков и сабель, легких орудий — 450, тяжелых — 160, пулеметов — 260. Ваши войска, по данным разведки, имеют живой силы в два раза меньше, легкой артиллерии — в три раза меньше, а тяжелой — в 40 раз!

Беспокойство Алексея возрастало. По сообщению Гавличека, немцы задумали осуществить отвлекающий удар в Прибалтике и собирают там группу войск в составе трех пехотных и трех кавалерийских дивизий, усиленных тяжелой артиллерией. Оба понимали, что намерение Фалькенгайна начать таким образом летнюю кампанию 15-го может привести к тяжелейшим последствиям для всей стратегической ситуации на русском фронте.

— Спасибо тебе большое, брат мой! — протянул руку Алексей. Гавличек полуобнял его.

— Если бы ты знал, как тяжело мне носить эту голубую форму! — тоскливо сказал он вдруг. — Я готов делать все, что нужно для победы славянства в этой суровой битве с германизмом, но как мне тяжело!..

Гавличек помолчал.

— Но твоя жизнь здесь гораздо опаснее! — вдруг сказал он. — Ты знаешь, после твоего ареста на румынской границе, когда мы не успели тебя предупредить, я изучил постановку дела железнодорожного контроля... Оказалось, что за короткий срок силами жандармерии только на дорогах, ведущих в Румынию, было досмотрено 2300 поездов, проконтролировано 400 тысяч пассажиров и 300 из них арестовано...

— Я был, наверное, тринадцатым... — пошутил Алексей.

— Не смейся! — суеверно постучал по деревянному столу Гавличек. — Тебе еще предстоит выбираться отсюда... Имей также в виду, что жандармерия и контрразведка Макса Ронге успели наладить почтовую цензуру. Макс похвалился мне недавно, что, если за весь 1914 год его «черные кабинеты» просмотрели только один миллион писем, то теперь такое же число корреспонденций его военные чиновники контролируют за полмесяца.

Часы в столовой пробили три часа ночи. Соколов поднялся, чтобы уходить.

— Не отпущу! — твердо сказал Гавличек. — Чтобы тебя схватил ночной патруль или как о подозрительном лице донес содержатель гостиницы?!

— Я бы сразу и проверил надежность новых документов! — пошутил Алексей.

— Кстати, завтра утром я достану тебе из сундука свой капитанский мундир... Надеюсь, он тебе вполне будет впору! — не поддержал его шутку суеверный генштабист, прикидывая на глаз, что стройному русскому другу подойдет униформа, которую полковник сшил себе десяток лет тому назад.

Стокгольм, май 1915 года

Ранним майским утром финский пароход «Боре-I» линии Гельсингфорс — Стокгольм бодро бежал по шхерам близ шведской столицы. Островки на подходах к Стокгольму казались более обжитыми, чем финлянд-

ские. Такой вывод сделал молодой грузин, уже позавтракавший и теперь с нетерпением ожидающий, когда борт парохода коснется набережной Шеппсбрунн в Старом городе Стокгольма.

Палуба под ногами чуть заметно вибрирует. В такт вибрирует от радости душа пассажира. Еще бы! Ведь он не простой путешественник по собственным нуждам — похоже, что о его миссии известно самому государю всея Руси, а также и шведскому королю Густаву. Князь Думбадзе везет для передачи в собственные руки его величества короля шведов пакет, полученный через дворцового курьера от начальника канцелярии министерства двора генерал-лейтенанта Мосолова.

Пароход спешит мимо живописных островов, а перед мысленным взором молодого князя разворачиваются воспоминания о пережитых двух месяцах, которые обещают в корне изменить его судьбу.

Два месяца назад, когда Стокгольм был засыпан еще снегом, а стужа сковывала воды залива, князь Думбадзе вместе со старым другом и соучастником по многим деловым комбинациям князем Георгием Мачабели высаживались на стокгольмском вокзале Сентрален из поезда Торнео — Стокгольм, поскольку кратчайший пароходный путь из Петербурга зимой не функционировал.

Друзьями князь Василий и князь Георгий стали еще десять лет назад, когда встретились в учебных аудиториях Лейпцигского университета. Спустя несколько лет, правда, князь Георгий перевелся в Берлинскую горную академию и прочно осел в великосветских салонах столицы. Конечно! Ведь это так оригинально — пылкий грузинский князь с дипломом германского горного инженера чарует блондинок в великосветских гостиных Берлина!

Когда началась война, германцы разрешили ему вернуться в Россию. Никто не интересовался — почему так легко его отпустили. Судьба снова столкнула их на петроградском паркете, и друзья решили не разлучаться. В марте, когда он, Думбадзе, вдруг понадобился срочно и неизвестно зачем генералу Мосолову, князья уже были в Стокгольме...

Разумеется, когда Мачабели из Стокгольма уехал вместо Лондона, куда был выписан паспорт, в Берлин, а Думбадзе вернулся в Петроград, ему пришлось написать объяснение для контрразведки Генштаба. Конеч-

но, князь тогда хорошо придумал выдать свое путешествие в Стокгольм как необходимость встречи с представителем американского банкира Моргана. Конечно, пришлось доложить, что в Стокгольме они с Мачабели подслушали разговоры о том, что немцы на Кавказе усиленно разжигают сепаратистские движения и что ищут для этой цели агентуру. Разумеется, они решили втереться в доверие к германцам и выдать себя за сторонников отделения Грузии от России.

Мачабели был готов «жертвовать собой» и отправился в Берлин, где его очень тепло встретили, ввели в самые высокие круги и предоставили отдельный кабинет в министерстве иностранных дел Германии. А он, Думбадзе, вернулся в Петроград, чтобы связаться с Генеральным штабом и по его заданию поехать на связь к князю Георгию...

За лесистыми островками показались остроконечные шпили стокгольмских церквей, по-шведски — чюрок. Осталось не более получаса хода до пристани...

В памяти встали встречи с военным министром Сухомлиновым после возвращения в прошлый раз из Стокгольма. Владимир Александрович благословил тогда на новую поездку. «Узнайте, голубчик, какое настроение в Берлине, насколько там стало трудно с продовольствием и насчет других нехваток», — говорил военный министр, но чего-то не договаривал. Ну да ладно! Вместо него точки над «и» поставил друг и благодетель, граф Воронцов-Дашков, сын самого наместника императора на Кавказе... Князю Василию лестно, что такая персона почтила его своим вниманием и поверяет важные государственные мысли... А мысли у графа — великие!.. Это он правильно придумал, чтобы князь Василий не мозолил глаза в Царском Селе и не встречался бы прилюдно с генералом Мосоловым... Ведь известно, что у Бьюкенена и Палеолога везде есть свои глаза и уши.

Зачем лишние разговоры среди «общественности»?! Ни к чему! Курьеры могут быстро доставлять князю письма и записки генерала. Вот когда благодаря усилиям князя выйдет замирение двух императоров, когда откроются границы для коммерции — тогда князь свое возьмет! Наверное, и чин генерала пожалуют за смелость и услуги...

Князю все ясно, что надо делать! Вот и Старый город показался впереди по курсу, уплыла назад справа

вилла принца Евгения на мысу в парке, а слева потянулись пакгаузы и грузовая гавань... Вот и пролив Стреммен, в котором пресные воды озера Меларен сливаются с солеными волнами заливов Балтики... Старинные здания средневекового города на острове, из которого вырос Стокгольм... Вот уже видны извозчики, носильщики и коляски на Шеппсбрунне... Мягкий толчок бортом о пристань, скрип кранцев, сжатых между корпусом судна и гранитом набережной...

Мощный полицейский не задержался глазом на дипломатическом паспорте князя: «Ваш-гуд!», что означает «Пожалуйста», и суетливый носильщик уже несет чемоданы и баулы элегантного гостя из Петрограда к коляске извозчика.

— «Гранд-отель»! — бросает князь кучеру название лучшей гостиницы. Он даже не оборачивается на багаж — здесь, в северной столице, воровство невозможно: даже если баул от тряски развяжется и упадет на мостовую, первый прохожий или проезжий доставит чужую вещь в полицию, а та разыщет владельца.

Степенно, шагом следует извозчик по брусчатке набережной вдоль старинных домов, как в сказке Андерсена, мимо темно-серой гранитной громады королевского дворца, на который следует почтительно поднять голову, через два коротеньких моста, под которыми вечные рыбаки с плоскодонок ловят в бурных потоках салаку в круглые сетки...

Слева остается величественное здание риксдага *, впереди — за мостом открывается здание Оперы, а подле него, на набережной, лицом ко дворцу — памятник королю Карлу XII. Позеленевшая от времени фигура держит в правой руке шпагу, опущенную к земле, а левую, с указующим перстом — простирает на восток, в сторону России.

Князь сразу вспоминает шутку, которую сообщил в прошлый приезд германский посланник фон Люциус: «Все шведы делятся на две части — одна считает, что Карл указывает на восток и призывает пойти туда отомстить за Полтаву, а другая — что он предупреждает, куда ходить нельзя».

Остроумный князь Георгий, помнится, удачно уточнил, что король Карл указывает перстом на самый лучший ресторан города и рекомендует туда зайти. Гер-

* Риксдаг — парламент Швеции.

манские друзья и фон Люциус долго смеялись, но почему-то, когда посланник попробовал повторить эту шутку в обществе шведов, она встретила гробовое молчание. Может быть, историки обнаружили, будто Карл XII был алкоголиком?..

По случаю войны и нейтрального положения Швеции отель был переполнен. Враги, армии которых бились насмерть на полях сражений, мирно уживались в соседних номерах, иногда — с общей ванной. Финансисты, разведчики, коммерсанты, дорогие шлюхи, подрабатывающие шпионажем, и шпионки, желающие выдать себя за шлюх, наполняли этажи и холлы нового и модного здания. Князь с жилкой авантюриста почувствовал себя как рыба в воде.

Швейцар кивнул груму, грум бросился к извозчику отвязывать багаж, князь, которого здесь запомнили с прошлого приезда, немедленно получил ключи от одного из лучших апартаментов.

Приятный сюрприз ожидал гостя из России в его номере на третьем этаже. Дорогой друг, князь Мачабели, пылко бросился навстречу князю Василию и сердечно обнял его.

— Не будем терять время, дорогой! — вскричал Мачабели. — Посланник фон Люциус ждет нас, он готов вручить нам дипломатические германские паспорта.

— У меня есть одно дело в Стокгольме! — многозначительно поднял вверх руку князь Василий.

— Мой друг! Мы все успеем обсудить! — почти тихо сказал Георгий и добавил: — Билеты на берлинский экспресс я уже заказал. Отъезжаем послезавтра.

Единственное, что испортило настроение князя Василия, — это встреча с гофмаршалом шведского двора, которому он в тот же день передал прошение об аудиенции у Густава V. Чопорный и холодный граф сообщил визитеру о невозможности столь быстро быть принятым королем, которого сейчас нет в столице... Гофмаршал просил также передать пакет от генерала Мосолова ему, а не ждать возвращения его величества из загородной резиденции. Послание из Петрограда будет немедленно направлено адресату.

Граф просил также не стесняться, если потребуется какая-либо помощь шведских властей в деликатной миссии князя, демонстрируя некоторую осведомленность и полнейшие симпатии к молодому эмиссару царя.

Через день чистенький шведский поезд мчал двух друзей через всю Швецию в порт Треллеборг, откуда они на пароме должны были достигнуть германской территории...

Прессбург (Братислава), май 1915 года

Новая встреча Соколова с Гавличеком была назначена на конец мая, но двадцать третьего числа в войну на стороне Антанты вступила Италия и начальник оперативного отдела императорского и королевского Генерального штаба в Вене был настолько загружен планированием обороны по реке Изонцо, что сумел лишь выслать вместо себя связного. Свидание на всякий случай перенесли из Вены в Прессбург, где обстановка была спокойнее, чем в наэлектризованной новой политической неудачей Центральных держав столице империи. «Фердинанд Шульц» вовремя получил сообщение о перемене места встречи и, «инспектируя» по дороге от Праги до Братиславы воинские эшелоны, наводя ужас своей требовательностью на комендантов вокзалов, заблаговременно прибыл в столицу Словакии.

Как всякий уважающий себя офицер Генерального штаба, не привыкший ходить пешком, штабс-капитан заказал себе верховую лошадь. Алексей не только собирался подняться на лошади по крутым уличкам на гору Шлоссберг, где в парке у развалин замка была назначена встреча, но и еще раз проверить — нет ли за ним слежки. Верхом сделать это было проще.

Прекрасное майское утро во всем великолепии распахнуло голубой свод неба над Братиславой, сочной зеленью укрыло уютные домики на холмистых берегах Дуная, напоило воздух ароматом цветов и свежестью быстрой дунайской воды. Алексей неторопливо, по краю, обогнул верхом Рыбную площадь, на которой шумело торжище. По узким Замковым Сходам, как называлась улица, офицер поднялся к замку.

Величественные стены каменного каре смотрели на мир пустыми оконными проемами. Замок сгорел в 1811 году и был с тех пор заброшен. Но он не казался мертвым — тысячи одичавших и диких цветов полонили замковый двор, а вокруг, на склонах Шлоссберга, словно выпал снег — цвели яблони.

Алексей миновал руины и проехал в небольшой парк, разбитый на подпорной стене. Он привязал коня к де-

реву, огляделся, медленно обошел вокруг стен замка. Он был пока совсем один на вершине этого холма.

С удобной деревянной скамьи открывался замечательный вид на город. Справа, недалеко от дунайского берега, возносил в небо позеленевший от времени медный шпиль собор святого Мартина, увенчанный не крестом, а короной — в знак того, что в этом соборе коронуются австрийские императоры как венгерские короли.

Море красных черепичных крыш расстилалось за шпилем св. Мартина, колокольни множества других костелов торчали над крышами, указывая туристу, что живет здесь богобоязненный народ. Легко, полной грудью вдыхал воздух славянского города Алексей.

Приближался час встречи. Чуткое ухо разведчика уловило цоканье лошадиных копыт по булыжнику улочки, ведущей к замку. У бывшей кордегардии, от которой остались лишь две стены, показался экипаж. Возница остановил карету и помог выйти даме.

«Вот сюрприз! — подумал Алексей. — Гавличек прислал вместо себя Младу...»

Кучер лукаво посмотрел вслед красивой и хорошо одетой даме, устремившейся к явно ожидавшему ее офицеру. Он решил, что это встречаются любовники, и деликатно отвернулся.

Офицер галантно поцеловал даме руку, и они неторопливо пошли к руинам по тропинке среди цветов. Млада с восторгом смотрела на Алексея, она не скрывала, что немножко влюблена в него и ей очень приятно быть связной именно Соколова.

Вначале они вели вполне светский разговор, а затем, когда присели на бревно, лежавшее в тени деревьев, перешли к серьезным вещам. Млада отвинтила набалдашник своего кружевного зонтика и вынула из его полой части револьверную пулю.

— Здесь микропленки с ответами на вопросы, которые вы задали в прошлый раз нашему другу... — протянула она на белой ладони это хранилище секретов. Алексей молча достал из кобуры револьвер, отодвинул барабан, извлек из него патрон. С трудом он вынул пулю из гильзы. Вместо нее примерил капсулу — она без труда села на место, словно специально готовилась для него.

— Самая драгоценная пуля австрийского арсенала, — пошутил «штабс-капитан».

— Мне приказано передать вам содержание и на

словах, — деловито продолжила Млада. — На всякий случай запоминайте... Если вдруг вам действительно придется отстреливаться военными тайнами, — с печальным юмором человека, ходящего по острию бритвы, поддержала шутку связная.

— Итак, первое. Эвиденцбюро установило с германской разведкой самый тесный контакт. Штабс-капитан фон Фляйшман прикомандирован к отделу «IIIВ» Большого Генерального штаба Германии. Во главе этого отдела стоит теперь полковник Брозе, Николаи переведен в главную квартиру в Кобленц. В Вену из Германии прибыл для связи с Эвиденцбюро штабс-капитан Гассе, но несколько дней назад заменен военным чиновником Вильгельмом Прейслером, который до войны служил «под крышей» Дрезденского банка. Он осуществлял финансирование наиболее деликатных операций германской разведки, — Млада перевела дух после длинной тирады.

— Второе и самое главное! Эвиденцбюро открыло очень действенный способ проникать в русские секреты. Германцы также развивают этот метод разведки. Заключается он в том, что создана служба подслушивания так называемых искровых сообщений, или радиотелеграфа. Подслушивание радиотелеграмм поручено при главной квартире обер-лейтенантам Земанеку и Маркизетти. Земанек хорошо знает русский язык, ему вменено в обязанность «раскалывать» русские шифры. С той же целью капитан Покорный командирован на радиостанцию 4-й армии. Он перехватил и расшифровал приказ русской Ставки от 14 сентября о том, чтобы все сообщения по радио шифровались новым шифром. Путем сопоставления старых шифрованных радиотелеграмм с новыми, а также благодаря счастливому для австрийской разведки случаю, он теперь может делать переводы всех русских шифрованных радиосообщений...

— А что за случай? — поинтересовался Алексей.

— В середине октября русские снова изменили шифр, но какая-то телеграмма, посланная новым шифром, осталась непонятой одной из частей. Штаб потребовал по радио разъяснений. Ему тотчас послали ту же телеграмму старым шифром. Таким образом и новый сделался немедленно известен капитану Покорному...

— Какие болваны!.. — вырвалось у Соколова.

— Вот, вот! — согласилась Млада. — Австро-германскую осведомленность, как стало известно Эвиденцбюро, русские объясняют ужасным шпионством многих

своих офицеров, особенно носящих немецкие фамилии и близко стоящих к царю и царице. На самом деле, и австрийцы об этом очень сожалеют, в русской действующей армии среди офицерства не много германских шпионов. Те же германофилы, кто сидит в вашей гражданской администрации, не могут угнаться за изменчивой фронтовой обстановкой. Очень долго ваше командование и не догадывалось, что его радиограммы свободно читаются германцами и австрийцами. Не так давно один из австрийских офицеров, наш чех, перешел на русскую сторону и рассказал об этом в контрразведке. Но тогда кто-то из генералов у вас так и не понял его рассказа, а решил, что австрийская разведка купила русские шифры, опять-таки у ваших офицеров... — с явным сожалением пояснила Млада ситуацию.

— Гавличек просил еще передать, что служба прослушивания у австро-германцев так хорошо поставлена, что они установили подробную дислокацию всех русских сил до дивизий включительно. Дошло до того, что Покорный, не знавший, где находится одна дивизия 16-го корпуса 9-й армии, послал по радио русским шифром от имени штаба армии радиотелеграмму с запросом, где, мол, расположен ваш штаб... Представляете!.. Командир дивизии немедленно ответил ему, да еще извинился, что поздно сообщает о передислокации штаба. Вот какая неразбериха царит у вас!.. Впрочем, у нас ее не меньше! — опровергла сама себя Млада.

— Гавличек подчеркивает, — продолжала связная, — что радиоразведка как новое изобретение австрийцев снабжает Генштаб данными тактического, войскового порядка. Оперативный отдел Генерального штаба очень широко пользуется этими данными. В частности, они позволяют контролировать сообщения агентов, завербованных войсковой разведкой на театре военных действий, выявлять среди них двойников... И еще одно. Сейчас Покорный, Земанек и Маркизетти разрабатывают какой-то новый метод засечки или... — Млада вспомнила новое словечко, — «пеленгования» русских радиостанций с нескольких, не менее двух, точек... Тогда по карте можно точно сказать, откуда говорит штаб какой-либо части, и следить за его перемещениями.

— Да, это очень важные сведения... — задумчиво протянул Алексей. Ему, как офицеру Генерального штаба, сразу стало ясно все значение нового способа технической разведки, дающего неоценимые преимущества

стороне, умеющей читать вражеские шифры. Соколов знал, что Россия в области тайного перехвата шифрованных телеграфных сообщений не отставала от своих союзников и противников. Еще в конце русско-японской войны специальная служба успешно дешифровала указания, которые получали американцы, когда граф Витте при их посредничестве вел в Портсмуте переговоры с японцами о мире. Но чтобы так широко и успешно применять радиоразведку на фронтах войны, создать целую службу дешифровки, сеть подслушивающих и пеленгаторных станций — это, конечно, придумали большие специалисты разведки, — отдал должное противнику Алексей.

Это было одно из наиболее важных и срочных сообщений. Его надо было отправить в Петербург по самому быстрому каналу.

У пристани на Дунае загудел пароход, отправлявшийся вверх по реке. Тени от деревьев переместились намного вправо, один из лучей солнца пробился через глазницу оконного проема в стене замка. Пора было расставаться. Пани Яроушек протянула руку Алексею, чтобы он помог ей подняться с бревна.

— Пан скоро поедет отдыхать? — тряхнула она головой.

— Не можно сейчас отдыхать, милая моя пани!..

Млада сделалась вдруг молчалива и грустна. Она прошла несколько шагов вдоль величественной руины замка и сказала, что очень устала.

Соколов проводил ее до кареты, где на козлах мирно похрапывал кучер. Когда Алексей открыл дверцу и подсадил даму в экипаж, возница проснулся и зачмокал на лошадь.

Соколов стоял и держал дверцу открытой, пока Млада усаживалась. Вдруг она резко поднялась, обняла Алексея и крепко его поцеловала.

— Может быть, я вижу тебя в последний раз!.. — словно оправдываясь, прошептала она и громко скомандовала кучеру: — Трогай!

Петроград, май 1915 года

Гостиница «Астория» с первых месяцев войны стала излюбленным местопребыванием различных союзнических миссий и отдельных офицеров Англии и Франции. 350 ее элегантных и комфортабельных номеров, снаб-

женных электрической сигнализацией и всевозможными удобствами, наполняло бравое офицерство.

Известный румынский оркестр Гулеску услаждал по вечерам в ресторане своей страстной музыкой господ военных и их дам, у парадного подъезда длинным рядом стояли моторы военного ведомства, дипломатических представительств и всяческих военно-промышленных организаций, плодившихся с необычайной быстротой.

Глава специальной британской миссии контрразведки, а попросту резидент Сикрет интеллидженс сервис в России сэр Сэмюэль Хор, будущий лидер консервативной партии Великобритании и министр, также квартировал в этом отеле. Но никогда и ни с кем не вел профессиональных, то есть осведомительных бесед в его стенах. Сэр Сэмюэль, хорошо зная возможности разведки, не доверял ни стенам, ни подушкам, ни любому замкнутому пространству. Он полагал, что каждый физический предмет в закрытом помещении может оказаться резонатором для чужих ушей.

Именно поэтому сэр Сэмюэль дожидался в вестибюле прибывшего сегодня в Петроград по вызову посла молодого, но подающего самые радужные надежды генерального консула в Москве сэра Роберта Брюс-Локкарта. Сэр Роберт незадолго до начала войны был прислан Уайтхоллом на должность вице-консула во второй столице России. Он завел среди влиятельных москвичей необыкновенно разветвленные связи и недавно по представлению сэра Джорджа Бьюкенена введен в ранг генерального консула и резидента британской разведки в Москве.

Разумеется, определенную роль сыграли связи семьи Локкарта в Лондоне, особенно богатство его бабки и знакомства на Уайтхолле отца, поскольку перейти из министерства иностранных дел под крылышко разведки удавалось далеко не каждому способному молодому дипломату.

Сэр Сэмюэль лениво почитывал для практики в русском языке газету «Новое время». Изредка он бросал взгляд на часы — свидание было назначено в полдень.

За пару минут до того, как эта варварская пушка в крепости выстрелом обозначила середину дня, заставив вздрогнуть резидента, в вестибюль «Астории» стремительно влетел розовощекий, спортивного вида крепыш, голубоглазый и ослепительнозубый. Он метеором проле-

тел по вестибюлю и остановился как вкопанный, узрев здесь начальника. Мистер Хор легко поднялся из глубокого кресла, крепко пожал руку молодому сотруднику и повел его к выходу.

Когда они ступили на плиты просторной площади, мистер Хор почувствовал себя спокойно и уверенно. Для начала он поинтересовался, в первый ли раз приехал Роберт в Петербург, и получил утвердительный ответ.

На второй полуделовой, полусветский вопрос — нравится ли Локкарту Петроград, сэр Сэмюэль также получил вполне удовлетворительную информацию. Оказалось, что мистер Брюс-Локкарт очень полюбил беспорядочную Москву, а Петроград, несмотря на его сказочную красоту, представляется ему серым и холодным.

— Так под внешностью красавицы блондинки порой скрывается унылое сердце! — пылко высказал свою точку зрения на Петроград молодой человек. Сэр Сэмюэль покровительственно улыбнулся романтическому сравнению.

«Понятно, почему в Москве так любят этого необычно болтливого шотландца!» — подумал про себя холодный и чопорный Хор. Немножко прощупав мальчика вопросами общего характера, сэр Сэмюэль решил перейти к существу дела, по которому Локкарт был вызван из Москвы.

— Сэр Роберт! — негромко сказал резидент. — Мы с вами направляемся сейчас в посольство нашей страны на совещание, которое по специальному указанию из Лондона будет проводить сэр Джордж Бьюкенен...

— Это мне уже сообщили... — нетерпеливо выразил свои ожидания Локкарт.

— Я хотел бы предварить его несколькими своими советами, — невозмутимо продолжал мистер Хор. Молодой человек умолк, поняв, что совершил бестактность — прервал старшего. — Прежде всего расскажите о своих связях в Москве. Кто из москвичей наиболее полезен нам?

Несколько шагов шли молча, Брюс-Локкарт собирался с мыслями. Затем спокойно и деловито принялся перечислять своих осведомителей и агентов.

— Самым важным из тех, кто дает мне информацию, снабжает документами и оказывает влияние в выгодную для нас сторону, пожалуй, является Михаил Челноков, московский городской голова, бывший товарищ предсе-

дателя Государственной думы... — начал он без запинки. — Это великолепный образец русского купца, влюбленный в Англию и жаждущий делать с нами дела. Из-за этого он готов осведомлять меня по любым вопросам... Через него я близко познакомился с видными московскими деятелями — князем Львовым, Василием Маклаковым, Кокошкиным, Мануйловым. От этих и других господ, но в первую очередь — от Челнокова, я получил экземпляры тех секретных резолюций, которые выносились влиятельными и мятежными царю российскими организациями — Земским союзом, главой которого является князь Львов, и Союзом городов, душой которого стал Челноков... Он же снабжает меня секретными документами Московской городской думы; через него и Львова я получил секретные резолюции, вынесенные кадетской партией в Петрограде, копию письма Родзянки премьеру...

— Это великолепно! — дал оценку действиям молодого разведчика резидент. — Многие из этих бумаг поступили впервые в посольство от вас, и Лондон был очень доволен этой информацией... Продолжайте, сэр Роберт!..

— Князь Львов и Челноков регулярно снабжают меня последними цифрами русской военной продукции и сведениями о борьбе вокруг военных заказов в торгово-промышленной среде...

— Это очень важно, ибо представляет рычаг влияния на всех этих Тит Титычей... — прозвище русских купцов мистер Хор смог произнести даже по-русски.

— Среди моих знакомых в Москве, на кого можно оказывать влияние в британских интересах, — член Думы Гучков, господин Брянский, молодой, но очень перспективный промышленник Коновалов... Простите, сэр, я забыл, что довольно коротко знаком с самым большим англофилом среди великих князей, Дмитрием Павловичем...

— Я полагал, что большего друга Англии, чем великий князь Николай Михайлович, в России не имеется... — пошутил сэр Хор. — Впрочем, — прервал он шутку, — к великому князю Дмитрию Павловичу больше подходов не делайте — с ним связан другой наш сотрудник, и вы можете только привлечь к его высочеству ненужный интерес!

— Активизировать ли работу с Кокошкиным и Мануйловым, сэр? — поинтересовался Локкарт.

— А кто они? — ответил вопросом на вопрос Хор.

— Кокошкин — крупный московский специалист по международному праву. Мануйлов — ректор Московского университета, оба — убежденные либералы...

— Получайте от них информацию, но не толкайте их в политику. Либералы, особенно русские — пустые болтуны, за которыми никто не пойдет... — посоветовал сэр Сэмюэль.

Они вышли на Дворцовую площадь. Высокомерные англичане остановились, завороженные совершенством пропорций, найденных русскими архитекторами, но обсуждать это не стали. Продолжили деловой разговор.

Мистер Хор посоветовал своему молодому сотруднику сделать на совещании у посла короткий анализ политического положения в Москве, но не называть имен информаторов. Резидент был уверен, что посол питает опасные иллюзии относительно патриотических чувств и верноподданнических настроений в первопрестольной столице.

Прогулка пешком до здания английского посольства была весьма плодотворной для разведчиков, особенно для молодого Локкарта. Бывший дипломат, а ныне резидент в Москве впитывал в себя премудрости разведывательной работы, которыми щедро делился с ним старый разведчик. Хору был симпатичен Брюс-Локкарт. Он решил повозиться с ним, чтобы сделать из шотландца профессионала высокого класса...

На площади у Троицкого моста внимание Локкарта привлекла бронзовая фигура Марса, держащая в правой руке меч, а в левой — щит; щит закрывал папскую тиару и две короны — сардинскую и неаполитанскую. Роберт с любопытством остановился подле памятника.

— Сэр, это отнюдь не бог войны, — разочаровал его Хор. — Это русский полководец Суворов! Не правда ли, неудачный плод любви русских к классической аллегории!

Локкарт промычал что-то нечленораздельное, долженствующее выражать согласие с мнением господина резидента. Он еще не установил, кто такой Суворов, и как истинный бритт должен к нему относиться.

Подъезд посольства оказался за углом, с набережной. Бородатый швейцар с маленькими, заплывшими жиром глазками, снял с господ плащи. Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж, где посетителей встретил канцелярский служитель Эвери. Господа явились на четверть часа раньше. По их желанию Эвери про-

водил соотечественников через небольшой коридор в канцелярию посольства.

В тесной неудобной комнате, заставленной столами и шкафами, на которых красовались муляжи неизвестно кем пойманных крупных форелей, с десяток молодых чиновников лихо стучали на машинках. Все разом они оторвались от своих пишущих аппаратов и обратились к вошедшим. Глава клерков, Бенджи Брюс, атлетически сложенный, высокого роста белокурый красавец с аккуратнейшим пробором и румянцем во всю щеку, поднялся от своей машинки и подошел познакомиться с новичком.

— Мистер Локкарт — мистер Брюс! — коротко представил сэр Сэмюэль своего спутника, и все сразу заулыбались — здесь хорошо знали по бумагам, приходящим из Москвы, генерального консула Великобритании.

— Здесь шифруют ваши великолепные донесения перед отправкой в Лондон! — польстил новому знакомцу Бенджи Брюс.

— Благодарю вас, я буду стараться! — скромно ответил новичок.

Сэр Хор ушел к послу, а молодые люди поболтали минут десять, пока Локкарта и Брюса тот же Эвери не пригласил в кабинет министра его величества сэра Джорджа Бьюкенена.

Петроград, май 1915 года

Господин посол, маленький тщедушный человек с утомленным выражением глаз, один из которых был прикрыт моноклем, еле виднелся в своем старинном кресле с высокой спинкой. Рядом с его столом уже сидели полковник Нокс, военный атташе, сэр Хор — главный резидент СИС в России, советник О'Берни и капитан Смит, коммерческий атташе, ведавший экономической разведкой.

Совещание открыл посол.

— Джентльмены! — прозвучал из глубины кресла мощный бас, совсем не соответствующий хилому телу Бьюкенена, — вопрос, ради которого мы собрались сегодня здесь, на этом клочке британской территории, исключительной важности и секретности. Лондон прислал нам полученные из Германии совершенно достоверные сведения о том, что русский царь и царица ищут контакта с германским императором на предмет заключения сепаратного мира. Такой не санкционированный нами

выход России из войны поставит под угрозу существование Великобритании, ее интересы во всем мире и в первую очередь в Европе и на Ближнем Востоке... Мой французский коллега, господин Палеолог, располагает аналогичными сведениями из источников, близких к российскому императору, в частности из его семьи, то есть от великих князей...

«Как ловко старый дипломат ушел от того, чтобы сослаться на своего главного осведомителя — великого князя Николая Михайловича!..» — подумал сэр Сэмюэль. Посол тем временем продолжал.

— Нет сомнений, что царь взял на себя тяжелую ответственность перед историей и той здоровой частью своего народа, которая разделяет с союзниками ответственность войны, — высокопарно говорил Бьюкенен. Старый циник Хор мысленно поморщился: в таком узком кругу можно было бы говорить откровеннее.

— Возникает совершенно реальная опасность скорого выхода России из войны, решения ею своих вопросов полюбовно с Берлином и, как следствие, поворот всех германских армий и австро-венгерских войск против англо-французской коалиции на Западном фронте. Франция может быть разгромлена в таком случае за несколько недель, и перед нами встанет мрачная перспектива остаться в одиночестве против превосходящих сил противника и вести с ним переговоры на его условиях. Вот к чему может привести сепаратный мир России и Германии...

Посол помолчал.

— Джентльмены, мы имеем на этот случай совершенно категоричное указание Лондона привести в действие план «А»...

Локкарт с удивлением посмотрел на сэра Сэмюэля, тот наклонился к его уху и прошептал:

— От слова «абдикейшн» *...

Сметливый шотландец понял смысл плана: толкнуть российского самодержца к отречению от престола. Кого же Лондон планирует поставить во главе России? Локкарт навострил уши.

— От имени кабинета его величества я санкционирую начало всех действий по плану «А»! — торжественно провозгласил господин посол, и озабоченные лица англичан стали проясняться.

* Отречение.

— Теперь у нас развязаны руки! — с облегчением вымолвил полковник Нокс.

— Прошу высказаться самого молодого участника совещания! — любезно кивнул Бьюкенен Локкарту. Сэр Роберт мгновенно вспомнил все наставления, сделанные ему мистером Хором, поднялся со своего стула и не торопясь, солидно принялся делать обзор политического положения в Москве.

— Москва перешла от оптимизма в отношении войны к полному пессимизму. Германофильские настроения царицы, о которых усиленно твердят в общественных кругах, вызывают в Москве бурю возмущения. Правда, теперь эта буря почти улеглась, но при умелом дирижировании вновь можно будет возбудить русских против их правительства. Москва далека от линии фронта, и лучшая часть ее общественности — буржуазия — не унывает, а живет довольно веселой жизнью...

«Мальчик, наверное, волнуется и его мысли поэтому лишены глубины и блеска», — с сожалением подумал Хор, но внешне остался бестрепетен.

— В Москву стекаются десятки тысяч беженцев из районов, прилегающих к фронту. Беженцы представляют собой исключительно ценный противоправительственный горючий материал... Крупные промышленники и купцы Москвы весьма недовольны царем и его окружением... Другой полюс недовольства — революционеры. Их всегда было много во второй столице России... Мои осведомители доносят, что резко усилилась социал-демократическая агитация на заводах и фабриках... Английские специалисты в провинциальных текстильных предприятиях, а их вокруг Москвы несколько десятков, если не сотен, сообщают, что социалистическая агитация среди рабочих направлена как против войны, так и против правительства и собственников... Раненые не желают возвращаться на фронт... В самой Москве произошел голодный бунт, и толпа избила помощника градоначальника... Из полицейских источников мне известно, что власти намерены канализировать возбуждение народа в Москве против носителей германских фамилий и немецких коммерсантов, которых в первопрестольной несколько тысяч, и отвлечь тем самым от недовольства правительством...

Присутствующие с глубоким вниманием слушали обзор Локкарта. Поощренный интересом, он продолжал:

— Я могу предсказать, что в течение ближайшего месяца в Москве произойдет крупный погром... Разумеет-

ся, я не собираюсь вмешиваться, даже если пострадает британское имущество — ведь все издержки от безобразий падут на голову русского царя и добавят пищи для недовольства...

— Совершенно верно! — одобрил коротко посол и вновь изобразил особое внимание к словам Локкарта.

— Мне представляется, — смело продолжал генеральный консул, — что Москва становится весьма важным центром оппозиции Романовым, весьма мощным бастионом буржуазии... Правда, не следует преуменьшать роли социалистических агитаторов среди московского рабочего сословия, но в целом оно направляется демократической общественностью — я имею в виду такие влиятельные антиправительственные организации, как Союз городов и Земский союз, признанной столицей которых является Москва... Именно московские центры этих союзов выдвигают лозунг о том, что война не может быть выиграна, пока в Петербурге, при дворе, не будет устранено влияние темных элементов... Из Москвы по всей империи идут резолюции думских и других кругов, требующие образования Кабинета национальной обороны, или общественного доверия. Нет сомнений, что за этими резолюциями стоит крупный московский торговый и промышленный капитал, который таким путем хотел бы разделить власть в России с царской семьей, а может быть, и править единолично... Забастовки, политическое недовольство, объединение кругов оппозиции в своего рода таран против царского двора — таковы приметы середины 1915 года в Москве...

Сэр Джордж с тихим одобрением смотрел на Локкарта, сэр Сэмюэль радовался успеху талантливого молодого сотрудника, который обещал стать хорошим помощником. Полковник же Нокс почувствовал соперника в новичке и, хотя тщательно записывал для себя тезисы доклада Локкарта, подумывал о том, как бы осадить зарвавшегося нахала, вообразившего себя повелителем Москвы.

— Джентльмены, можно констатировать, — подвел итоги сэр Джордж, — что мистер Локкарт весьма тонко понимает свои задачи, связанные с выполнением плана «А» в части, касающейся Москвы... Пожелаем ему удачи и послушаем капитана Смита об отношении коммерческих кругов Петрограда к событиям в столице и на фронте!

Коммерческий атташе поведал о том, что не только

в придворных сферах вынашиваются идеи сепаратного мира с Германией. В России появилась группа «банковских пацифистов», которые делают ставку на замирение с германскими финансовыми кругами. Посольство пристально следило за комбинациями таких банкиров и промышленников, как Игнатий Манус, Дмитрий Рубинштейн, Алексей Путилов, Александр Вышнеградский...

Господин генеральный консул внимательно прослушал своих коллег, демонстрировавших изрядные познания о России, знакомство с характером и взглядами ее партий и деятелей. Единственно, с чем он был не согласен, это с оценкой позиции большевистской партии. Английские дипломаты почти совершенно не брали ее в расчет, хотя здесь, в Петербурге, именно большевистские агитаторы острее всех выступали против царизма и войны, завоевывали на свою сторону рабочую массу. Сам Локкарт отнюдь не преуменьшал ее значения, но не хотел идти против общего мнения. Ревнитель британских интересов, как и его шефы, Локкарт хорошо усвоил задачу, поставленную начальством: всячески помогать консолидации буржуазных сил в России, их борьбе с самодержавием за власть.

Берлин, июнь 1915 года

Двухтрубный паром «Дроттнинг Виктория» с вагонами экспресса Стокгольм — Берлин на борту покрыл за четыре часа расстояние между шведским портом Треллеборг и германским Зассниц. Когда корма парома прочно соединилась с причалом, а небольшой состав был извлечен на берег станционной «кукушкой», князья Мачабели и Думбадзе вздохнули облегченно. Под ними вновь оказалась твердая земля. К тому же князь Василий почему-то вообразил, что паром может наткнуться на плавучую мину, одну из тех, что весенние штормы сорвали где-нибудь в Балтике и гоняют по всему морю. Чтобы быть готовым бороться за свою драгоценную жизнь, князь Василий все четыре часа путешествия старался держаться поближе к спасательным лодкам.

Теперь все страхи были позади, а действительность превзошла самые радужные ожидания. Рядом с офицерами пограничной стражи и таможенниками стоял на дебаркадере железнодорожного вокзала капитан Генерального штаба. Едва завидев выходящих из вагона первого класса князей, он сделал знак местным властям,

чтобы те и не приближались к дорогим гостям. Пока остальных путешественников нещадно трясли инспектора таможни и пограничной стражи, учитывая военное время и возможный шпионаж, капитан провел Думбадзе и Мачабели в вокзальный буфет.

Не доезжая до Берлина, в Ораниенбурге, другой офицер Генерального штаба, уже в чине майора, встретил высокопоставленных путешественников. Майор радушно приветствовал их, вручил хлебные талоны, без которых в Берлине невозможно было даже перекусить.

В разгар солнечного дня князь Василий и князь Георгий высадились на Штеттинском вокзале и отправились на постой в отель «Адлон» — поближе к министерству иностранных дел.

Дипломатические паспорта путешественников из Швеции не произвели никакого впечатления на портье. Отбирая их для представления в полицию, администратор с легким вызовом сообщил гостям, что им надлежит ежедневно самим отмечаться в ближайшем участке. Пылкий князь Василий от этого несколько растерялся, а более старший и опытный князь Георгий только улыбнулся.

Князья заняли королевские апартаменты, о которых, видимо, заранее позаботился князь Мачабели.

В тот же вечер у подъезда отеля зазвучали клаксоны сразу нескольких автомобилей. К гостям из России пожаловали высокопоставленные персоны: заместитель министра иностранных дел Циммерман — тучный, коротко остриженный господин высокого роста, бывший посол в Петербурге граф Пурталес — сухой, розовощекий и седой, с белесыми глазами. Граф Пурталес, как успел сообщить князь Мачабели своему другу, ведал теперь русские дела на Вильгельмштрассе. Секретарь министерства иностранных дел, вылощенный и причесанный на французский манер, фон Везендонг замыкал шествие.

Господа из России не представляли верительных грамот. Господам немецким дипломатам были известны цели их приезда. Тайная дипломатическая конференция уполномоченных из России и представителей германской империи велась без протокола и выглядела как обычная светская беседа. Несколько минут российские эмиссары и немецкие дипломаты только улыбались друг другу.

Циммерман улыбался солидно и уверенно в себе. Фон Пурталес — немного страдальчески, — он никак не

мог забыть своих слез на груди Сазонова в день вручения ноты с объявлением войны, фон Везендонг улыбался загадочно, словно сфинкс. Князь Георгий, давно знакомый по светским салонам Берлина и еще кое по каким делам со всеми прибывшими господами, улыбался лениво и покровительственно посматривал на князя Василия, словно приглашая его начать разговор. Князь Василий улыбался несколько подобострастно главе германских представителей, как старому знакомому — графу Пурталесу и довольно прохладно — фон Везендонгу. Он считал, что секретарь министерства иностранных дел обязан был заранее позаботиться о том, чтобы князьям не нанесли оскорбления в холле гостиницы, обязав являться каждый день в полицию.

Циммерман начал беседу с вопроса, как гости доехали. Пылкий князь Василий высказал глубокую благодарность, и разговор потек в желанном русле.

Поговорили и о войне. Фон Везендонг ругательски ругал англичан и французов, возмущался тем, что они затягивают войну и не хотят мира. Почти извиняясь, секретарь министерства объяснил, что жестокие приемы войны и удушливые газы, которые германская сторона пустила в ход, придуманы не против России, а против ее западных союзников, чтобы заставить их скорее пойти на капитуляцию.

Дипломаты осторожно поругивали Генеральный штаб, который якобы втравил Германию в войну против России. Обтекаемые и многословные речи Циммермана и Пурталеса искусно вели к моменту, когда можно будет прямо заговорить о мире между Германией и Россией.

Наконец граф Пурталес, как лицо наиболее симпатизирующее Петербургу, сказал словно невзначай:

— Германия так хочет пойти на мир с Россией, что готова даже выплатить десять миллиардов за причиненное экономическое расстройство и разорение занятых германскими войсками местностей...

— Позвольте записать, ваше превосходительство, эту цифру для доклада в Петрограде?.. — ляпнул вдруг князь Василий, показав, что до истинного дипломата ему еще очень далеко.

«Зачем спрашиваешь?.. — мысленно зашипел на него князь Георгий. — Ты что, запомнить такую цифру не в состоянии?!»

Но все обошлось, немцы не изволили заметить вопро-

са пылкого молодого человека, и разговор покатился дальше. Господа с воодушевлением сообщили друг другу, что ни их государи, ни народы не питают зла соответственно к Германии и России, а что касается армий — то противники искренне уважают друг друга...

Программу пребывания князей в Берлине подробно не обсуждали, но фон Везендонг на всякий случай спросил князя Василия, не будет ли он против, если завтра гостей примет начальник Генерального штаба Фалькенгайн? Думбадзе выразил глубокое удовольствие. Фон Везендонг отметил, что одной из главных тем беседы в Генеральном штабе, будет, по-видимому, положение германских пленных в России, на что князь Василий дал очень тонкий ответ. Он заявил, что положение русских пленных в Германии сильно волнует не только общественность Петрограда и всей России, но и самое императрицу...

— О-о! — сказали германские дипломаты. Они воспользовались случаем и еще раз заверили в своем совершеннейшем почтении к их величествам Николаю и Александре. Князь Мачабели излил в ответ свой и князя Василия восторг перед мудростью его величества кайзера, который покровительствует выдающимся дипломатам в поисках путей к миру. Циммерман и Пурталес его построений не опровергли, из чего эмиссары сделали правильный вывод: Вильгельм Второй хорошо знает об их приезде в Берлин.

Всем было понятно, что имена высоких особ в первоначальные контакты о сепаратном мире мешать не стоит, поэтому ограничились довольно скромными изъявлениями почтения.

Посудачили об общих знакомых в Берлине и Петербурге под коньяк, оказавшийся французским. «Награблен во Франции», — безошибочно решил князь Василий. Затем гости попрощались...

На второй день князья были приглашены в Генеральный штаб. Их принял сам начальник Эрих Фалькенгайн.

Казалось, князья Василий и Георгий своим приездом в Берлин доставили генерал-лейтенанту отменное удовольствие. Будучи занятым человеком, генерал не стал тратить время на светские разговоры — он вызвал в кабинет нескольких важных военных, в том числе и майора Генерального штаба профессора Бэрена, и его начальника — полковника, в ведении которых находи-

лись военнопленные. Поговорили об улучшении положения этих несчастных офицеров и солдат.

Майор профессор Бэрен, как младший в чине, изображал на лице внимание к гостям из России. Начал разговор генерал, помощник военного министра.

— Ваше сиятельство! — уронил он монокль из глаза. — Не могли бы вы через ваши связи в высших кругах России — я имею в виду вашу дружбу со старшим сыном графа Воронцова-Дашкова, а также через вашего друга и покровителя, военного министра, его высокопревосходительство генерал-адъютанта Сухомлинова, или через другие доступные вам каналы найти возможность облегчить положение германским офицерам и солдатам, пребывающим в русском плену?

Думбадзе понял, что это — одно из условий начала серьезных переговоров о будущем мире.

— Безусловно! — затараторил он. — Прежде всего я хотел бы заверить господ офицеров в том, что германские военнопленные в России находятся в прекрасных условиях, и отношение к ним самое гуманное...

Князь Мачабели решил поддержать друга. Он положил свою ладонь на его руку. Князь Василий умолк. Князь Георгий принялся более спокойно рассказывать, как хорошо живут в России военнопленные.

Рассказ князя Мачабели, показавшего себя знатоком проблемы, растрогал немцев. Генерал Фалькенгайн немедленно распорядился подготовить приказ об улучшении отношения к русским военнопленным в Германии. В доказательство своей искренности он поручил майору Бэрену завтра же опубликовать приказ во всех газетах для сведения тех немецких хозяев, на фермах и предприятиях которых работают русские.

Эмиссары из Петрограда обрадовались любезности Фалькенгайна. Ведь сообщения германских газет о приказе начальника Большого Генерального штаба, без сомнения, скоро попадут через Копенгаген в руки государыне и она узнает, что ее воля выполнена князем Василием и князем Георгием.

Думбадзе позволил себе смелость подвести итог.

— Я предлагаю, ваше высокопревосходительство, — повернулся он всем туловищем к хозяину, — дабы окончательно решить этот вопрос, обменяться особоуполномоченными, облеченными исключительным доверием своих государей...

Он высказал эту длинную и замысловатую формулу

в расчете, что будет назначен таким уполномоченным от Царского Села. Таким образом, полагал князь, он сможет продолжать и дальше столь важное, секретное и историческое дело, как сепаратные переговоры о мире.

— Согласен! — решительно отреагировал Фалькенгайн, снова показав, что у него есть на это санкция носителя верховной власти. Генерал поднялся, давая понять, что конференция в Генеральном штабе на сегодня закончилась. Он не стал прощаться с гостями, обещая увидеть их вечером. Фалькенгайн передал им приглашение племянника фон Мольтке, лейтенанта гвардии Бэтузи-Хук, который решил дать в честь грузинских друзей ужин на берлинской квартире. Князья пришли в восторг — золотая молодежь Берлина их не забыла.

Потсдам, июнь 1915 года

Парк Сан-Суси особенно хорош солнечным летним утром. Тысячи роз радуют глаз человека, гуляющего по его аллеям. В чистом желтом песке на дорожках не стучат даже подкованные сапоги, и идти по нему — словно по ковру гостиной. Германский император очень любил совершать здесь свой утренний моцион в сопровождении дежурного адъютанта. Иногда на ходу, словно великий Наполеон Бонапарт, принимал он важные решения, которые должны повернуть историю вспять.

Сегодня утром, например, ему казалось, что он держит такое решение уже в руках. Сепаратный мир с Россией! Ведь это перевернет всю европейскую политику и окажет решающее влияние на ход войны.

«Если Россия выйдет из войны — ради такого можно отдать и десять миллиардов марок и посулить Константинополь, — всю мощь германской армии повернем на Запад. Разгром Франции за пару недель гарантирован... Англия лишается своего союзника на континенте. После этого, как и Наполеон Бонапарт, объявляем континентальную блокаду Британии, подводными лодками топим весь тоннаж, который она сможет собрать по миру, чтобы не умереть на своих островах с голоду... Тем самым ликвидируем недовольство затяжной войной в Германии — слава богу, что химики нашли способ получения азота из воздуха, иначе пришлось бы остановить пороховые заводы... Франция заплатит контрибуцию, которая во много раз покроет те десять миллиардов, которые мы

выдадим России. Экономически империя Романовых будет плясать под нашу дудку, поскольку мы — естественный барьер между Европой и Россией. Никакие русские товары не проникнут мимо нас на европейский рынок...»

— Так в каком положении дела с русскими эмиссарами? — спрашивает кайзер своего адъютанта.

— Ваше величество! — подтянулся на ходу офицер. — Министр иностранных дел и начальник Генерального штаба доложили, что все идет по намеченному плану. Князья готовы стать посредниками и передать наши предложения в Петербург.

— Да, да! Я помню этого молодого Думбадзе... Полковник Николаи подробно докладывал мне о его связях при дворе кузена... Как они ведут себя в Берлине?

— Я видел их вчера на вечере у графа Бэтузн-Хук... — решил поделиться своими наблюдениями адъютант. — Они очень светские люди, и все было так, как вы утвердили, государь! Немецкие гости графа отзывались о русских прямо-таки восторженно, хвалили русских офицеров и солдат, хвалили Россию...

— Надеюсь, не слишком?! — уточнил кайзер.

— Разумеется, ваше величество! Но, согласно предписанию, позволено было небольшому струнному оркестру, приглашенному на этот вечер, сыграть русский гимн «Боже, царя храни!»...

— Продолжайте в этом духе... А как наш австрийский «медлительный блестящий секундант»? Фон Гетцендорф все еще разрабатывает план отделения Австрии от Германии и заключение собственного сепаратного мира с Россией?

— Так точно, ваше величество! Полковник Николаи просил доложить, что по данным, полученным от его агентуры в австрийском Генеральном штабе, фон Гетцендорф решил предложить России следующие условия: отдать ей Галицию вплоть до реки Сан, признать сферой ее влияния Румынию и Болгарию, дать согласие на то, чтобы России принадлежало главенство над проливами.

— Их побили в Галиции, они и готовы теперь ее отдать!.. — злобно рявкнул кайзер, его настроение начало портиться. — Ведь вместе с нашими представителями в имение к фрейлине Васильчиковой выезжал и австрийский эмиссар — они решили идти по нашим стопам... Но я им покажу, как вести сепаратные переговоры...

Несколько шагов император сделал молча, обдумывая какую-то новую мысль.

— А как обстоят дела у наших банковских деятелей? — обратился Вильгельм к доверенному спутнику. — Фон Ягов переговорил уже с директором «Дойче банк» Монквицем? Я говорил министру, что воздействие на русских надо вести одновременно и по этой, весьма чувствительной для Петербурга линии — финансовой! Интересы очень многих людей в российской столице тесно переплетаются на банковской ниве с германскими... Даже если взять этого коммерсанта, как его... Я имею в виду самого крупного акционера Петербургского международного банка...

— Ваше величество имеет в виду господина Мануса? — напомнил имя финансиста адъютант.

— Именно его, — отрубил император. — Передайте фон Ягову, чтобы он ускорил поездку в Стокгольм Монквица. В Швеции банкиру надлежит связаться с коммерсантом Гуревичем, бывшим председателем варшавского отделения общества «Мазут». Он теперь обеспечивает связь наших финансистов через Стокгольм с Петербургом... Впрочем, надо подумать... Гуревич, наверное, резидент русской разведки...

— О, ваше величество! — восхитился адъютант. — Как полно вы держите в голове все обстоятельства этого важного дела!

— Оно действительно важное, мой мальчик! Мы не только готовим для себя мир с Россией, но и подрываем единство Сердечного согласия, возбуждаем англичан против русских и заставляем Францию дрожать от злости!.. Передай фон Ягову, чтобы он не оставлял усилий воздействовать на царя и царицу, — при слове «царица» лицо Вильгельма перекосила ухмылка, — через Васильчикову... Нам известно, что ее письма точно попали в цель, и приезд Думбадзе связан с ее корреспонденцией... Надо подумать о том, не направить ли нам фрейлину в Петербург. Правда, Васильчикова крайне глупа... Хотя в делах, которые лежат на поверхности, ее глупость может нам сослужить неплохую службу... Хм!.. Глупость подобна бомбе замедленного действия... — сострил император.

— Ваше величество, это колоссально! Это — великая мысль великого императора! — искренне восхитился адъютант. — Позвольте это записать, ваше величество?

Адъютант ловким движением вынул блокнотик и серебряный карандаш.

— После этого изречения императора, — сказал о себе в третьем лице Вильгельм, — пометьте, что герцог гессенский Эрнст, брат Александры, должен постоянно в своих письмах к сестре отмечать важность нашего с Николаем замирения и предотвращения таким образом падения русского трона. Пусть почаще пишет сестре... Пусть подчеркивает, что Англия и Франция никогда не отдадут России Константинополь, а сейчас плетут хитроумные интриги против царского двора... Полагаю, это убедит моих родственничков в Петербурге!

Мельник, июнь 1915 года

Очередная встреча Соколова со Стечишиным была назначена в трех десятках километров от Праги, в виноградарском городишке Мельник, стоящем на холме при слиянии Лабы и Влтавы. В маленьком городе, излюбленном месте отдыха пражан, можно было легко найти укромный уголок для продолжительной беседы.

В старинной гостинице «У моста», стоящей на пражской дороге, там, где она выходит из Мельника и следует дальше на север по берегу полноводной Лабы, штабс-капитан императорского и королевского Генерального штаба «Фердинанд Шульц» в пятницу вечером потребовал себе два номера рядом, обязательно с окнами на Лабу. Второй номер офицер абонировал для богатого пражанина, пожелавшего провести конец недели со своим родственником на лоне природы в центре чешского виноделия.

Филимон прибыл утром в наемной машине. Соколов завтракал в это время на балконе. Он с удивлением увидел, как Стечишин и хозяин гостиницы, вышедший на шум авто, сердечно обнялись. Когда раздался стук в дверь и она отворилась, Алексей увидел сначала источающую дружелюбие и радость физиономию трактирщика, а затем широко улыбающегося Филимона.

— Это мой старый друг Франта! — похлопал по плечу хозяина Стечишин. — Он патриот не только Мельника, но и свободной Чехии!.. А это — штабс-капитан Шульц из Вены, симпатизирующий славянам, поскольку его жена — чешка... — представил Соколова старый разведчик.

— Рад видеть вас под моим кровом, драгоценней-

шие господа! — поклонился трактирщик, — я прикажу принести самые сокровенные кувшины из подвалов...

— Что угодно, Франта, — безразлично отозвался Стечишин. — Покажи мою комнату...

Филимон за последние месяцы сильно сдал. Видимо, сказывалась усталость от целого года войны, ежечасный риск, которому он подвергался, напряженная работа... Соколов с огорчением отметил, что его еще недавно моложавое лицо здоровяка осунулось и покрылось мелкими морщинками, походка перестала быть пружинистой и легкой, фигура сгорбилась. Однако глаза горели неукротимым огнем по-прежнему, излучали силу и ум.

Выходить из гостиницы на пустынную улицу и привлекать к себе излишнее внимание соратникам не хотелось. Тем более что там царил зной. Здесь же, в комнатах окнами на север, среди толстых каменных стен было прохладно и тихо. Трактирщик уже успел выполнить свое обещание, и полдюжины глиняных кувшинов с белым вином «Людмила» стояло на простом дощатом столе в покое Филимона.

Алексей принес с балкона два удобных плетеных кресла. Филимон закурил свою неизменную сигару. Совещание началось.

Стечишин без промедления сделал обзор работы группы, Соколов набрасывал в записной книжке особым кодом некоторые цифры и данные. Голос Стечишина звучал глухо, а в тоне проскальзывали нотки печали и озабоченности. Алексей поначалу отнес это к усталости Филимона, к тому, что в Галиции продолжалось германо-австрийское наступление и русская армия, теснимая превосходящими силами противника, вынуждена была отходить, оставляя эту славянскую землю на растерзание австро-германским грабителям и насильникам.

Он решил было, что произошло какое-то несчастье с одним из чешских разведчиков и резидент печален потому, что пока не знает о судьбе своего человека.

— В Праге все в порядке! — коротко ответил Филимон. Он был очень доволен тем, что депутат рейхсрата, профессор Томаш Массарик, активно сотрудничавший с русской разведкой, сумел под предлогом болезни дочери получить заграничный паспорт и выехать вместе со всей семьей в Швейцарию. Массарик был самой крупной фигурой в антиавстрийской борьбе чехов, и Эвиденцбюро уже начало свою охоту за ним. Без сомнения,

профессор мог значительно больше принести пользы, сплачивая ряды борцов за пределами страны, чем сидя в австрийской тюрьме...

Массарик сумел создать целую разведывательную сеть, которая не только собирала чисто военные сведения о передвижениях германских и австрийских войск, но и вела серьезную работу по укреплению славянской солидарности, разложению чешских полков, умело применяя для этого русские листовки, разбрасываемые на фронте русскими аэропланами.

Когда Филимон закончил свой рассказ о Массарике, краткое оживление его снова сменилось глухой печалью.

— Филимон, друг мой! — заглянул ему в глаза Алексей. — Что с тобой творится?! Ты словно заболел! Может быть, мы переправим тебя через Румынию, где фронт еще не установился, в Россию и ты сможешь отдохнуть в Крыму? Увидишь свою жену!.. За тобой же пока не охотятся!

— Не беспокойся, брат мой! — с тяжелым вздохом ответил Стечишин. — Я не устал и не болен... Я подавлен тем, что увидел в двух концентрационных лагерях... Это дьявольская выдумка австрийцев — создать невыносимый ад на земле для людей, которые виновны только в том, что считают себя русскими и говорят на русском языке...

До Соколова и раньше доходили слухи, что власти Австро-Венгрии интернировали, словно военнопленных, собственных подданных-русинов, живших на Галичине, в Буковине и Карпатской Руси. По государственной логике Австрии, вся верная национальным традициям, сознательная часть русского населения Прикарпатья была сразу же объявлена «изменниками» и «шпионами», «русофилами» и «пособниками русской армии». С первых дней военных действий тех русин, кто осмеливался признавать себя русским, употреблял русский язык, хвалил Россию, — арестовывали, сажали в тюрьмы, а иногда и убивали без суда и следствия. Австро-венгерские войска начали свои зверства еще тогда, когда под ударами русских войск отступали из Галиции. Теперь же, после Горлицкого прорыва и обратного завоевания Лемковщины, как назывались районы Прикарпатья, населенные лемками или русинами, наступил второй акт драмы.

Священников, благословлявших русские войска,

освободившие Галичину, австрийские военные власти теперь приговаривали к смерти. Крестьян, «виновных» в том, что они продали корову или пару свиней русскому интендантству, — тащили на виселицу. Интеллигентов, руководивших просветительными кружками и обществами, бросали в заключение...

Проглотив комок горечи, Филимон Стечишин, уроженец Галицийской Руси, поведал Алексею галицийскую Голгофу.

— Еще не раздались первые выстрелы на поле брани, еще война фактически не успела начаться, как австрийцы стали сгонять сотни и тысячи русин в тюрьмы со всех уголков Прикарпатья... — Спазм перехватил ему горло, и Стечишину пришлось сделать глоток вина, чтобы продолжать.

— Виселицами уставлены села и города Галичины, трупы расстрелянных запрещено убирать и хоронить, ее лучшие сыны — в тюрьмах и концентрационных лагерях... Сначала австрийцы сажали всех русин, арестованных по доносам мазепинцев, в крепость Терезин — отсюда это будет верстах в сорока, — махнул рукой в сторону северо-запада Филимон. — В старых кавалерийских казармах, на соломе, кишащей вшами, разместили австрийцы русинскую интеллигенцию — врачей, адвокатов, священников, чиновников, студентов. Крестьян побросали в казематы и конюшни. В первое время кормили еще сносно и разрешали прикупать что-то за свой счет в кантине. Потом режим ужесточился. Единственно, что помогает многим арестантам сохранять жизнь, — это участие в их судьбе окружающего чешского населения. Среди истинных славян, кто от души помогает узникам, две благородные чешские женщины — госпожи Анна Лаубе и Юлия Куглер...

Стечишин горестно помолчал, на его глазах появились слезы.

— Ах, Алекс! Еще страшнее, чем Терезин, другой концлагерь — Талергоф под Грацем в собственно Австрии. Там такие жестокие порядки, что люди умирают сотнями, голодают, гниют заживо в эпидемиях сыпного тифа и дизентерии... Только в марте умерли 1350 заключенных... Русины назвали его «Долиной смерти». Это дикое варварство цивилизованных австрийцев! Принудительные работы, вопиющая грязь, мириады вшей, полное отсутствие врачебной помощи и лекарств!

Алекс! Что же творится на белом свете! Где же бог?

Почему он не остановит этот ужас?!. — глухо закончил рассказ Стечишин.

Соколов молчал, подавленный рассказом старого русина. Он представлял себе ужасы австрийской тюрьмы, просидев несколько месяцев в Новой Белой Башне в Праге. Правда, ему «повезло» в том, что его тюрьма находилась в столице Чехии и благодаря чехам-служителям режим в ней был более человечным. Но он содрогнулся, мысленно ощутив прикосновение к телу прелой соломы, шевелящейся от движения паразитов.

— Сколько же лет еще будет продолжаться это убийство? — обхватил голову руками Филимон и словно при острой зубной боли закачался в кресле.

Ясный свет дня померк и для Алексея. Мирная Лаба, катившая свои струи на север, к Терезину, широкая цветущая долина сразу потеряли всю прелесть и краски. Ибо совсем рядом, в нескольких десятках километров от мирного и солнечного Мельника, томились и страдали люди только за то, что гордо говорили в лицо австрийским жандармам: «Мы — русские и родной язык — русский!»

Барановичи, июнь 1915 года

Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич истово молился о даровании победы православному воинству. Он стоял на коленях перед иконами, занимавшими почти все стены спального отделения его салон-вагона, вдыхал аромат горящего лампадного масла, елея, старых досок. Слезы умиления и надежды текли по лицу великого князя, благость и умиротворение нисходили на верховного главнокомандующего.

Неслышно отворилась дверь. В спальню-часовню проскользнул тенью протопресвитер российской армии отец Георгий Шавельский. Черный как смоль, в черной поповской сутане, он неслышно опустился на ковер рядом с великим князем и молитвенно сложил руки на груди.

Николай Николаевич скосил красный заплаканный глаз на отца Георгия и понял, что хитрому царедворцу не терпится рассказать что-то чрезвычайно важное. Надушенным платком главнокомандующий утер слезы, промокнул бороду и усы и легко поднялся с колен.

Отец Георгий встал тоже и поклонился Николаю Николаевичу.

— Ваше высочество, из Петрограда прибыл к вам министр земледелия Кривошеин. Как вы знаете, из всех министров он ближе всех стоит к общественности, любим ею и всегда готов действовать в духе, который разделяет и Дума...

Великий князь помнил этого короткошеего, что и определило, видимо, когда-то фамилию предков, хитрого и пронырливого статс-секретаря, про которого ходили слухи, что он вертит престарелым Горемыкиным и выступает фактически премьер-министром.

— А с чем пожаловал Кривошеин? — не удержался от вопроса великий князь.

— Он просил принять его, ваше высочество, по деликатному вопросу... — По выражению лица отца Георгия Николай Николаевич понял, что Шавельский что-то знает, но не желает опередить гостя.

— Скажи адъютанту, чтобы впустил его в кабинет! — приказал великий князь. — А что ты знаешь еще о нем?

— Когда он заведовал переселенческим департаментом, то стал очень близок к Горемыкину... — вкрадчиво напомнил поп-царедворец. — Иван Логгинович исполнял тогда должность управляющего министерством внутренних дел...

— А-а! — многозначительно протянул великий князь. — Понятно, почему он теперь главное лицо в Совете министров...

— Кривошеин в силу своих родственных связей весьма близок московскому купечеству и промышленникам. Он женат на одной из сестер текстильных фабрикантов Морозовых... Весьма близок к англичанам. Бьюкенен его большой друг, и он частенько ездит обедать в английское посольство...

— Спасибо, отец Георгий, — ласково поблагодарил Николай Николаевич своего осведомителя и духовника.

Протопресвитер армии вышел вместе с главнокомандующим из спальни-молельной. Но он повернул через другую дверь прочь из вагона, а Николай Николаевич, изобразив на лице важность, вступил в кабинет. Министр земледелия, «серый кардинал» премьера, уже дожидался главнокомандующего, стоя у дверей. При виде великого князя Кривошеин склонился в глубоком поклоне.

— Здравствуй, Александр Васильевич, — любезно приветствовал гостя Николай Николаевич. — Садись!

Министр склонил голову набок и, буравя великого князя острыми глазками, плотно уселся в кресло. Не изъявляя особого подобострастия, фигура его все же излучала столько преданности и уважения, что великий князь одобрительно подумал: «Ловок!»

Николай Николаевич не ошибался. Кривошеин действительно весьма успешно делал карьеру отчасти и потому, что умел всегда подластиться к начальству, а иногда — деликатно и почти твердо возразить ему.

На лошадином лице Николая Николаевича горели любопытством глаза.

— Ваше высочество, я спешил приехать в вашу Ставку хотя бы за несколько часов до прибытия государя, чтобы проинформировать вас о некоторых событиях, которые привели к единодушному требованию отставки Сухомлинова... — с места в карьер начал министр.

«Очень хорошо!» — неожиданная радость от возможного падения его ненавистного врага — военного министра — охватила главнокомандующего. Но он быстро взял себя в руки.

— Государь приезжает завтра, десятого... — перевел он свой интерес в другую плоскость.

— Так вот, ваше высочество, — словно не заметив вспышки радости, блеснувшей в глазах собеседника, продолжал Кривошеин, — вам, наверное, докладывали, что две недели назад на торгово-промышленном съезде в Петрограде господин Рябушинский произнес громовую речь о мобилизации промышленности и созыве Думы.

— М-да! Что-то слышал... — уклончиво пробормотал верховный.

— Требования общественности и думских кругов сводятся пока не к вопросу программы, а к призыву людей, коим вверяется власть... — вкрадчиво продолжал Кривошеин. — Мы, старые слуги царя, берем на себя неприятную обязанность перемены кабинета и политического курса... В этом намерении мы и собирались недавно у Сазонова, дабы выработать платформу. Большинство членов кабинета решило обратиться к государю с заявлением о необходимости уступить общественному мнению, то есть созвать Думу и сменить непопулярных министров...

Великий князь был хорошо осведомлен от своих

клевретов о брожении в думских и правительственных кругах, которое возникло из-за военных неудач. Верховное командование относило их вовсе не на свой счет, а целиком к недостатку боевых припасов и вооружения. В этом обвиняли только Сухомлинова. Анастасия Николаевна и ее сестра Милица ничем другим не занимались в Петрограде и Знаменке, как выслушиванием и вынюхиванием. От брата Петра, женатого на Милице, Николай Николаевич знал в деталях о всех слухах в столице, в придворных, военных, чиновных кругах. Этот визитер Кривошеин олицетворял позицию торгово-промышленных кругов.

— Ваше высочество, я предложил вместо нынешнего министра внутренних дел Маклакова рекомендовать его величеству князя Щербатова, Алексея Андреевича Поливанова — для военного ведомства вместо Сухомлинова, сенатора Милютина для юстиции и Самарина на место Саблера... — продолжал «серый кардинал». — По мнению Сазонова, просьба об удалении Горемыкина одновременно с названными министрами могла бы повредить успеху всего плана...

Великий князь пожевал губами, раздумывая. Выходило, что общественность, мнение которой так четко сформулировал министр земледелия, нацелилась действительно в самых преданных слуг царя.

«Излагая это мне заранее, — думал Николай Николаевич, — Кривошеин и другие, видимо, считают меня сторонником и тем лицом, кто прежде всего заинтересован в переходе власти от государя к более популярному члену царствующего дома, то есть ко мне. Хм, надо их осторожно поддержать. Пусть общественность постарается для меня, а я сумею накинуть на нее узду, если посмеют относиться ко мне, как к племяннику!..»

Целиком связывать свое имя с оппозицией великий князь, однако, не захотел. Поэтому он прикинулся неосведомленным.

— Александр Васильевич! — с удивлением воскликнул Николай Николаевич. — Но ведь третьего июня государь дал отставку Маклакову...

— Позвольте досказать, ваше высочество! — прервал его министр. — Дело было так. Двадцать восьмого мая Барк, Харитонов, Рухлов, Сазонов и я явились вечером к Ивану Логгиновичу и возбудили ходатайство об освобождении от должностей, ежели не будут удалены из Совета министров за их полной неспособностью и не-

соответствие их деятельности современным тяжелым условиям в первую очередь Маклаков, а затем и Сухомлинов... Горемыкин на следующий день доложил государю об этом требовании.

— И что он сказал? — оживился великий князь.

— Государь решил, что большие перемены производить несвоевременно, но Маклакова удалить согласился... Теперь, накануне приезда его величества на Ставку, я и хотел договориться с вами, ваше высочество, о необходимости совместных стараний для замены Сухомлинова Поливановым. Наиболее трезвомыслящие министры, думская общественность, а главное, английское и французское посольства целиком одобрят такой государственный шаг...

«Хитер, черт!» — опять подумал Николай Николаевич. — Знает, к кому прискакать хлопотать о Сухомлинове... Ну что ж, племянник! — позлорадствовал великий князь. — Приезжай поскорее!»

— Однако я не в восторге от предложенной вами кандидатуры Поливанова на должность военного министра... — вслух высказался верховный.

Кривошеин предвидел это. Весь Петроград знал, что великий князь недолюбливал помощника военного министра Поливанова за его либерализм и независимость от придворных сфер, деловитость. Зимой 14-го года он воспротивился назначению его варшавским генерал-губернатором. Министр принялся убеждать Николая Николаевича в достоинствах генерала, в его большом уважении к верховному главнокомандующему. Главное, что решило дело в пользу Поливанова, было то обстоятельство, что его терпеть не может Александра Федоровна.

«Вот змей! — любовно-восхищенно воскликнул мысленно верховный, очарованный до конца Кривошеиным. — Ну и умен! Когда сяду на трон, обязательно призову тебя в премьеры!..»

На следующий день утром мощный паровоз «Борзиг» осторожно втянул на «царский» путь под соснами синий с золотыми орлами литерный поезд. Первым в салон-вагон его величества по обычаю вошел верховный главнокомандующий. На дебаркадере почтительно ожидал призыва к царю начальник штаба Янушкевич, министр земледелия Кривошеин, генерал-квартирмейстер Данилов.

После довольно долгого ожидания, когда генералы и министр притомились, стоя на ногах, дверь тамбура от-

ворилась, Воейков пригласил к государю министра Кривошеина.

До крайности склонив голову набок и низко согнувшись, вошел господин министр в кабинет царя. Великий князь сидел подле письменного стола, а за столом, словно придавленный печальным известием, Николай Александрович.

— Верховный главнокомандующий, — начал он в сторону, — просит меня сместить Владимира Александровича Сухомлинова и назначить вместо него генерала Поливанова... О том же докладывал третьего дня и Иван Логгинович...

Кривошеин прекрасно понимал, что царю крайне неприятно соединенное давление, оказываемое на него и верховным главнокомандующим и председателем Совета министров, и министрами. Поэтому хитрый «серый кардинал» премьера и один из главных организаторов оппозиции решил не возбуждать самодержца против себя, а прикинуться только разделяющим мнение большинства.

— Да, ваше величество, — поддакнул министр. — Даже крайне правые депутаты Думы, не говоря уже о всей остальной общественности, особенно после дела полковника Мясоедова, повешенного на пасху за шпионаж в пользу немцев и бывшего долгое время доверенным лицом военного министра, возмущены господином Сухомлиновым...

— Я приказал подготовить на имя Сухомлинова рескрипт с извещением об отставке, — медленно, с усилием вымолвил царь, по-прежнему глядя в окно. — Письмо должно быть милостивым. Я люблю и уважаю Владимира Александровича! — В голосе Николая зазвучало упрямство. — Пусть в рескрипт включат мои слова: «беспристрастная история будет более снисходительна, чем осуждение современников»... И вызовите в Ставку генерала Поливанова для уведомления его о назначении военным министром... Вызовите и князя Щербатова, я назначу его на вакансию в министерство внутренних дел...

Царь помолчал. Видно было, что решения эти дались ему с большим трудом. Он барабанил по столу пальцами и по-прежнему глядел не на собеседников, а в окно. Ни великий князь, ни министр не решались прервать молчание.

— Как здесь тихо и хорошо... — вздохнул вдруг самодержец. — Вызовите четырнадцатого в Ставку Го-

ремыкина и остальных министров, — без перехода сказал он.

— Его величество решил провести в Барановичах под высочайшим председательством заседание Совета министров, — разъяснил Кривошеину верховный главнокомандующий. — После этого будет объявлено о назначениях новых министров...

«Ура!. — подумал министр земледелия. — Общественность одержала первую победу...»

Царское Село, июль 1915 года

Приближалась безрадостная годовщина войны. Горечь напрасных жертв, недовольство тяжелыми ошибками Ставки и всего военного командования, бесконечные слухи об отсутствии винтовок и пулеметов, тяжелой артиллерии и снарядов, разговоры о предательстве самой царицы и многих генералов, паника перед всепроникающим немецким шпионством наполняли Петроград, Москву и всю Россию.

С трибуны Государственной думы дряхлый телом Горемыкин опять, как и год назад, звал соединиться против врага и супостата. Депутаты громовыми речами сотрясали воздух в Таврическом дворце, а в его кулуарах и за пределами — в салонах, на заседаниях банков и акционерных обществ, благотворительных базарах и на дружеских обедах — шушукались. Восхваляли великого князя — верховного главнокомандующего, одобряли его либерализм и желание работать рука об руку с общественностью.

Но Ставка, бездарно отдав противнику Галицию, эвакуировала теперь без боя Варшаву, крепости Осовец и Ивангород. Особенно тошно было офицерам и солдатам покидать Ивангород. Ведь еще недавно крепость молодецки отбила штурм соединенных австрийских и германских войск, подготовилась к отражению новых атак, но штаб Северо-Западного фронта решил отвести войска и попытаться задержать противника на линии Белосток — Брест, где вообще не было никаких укреплений. Это означало дальнейшее откатывание фронта.

Были потеряны Цеханов, Седлец, Луков, армии Северо-Западного фронта отошли за Вислу. Комендант крепости Ковно трусливо бросил свой гарнизон, и этот опорный пункт русской обороны был потерян без боя...

Литерные поезда то и дело были в пути. Жизнь на рельсах нравилась Николаю, в Царском Селе тоже не стало покоя. Аликс без конца упрекала, требовала, стремилась подвигнуть его на что-то, к чему он не был готов или не хотел совсем. Аликс ссылалась при этом на Друга, то есть на старца Григория, утверждая, что всеми его помыслами и деяниями движет сам господь-бог. Однако самодержец всея Руси совсем не так прост, чтобы автоматически выполнять волю старца. Тем более что вседержитель и без посредников руководит поступками своего помазанника.

Однако события настоятельно требовали его вмешательства, ибо где-то глубоко в душе начинало вызревать подозрение, что корона зашаталась на его голове.

Поздним июльским вечером, еще достаточно светлым, чтобы не зажигать настольную лампу, Аликс почти неслышно спустилась с антресолей и подошла к столу, у которого за пасьянсом тихо отдыхал от треволнений дня владыка Российской империи.

— Солнышко, нам надо обсудить кое-что, — обняла мужа за плечи Александра Федоровна.

Он кротко поднял на нее глаза.

— Ах, как я тебя люблю, май дарлинг, — вырвалось вдруг страстно у нежной Аликс, но тут же она перешла на деловой тон. — Солнышко, ты знаешь, что арестован тот молодой грузин, который по рекомендации Сухомлинова и с санкции начальника Генерального штаба Беляева ездил в Берлин? Он получил там кое-какие предложения германской стороны о мире между нами.

— Да, Мосолов докладывал об этом...

— Что же будет с бедным мальчиком? Он так старался ради династии, а теперь его будут судить и приговорят к смерти за измену!.. Сделай же для него что-нибудь, Ники!

— Мосолов разговаривал с ним сразу после приезда из Стокгольма... пока не разгорелась вся эта история с Сухомлиновым... Он просто не успел устроить ему аудиенцию — ведь я был тогда на Ставке.. — принялся оправдываться Николай. — И потом... ведь он передал нам только те же самые предложения германцев, которые телеграфировал и посланник из Стокгольма Неклюдов... Ничего нового Думбадзе не привез из Берлина!

— Но, Ники! Думбадзе был на нашей стороне. Он хотел приблизить отдельный мир с Германией.

— Аликс! Вся эта свора пока сильнее нас... Я не мог отстоять даже нашего преданнейшего слугу — Сухомлинова, особенно после того, как его протеже Мясоедов был повешен по обвинению в шпионаже... Теперь и молодого Думбадзе обвиняют в шпионаже, связывают его с Сухомлиновым, а про того твердят, что он окружил себя вражьей агентурой...

— Солнышко, ты не чувствуешь, что положение невероятно фальшиво и скверно! Если надо, то оставь Николая во главе войск, но отбери у него внутренние дела! Ведь министры ездят к нему в Ставку с докладом, словно он, а не ты — государь! Великий князь Павел уже давно иронизирует, что Николай — второй император! — взвинчивала себя до крика Александра Федоровна.

Николай устало махнул рукой.

— Воейков посплетничал мне, что новый военный министр, вернувшись из Ставки, разводил руками в Совете министров... Представляешь! Он «счел своим гражданским и военным долгом заявить, что отечество в опасности... Что в Ставке наблюдается растущая растерянность. Она охвачена убийственной психологией отступления... В действиях и распоряжениях не видно никакой системы, никакого плана...»

— Я тебя всегда предупреждала против этого Поливанова! — возмутилась Александра Федоровна. — Ты его назначил по представлению Николая, а он теперь платит черной неблагодарностью тому, кто его рекомендовал!.. Возмутительно! Тебя заставили удалить и другого верного слугу — Маклакова! Они хотят выгнать и тебя, а меня заточить в монастырь! Мы должны действовать...

— Аликс! Успокойся! — ласково проговорил Николай. — У нас есть еще время. Нельзя рубить сплеча, когда идет война! Против династии сплотилось слишком много врагов! Мы их должны перехитрить!

— Ники! Будь тверд! Покажи себя настоящим самодержцем, без которого Россия не может существовать! — повторяла словно в забытьи царица. В ее глазах сверкал, однако, не только истеричный блеск, но и неуемная жажда властвовать, держать под своей рукой огромную и могучую империю.

Николай отодвинул в сторону карты, вынул турец-

кую папиросу и спокойно, в своей замедленной манере сказал:

— Я решил сместить Николая и взять верховное командование.

— Это будет славная страница твоего царствования! — радостно воскликнула царица. — Бог, который справедлив, спасет твою страну и престол через твою твердость!

— Нам надо многое сейчас решить, — прервал ее Николай, — и потом действовать по разработанному плану, без экспромтов... Первое я уже тебе сказал — сместить Николая, вместе с ним — слабого Янушкевича...

— Кого ты хочешь начальником твоего штаба? — деловито поставила вопрос Александра.

— Я возьму генерала Алексеева... Николаше я поручу кавказское наместничество вместо Воронцова-Дашкова... Я думаю, верный старик не откажется уступить место великому князю — и турецкий фронт...

— Нужно немедленно распустить крамольную Думу, — так же деловито вмешалась жена.

— Солнышко, мне надо сначала навести порядок в кабинете министров... — миролюбиво возразил Николай.

— Мне хочется отколотить их всех! — почти выкрикнула Аликс. — Особенно этих новых либералов Щербатова и Самарина, которых ты неизвестно зачем ввел в Совет министров!

— До них дойдет очередь... — с тихой угрозой произнес самодержец. — Затем я удалю Кривошеина, хитрого подстрекателя... После него Харитонова и других либералов...

— Ники, а когда ты займешься Сазоновым? Ведь он не делает и шага без английского посла, он не даст нам заключить мир с Германией! — злобно назвала Александра имя ненавистного министра.

— К сожалению, Аликс, Сазонова следует убирать в последнюю очередь — за ним собралось слишком много сил! Тут и Англия в лице Бьюкенена, и Франция — Палеолога, и многие члены нашей собственной семьи, которые поднимут крик, если слишком поспешно тронуть хитрую бестию... Я уберу его, когда мир будет близок и останется несколько малых шагов к нему...

— Какие тревожные дни! — воскликнула царица, осмыслив всю глубину переворота, нарисованного круп-

ными штрихами Николаем. — Те, которые не могут понять твоих поступков, убедятся очень скоро в твоей мудрости! Господь нам поможет!..

Петроград, август 1915 года

Подполковник Мезенцев пролежал в лазарете полгода, но так и не смог поправиться до такой степени, чтобы вернуться в строй. Врачи определили, что ему требуется еще несколько месяцев для окончательного выздоровления. Ввиду ограниченной годности Главное артиллерийское управление предложило подполковнику либо отправиться в запасной артиллерийский дивизион для подготовки новобранцев, либо заняться в Петрограде делом снабжения артиллерии боевыми припасами.

Настрадавшись от недостатка снарядов, Мезенцев выбрал для себя службу в ГАУ. Поток служебных и житейских забот настолько захлестнул подполковника, что он, прослужив четыре месяца, еще не нашел времени для восстановления своих старых знакомств. Однажды, будучи по делам в Генеральном штабе, он встретил в коридоре подполковника Сухопарова. Александр вспомнил и Сергея Викторовича, и нового своего приятеля Соколова, и его славную, необыкновенно красивую молодую жену.

Мезенцев остановил Сухопарова на лестнице. Взаимная симпатия и душевный контакт, как в первый день знакомства, затеплились снова. Александр после слов приветствия и вопроса о делах спросил коллегу о Соколовых, на чьей свадьбе оба были.

— Беда, Александр Юрьич! — померк сразу Сухопаров. — Алексей попал в лапы австро-германской контрразведки. Сначала он сидел в тюрьме в Праге, прислал оттуда жене и нам несколько писем, потом братья-чехи устроили ему побег из тюрьмы. Бежать-то он бежал, но скоро его снова схватили. Сейчас, по нашим данным, он за решеткой, только теперь — в самой строгой тюрьме для государственных преступников Австро-Венгрии, в Эльбогене... Пока связаться с ним не удается...

— А что Анастасия? Наверное, убивается по мужу? — сочувственно спросил Мезенцев.

— Конечно. На ней лица нет, но она держится и даже стала сестрой милосердия! — сообщил Сухопаров.

— Сергей Викторович! А не навестить ли нам Анастасию... Петровну, кажется?

— Я и сам собрался было, Александр Юрьич! Вот сегодня вечером и пойдем, а? — предложил Сухопаров.

— Договорились, встретимся у Николаевского вокзала в шесть с половиной...

От Знаменской площади до дома Соколовых четверть часа пешей ходьбы. Однако господам офицерам пришлось взять извозчика — оба запаслись огромными букетами цветов, а Мезенцев держал еще и большой плоский сверток.

— Уж больно красивая коробка конфет была выставлена у «Де Гурмэ» на Невском, — смущенно оправдывался подполковник, хотя Сухопаров и не думал его укорять.

Дверь открыла сдержанная и строгая горничная.

— Как прикажете доложить? — спросила она.

— Сухопаров и Мезенцев, — представились гости.

Не успела служанка уйти, как Настя появилась на пороге.

— Милости прошу, господа, проходите! Я рада вас видеть обоих... — проговорила хозяйка. Ее холодные горестные глаза чуть потеплели, но скорбные черточки у рта не расправились.

Сочувствие к горю молодой женщины резануло по сердцу офицеров. Они с особым почтением преподнесли цветы Насте. В прихожую вышла и тетушка. Мезенцев неожиданно заробел и преподнес ей конфеты, чем поверг старушку в небывалое смущение.

Гостей пригласили в гостиную. Комната была полупуста, как в день свадьбы Анастасии и Алексея. Появился только старинный красного бархата диван с высокой спинкой и такие же стулья.

На круглом столе лежали грудой альбомы с фотографическими карточками и стояла керосиновая лампа. Словом, обстановка была добротной моды середины прошлого века.

С момента появления в квартире Сухопарова Настя не отводила от него вопрошающего взгляда. Пока гости входили, снимали фуражки, суета позволяла подполковнику умалчивать о главном. Теперь ему ничего не оставалось, как ответить на немой вопрос.

— Анастасия Петровна! К сожалению, ничего нового мы не узнали... — Скорбные черточки резче обозначились у рта Насти.

Только сейчас, на свету, Мезенцев рассмотрел, какой стала Настя от горя и забот. Ее синие лучистые глаза погасли, под ними легла чернота. Соколова похудела, черты лица потеряли округлость юности и стали суше. Черное строгое платье было почти что траурное...

«Как ни странно, — подумалось подполковнику, — она нисколько не подурнела, осталась такой же красавицей, как и была. Страдания сделали ее облик более одухотворенным, чем прежде — в счастье...»

Мезенцев вспомнил и о том, что теперь Соколова стала сестрой милосердия, и позавидовал тем раненым, за которыми она ухаживала.

Горничная знаком вызвала Марию Алексеевну в соседнюю комнату. Оказалось, что готов обед. Тетушка пригласила господ офицеров в столовую. Закуски оказались уже на столе.

Мезенцев, снова очарованный Анастасией, как и в первый день, когда он увидел ее в подвенечном платье, украдкой, словно влюбленный гимназист, бросал на нее восхищенные взгляды, стараясь не привлекать к себе внимания.

Сухопаров тем временем рассказывал Насте о том, как через нейтральные страны идут письма военнопленных на их родину, о посылках, которые можно пересылать в офицерские лагеря через Красный Крест...

Настя слушала его внимательно и перебила единственным вопросом:

— А Алексею можно послать письмо и посылку?

— Письмо, может быть, удастся передать, — отвел глаза офицер, — а что касается посылки, то он в таком месте, куда Красный Крест своих представителей не посылает...

— Жив ли он? — твердо спросила тетушка и резко отложила от себя вилку.

— Да, да! Он жив! — заторопился Сухопаров, чтобы Настя, избави боже, ничего не подумала плохого. — У нас точные сведения. Чехи нам прислали письмо...

Кухарка принесла фарфоровую супницу.

— Попробуйте, господа, домашнего, — предложила Мария Алексеевна. — Ваши домочадцы, наверное, еще на даче и вы живете всухомятку?..

Тетушка обращалась к Сухопарову, зная его семью, но ответил Мезенцев.

— Я целый век не ел домашнего борща! — вдруг громко выпалил он и умильно посмотрел на Марию

Алексеевну. Старая хозяйка ответила неожиданно доброй улыбкой. Все тоже заулыбались. «Даже Анастасия!» — отметил про себя Мезенцев.

Борщ был отменный. Господа офицеры, привыкшие к ресторанной кухне, проглотили его моментально.

После первого заговорили о войне. Все переживали неудачи русских войск, накатывавшиеся на действующую армию сплошной чередой.

— Везде говорят и пишут, — обратилась тетушка к артиллеристу, — что у наших доблестных войск не хватает этих, как это называется...

— Шрапнелей? — подсказала Настя.

— Вот именно, шрапнелей, — утвердила Мария Алексеевна. — Кто в этом виноват? Правда ли, что это Сухомлинов предательски вел себя на должности министра?

— Эти слухи весьма преувеличены, — твердо ответил Мезенцев. Справедливость его характера не позволяла ему бросать обвинение тому, кто менее других был виноват в недостатке боеприпасов. — Я не могу назвать сейчас имя истинного виновника, поскольку не знаю, кто он... Полагаю, однако, что великий князь Сергей Михайлович, генерал-инспектор артиллерии, обязан был проявить бóльшую дальновидность перед началом военных действий... Впрочем, как его теперь винить, когда и в армиях наших союзников, и даже в германской армии на каждую пушку снарядов почти столько же, сколько и у нас...

— Но, Александр Юрьич, в Германии и Франции промышленность развита лучше, чем у нас... — с горечью бросил Сухопаров. Мезенцев не согласился.

— Не в этом дело, Сергей Викторович! — загорелся он. — Военных заводов у нас тоже хватает, а пушки наши и снаряды по конструкции не хуже крупповских или шнейдеровских... У нас хищники-фабриканты злее, чем за границей!

Настя с удивлением посмотрела на подполковника. «Неужели и в армии стали понимать гнилость царского режима и всего строя?! Ведь говорил Василий, что это вот-вот должно проявиться...» Настя отвлеклась от своих черных дум и стала вслушиваться в разговор.

Мезенцев заметил интерес в ее взгляде к такому не дамскому вопросу и решил, что это самая необыкновенная женщина, которую он когда-либо видел. Ему захотелось, не утаивая ничего, выложить перед нею все

свои сомнения, все, что накипело за долгие месяцы бесславной и кровавой войны.

— Общий сумбур нашей жизни, — вымолвил он, — связывает руки тем, кто хочет что-то делать, бесчисленным количеством комиссий, подкомиссий, совещаний, заседаний, словом, дурацкой казенщиной и непроходимым бюрократизмом...

Тема оказалась волнующей для всех, Мезенцева внимательно слушали и коллега, и тетушка, и Настя.

Александр вдруг увидел перед собой бездонные глаза Анастасии. В них застыли укор и вопрос: «Почему так плохо?» Перед прямотой этого взгляда он не мог таить ничего.

— Мои коллеги в ГАУ, — словно размышляя, начал Мезенцев, — не в силах противостоять отнюдь не противнику, а лавине разных спекулянтов, атакующих казенный сундук с деньгами... С самого начала военных действий, и я сам хорошо это знаю по походу в Восточную Пруссию, — отчасти под влиянием «снарядного голода», связанных с ним неудач в дела снабжения фронта боеприпасами полезли всякие «общественные деятели». Казну особенно трясут депутаты Государственной думы, члены «особых совещаний военно-промышленных комитетов», земгоров и прочие самозваные спасители России...

— А вы суровы к общественности... — недовольно воздела на нос пенсне тетушка.

— Это не общественность, а жадные акулы, — парировал Мезенцев. Он видел, что его критические оценки благожелательно воспринимаются Настей, и поэтому откровенно продолжал высказывать все, что горечью кипело у него в душе.

— Эти «болеющие за родину» господа считают своим долгом совершать паломничества в действующую армию, выяснять там якобы нужды и потребности фронта, вмешиваться в работу органов снабжения, в распоряжения командного состава — словом, вносят дезорганизацию и путаницу. К тому же некоторые из них занимаются явным шпионством... А попробуй тронь такого шакала, у него сразу же находятся покровители чуть ли не при дворе! — возмущался подполковник.

— Воистину так, — подтвердил Сухопаров и добавил: — Александр Юрьич, а ты знаешь, откуда пошло бессовестное вздувание цен на снаряды?.. От наших же генералов...

— Расскажи, пожалуйста! Мне как нынешнему интенданту надо знать всю подноготную хапуг, чтобы успешнее бороться с ними, — попросил Мезенцев.

— Ну что ж! Если нашим милым хозяйкам не скучно... — согласился генштабист.

— Очень интересно! — подтвердила Настя, и было видно, что она сказала это от души.

— Еще в сентябре прошлого года на квартире у министра были собраны заводчики, которым предполагалось выдать заказы на снаряды, — начал свой рассказ Сухопаров. — У Сухомлинова присутствовал и министр торговли и промышленности. Промышленникам уже из самого факта необычного совещания стало, конечно, ясно, что у казны дело со снарядами идет туго... А тут еще министр возьми и ляпни, что вопрос о цене имеет второстепенное значение!

Все внимательно слушали подполковника.

— А через два дня такое же совещание состоялось уже на квартире помощника военного министра Вернандера... Туда пришло уже в два раза больше заводчиков, в том числе и немец Шпан — его недавно выслали в Сибирь! Считали целый вечер, сколько можно выпустить снарядов, делили заказы, но о цене помалкивали... А к концу словоговорения прибыл начальник Генерального штаба Беляев с телеграммой из Ставки о требованиях на снаряды. Он заявил, что снарядов нужно в три раза больше, чем господа насчитали, что их надо выпускать какой угодно ценою; вот купчишки-поставщики и стали в позу хозяев, диктующих условия и цены... Конечно, несдержанность Беляева дала в руки Шпану и ему подобных цифры о потребности наших войск в снарядах, о ценах на боевые припасы и другие данные, о которых может только мечтать самый искусный разведчик...

— Да, да, — подтвердил Мезенцев, — у нас в ГАУ до сих пор уверены, что Беляев оказал казне медвежью услугу своей паникой... Цены на сырье, металлы, станки сразу подскочили, мы теперь не можем купить за границей те машины и прессы, на которые уже были заключены контракты — мошенники их давно перекупили!..

— Какое безобразие! — возмутилась Настя. — На полях сражений солдаты проливают кровь, гибнут, становятся калеками, а воры-фабриканты загребают миллионы прибылей...

— Неужели наши союзники не могут нам помочь? — искренно изумилась тетушка. — Ведь говорят в обществе, что они прилагают неоценимые усилия для нашего снабжения...

— Дражайшая Мария Алексеевна! — с почтением обратился к старушке Александр, — урвать у наших союзников, да еще на их рынке, где орудуют наши и их собственные аферисты-промышленники, невозможно даже самое устаревшее оружие... Господа союзники сами норовят содрать с нас и золото в аванс, и сырье, и полуфабрикаты. Дело доходит до того, что Америка вызывает наших инженеров и мастеровых налаживать военное производство у себя на наши денежки, а скорой выдачи заказов не гарантирует...

— Саша, а как ведет себя Англия в этих делах? — поинтересовался Сухопаров.

— Наша дорогая союзница — действительно дорогая, — съязвил Мезенцев. — Англия вообще взяла на себя опекунскую роль в делах снабжения. Она даже пытается стать посредницей между нашим правительством и частной американской промышленностью, требует от нас, чтобы мы заключали все контракты только через посредство фирмы Моргана. А Морган отказывается разговаривать с нашими представителями о наших же контрактах, заявляя, что он заключил их с английским правительством... Вообще англичане, по-видимому, и не собираются по-настоящему снабжать нашу армию даже тем, чем могут...

За острым разговором гости не замечали, как летит время. Ефросинья успела подать и самовар, и чаю напились, а Сухопаров и Мезенцев все сидели и сидели... Офицерам было удивительно уютно и тепло в этом доме, общие заботы и взгляды сблизили их. Насте было интересно услышать от профессионалов военных критику режима, который они призваны защищать, сомнение в правоте тех, кто послал их на войну. Недавно Василий приносил ей почитать экземпляры большевистской нелегальной газеты «Социал-демократ». Насте особенно запомнились строки из статьи Ленина «Буржуазные филантропы и революционная социал-демократия». Вождь большевиков, находясь в далекой эмиграции, анализировал то, что зрело в России: «Несознательные народные массы (мелкие буржуа, полупролетарии, часть рабочих и т. п.) пожеланием мира в самой неопределенной форме выражают нарастающий про-

тест против войны, нарастающее смутное революционное настроение».

Только в первом часу ночи гости стали прощаться. Сухопаров попросил Настю написать новое письмо Алексею, которое почти наверное удастся передать через соратников-чехов. Спросил он и о том, могут ли сослуживцы Алексея помочь чем-нибудь его семье, но Анастасия и Мария Алексеевна поблагодарили, прося передать коллегам и начальству, что ни в чем не нуждаются...

Мезенцев, целуя на прощание руку Анастасии, задержал ее дольше, чем следовало. Когда он поднял голову, он встретил твердый укоризненный взгляд молодой женщины. Бравый артиллерист смутился.

— Я... позвольте вас навещать, Анастасия Петровна?! — пробормотал он.

— Милости прошу... с Сергеем Викторовичем! — ответила Настя, а Мария Алексеевна, словно ничего не заметив, подтвердила:

— Мы всегда рады друзьям Алеши!.. Заходите, дорогие господа, милости просим...

За офицерами закрылась тяжелая дубовая дверь. Горничная гасила свет в комнатах. Мария Алексеевна удалилась к себе. Насте стало вдруг неимоверно тяжело и одиноко. Еле передвигая ноги, она дошла до своей постели и, не раздеваясь, упала. Горячие слезы душили ее.

— Алеша, родной! Когда я увижу тебя? Сколько мне еще мучиться здесь одной... — шептала она. — Господи! Был бы ты жив и здоров! Вернись скорее!.. Будь проклята эта война!..

Рыдания сотрясали тело Насти. Подушка намокла от слез. Вдруг ласковая рука Марии Алексеевны легла ей на голову.

— Девочка, родная... — голос старушки был мягок и добр. — Не убивайся! Ведь наш Алеша жив... я верю в это! Он вернется...

— А вдруг я его никогда не увижу?! — сквозь слезы шептала Настя. — Я умру тогда... Без него я жить не могу!

Под напускной строгостью Марии Алексеевны пряталась большая доброта и отзывчивость простой русской женщины. Успокаивая Настю, тетушка и сама заплакала, опустилась на колени рядом с кроватью.

— Мати Владимирская, мати Казанская, мати

Астраханская, — взмолилась Мария Алексеевна, — спаси и сохрани от бед и напасти и помилуй от напрасныя смерти раба божьего Алексея, и вы, горы Афонские, отвратите, станьте ему на помощь!..

В спальне Соколовых не висели в красном углу иконы, но старуха кланялась и кланялась, шепча, губами слизывая солоноватые слезы:

— Спас многомилостивый, Пресвятая мати Божия, Богородица, только мира хочу я дому и всем живущим в нем, только мира! Помилуй мя, господи!

С трудом поднялась тетушка с коленей и, смутясь своего религиозного порыва, тихонько ушла к себе, поцеловав Настю.

Настя словно окаменела. Горькие думы холодом сжали ее сердце и не отпускали до самого утра. Без слез, без звука, не сомкнув глаз, пролежала она до рассвета.

Петроград, сентябрь 1915 года

Кондуктор объявил: «Второй Муринский проспект!» Василий встал с деревянной скамьи и вместо выхода пошел к задней площадке. Вагон уже летел во весь дух по Второму Муринскому проспекту, приближалась конечная остановка — Политехнический институт. Василий не обнаружил никого, кто хоть отдаленно похож на филера.

В этот вечер Петербургский комитет РСДРП созывал в лесу за Политехническим институтом собрание представителей заводов и больничных касс, чтобы решить судьбу всеобщей забастовки. Стачки протеста начались и превратились уже через день во всеобщую. В ночь на 30 августа полиция арестовала 30 рабочих-большевиков и служащих больничной кассы Путиловского и Петроградского Металлического заводов.

Василий недавно работал на Путиловском, он нанялся туда по указанию Нарвского районного комитета партии, чтобы усилить большевистскую организацию. По иронии судьбы он получил место взятого на фронт большевистского агитатора в лафетносборочной мастерской. Василий был горд тем, что его цех первым прекратил работу в знак протеста против арестов — в этом была и его заслуга. Рабочие сразу поняли, что за слесарь появился у них в мастерской, и потянулись к нему...

Огнями фонарей выплыла из темноты конечная

остановка. Двое здоровенных парней настороженно оглядывали выходящих из вагона, чуть в стороне от них держался третий. «Все правильно, — решил Василий. — С таким патрулем и городовым не справиться, не то что сыщикам... А курьер в стороне наблюдает — случись что, сразу даст знать организаторам собрания... Молодцы! Научились конспирации!»

Он сразу от остановки взял по нахоженной тропке в лес и еще пару раз чувствовал на себе пытливые взгляды из темноты.

Луна просвечивала через несброшенные еще листья и рисовала на земле серебряные кружева. Лес стоял тихо, ветер лишь изредка прикасался к кронам деревьев, чтобы что-то задумчиво прошептать.

Через четверть часа, миновав еще один патруль, шедший навстречу, Василий вышел на обширную поляну, залитую лунным светом. Почти все собрались, но ждали представителей Петербургского комитета партии.

Наконец подошло еще несколько человек, и один из них, в котором Василий узнал Андрея Андреевича Андреева из Петербургского комитета, поднялся на импровизированную трибуну и предложил открыть собрание. Андреев предоставил слово человеку тоже с очень знакомым лицом, но фамилию его Василий не мог никак вспомнить. Да и смысла не было — у оратора за последние годы наверняка побывало в кармане столько чужих паспортов, что многие друзья не знали его настоящего имени.

— Товарищи, — говорил комитетчик, — вчера Петербургский * комитет совместно с представителями заводских партийных ячеек принял решение продолжать стачку еще два дня, а на третий приступить к работе. Разумеется, если полиция и власти не предпримут какой-либо провокации... По нашим подсчетам, вчера бастовало в Петрограде тридцать четыре предприятия с общим числом рабочих в тридцать шесть тысяч человек. Это большой успех, товарищи!

Кое-где в толпе вокруг оратора громкие голоса сказали «ура!». Представитель комитета продолжал с воодушевлением:

— А сегодня, товарищи, к нам присоединились еще

* Несмотря на переименование Петербурга в Петроград, большевики сохранили название своего комитета, чтобы и в мелочах не потакать шовинизму.

тридцать два завода и фабрики! Всего бастует семьдесят тысяч человек!

Член Петербургского комитета партии рассказал о том, что под влиянием партии рабочие повсеместно выдвигают политические требования, а на Путиловском заводе не только протестовали против арестов, против вызова казаков, но и потребовали вернуть из ссылки пятерых депутатов-большевиков; выдвинули лозунги против драконовских мер по «мобилизации промышленности», означавшие новую каторгу для рабочих.

Совещание под открытым небом шло бурно. Холодный ночной воздух не остудил страсти. Несколько ликвидаторов и «межрайонцев» * настаивали на немедленном прекращении забастовки. Большевики возражали. Начальник Петроградского военного округа генерал Фролов издал приказ, в котором потребовал: всем выйти на работу 2 сентября. Прекращение забастовки выглядело бы как капитуляция перед приказом царского сатрапа. Но убедить «межрайонцев» и меньшевиков не удалось, они стали демонстративно покидать совещание...

Собрание представителей заводов и больничных касс вместе с членами Петербургского комитета партии приняло решение о продлении забастовки еще на один день...

— А теперь, товарищи, — поставив точку, сказал комитетчик, — расходитесь и не более, чем по трое...

На следующий день Василий пришел в свою лафетно-сборочную мастерскую за полчаса до гудка. Многие из его товарищей — рабочих были уже в цехе, но не переодевались в робы, ожидая, что скажет агитатор от большевиков. Василий не спешил. Он решил дождаться почти всех и тогда объявить предложение партии.

Пока рабочие собирались, Василий присел на лафет скорострельной штурмовой пушки, наполовину собранной тридцатого числа и стоящей теперь без изменения. Из паровозно-механической мастерской пришел кочегар Шестаков, которого Василий знал как меньшевика. Шестаков присел к Василию на лафет и свернул самокрутку.

---

* Организация, возникшая в ноябре 1913 года и объединявшая троцкистов, часть меньшевиков-партийцев, «впередовцев» и большевиков-примиренцев, отколовшихся от партии. Ставила своей задачей создание «единой РСДРП».

— Закурим, товарищ, — льстиво сказал кочегар, предлагая кисет с махоркой.

— У нас табачок врозь, — спокойно отрубил Василий. — И дружбы нету... — добавил он под улыбки рабочих, заинтересованных приходом человека из другого цеха.

Василий уже знал, что меньшевики на заводах, а также депутаты меньшевистской фракции Государственной думы агитировали за прекращение забастовки. Однако им удалось уговорить рабочих только на восьми предприятиях.

— Ну что? Пришел баранки обещать, если станем на работу? — с издевкой спросил меньшевика Василий. Чисто, по-городскому одетые товарищи Василия по цеху подошли к ним и окружили лафет. Кочегар влез на лафет и сиплым голосом заговорил:

— Товарищи, братья! Надо кончать забастовку! На фронте гибнут храбрые бойцы, а мы здесь срываем военные поставки!

— Ты что, уже стал буржуем и прибыли тебе не хватает?! — громко спросил его Василий. Рабочие засмеялись. Парня бесцеремонно спихнули с лафета, оттерли в сторону.

— Ты скажи, Василий! — раздался голос в толпе.

— Я скажу то, что хотел передать вам Нарвский комитет большевиков: бастовать еще один день!.. Это будет самый хороший удар по империалистической войне! Чем сознательнее будет пролетариат, чем сплоченнее он будет выступать против грабительской войны, которая рабочему классу ничего, кроме крови и слез, не приносит — тем скорее придет наша победа!..

— Бастуем, братцы! — раздались в ответ радостно-возбужденные голоса...

Заводской гудок следующего дня застал Василия у дверей мастерской. Не успел он переодеться и стать к лафету, как к нему подошел мастер.

— Медведев, тебя вызывают в контору!.. — буркнул он, неприязненно оглядывая слесаря с ног до головы.

— Зачем это еще? — в тон ему ответил Василий.

— Там узнаешь...

В конторе любезный белокурый служащий в пенсне выдал Василию расчет. 18 рублей за проработанную неделю лежали в синем конверте. И там же красный листок повестки воинского начальника.

«Ну вот! Какая-то сволочь донесла!.. Еще одного

большевистского агитатора забирают в действующую армию... — подумал Василий. — Слава богу, хоть не арестовали и не сослали в Сибирь!.. А в армии мы еще поработаем среди солдатиков!..»

В тот же день расчет и повестки о мобилизации в армию получили еще тридцать забастовщиков. Алексей Иванович Путилов, председатель правления завода, как и хозяева почти всех бастовавших предприятий, избавлялся от смутьянов. А большевистские агитаторы, пройдя воинскую подготовку в запасных полках, рассеивались по ротам, дивизионам и эскадронам действующей армии. Они стали магнитом, вокруг которого цементировалось и обретало четкие формы стихийное недовольство солдатских масс. Начиная с лета 1915 года в армии и на флоте стали возникать ячейки партии, появилась «крамольная литература», начались братания с неприятелем. Солдатская масса большевизировалась.

Могилев, ноябрь 1915 года

По оцинкованным скатам подоконников губернаторского дома, обращенного теперь в место пребывания верховного главнокомандующего, барабанили крупные капли. Сетка дождя застилала Днепр и заднепровские дали, порывы ветра расправлялись с пожелтевшей листвой, кое-где сохранившейся на деревьях парка за окнами дворца.

Несмотря на унылую погоду, на душе у самодержца российского было светло и радостно. Прежде чем надеть отутюженный полковничий мундир, Николай Александрович нежно погладил золотой с белой эмалью крест Георгия 4-й степени, полученный им недавно по инициативе Николая Иудовича Иванова.

«Поистине идея отстранить Николашу от главенствования над армией и взять на себя верховное командование была весьма плодотворна и своевременна», — пронеслось в голове у царя...

Слишком большая популярность, влияние и властолюбие великого князя Николая Николаевича стали всерьез беспокоить царя и царицу. Александра почувствовала опасность первой. Затем и Николай понял, что вовсе не безвредны для него интриги Анастасии и Милицы черногорских в пользу верховного. Воейков, Мосолов и другие свитские сообщали о заигрывании великого князя с министрами, повадившимися ездить в

Ставку спрашивать его совета, с «общественностью», с послами и военными агентами союзников. А эти профессиональные интриганы, как становилось известным Николаю Александровичу, начали возлагать особые надежды на Николая Николаевича...

Бесславные отступления русской армии привели фронт в опасную близость к Барановичам. Обсуждались варианты перевода Ставки в Смоленск, Тулу, Калугу... Остановились на Могилеве...

Взбалмошный Янушкевич, любитель военной театральщины, узнав о переводе Ставки в Могилев, приказал и здесь, в нескольких верстах от города, построить для штабных и литерных поездов особую ветку. Однако ветка осталась ржаветь за ненадобностью, поскольку в губернском центре управление Ставки разместилось в капитальных зданиях. Чины штаба стали на постой в лучшей гостинице города — «Бристоле».

В душные июльские дни, когда Могилев узнал о высокой чести — быть Главной квартирой русской армии, — город стал преображаться. Пыльные грязные улицы велено было подметать и поливать водой регулярно. Грозная полиция приказала обывателям реже высовывать нос на центральные улицы, где разгуливали их благородия офицеры.

Великий князь, прибыв в Могилев, узнал, что его державный племянник решил стать во главе армии и флота. С достоинством и мужеством перенес Николай Николаевич этот удар. Он много молился и плакал в тиши своей спальни. В перерывах посылал в Царское Село мысленные проклятия и грезил о карах, которые постигнут ненавистную «гессенскую муху». На людях, даже при своей свите, верховный главнокомандующий остерегался высказываться откровенно. Он еще надеялся, что царь оставит его при себе, в Ставке, и он сохранит фактически свою роль верховного.

Действительность разрушила все надежды. Впрочем, прибыв в Могилев, государь обласкал дядюшку. Пока они ехали к Иосифовскому собору, где архиепископ Константин с викарным епископом и всем причтом готовился отслужить торжественный молебен, царь всю дорогу милостиво беседовал с Николаем Николаевичем.

После богослужения в губернаторском дворце царь в присутствии великого князя подписал приказ по армии и флоту: «Сего числа я принял предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными

силами, находящимися на театре военных действий. С твердой верой в милость божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты родины до конца и не посрамим земли русской».

Царь не захотел обосноваться в губернаторском доме, а остался на жительствование в своем вагоне. Это опять вселило надежду в душу Николая Николаевича.

На следующее утро, когда новый начальник штаба верховного генерал Алексеев был вызван к царю на доклад, пригласили и великого князя.

— Уф, пронесло! — вознадеялся он и мысленно заготовил несколько соображений к предстоящему докладу Алексеева. Но после завтрака, быстро скользнув взглядом из-под полуприкрытых ресниц по лицу Николая Николаевича, новый верховный главнокомандующий словно невзначай спросил дядюшку:

— Когда ты отбываешь на Кавказ?

Николай Николаевич заискивающе попытался поймать взгляд царя. Но тот, казалось, и не ждал ответа.

— Завтра! — старательно сдерживая себя, ответил Николай Николаевич.

Николаша уехал. Алексеев прочно взял бразды правления в свои руки. Царю даже понравилось, что начальник штаба, ссылаясь на занятость, испросил разрешения обедать за столом главнокомандующего только два раза в неделю, а в остальные дни наскоро питаться в одной зале со своими офицерами.

Николаю нравилось чувствовать себя вождем армии. Он почти полюбил «своего» Алексеева, кропотливо и усердно, словно крот, грызшего работу обоих — верховного и свою, штабную. Отсюда, из Могилева, царю очень удобно было наезжать на фронты, которые были совсем под боком — в нескольких сотнях верст...

Николаю очень нравился и размеренный быт Ставки. Успокаивало, что министры редко набиваются сюда с докладами, чаще присылают еженедельные рапорты с фельдъегерями. Здесь сколько душе угодно можно смотреть синематографические ленты, ездить гулять по окрестностям. Все было хорошо, даже то, как по утрам генерал Алексеев докладывал обстановку, не докучая вопросами, не провоцируя умственных усилий монарха.

Аликс писала сюда регулярно, почти каждый день. Хорошо было читать ее письма в саду губернаторско-

го дома, превращенного теперь в обитель государя всея Руси. Скамьи в саду удобные, дорожки широкие, и немец-садовник хорошо присыпает их песком...

«Ах, Аликс, Аликс! Как печется она о государственных делах, как верно судит о людях, которые окружают трон... Почти никому нельзя верить, только гвардии, пожалуй... Ах, гвардия! Надо сказать Алексееву, чтобы дали знать в гвардейский корпус: верховный главнокомандующий прибудет вскоре к ним и проведет со своей любимой гвардией собственные именины 6 декабря... Кстати, об именинах... Надо все-таки дать поздравительную телеграмму Николаше на Кавказ... А может быть, орденом его наградить?»

Спокойно и неторопливо текли думы Николая в Могилеве.

«Даст бог, кампания шестнадцатого года будет успешней... Тогда и недруги замолкнут! Не замолкнут — заключим мир с Германией, а армия, как в пятом году, раздавит мятежников!..»

Будто уловив настроение императора, заблистало скромное ноябрьское солнышко. Николай приказал подать шинель, взял винтовку-монтекристо и вышел в парк. Здесь было раздолье для любимого занятия императора всея Руси — он обожал стрельбу из малокалиберки по воронам. В Могилеве, в парке губернаторского дома, самодержец частенько тешил свою душу. Настоящая, большая охота, когда за один день он убивал больше тысячи фазанов, во время войны становилась, разумеется, недоступной даже для царя.

Стрелок он был меткий и бурно радовался в душе каждому удачному выстрелу. В этот раз десятком пуль он подбил полдюжины птиц. Остальное воронье поднялось с криками над черными шапками гнезд и закружилось в воздухе.

Николай присел отдохнуть на скамью и задумался...

«Если бы можно было так легко перестрелять всех врагов... Тех, кто готов вырвать власть и Россию из его державных рук... Всех этих Гучковых, Родзянок, думских ниспровергателей и демагогов... Почему оказываются бессильными все министры внутренних дел?! Почему он, самодержец, не может быть полностью уверен в своих сановниках?! Как возмутительно и безответственно ведут себя самые выдающиеся деятели империи!.. Подумать только, он, помазанник божий, объявляет о решении возглавить армию в дни тяжелых

унижений России, а его министры осмеливаются на забастовку! Сочиняют письмо, в котором угрожают тяжелыми последствиями императорскому величеству, династии и России?! Ну, этого еще можно было ожидать от Сазонова и Харитонова... Но Кривошеин, Барк, Шаховской и Игнатьев?! Этим-то что надо? Нет, права Аликс, когда просит избавляться от опасных людей...»

Адъютант почтительно вытянулся в стороне от скамьи, не смея беспокоить его величество своим присутствием. Дежурные казаки охраны спрятались за толстыми стволами деревьев. «Царь-батюшка думает! За всю Расею!»

И он думал. Мысли тянулись чередой, как караваны диких гусей, несущихся в вышине на юг.

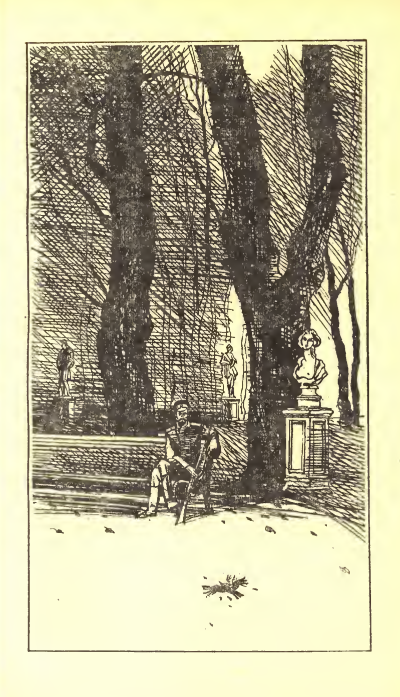
«Хорошо еще, что удалось сравнительно легко распустить эту говорливую Государственную думу... Уволены министры Щербатов и Самарин... Месяц назад убран оказавшийся хитрым и опасным — это он подговорил министров написать письмо — Кривошеин... Сочтены дни министерства Харитонова... Как жаль, что из-за союзников нельзя убрать Сазонова — англичане и французы сразу вцепятся в горло... И Барка нельзя тронуть, он слишком большой специалист по части финансов... ведет все переговоры о займах в Америке, Англии и во Франции... Союзники тоже завопят, если сместить и этого забастовщика!..»

«Начинается новая чистая страница» — пишет Аликс, со вздохом припомнил Николай. — Не так легко писать новые имена министров на этой чистой странице... Их надо еще найти. А где взять верных людей?! Допустим, наш Друг готов помочь советом — ему, может быть, из народной гущи видно, кто и как относится к самодержцу...

Пожалуй, надо сменить и Горемыкина — старик не в состоянии держать в узде кабинет министров... Пожалуй, гофмейстер Штюрмер сможет решить те задачи, которые я ему поручу...»

Лик императора посветлел. Он легко поднялся со скамьи и пошел по дорожке. Проходя мимо адъютанта, Николай машинально протянул ему монтекристо и, не останавливаясь, пошел дальше. Ему вдруг пришел на ум вопрос: а как союзники отреагируют на назначение Штюрмера? Николай снова впал в раздражение.

«Опять Палеолог и Бьюкенен будут проситься в Ставку!.. Снова вылезут со своими непрошеными со-

ветами. Надо сказать Фредериксу, чтобы ни в коем случае не приглашал этого английского нахала! Подумать только, предложить российскому императору отдать Японии оставшуюся половину Сахалина только за то, чтобы японцы прислали два корпуса на русский фронт для поддержки российской армии!.. Надо рассказать об этой английской выходке Аликс, чтобы она была похолоднее с Бьюкененом! Однако он опасен... Надо Мосолову быть осторожнее с англичанами... Не дай бог, пронюхают о наших желаниях заключить мир — не постесняются подослать убийц с кинжалами...»

Размеренными шагами царь сделал круг по парку и подошел к дворцу. Солнце снова выглянуло в просвет между тучами.

«Не иначе, как сам господь-бог посылает свое благословение, — поднял глаза к небу Николай. — Пожалуй, следует хорошенько помолиться ему...»

Самодержец остановился на ступенях крыльца и обернулся к адъютанту:

— Пригласите ко мне Алексеева... Это насчет праздника и парада георгиевских кавалеров 26 ноября. Пусть заготовит приказ о вызове в Ставку из каждого корпуса по одному офицеру и два нижних чина... устроить парад... всех строевых и штаб- и обер-офицеров, поздравлю со следующим чином... распорядитесь приготовить списки...

Эльбоген (Локет), декабрь 1915 года

На сырой, покрытой плесенью стене своего каземата черенком железной вилки Соколов сделал сто восьмидесятый штрих. Шесть месяцев он сидел в одиночной камере тюрьмы для особо опасных преступников в том самом городишке Эльбоген, куда еще так недавно и так давно — целую вечность назад — он приезжал на экскурсию из соседнего Карлсбада! Из окна своего узилища он видел крышу гостиницы «Белый конь», где обедал тогда, лес на склоне горы за городком. На его глазах этот лес уже дважды менял свой наряд — летом он был изумрудным и до боли хотелось забраться под его сень, исчезнуть в ней, укрыться от полиции и контрразведки. В октябре лес оделся в золото и пурпур, солнце так сильно отражалось от его праздничных одежд, что становилось светлее и чуть менее печально в мрачных стенах вечно сырой и холодной камеры.

Теперь лес стоял пустынным, голым и угрюмым. Стволы деревьев были черными, иногда выпадал снег, но белое покрывало быстро таяло, и снова чернота ложилась на природу и на душу.

Сто восемьдесят дней отделяли Соколова от того момента, когда нелепый случай, который невозможно предусмотреть ни в каких самых тщательно разработанных планах операций, столкнул Алексея в одном купе вагона Прага — Штутгарт с офицером германской разведки, бывшим портье в варшавской гостинице «Европейская».

Этот птицеобразный неприятный господинчик маленького роста, с непомерно большим задом, который не могла скрыть даже перетянутая в талии германская военная форма, чуть было не опоздал на поезд. Немец вошел в купе, когда паровоз дернул вагоны. Неизвестно было, от чего он покачнулся — от толчка или увидев в купе Соколова.

О дерзком побеге знаменитого русского полковника из военной тюрьмы на Градчанах было известно всем жандармским, разведывательным и полицейским службам Центральных империй. После минутного замешательства немец вынул из кобуры револьвер и остановил поезд стоп-краном.

Хорошо еще, что сопровождавший Соколова до Штутгарта связной группы Стечишина был помещен в соседнее купе. Он видел арест Соколова, но ничего не мог поделать — железнодорожные жандармы работали быстро и четко. Русского полковника увезли в неизвестном направлении. Только через пару месяцев усилиями всей агентурной группы удалось установить, что Алексея бросили в одиночную камеру грозного и неприступного тюремного замка в Эльбогене...

Условия в этой тюрьме были невыносимыми. Скверная еда, холод и сырость в камере, грубость тюремщиков. Тюфяк, набитый соломенной трухой, жесткая, всегда влажная и пахнущая тленом подушка, тонкое, почти не согревающее одеяло выдавались только на ночь, а днем в камере оставался лишь стол, привинченный к стене, и такой же табурет, приделанный к полу, чтобы заключенный не мог покуситься на жизнь тюремщика.

В полуметре над дверью, в углублении, забранном решеткой, стояла тусклая керосиновая лампа. Экономя керосин, тюремщики зажигали ее в короткие зимние

дни лишь тогда, когда в камере становилось совершенно темно.

Сначала довольно часто — раз в неделю — к Соколову наведывались офицеры австрийской и германской контрразведок. Различными посулами склоняли его к измене родине, к работе на неприятеля. От него требовали подробного рассказа об агентуре российского Генерального штаба в Богемии и Моравии, в Австрии и Венгрии, сулили имение и вклады в банки, перемену фамилии и генеральский чин в австрийской армии, если он согласится перейти на сторону врага.

Алексей не удостаивал своих назойливых «посетителей» ни единым словом.

Полковник похудел и почернел от тяжести и лишений, но упорно занимался гимнастическими упражнениями по чешской сокольской системе, считая ее лучшей для поддержания физических сил.

Визиты становились все реже и реже. Соколов решил, что это плохой признак. Так оно и было.

Его главный соперник еще во времена мира — полковник Максимилиан фон Ронге, начальник австрийской контрразведывательной службы, зная, что ничего не получит от упрямого русского разведчика, передал его военно-судебным властям империи. Те, со своей стороны, совсем не были заинтересованы в дальнейшем содержании Соколова под стражей. Возиться с обменом русского полковника на какого-либо австрийского пленного через международный Красный Крест палачам в мундирах было недосуг, а мест в тюрьме не хватало для дезертиров и бунтовщиков, в избытке имевшихся в любой австрийской воинской части.

Соколов не знал, что тучи сгущаются, однако начинал ощущать серьезную угрозу. Группа Стечишина, упорно стремившаяся найти хоть какую-либо возможность для связи с Алексеем, установила наконец контакты с тюремным священником, который жил обособленно и неприметно на окраине городка, в собственном доме.

Филимон и его соратники внимательно изучили биографию капеллана, который оказался мораваком, как и полковник Гавличек. Обоих уроженцев Моравии якобы случайно свели на Колоннаде в Карлсбаде, куда фарар * регулярно наведывался за целебной водой. Тон-

---

* Так зовут военного священника в просторечье.

кий психолог и ярый чешский патриот, Гавличек сумел распропагандировать патера Стефана. Тот согласился помочь Соколову...

Когда серый свет декабрьского дня еле пробился в камеру Алексея, заключенный уже был на ногах. Он сделал несколько гимнастических упражнений и принялся за только что доставленную ему горячую бурду, называемую здесь кофе. Пришлось проглотить и засохший кусок серого хлеба. Внимательный глаз тюремщика упорно изучал его через окошко в двери в этот день почему-то с самого раннего утра.

После завтрака Соколов принялся ходить из угла в угол камеры, восполняя недостаток моциона и заодно согреваясь. Внезапно за дверью загремели ключи, заскрипели железные петли. Вошли офицер в чине майора, два унтера с винтовками.

Майор официально обратился к Алексею с вопросом:

— Вы ли господин полковник российской армии Соколов?

— Честь имею! — вскинул подбородок Алексей.

— Мне приказано доставить вас в заседание военно-полевого суда! — объяснил майор цель своего прихода. — Попрошу ваши руки!

Соколову надели наручники, унтера стали позади него и, предводительствуемые майором, двинулись по низким коридорам и запутанным переходам с верхнего этажа, где находилась камера, куда-то вниз. По раз и навсегда выработанной привычке Соколов старательно запоминал дорогу. Это отвлекало от мрачного ожидания суда и могло когда-нибудь помочь. Алексей не знал, что возможность уверенно ориентироваться в этом лабиринте пригодится ему очень скоро.

Коридоры изредка выходили в залы, откуда лестницы вели все ниже и ниже. Когда Соколов мысленно предположил, что они идут где-то недалеко от главной тюремной башни, оказалось, что он не ошибся. Распахнулись последние двери. Полковник был введен в высокий сводчатый зал, в противоположном конце которого располагался высокий дубовый стол и кресла судей.

Другой мебели в комнате не было.. Арестант на ногах вынужден был ждать, пока состав суда соберется. В зале было полутемно, жидкий свет зимнего дня едва сочился через грязные окна.

Вошел, едва волоча ноги, престарелый председатель

суда в мундире генерал-майора австрийской кавалерии. Полковник-юрист и майор, приведший Соколова, встали со своих мест, приветствуя начальника.

По тому, какой злобный взгляд генерал кинул на Соколова, Алексей понял, что пощады ему здесь ждать нечего. Он расправил плечи и с вызовом оглядел своих судей.

Допрос подсудимого длился недолго.

— Вы полковник русского Генерального штаба Соколов, который собирал шпионские сведения на территории нашей империи? — грозно прорычал генерал. Его квадратная челюсть задергалась при этом, словно у бульдога.

— Я находился на территории Австро-Венгрии еще до начала войны и, когда хотел ее покинуть, был схвачен на границе, — спокойно ответил Алексей.

— Вы бежали из военной тюрьмы в Праге при помощи веревочной лестницы, а при поимке отказались назвать своих сообщников? — еще более разъяряясь, вытянул шею генерал.

— Да, я решил покинуть тюрьму, где меня незаконно задерживали, вместо того чтобы интернировать в лагерь для военнопленных! — резко возразил Соколов.

— Шпионов не интернируют, а расстреливают или вешают! — прошипел генерал. Аудиторы согласно закивали головами.

— Меня арестовали без оружия, я не оказывал сопротивления и при мне не было никаких компрометирующих документов! — Соколов с ненавистью встретил бешеный взгляд председателя суда.

— Все ясно! — изрек генерал и поочередно посмотрел на полковника, сидевшего слева от него, а затем на майора, сидевшего справа. Майор был еще и секретарем суда — он записывал железным пером вопросы и ответы Соколова.

Генерал тяжело встал, поднес к глазам небольшой листок и почти по складам прочитал то, что было заранее в нем написано:

— Именем его императорского величества вы приговариваетесь к смертной казни через расстрел! Приговор будет приведен в исполнение сразу же по получении подтверждения по телеграфу из Вены!..

Соколов был готов и к такому исходу, но у него потемнело в глазах. Он крепко сжал кулаки, желая

физическим напряжением и болью от наручников подавить в себе секундную слабость.

Австрийские офицеры с любопытством вперились в лицо русского полковника. Страх смерти, по их опыту и расчетам, обязательно должен бы исказить черты подсудимого. Но они просчитались. У Соколова лишь заходили желваки на скулах, он с вызовом встретил взгляды своих врагов.

— Молодчика расстрелять завтра на рассвете! — бросил генерал секретарю судилища и, еле волоча ноги, стал спускаться с возвышения, где стояло его кресло.

Кулаки Соколова побелели от напряжения. Если бы не оковы, Алексей бросился бы на генерала и пристукнул его на глазах аудиторов. Караульные, видя его состояние, взяли оружие на изготовку.

Тем же лабиринтом лестниц и коридоров Соколова повели в его камеру, где на этот раз оказались зажженными и керосиновая лампа, и свеча, приклеенная расплавленным воском к деревянному столу. Перед свечой лежала библия.

С железным скрипом закрылась железная дверь. Соколов сел на постель, которую сегодня оставили ему.

Приговор и расстрел на рассвете следующего дня явились для него полной неожиданностью, он словно оглох и ослеп на несколько минут.

«Возьми себя в руки, Алексей! — приказал он самому себе. — Ты русский офицер, и врагу не удастся тебя сломить!..»

Полковник высоко поднял голову. Взгляд его уперся в серую каменную стену. Мокрый гранит перед его мысленным взором вдруг словно раздвинулся. Алексей увидел себя маленьким мальчиком, бегущим навстречу отцу. Споткнувшись о выступающий из земли корень, он не успевает упасть, его подхватывают сильные и добрые руки отца. Жесткие усы щекочут шею...

Сразу вслед за внезапным воспоминанием детства, вытесняя его, пронзая болью потери, перед ним появилась Анастасия. Ощущение счастья на ее лице сменилось озабоченностью и тревогой, как в тот миг, когда она узнала, что надвигается война.

«Как хочется жить, чтобы бороться, чтобы любить Настю, хранить и беречь все, что она олицетворяет собой — родину, будущее, детей, народ...»

Алексей не мог сидеть. Жажда жизни и борьбы охватила его. Ходьба по камере не успокаивала, грудь сжимала смертная тоска.

«Возьми себя в руки, Алексей, — сжав челюсти, приказал он себе. — Ты жив! Ты человек! Не роняй чести России, русской армии!»

Ком в груди остался, но физическое напряжение всех мышц, готовое вот-вот разрядиться холодной нервной дрожью, пошло на убыль. Соколов снова сел на постель, подложил под спину жесткую подушку и задумался.

«Ну что ж! Видимо, надо подводить итоги! — жестко решил он. — Добился ли я того, чего желал? Почти всего!.. А если быть откровенным — стоило ли тратить жизнь на то, что тобой достигнуто?!»

Детство, отец и мать, кадетское и юнкерское училища в мгновение пронеслись перед мысленным взором Алексея, и он не нашел в них ничего, чего мог бы стыдиться. Он был всегда честен, прям и не труслив. «Я бы повторил еще раз этот путь, — решил он. — Если бы бог, конечно, дал мне вторую жизнь!» Затем полк, офицерская среда, товарищи-гусары, дни строевой службы, промелькнувшие как один, его лихой гусарский эскадрон, в котором он запретил вахмистрам отпускать нижним чинам зуботычины, как это практиковалось младшими и старшими офицерами во всей русской армии. В офицерском собрании на него смотрели как на белую ворону, но уважали, а кое-кто из корнетов даже стал подражать. Ведь времена менялись, наступал двадцатый век, и в русской армии начали распространяться прогрессивные веяния, идущие от молодых офицеров Генштаба.

Казармы, полковая школа, парфорсные охоты, выездка лошадей, балы у окрестных помещиков, на которых первыми гостями всегда были офицеры-кавалеристы, женитьба на милой хохотушке Анне — вся гусарская молодость и начало возмужания вспомнились Соколову. Они быстро ушли, оставив лишь легкий вздох сожаления.

Память перенесла его к годам русско-японской войны и первой русской революции. Он провел их в академии Генерального штаба, хотя, как и все русское офицерство, рвался на поля сражений. Его полк не успел побывать в Маньчжурии, но был брошен на усмирение бунтующих во время революции крестьян.

«Слава богу, я не запятнал тогда честь русского офицера, и не принимал участия в расправах над отчаявшимися людьми!» — подумал Соколов. Он вспомнил, как не подал руки особо отличившемуся усмирителю, захудалому прибалтийскому барону фон Фитингофу, за что был окрещен некоторыми офицерами «выскочкой-академиком». Но большинство гусар явно стыдилось жандармской роли.

Все это смешалось с позорным поражением в русско-японской войне и серьезно поколебало верноподданнические настроения в армии. Офицерство перестало быть монолитом без трещин и разломов, на котором покоилось самодержавие. Под воздействием огня революции монолит стал потрескивать и оседать.

Ветры свободы и прогресса, поднятые первой русской революцией, коснулись своим живительным крылом и офицерского корпуса, особенно младших его отрядов. Еще гремело беспробудное застолье в офицерских собраниях, но в читальни и библиотеки начали поступать политические газеты, журналы, книги. Еще унтеры и вахмистры старой закалки кулаками вбивали в солдата понятие о враге «внутреннем и внешнем», но все больше среди призывников оказывалось грамотеев из городов и деревень, которые где-то и когда-то слышали крамольные речи того самого «внутреннего врага» и не могли не согласиться с его правдой.

Офицеры из семей разночинных, мелкочиновных, служилой интеллигенции значительно потеснили даже на командных должностях дворянское и духовное сословие.

Соколов происходил из потомственно-служилой семьи. Его отец и дед были военными лекарями. Лишь Алексей изменил медицине ради кавалерии и после кадетского корпуса и юнкерского училища вышел в гусарский Митавский полк. Движения общественной жизни оставили в его сознании довольно значительный след. Вот почему он, исповедуясь самому себе перед смертью, так остро чувствовал разрыв между понятиями «долг службы» и «служение народу».

Он вспоминал весь ужас и всю тяжесть казармы для солдата, вырванного из привычного ритма жизни и отданного на расправу унтеру, взводному, эскадронному или ротному начальству. Ему претили бездуховность и примитивное чинодральство значительной части офицерства, прикрываемые довольно высоким профессиона-

лизмом. Когда перед его мысленным взором прошла вторая часть жизни в полку — уже в штаб-офицерских чинах, он содрогнулся от желания переделать все по-новому, по-справедливому, если бы только мог...

Годы в Киеве Алексею уже не представлялись блестящей вереницей успехов по службе, радостей от конного спорта и прелестей офицерского собрания. Перед лицом смерти ореол удовольствий померк. Собственная совесть голосом строгого судьи спросила его: «Делал ли ты добро людям? Что принес миру твой разум? Был ли силен твой дух перед соблазнами и суетой?»

Это был самый высокий суд, вопрошавший: кто ты есть, человек?

Перед таким судией нельзя отвечать, что служил честно, не воровал и не обманывал людей, имел друзей или любил одну женщину в один период своей жизни... На чаши весов ложатся только полновесные гири. На одну — Добро, Искренность, Любовь. На другую — Зло, Тщеславие, Зависть.

Вспоминая свой путь, Соколов понял вдруг, что то, к чему его всегда готовили и чему он отдавал все свои силы и способности, было неравно разделено между чашами главных весов истины: защита отечества есть Добро. Но штык армии, направленный на защиту родины, обращали во зло против народа. Зло, Тщеславие и Зависть правили тем несправедливым миром, который охраняла армия.

Любовь к Анастасии открыла ему глаза на мрачный и грозный мир отношений между хижинами и дворцами, между безрадостным трудом ради куска хлеба и всеядностью капитала ради капитала.

Сейчас, в последние часы жизни, он понял истинность и непреходящую ценность тех мыслей о жизни, о социальном неравенстве, о будущем мира, которые узнавал от красивой и хрупкой Насти. Это были не только ее мысли. Так думали лучшие умы человечества.

Знание Соколовым тайных пружин мировой кровавой войны, в которой гибли миллионы и миллионы человеческих жизней, а десятки миллионов оставались калеками, отравленными трупным ядом шовинизма и ненависти, его опыт и его любовь к людям, среди которых самое сильное чувство он отдал Насте, привели его к той черте, за которой он уже не мог верить в истинность ценностей, которым присягал у трехцветного знамени.

На рассвете, под барабанный бой, ему суждено умереть. «Как жаль, — думал он, — что рассвет моего сознания настал так поздно! Я верно служил российскому самодержцу, а ведь он — Зло, воплощенное в ничтожное, тщеславное и мелкое существо.

Я служил возвышению низких и подлых генералов, для которых нет ничего святого и великого, кроме «лишнего чинишки или орденишки», и которыми движет лишь тщеславие и зависть. Поистине мир покоится на Зле, Тщеславии и Зависти. Это мир насилия, и я ему служил!..»

Мыслью преступив черту, отделяющую Незнание от Знания и ощущения Истины, Алексей понял, что он уже не тот человек, каким был несколько часов назад. Его дух утвердился в служении добру и в противодействии силам зла.

Великая любовь к Анастасии и к людям перестала быть мучительной, причинять страдания и тоску.

Не раздеваясь, Алексей бросился на кровать и мгновенно заснул. Ему показалось, что прошло лишь несколько минут, когда загремел железный засов двери. В тот же миг начали бить башенные часы крепости-тюрьмы. С последним, двенадцатым ударом в камеру вошел священник...

Эльбоген (Локет), декабрь 1915 года

Свеча на столе почти догорела. Керосиновая лампа в своем углублении нещадно коптила и рассеивала слабый мигающий свет. Алексею показалось, что он видит страшный сон, но когда за священником загремели засовы железной двери, он вновь ощутил весь ужас своего положения.

Священник подошел к постели полковника, осенил его католическим крестным знамением и громко, так, чтобы его голос донесся до двери, где было еще открыто смотровое окошко, произнес:

— Сын мой, я пришел дать тебе последнее напутствие!

Глазок у двери со стуком опустился.

Алексей резким движением поднялся с постели и оправил на себе одежду, потом провел рукой по небритой щеке:

— Сожалею, святой отец, что вынужден принимать в таком неопрятном виде, — спокойно проговорил он.

Патер был такого же роста, как и Алексей, довольно сухой комплекции. Одет он был в черную форму полкового священника австрийской армии, поверх которой наброшена черная монашеская сутана с капюшоном. Фарар буквально буравил глазами Соколова, как будто изучая каждую черточку его лица.

— Сын мой, я преклоняюсь перед вашим мужеством! — вдруг сказал священник. Его голос на последнем слове перехватило, а на глазах показались слезы.

— Не волнуйтесь, святой отец, я не нуждаюсь в католическом причастии, — мягко, словно успокаивая патера, вымолвил Алексей.

Не в силах сказать ни слова, священник покачал головой. Потом показал Алексею на табурет:

— Сядь, сын мой, — еле слышно начал он. — Я пришел не исповедовать тебя... Я пришел спасти! Твои друзья просили меня сделать это...

Алексей еще ничего не понимал. Он не спешил выполнить просьбу патера. Тогда священник приложил палец к губам и показал ему рукой на дверь, откуда могла появиться опасность. Соколова вдруг озарило: «А если это и есть последний и единственный шанс, который предоставляет ему Филимон?!» Он сел на табурет. Патер подошел к нему, положил руки на голову, словно исповедуя смертника, и шепотом стал ему говорить:

— Пан Соколов! Ваши друзья просили меня вас спасти. Они ждут вас за трактиром «Белый конь». Вы должны сделать следующее: забить мне рот кляпом, только не очень сильно, снять с меня мундир и сутану, связать руки веревкой, которую найдете в кармане мундира. Затем кладите меня на кровать, прикройте одеялом, словно спящего. Быстро переоденьтесь и четыре раза постучите в дверь камеры. Скажите понемецки охраннику, что смертник заснул. Вы сможете найти дорогу к главной башне?

— Да, святой отец.

— Перед залом суда поверните налево и окажетесь в кордегардии... Если спросят пароль: «Вена». Отзыв — «Пешт». Ради бога, только не спешите, не делайте резких движений! Тюремщики, как волки, они немедленно бросятся в погоню, если почуют беглеца! Не спешите, умоляю вас! Постарайтесь быть спокойнее... Вам откроют калитку в воротах. Пройдете двором — не спешите, идите спокойнее! Затем еще одни ворота,

сами скажете пароль... Есть еще внешний караул. Не прячьтесь от него, идите смело прямо на солдат и осените их крестным знамением... Спокойно спускайтесь по улочке к площади, не спешите, ради бога! Поверните направо, к ратуше, и по правой стороне пересеките площадь... За гостиницей «Белый конь», в проулочке, вас будет ждать человек. Он проводит вас во двор, где ждет карета. В карете переоденьтесь в гражданское платье, а что делать дальше, скажет ваш проводник...

Ах, да! — заволновался патер. — Чуть было не забыл!.. Приклейте эту темную бородку к своей щетине, а то вы светлый шатен, а я почти брюнет!

Едва только священник начал говорить, Соколов поверил ему. Он понял, что это друзья из группы Стечишина устраивают ему побег. Каждое слово отца Стефана запечатлелось в его памяти. Алексей мгновенно вспомнил весь лабиринт коридоров, по которому ему предстояло пройти спокойным и даже замедленным шагом, учитывая сан и преклонный возраст священника.

— С богом, сын мой! Приступайте! — благословил фарар Алексея. — Я буду молиться за вас. Не волнуйтесь за меня, друзья мне помогут, — добавил он, видя беспокойство Алексея.

Исповедник снял накидку, мундир и протянул Алексею кусок веревки, предусмотрительно захваченный из дому. Алексей связал ему руки так, чтобы старику не было больно, накинул ему на плечи свой пиджак, достал из кармана мундира чистый платок, и, положив святого отца на кровать, осторожно примостил кляп. Он прикрыл патера одеялом, быстро оделся сам в форму военного священника, набросил сверху сутану с капюшоном и четырежды стукнул в дверь.

Со скрипом и скрежетом железо поползло наружу, открывая выход. По-католически, слева направо Соколов перекрестил фигуру на кровати и неторопливо пошел по коридору знакомой дорогой. Охранники благочестиво пропускали святого отца через свои посты, не спрашивая пароля. Иные преклоняли перед ним колено, и тогда Соколов приостанавливался и благословлял верующего.

Полковник еле сдерживал себя, чтобы не ускорить шаги, его мускулы были напряжены, а разум работал четко, как никогда. Вот и дверь в зал суда. Она от-

крыта, и во мраке не видны стол и кресла неправедных судей.

Коридор повернул налево. Осталось несколько самых опасных шагов. Кордегардия встретила священника шумом и гамом, который постепенно стих при его появлении. Группки жандармов играли в кости, домино и карты, курили, перебранивались. Картежники и игроки в кости стыдливо убрали свои греховные снаряды под стол, завидя капеллана. Часовой, развалившийся в небрежной позе у выходной двери, почувствовав замешательство своих товарищей, решил побыстрее спровадить попа в офицерском чине и услужливо распахнул перед ним засов.

Неторопливо и спокойно, словно углубившись в свои мысли, Соколов пересек зал. Его сердце билось так, словно хотело разорваться. От напряжения судорога сводила ноги. Наконец он очутился на улице, во внутреннем дворике, и смог вдохнуть свежего зимнего воздуха. Это немного его расслабило. Почти не торопясь, прошел он оставшиеся несколько шагов до ворот.

— Вена! — пробурчал он в открывшееся окошечко будки возле калитки в воротах. Жандармский унтер вышел, отдал ему честь и неторопливо принялся возиться с замком. Внутри Соколова снова все напряглось. Заныли виски.

Медленно двинулся засов, щелкнул запор, дверь на свободу стала приоткрываться. Сзади кто-то вышел из кордегардии. Соколов не оборачивался. Когда калитка отворилась нараспашку, он медленно, словно старик, побрел под уклон узкой улочки, круто спускавшейся к площади города.

Все окна домов городка уже погасли. Только в гостинице у подъезда светилось окошко привратника. В ресторане из-за тяжелых портьер пробивался слабый свет свечей да на третьем этаже гостиницы поблескивал огонек керосиновой лампы.

«Наверное, это кто-нибудь из наших, из группы Стечишина, ждет завершения операции», — подумал Соколов. Ему стало спокойнее и легче на душе оттого, что рядом есть соратники.

Несколькими шагами ниже по улице оказался еще один шлагбаум. Часовой дремал в будке, закинув голову назад.

— Ты что, скотина, спишь на посту! — позволил себе рявкнуть на жандарма Соколов. Это решило де-

ло. Солдат спохватился и, быстро-быстро перебирая веревку руками, открыл шлагбаум. Затем он отдал честь офицеру и с трепетом провожал его глазами, пока Алексей неторопливо спускался к площади.

Он повернул направо за углом последнего дома и, оказавшись вне поля зрения караула, слегка ускорил шаги. Довольно быстро Алексей пересек площадь, вошел в проулочек за гостиницей. Здесь в темноте кто-то радостно бросился ему на шею.

— Алекс, милый, как я рада! — плача и смеясь, вымолвил знакомый голос. Млада Яроушек, связная группы Филимона, была тем проводником, который должен был доставить Соколова в безопасное место, отправить его в Штутгарт, откуда он мог перебраться с помощью друзей в Швейцарию.

— Надо спешить! — всегдашняя решительность вернулась к Младе.

Ворота гостиничного двора были открыты. В темноте пофыркивали кони. Млада и Алексей устремились к карете, дверца хлопнула, кучер взмахнул бичом, и экипаж выкатился через проулок на площадь. Он свернул налево, на дорогу, ведущую к старинному городу Хебу, называемому по-немецки Эгер.

Миновали мост через речушку — границу города. Карета понеслась вскачь. Быстро достигли Фалькенау *, лежащего в миле с четвертью от Эльбогена **. Затем проследовали Штайнгоф, состоящий всего из нескольких зданий. Кучер предусмотрительно переводил лошадей на шаг в населенных пунктах, где могли встретиться жандармские патрули.

Беглецу задерживаться в Эгере было нельзя. В особняке друзей Млады он смог остановиться лишь на несколько минут, чтобы побриться, переодеться и получить билет на поезд, документы на имя богатого фабриканта стекла из города Дукса, следующего на рождественские праздники в Нюренберг к компаньону.

Германскую границу Соколов пересек раньше, чем австрийская жандармская машина, обнаружив на рассвете бегство, разослала его приметы по всей империи. На отца Стефана подозрения не пали, поскольку австрийские жандармы были наслышаны о ловкости и физической силе Соколова.

* По-чешски Соколов.
** Около 10 километров.

Из Нюренберга Алексею удалось без помех проскользнуть в Штутгарт, где у него были хорошие и надежные конспиративные связи. Из Штутгарта через Равенсбург с помощью друзей он добрался до Боденского озера. На другом берегу лежала нейтральная Швейцария. Соколова связали здесь с итальянскими контрабандистами. На быстроходной моторной лодке туманной ночью он пересек границу войны и мира.

Швейцарская полиция привыкла встречать на берегу Боденского озера беглецов из Австро-Венгрии и Германии. Соколову не удивились. Его интернировали до тех пор, пока всесильная французская разведка, союзная русской, не нажала на все педали и не освободила Соколова. Он благополучно получил в российской миссии в Берне документы и проездные до Парижа, где должен был явиться к русскому военному агенту. Эта одиссея заняла несколько месяцев. Но в первый же день он отправил из Швейцарии письмо Анастасии.

Соколов писал, что верит в ее любовь. Через две недели он получил из Петрограда телеграмму. Настя писала, что любит его еще сильнее, чем прежде, и ждет.

До возвращения Алексея на родину оставалось целых полгода.

Петроград, февраль 1916 года

Настя только что получила через Сухопарова известие о том, что Алексей второй раз бежал из австрийской тюрьмы — в ночь перед расстрелом, и теперь находится в безопасности в нейтральной Швейцарии. Правда, ему предстоит еще долгий путь в Россию — через Францию, Англию и Скандинавию. Путь займет еще много недель... Но главное — Алексей жив, относительно здоров, и скоро жена начнет получать его письма, теперь уже не пленного или смертника, а свободного человека.

Сухопаров сказал, что французские союзники сделают все, чтобы скорее кончился срок интернирования Соколова, затем — необходимые формальности, и Алексей переедет на территорию союзной державы. Он обещал передать ее телеграмму в Швейцарию.

Весточка о любимом окрылила Настю. Завывание февральских вьюг казалось ей небесной музыкой радости. Выходя на улицу и по привычке кутая горло, она думала о том, что Алеша теперь в южной курортной

стране, где очень теплая зима... Пусть он там немного отдохнет от перенесенных страданий.

Ее мягкие и нежные руки, и раньше-то при перевязках почти не причинявшие боли раненым, теперь творили чудеса. От них будто исходила волшебная сила, ускорявшая исцеление самых сложных и мучительных ран. Ее лучистые глаза сияли светом счастья, и этот блеск находил отзвук в сердце любого человека, встретившего ее взгляд.

Однажды в середине дня Настя отправилась в Главное управление Генерального штаба получить жалованье Алексея, аккуратно выдававшееся ей во все девятнадцать месяцев вынужденного отсутствия мужа, и почти столкнулась на Невском с выходящим из Сибирского банка Гришей-белоподкладочником. Гриша очень обрадовался, увидев Настю. Он остановил ее, шаркнул ножкой и пытался поцеловать руку.

Гриша начал какой-то светский щебет о том, что страшно сожалел, когда Анастасия ускользнула от Шумаковых, а он не мог прервать свою речь. И что она необыкновенно расцвела и совершенно невозможно похорошела — хотя и раньше была ослепительна — за те несколько месяцев, что он ее не видел...

Сердце Насти от радости было открыто всему миру. Она простодушно поведала своему спутнику о том, что ее муж должен вот-вот вернуться и как она счастлива увидеть его скоро живым и невредимым.

— Ах, значит, ты соломенная вдова, — сделал свой вывод Гриша. При этом добавил довольно легкомысленным тоном: — Тогда тебя нужно развлекать!..

Настя не обратила внимания на его вольность. Ей самой хотелось петь и танцевать.

Они проходили мимо магазина граммофонов Бурхарда. Обрывки мелодий выплеснулись на тротуар вместе со счастливым обладателем музыкальной машины. Заслышав музыку, Гриша словно споткнулся — ему пришла в голову блестящая мысль.

— Настенька, сейчас все только и говорят в Петрограде об аргентинском танго... Особенно хвалят танцоров у «Эрнеста»...

— Неужели? — изумилась молодая женщина. — А я слышала, что это страшно развратный танец, что он под запретом и его порядочные люди не танцуют...

— Что ты, что ты!.. — скривил губы Гриша. — Это было раньше! На танго теперь мода. Во всех шикар-

ных ресторанах показывают танго! Только о нем и мечтают дамы...

— А как же война? — продолжала удивляться Настя. — Ведь по всей России запрещен алкоголь и разгул в ресторанах, а ты говоришь, что показывают... будем говорить... нескромный танец.

— А ты видела хоть раз его? — возмутился прогрессист Гриша. — И при чем здесь война!.. В петроградских ресторанах вино как лилось рекой, так и теперь льется!.. Впрочем, чего рассуждать... — хитро сощурился он, — как я понимаю, ты сама танго не видела, а только читала осуждение его в «Новом времени» или еще где-нибудь...

— Я «Новое время» не читаю, — возразила Настя.

— Конечно, ты читаешь только большевистскую газету «Социал-демократ»... — съязвил Гриша. — А там о таких пустых вещах, как танго, не пишут...

— Разумеется, не вашу кадетскую «Речь», где только и пишут о таких пустых вещах, как о свободе танго! — парировала Настя.

— Забудем партийные распри! — шуточно взмолился Гриша. — Признаю себя побежденным и в качестве приза победительнице предлагаю посмотреть танго!.. Знаю такое местечко!.. Лучших аргентинцев не сыщешь и в Южной Америке!.. Ну пожалуйста, Настенька!..

Насте хотелось делиться с кем-то своей радостью, хотелось музыки, перемены обстановки, захотелось поспорить. Было очень интересно хотя бы одним глазком взглянуть на запретный танец, только недавно появившийся, как заразная болезнь, в столице Российской империи.

Гриша уловил согласие в ее взгляде и затараторил:

— Хорошо, хорошо, хорошо! Я заеду за тобой, как ты скажешь, — на моторе, на лихаче, как будет тебе угодно... в двадцать два часа, — сказал он на военный, входивший в моду у «земгусаров», манер. — Итак, решено — я заезжаю на моторе...

Своей веселой напористостью Гриша подавил робкие попытки сопротивления Насти.

«В конце концов, — мысленно оправдывалась она сама перед собой, — я знаю Гришу много лет. Он не пытался пошло ухаживать за мной раньше... Не позволю этого и теперь... А увидеть танго — это все-таки очень интересно... Мало ли что говорят об этом танце... Надо составить свое суждение...»

— А где это? — вслух спросила Анастасия.

— О-о! — многозначительно протянул Гриша. — Это загородный кабачок «Эрнест»... Не очень далеко от нового Троицкого моста — на Каменноостровском проспекте... — поспешно разъяснил он, испугавшись, что Настя откажет, узнав, что «местечко» за городом. Его спутнице название ресторана ничего не сказало, хотя он был из самых популярных и дорогих «злачных мест» Петрограда военных времен. Гриша это хорошо знал и не стал входить в подробности. Он перевел разговор на другую тему, и, беседуя о пустяках, молодые люди дошли до Дворцовой площади. Там помещался хозяйственный комитет Генерального штаба.

На Невском, в толпе штатских прохожих, Гриша выглядел молодцом в своей полувоенной бекеше, теплой шапке английского образца и в светло-коричневых ботинках на толстой подошве с крагами. В его наряде был не только ура-патриотический шик «земгусара», но и звучный акцент трогательной преданности союзникам, в первую голову — английским.

На Дворцовой площади, где бравые военные, перетянутые портупеями, в мохнатых папахах, стали попадаться значительно чаще ввиду близости Генерального штаба, воинственность одежд Гриши сразу поблекла, и он сам почувствовал это. Уже под аркой Гриша стал прощаться до вечера.

Вечерний Каменноостровский проспект был оживлен не меньше, чем Невский. Пока машина пробиралась между трамвайными путями и сугробами, оставшимися на Троицкой площади и на проспекте от обильного снегопада, Гриша ворчал что-то нелестное о Петроградской городской думе.

— Как можно на таком главном проспекте, как Каменноостровский, сохранять рядом с облицованными мрамором фасадами роскошных новых домов и старых дворцов жалкие лачуги! И что за ужас самый первый дом на проспекте! Извозчичий двор, грязные сараи, трактир, гирлянда разномастных вывесок!.. И это напротив английского посольства, где земля стоит не менее тысячи рублей квадратная сажень!.. * А угол Карповки и Каменноостровского! Пустырь, деревянный

---

* Сажень — 2,134 метра.

трактир и полуразвалившийся домик! Как по этому беспорядку судят о нас наши союзники, о наших нравах, вкусе, о нашей культуре?..

Гриша рассуждал о том, что надо обязать интеллигентных владельцев собственности согласовывать внешний вид ее с художниками...

Необходимо поощрение от Думы за лучший фасад, за зеленые насаждения. Понятно, конечно, почему иностранцы судят так плохо о России. Вот даже английский журнал «Грэфик» поместил рисунок русской бани, в которой вместе моются мужчины и женщины! А разве Петроград по сути своей таков? Но неопрятный внешний вид! Жалкие витрины, обклеенные обрывками бумаги! Ах, эта русская безалаберность! Как вредит она в мнении иностранцев!

Настя молча слушала разглагольствования Гриши, с любопытством смотрела в окно. То, что говорил Гриша, было правильно. Но вместе с тем на Каменноостровском проспекте, где Настя не бывала с тех самых пор, когда Алексей в далекие предвоенные времена объяснялся ей в любви на Стрелке Елагина острова, вознеслись красивые доходные дома, открылся Спортинг-Палас.

При ярком свете луны, с яркими витринами магазинов Каменноостровский проспект был совсем не так плох, как говорил Гриша.

Подъезд «Эрнеста» розовел пятном света. Возле него скопились фыркающие на холоде авто и громоздившиеся на козлах своих легких санок лихачи.

Оказалось, Гришу здесь хорошо знали. Старый сухощавый метрдотель, вылощенный, словно английский лорд, вышел из внутренних залов приветствовать гостей. Он изучающе скользнул глазами по спутнице завсегдатая заведения. Красота Анастасии, а главное — внушающая уважение манера держаться произвели на него впечатление. Он немедленно переключил свое внимание с Гриши на даму и повел молодых людей к зарезервированным для важных гостей местам. Столик на двоих стоял совсем рядом с эстрадой для танцев. Настя села и стала спокойно оглядывать зал. Он был уже полон.

Густой, почти осязаемый воздух наполнял помещение с невысоким потолком. Тонко перемешались дым дорогих сигар, аромат французских духов, живых цветов, стоявших на каждом столике, запах шампанского и коньяка,

— Как обычно, — сказал Гриша, делая заказ. Высоко подняв голову, он принялся высматривать знакомых, гордый тем, что сегодня рядом с ним самая красивая дама. Общество было весьма пестрым. Несколько офицеров с боевыми наградами и гораздо больше «земгусаров» в такой же полувоенной форме, как и Гриша. Пожилые господа, все как на подбор в отлично сшитых фраках и крахмальных манишках, по виду — типичные миллионщики. В пух и прах разряженные дамы, похожие на кокоток, и скромно, но дорого одетые кокотки, выглядевшие дамами.

Официант принес большой хрустальный графин, наполненный лимонадом, и фарфоровый чайник с чашками. После того как человек, поставив на стол жбан икры, холодное сливочное масло и горячие калачи под салфеткой, удалился, Гриша заговорщицки подмигнул, указывая глазами на сосуды.

— Алкоголь везде запрещено подавать из-за войны... Народ должен идти умирать трезвым... А нам можно. Так что в карте стоит «лимонад а-ля-сэк». Но не шампанское. И не коньяк, а «чай фирмы Мартель»! Ха-ха-ха...

Гриша налил Насте в тонкий высокий стаканчик шампанского, себе — половину чайной чашки коньяку, поднял ее и спросил:

— За что мы пьем?

— А когда будет танго? — вместо ответа спросила Настя.

— Оч-чень скоро, — обещал Гриша. Он жадно, почти залпом осушил чашку. Настя с жалостью наблюдала, как легко он пил огненную жидкость.

— Посмотри на третий столик от оркестра у стены... — склонился Гриша к плечу спутницы. Настя слегка повернула голову в указанном направлении. За столиком важно восседал грузный, почти квадратный господин с красными пальцами коротких рук. Он был неприятен. Держался властно и заносчиво.

— Это мой патрон. Знаменитый Манус, Игнатий Порфирьевич! — уважительно прошептал Гриша. — Крупный банкир, миллионщик и хитрюга...

Рядом с Манусом небрежно потягивала «лимонад» элегантная худощавая женщина лет тридцати двух. В отличие от большинства дам, наполнявших зал, она не была увешана драгоценностями.

— Это его содержанка! — грубо уточнил Гриша. —

Она не любит носить бриллианты, хотя у нее их больше, чем у законной жены.

Настю покоробило от Гришиного цинизма. Кавалер что-то хотел сказать о Манусе, но барабанщик маленького оркестра ударил дробь, запела скрипка, рассыпалась соловьиная трель фортепиано. Когда гнусаво заныл американский саксофон, между столиков, к свободному пространству в центре зала заскользили двое танцоров. Артист был строен, как гимнаст, а его партнерша гибка, как змея. И одета она была в блестящее длинное платье змеиного узора, с высоким разрезом. Он — в узкие испанские панталоны с широким кушаком и малиновую шелковую рубаху, плотно обтягивающую его сильное тело.

Танец артистов был воплощением власти женщины над страстью и силой мужчины. Рыдала скрипка, гудел саксофон, два тела переплетались и отталкивались. Балерина то умирала в объятиях танцора, то вела его за собой...

Налитыми кровью, жадными глазами впивались в женщину господа во фраках, мундирах и френчах. Сытые, разгоряченные алкоголем и крепким запахом духов, возбужденные вседозволенностью, рождаемой бешеными деньгами, они готовы были тут же устроить аукцион на балерину. Ее черные как вороново крыло волосы, обнаженные руки и плечи, сладострастные движения, кажется, поощряли их.

Манус весь напрягся, словно кот, изготовившийся к прыжку. Его соседка, изнеженно откинувшись на стуле, вперила томный взгляд в белокурого атлета-артиста.

Гриша выпил еще полную чашку коньяка и начал бледнеть. Как и все мужчины в этом зале, он стремился к танцовщице. Он не знал, как и все остальные, что она уже продана за большую цену, что ее партнер — только декорация, что один из тех толстосумов, что сидят в зале, уже оплатил свою покупку. Но он легко отдаст ее, если получит от перекупщика больше, чем заплатил сам...

В полумраке зала нагло сверкали бриллианты на женщинах. Переливались жемчуга и камни. Атмосфера нагревалась от разгоряченных зрелищем и напитками тел.

Гадливость и омерзение постепенно стали подниматься в душе Насти. «И зачем я только пошла сюда?» — с сожалением подумала она.

Метрдотель принес ей корзину орхидей. Под самым красивым цветком лежала визитная карточка Мануса. Царственно повернув голову, Настя посмотрела в его сторону и вежливо, но просто кивнула ему в знак благодарности. Гриша наполнил свою чашку до краев, подобострастно изогнулся и, глядя на Игнатия Порфирьевича, выпил ее до дна.

Манус восхищенно смотрел на Настю. Красную руку с короткими пальцами он держал на том месте пикейного жилета, под которым должно биться сердце. Его спутница недоброжелательно покосилась на Анастасию. Настя отвернулась.

— Откуда сейчас орхидеи? — спросила она Гришу. — Наверное, из оранжерей?

— Что ты! — удивился всезнающий белоподкладочник. — У нас в России не хватает вагонов, чтобы подвозить продовольствие в города и военные припасы на фронт... Что же касается цветов и предметов роскоши, то для них вагоны всегда находятся. Все это поступает от союзников вместо пушек и снарядов через новый порт на Мурмане...

Гришины глаза остекленели, движения стали замедленными.

— Выходи за меня замуж! — вдруг предложил он Насте. — Я всегда хотел взять тебя в жены. Еще когда ты училась в консерватории...

Настя вспыхнула.

— Я уже замужем и люблю своего мужа! — резко ответила она. Гриша не слышал ее возражения.

— Я сейчас достаточно богат, чтобы жениться по любви, — еле шевеля губами, но четко выговаривая слова, сообщил он. — А потом... Ты видела, как на тебя смотрел великий Манус?! С такой женой можно стать вдесятеро богаче... А ты знаешь, кто такой Манус? Этот человек мой идейный враг... Он хочет сепаратного мира, который ему выгоден!.. А я хоть и работаю у него в Сибирском банке, связан с общественностью. Мы желаем войны вместе с союзниками до полной победы над германцами. Нам невыгодно замиряться... — стал вдруг излагать свое политическое кредо новоявленный жених.

— Перестань, Гриша. Я хочу уйти... — потребовала Настя.

Оркестр снова заиграл танго на другой мотив. Артисты вышли в иных, еще более открытых костюмах. На балерине была коротенькая греческая туника.

Настя обратила внимание, что многие из присутствующих дам уже сидели в слишком вольных позах, обнажая часть ноги. «Это же верх неприличия, — с ужасом думала Настя. — Какие распутницы здесь собрались, и я в их обществе! Кошмар!.. Надо немедленно выбираться отсюда!»

Танцевальная пара скользила теперь не только в центре зала, но и между столиками, отрезая Насте пути к бегству. Иногда артисты двигались совсем рядом, и тогда накатывалась удушающая волна каких-то сильных духов, пряных, словно специи.

Насте делалось все противнее и противнее. Гриша продолжал изливать свою душу перед ней, не обращая внимания на музыку, на танец, на окружающих. Он не говорил, а почти шипел сквозь зубы:

— Если ты мне откажешь, очень скоро пожалеешь об этом!.. Ты не знаешь, кто мне покровительствует. Это не только такие миллионщики, как Терещенко и Коновалов, среди нас есть и политики, и аристократы, и даже два великих князя!

Настя не обращала внимания на пьяную болтовню Гриши, и его это очень задевало.

— Скоро весь этот сброд, — Гриша качнул пьяной головой в сторону зала, — будет валяться у меня в ногах!.. Захочу — помилую, захочу — казню... Мы отодвинем самого Николая и его проклятую немку... В монастырь, как при Василии Третьем!.. Только Николай Николаевич достоин взять скипетр и державу... Если мы их ему подадим. А захотим — и раздумаем... Есть ведь еще и Михаил Александрович!.. А может, и вовсе республику объявим, вроде французской, хотя Англия лично мне симпатичнее, а полковник Нокс милее во сто крат, чем этот упрямый Алексеев, начальник царского штаба...

«Вот еще не хватало попасть под наблюдение полиции из-за этого пьяного дурака!..» — подумала Настя. Она искала момент, когда сможет, не привлекая общего внимания, ускользнуть из-за стола, и наконец он наступил.

Извиваясь, словно змея, и падая перед наступлением партнера, мимо столика снова скользнула балерина. Гриша повернулся всем телом вслед за волной запахов. Настя поднялась и, высоко держа голову, не оборачиваясь на восхищенные взгляды мужчин, двинулась к выходу. Ей пришлось пройти через зимний сад, в укром-

ных уголках которого раздавался игривый смех женщин и самоуверенные голоса мужчин.

Она вышла в вестибюль и спросила пальто. Дюжий гардеробщик сразу подал его, и тут появился Гриша. Он почти твердо держался на ногах, но его черные глаза источали злобные молнии.

— Почему ты уходишь не прощаясь? — сквозь зубы прошипел он.

— До свиданья, Григорий, — сухо ответила Настя. — Я не хочу здесь больше находиться, мне противно...

— Ах ты, какая патриотка, — пьяно протянул молодой человек. — Тебе стало обидно за серых героев, которые в это время проливают свою кровушку на фронте? — издевательски спросил он.

— Мне стало обидно за тебя, — коротко отрезала Настя.

— Ну тогда у меня еще не все потеряно, — иронически осклабился Григорий.

— Как раз у тебя — все, — уточнила Настя. — И прошу больше не затруднять себя...

— Ты плохо воспитана, сестра милосердия, — грубо схватил Григорий Настю за руку. — Раздевайся! Побудь со мной еще минутку! — протянул он слова модного романса.

Кровь прихлынула у Насти к лицу. Она вырвала свою руку и смерила Григория таким выразительным взглядом, что он начал трезветь. Неизвестно откуда возникший метрдотель, похожий на лорда, неслышно встал рядом с ними. Настя резко повернулась и твердыми шагами направилась к двери. Швейцар распахнул ее перед молодой женщиной.

— Я уже кликнул извозчика-с, — с симпатией прошептал он Насте.

— Спасибо, — машинально ответила она.

«Какая же огромная пропасть между моим Алешей и этим мерзким барчуком...» — подумала Настя. Она страдала, казнила себя за то, что поддалась на уговоры нахального и, как оказалось, подлого Григория, пошла в это гнездо разврата.

Свежий морозный воздух охватил ее. Светила луна, искрился снег. Заботливый петербургский «ванька» предупредительно держал раскрытую медвежью полсть, готовый укрыть ею седока. На улице Насте стало немного легче.

— На Знаменскую, — коротко сказала она. Сани заскользили.

«А ведь за болтовней Григория что-то скрывается... — подумала Настя. — Эх, кабы Алеша был рядом... Неужели сегодняшний ресторан — измена Алексею?! Нет, никогда больше не преступлю долга перед любимым!»

Хрустели снежинки под полозьями саней, уплывали назад газовые фонари, а вместе с ними и вертеп, где развлекались «герои» тыла.

«Как это все гнусно и низко, — думала Настя. — Люди голодают, женщины стоят по ночам в очередях за продуктами... Солдаты гибнут на фронте, калеки рыдают, зачем их не прикончил нож хирурга, ведь теперь им одна дорога — на паперть. А эти хлещут шампанское и коньяк, заедают икрой и трюфелями... Когда же грянет революция, чтобы смести всю эту нечисть! Скорее бы приехал Алексей — рядом с ним будет легче...»

Деревня Черемшицы, у озера Нарочь,
март 1916 года

В конце февраля германская армия обрушилась на французскую крепость Верден. Тяжелые снаряды крупповских пушек высекали сначала только искры из броневых колпаков капониров, но калибры были увеличены, и скоро в фортах крепости начался кромешный ад. Яростно устремились в наступление германские полки после девятичасовой артиллерийской подготовки. В первый же день они взяли французскую линию окопов. Завязалось огромное сражение.

Французский главнокомандующий генерал Жоффр только через пять дней после начала немецкого наступления понял его значение и отдал приказ «задержать противника любой ценой». Как и всегда, когда на Западном фронте союзникам становилось тяжело, они немедленно принялись нажимать на русскую Ставку, понуждая ее поскорее двинуть дивизии и корпуса в наступление, лишь бы ослабить давление немцев на западе.

После соответствующей шифровки из Парижа Палеолог ринулся в петроградские салоны создавать общественное мнение о необходимости скорейшего русского наступления, а генерал По, начальник французской военной миссии в России, явился в Ставке к генералу

Алексееву. Он передал ему письмо, в котором дословно приводил телеграмму Жоффра; в ней говорилось:

«В предвидении развития, вполне в настоящее время вероятного, германских операций на нашем фронте и на основании постановлений совещания в Шантильи, я прошу, чтобы русская армия безотлагательно приступила к подготовке наступления, предусмотренного этим совещанием».

Генерал Алексеев покряхтел-покряхтел, поворчал, но дал команду собрать членов штаба для подготовки наступательной операции на северном крыле фронта, имевшей быть значительно раньше начала общего наступления армий Антанты, намеченного на май.

Генералы, командующие фронтами и армиями, были вызваны в Ставку. Совсем уж было договорились начинать в конце марта, но генерал Эверт, главнокомандующий Западным фронтом, к концу совещания вспомнил, что грядет распутица, во время которой все действия войск будут скованы. Алексеев предложил начать наступление пораньше. 16 марта начальник штаба Ставки отдал приказ о наступлении 18 марта. Должен был начинать Западный фронт. Главным участком его наступления был назван район озера Нарочь — болотистый озерный край, покрытый лесами, изрезанный десятками рек и речушек.

В полосе прорыва от деревни Мокрицы до берегов самого большого из всей группы озер — Нарочь — должен был наступать 5-й корпус группы генерала Балуева. Артиллерию корпуса командующий группой разделил на три части, одной из которых приказал командовать генералу Скерскому. В этой группе командиром дивизиона 122-миллиметровых гаубиц служил полковник Мезенцев.

Около полугода истекло, как Александр вернулся в строй. Совсем недавно он выслужил чин полковника, получил под командование дивизион гаубиц и почти забыл Петроград, где много месяцев отлежал в лазарете, а еще дольше пребывал на службе в разных канцеляриях Управления артиллерийского снабжения. Но он любил строй, любил командовать людьми. Артиллерия была для него делом всей жизни.

Когда в офицерской столовой заходила речь о Петрограде, память проецировала ему единственный образ — Насти. Мезенцев не признавался и самому себе, что влюблен в жену товарища. Просто, как он считал,

все женские достоинства были воплощены в этой женщине.

Вспоминая Соколову, полковник Мезенцев не подозревал, что в его дивизионе служит еще один человек, давно знакомый Насте, — Василий.

Медведев попал в полк в самом начале 1916 года после трехмесячной подготовки в артдивизионе запасного Волынского полка.

Теперь все, согласно директиве главковерха, готовились к наступлению. Командир дивизиона вместе с командирами батарей сидели над картами в деревне Черемшицы и уточняли цели своего сектора обстрела.

У командира группы генерала Скерского считали потребное количество снарядов, исходя из того предположения, что бои будут продолжаться от 5 до 10 дней и на каждую гаубицу потребуется по сто выстрелов в день...

Готовились и командиры дивизий, корпусов, армий, фронтов. Все вместе они надеялись исполнить просьбу добрейших союзников, которые как раз в эти недели резко сократили поставку военных материалов в Россию под предлогом отсутствия морского тоннажа и необходимости тщательно подготовиться к собственному летнему наступлению на реке Сомме...

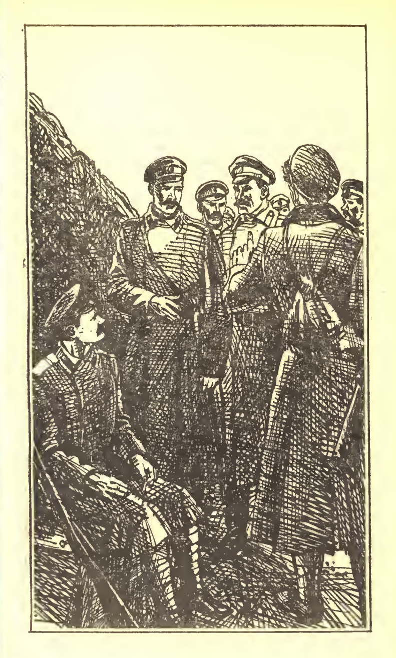
...Орудие, на котором Василий служил наводчиком, было приготовлено к бою на исходе дня семнадцатого числа. Бомбардиры и канониры * все сделали, что приказал старший фейерверкер **. Теперь вся орудийная прислуга сидела подле своей гаубицы, вертела самокрутки и вела неторопливый разговор.

— Когда, значит, бой самый большой разыгрывается и германец палит — так у меня на душе словно во святом писании... Все светло, а ничего на земле не видать... И жизни не жалко, и никого не помнишь... Почитай, что самое хорошее это у меня от рождения. Лучше, почитай, и не бывало, словно за столом в престольный праздник... — высказывался канонир Симаков, долговязый и сумрачный малый. Его оборвал ездовой Серега, хитрющий и скаредный мужичок, который

---

* Категории нижних чинов в артиллерии царской армии. Канонир — самое младшее звание (в пехоте — рядовой). Бомбардир — специалист (в пехоте — ефрейтор) — наводчики, телефонисты, некоторые ездовые и проч.

** Помощник командира взвода (в пехоте — старший унтер-офицер).

подбирал любой гвоздь, любую тряпку, набивал ими вещевые мешки.

Попыхивая махорочным дымком, Серега навел критику на Симакова.

— Полно тебе врать... Ни слову твоему насчет такой агромадной храбрости не верю... Чтобы сердце играло, когда «чемодан» рядом с тобой разрывается, того нет! И не поверю. На войне радость озорникам одним, а трезвому мужику она поперек горла стоит. Понапущено войны кругом — она не только хлеба́, сами души человеческие повыела. Вот у нас, когда от Варшавы отступали — три солдата рассудку лишились! А ты — престольный праздник!..

От зарядного ящика отозвался канонир Николка.

— На войне что отменно? Что завсегда свободно! И что православная душа задумала — сполнить можно!.. Грех не на нас... Дисциплина? Ее сполнять требуется на глазах у начальства... Ведь в деревне православный только во сне увидит, что каку бабу мни али за груди хватай! А тута — не зевай — свои ли, чужие ли — все одно! — и Николашка хищно улыбнулся.

— Вот один такой дохватался — нос, говорят, скоро провалится!.. — под общий хохот выразился голубоглазый, круглолицый и крайне добродушный телефонист Сударьков, всегда в меру прислуживающий начальству и за то пользующийся кое-какими поблажками у фельдфебеля. — А ты как, бомбардир, об войне понимаешь? — обратился телефонист к Василию. — Говорят, у тебя всегда про-кла-ма-ция на закрутку табаку найдется?!

Василий насторожился. Он избегал вести пропаганду в открытую в столь разношерстной группе батарейцев. Своей задачей он считал отобрать надежных людей, создать организацию и вместе с ними агитировать против войны, против самодержавия, против буржуазии, наживающейся на крови и страданиях людей. Только самым доверенным солдатам он давал читать газету «Социал-демократ» и прокламации большевистской партии, взятые еще из запасного дивизиона в Петрограде. Листки эти были уже зачитаны до дыр, и Василий собирался использовать свой краткосрочный отпуск, полагающийся ему за отличную службу, чтобы в Минске получить пополнение литературы.

Опытный конспиратор, Василий внимательно изучал солдат и младших офицеров дивизиона, прежде чем на-

чать серьезную работу. Слова телефоиста его обеспокоили: значит, среди солдат пошли какие-то слухи о прокламациях, которые ои кое-кому давал читать. Партийцам в армии было хорошо известио, что военная жандармерия и контрразведка дружио работают, зорко караулят большевистских агитаторов. В случае ареста большевику угрожал немедлеииый воеиио-полевой суд и расстрел. Вот почему он ие стал вступать в спор с Сударьковым, а отшутился.

— Ты лучше у Сереги бумагу иа закрутку попроси — у иего много всего под зарядиым ящиком!

— Какие тебе еще прокламации?! — вступился за Василия батарейный охотиик *, полный георгиевский кавалер Дмитрий Попов. Бесшабашиый и лихой в начале войиы, ои миого раз смотрел смерти в глаза, пробираясь в тыл врага, за «языком». Постоянный риск и опасность развили его иезаурядиый ум, полковая школа бомбардиров, куда его определили после первой медали, дала кое-какую грамотиость. Попов одиим из первых потянулся к правде, которую принес на позиции питерский рабочий-большевик Василий. Ои тоже почуял подвох в словах Сударькова и решил пооберечь друга и учителя.

— Нате, братцы, вам германские цигарки! — решил он отвлечь внимание артиллеристов от стаиовившейся опасной темы. Первым, как и положено, потяиул свою руку младший фейерверкер — комаидир орудия.

Разговор пошел по другому руслу.

— Не сегодня-завтра иалетит оттепель, а там и распутица... — высказался бородатый и страхолюдный бомбардир-ездовой Прохор Коновалюк. — Все-то мои ноженьки и рученьки ризматизмой тяиут... И как иесчастиая пяхота по грязищи в иаступлеиие полезет — ума ие приложу...

— Твоего ума и не требовалосси... Господа еиералы за тебя им пораскидывали... — протянул Николка. — Вот ежели иам за пехтурой гаубицы тяиуть — так никакие битюги по ростепели ие вытяиуть... Я вот, братцы, к Петряю — земляку в 10-ю дивизию намедии погостить ходил... Так бруствер окопа склизкий, еще ие совсем потекло, а на дне жижа хлюпает — присесть иегде...

— Да-а! Нижним чииам иигде сладко ие бывает... — протянул Серега-ездовой, притушивая свою цигарку иа

* Так в царской армии называли разведчиков.

половине и убирая остатки в кисет. — И когды тольки все ето кончится, царица небесная!..

— Не ей ты молисси! — опять вступил в разговор Сударьков. — Ежели о сохранении от внезапиой смерти, то великомучеиице Варваре или святому мученику Харлампию... А ежели об умерших без покаяния, то преподобному Паисию великомученику...

— Не... — возразил ездовой. — Тут иадоть от потоплеиия бед и печалей Николаю-чудотворцу помолиться... Али о прогнаиии духов преподобному Мамону...

— Не тем богам, мужики, молитесь! — погладил свои усы Попов. — Вам надо свечки ставить святому Симеону-богоприиятому... о сохраиеиии здравия младеицев!.. По наивности вашей...

Сударьков злобно глянул иа охотника. Батарейцы грохнули. Тут и кашевары прикатили полевую кухию с горячей кашей и горячим супом...

...Поздно вечером, когда Мезеицев остался одии и собрался ложиться спать, в сенях его избы заспорили два голоса, одии из которых принадлежал его ординарцу. Кто-то настырный пробивался к командиру дивизиона. Потом раздался осторожный стук в дверь.

— Входите! — крикиул Мезеицев.

На пороге предстал, застеичиво смииая шапку в руках, телефонист первой батареи Сударьков.

— Чего тебе? — коротко спросил полковиик.

— Так что, ваше высокоблагородие, разрешите доложить! — обратился бомбардир.

— Что там? Докладывай! — разрешил недовольиым тоиом Мезенцев.

Сударьков огляиулся иа дверь и, понизив голос, почти шепотом иачал:

— Так что, ваше высокородь, ерманского шпиеиа объявить!

— Где ои? — изумился полковиик.

— Наводчик второго орудия, бонбардир Василий Медведев, ваше высокородие! — четко, словио иа занятиях по словесности, изложил Сударьков.

— Дурак ты, братец! — кратко резюмировал комаидир дивизиоиа. — Медведев — образцовый наводчик, лучший в дивизионе...

— Никак нет, ваше высокородие, шпиен он и листки разные нижиим чииам подсовывает! Вот!..

Сударьков достал из папахи какие-то сложеиные бумажки и протяиул их командиру. Мезенцев взял лист-

ки, развернул. Это были затертый и треснувший на сгибах экземпляр газеты «Социал-демократ» и листовка — обращение Петербургского комитета РСДРП к рабочим и солдатам, в которой рассказывалось о восстании моряков в Кронштадте. Мезенцев пробежал глазами несколько слов призыва к единению революционной армии с революционным пролетариатом и всем народом.

Телефонист стоял навытяжку и буравил глазами командира. Мезенцев повертел в руках листки, отложил на стол.

— Где ты их взял? — резко спросил солдата.

— Так что из его вещевого мешка вытянул, ваше высокородь!

— Что же, ты и по остальным мешкам шаришь? — брезгливо спросил полковник.

— Никак нет, вашскородь! Господин фельдфебель нам разъясняли насчет врага внутреннего и как германец листовки супротив царя и царицы разбрасывает... Так что я подсмотрел, куды он их прячет, и выхватил!..

— Хорошо! Иди! — сухо сказал Мезенцев. — Я произведу дознание!

Сударьков повернулся кругом, демонстрируя хорошую строевую выправку, и вышел в сени.

Мезенцев прибавил огня в керосиновой лампе, присел на лавку к столу и снова взял в руки листки.

Другие заботы одолевали его. С утра приказано было начинать артиллерийскую подготовку наступления. Оказалось, что передовой склад боевых припасов остался в деревне Талут, в 15 верстах от позиции его дивизиона, но и там находится только однодневный запас. Тыловой огнесклад с 4—5-дневным запасом отстоял от Талут за 30 верст, и к нему вела лишь донельзя разбитая грунтовая дорога, которая ввиду близкой распутицы грозила превратиться в непроезжую.

Полковника бесила нераспорядительность армейского начальства. Он предвидел, что огонь его гаубиц очень скоро захлебнется от недостатка боевых припасов, которые валяются попусту в тылу.

— Поистине, эти бездарные рамолики опаснее врагов! — зло ворчал командир дивизиона, разглядывая схему позиций германцев.

Появление Сударькова с доносом вначале отвлекло его от горьких мыслей, а затем ввергло в еще более тягостные размышления о подлости человеческой натуры.

Мезенцев с первого появления Медведева на батарее симпатизировал развитому, умному и спокойному бомбардиру, который сразу завоевал большой авторитет у его артиллеристов. Полковник, как и подавляющее большинство офицеров, не интересовался политикой. Однако бездарность высшего командования, проигрывавшего противнику одну операцию за другой, развал снабжения действующей армии, коррупция, с которой он столкнулся, прослужив несколько месяцев в ГАУ, породили и у него недовольство и протест. Правда, начало шестнадцатого года принесло некоторое улучшение снабжения передовой линии. Появилось достаточное количество снарядов, хотя нераспорядительность интендантов, хранивших эти припасы далеко в тылу, оставляла передовую линию на голодном пайке Поэтому улучшение снабжения не приносило успокоения и уверенности в завтрашнем дне.

Мезенцев видел, что солдаты устали от войны. Жандармерия то и дело перехватывала крамольные письма нижних чинов. Как штаб-офицер, он знакомился недавно с отчетом военно-цензурного отделения своего фронта, в котором говорилось: «...Пожелания мира продолжают высказываться в значительном количестве писем из армий... за последнее время в армию проникают мысли о социальных переменах... больной вопрос, безусловно, составляет возрастающая дома дороговизна предметов первой необходимости и бездействие будто бы власти в этом жизненном для населения вопросе».

Ставка приказывала «при проявлениях сильного расстройства дисциплины» «действовать решительно, без всяких послаблений, пресекая в корне оружием всякую попытку колебания дисциплины».

Мезенцев недолго раздумывал. Жандармский сыск ему претил. Он знал, что если даст ход делу, то в дивизион нагрянут следователи военной прокуратуры, чины охранного ведомства и контрразведки, соберут военно-полевой суд, и Василий Медведев, как большевик, будет повешен. Мезенцев не хотел этого. Он решил отложить свое решение до окончания большого боя. Авось что-нибудь и прояснится...

К полудню следующего дня артиллерийская подготовка наступления была закончена. Но полного отбоя или команды перенести огонь в глубь вражеских пози-

ций Мезенцев не получал. Его гаубицы продолжали бросать редкие снаряды по блиндажам германцев, изредка посыпая окопы шрапнелями. Неприятель огрызался из-за второй линии.

Генералам Ставки и штаба фронта не удалось обогнать распутицу. Она пришла того же 19-го числа и залила водой все низкие места, окопы, блиндажи, ходы сообщений... Целая дивизия, брошенная в наступление на участке Мезенцева, с полудня до 15 часов лежала в воде, пока прапорщики и унтер-офицеры не подняли свои отделения в атаку. Неподавленные пулеметы противника губительным огнем поливали русских солдат. Артиллерия пробила слишком мало проходов в проволочных заграждениях, и противник успел пристрелять пулеметами эти «дефиле смерти». Первая атака захлебнулась...

Мезенцев забыл о доносе на Медведева. Боевая работа захватила его целиком. Он видел, как слаженно действует весь оркестр его дивизиона, и словно горячая волна несла его все эти дни.

20-го войска 5-го корпуса повторили свой штурм. Весь день и половину ночи велась артиллерийская подготовка.

Ночная атака 10-й и 7-й дивизий удалась. Войска легко ворвались в окопы противника, в штыковом бою прошли три их линии. От командующего Западным фронтом генерала Эверта пришел приказ: «Укрепиться, окопаться на захваченных участках и удержаться во что бы то ни стало».

Между тем весна повсюду вступала в свои права. Низкая местность превратилась в сплошное болото. Окопы залило водой, они стали не укрытием, а гибелью. Солдаты устраивали брустверы из трупов. Мокрые насквозь люди начинали замерзать.

Грунтовые дороги превратились в потоки грязи. Военным транспортам начинала грозить катастрофа. Наконец поступил приказ вывести людей на сухие места...

В первый день операции генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович выслал к озеру Нарочь одного из своих адъютантов, полковника Гриппенберга. Полковник оказался деловым человеком и хорошим знатоком артиллерийской науки. Он побывал во всех артиллерийских подразделениях и собрал обширный материал. В своем докладе великому князю Гриппенберг нарисовал жуткую картину хода мартовской операции. Хотя основная задача — отвлечь крупные

силы германцев с Западного фронта и была выполнена (Фалькенгайн перебросил от Вердена к озеру Нарочь пять дивизий для удерживания фронта), но наступление велось крайне неудачно и провалилось. Причины неудачи полковник видел в глубоко порочных принципах русского высшего командования.

Сергей Михайлович немедленно выехал с начальником Упарта и ближайшими сотрудниками в штаб Западного фронта, чтобы провести там совещание с высшими артиллерийскими и воинскими начальниками, принимавшими участие в боях у Нарочи. Вызван был в Минск и Мезенцев...

Перед поездкой полковник решил привести в порядок свои бумаги. Он наткнулся в них на потертый экземпляр «Социал-демократа» и листовку. Мезенцев совсем забыл об инциденте и теперь с любопытством уставился на листки.

«...Народ ждет, что вы исполните свой долг и вместе с ним сметете позорное иго царской власти. Рабочий класс твердо верит, что армия и флот выступят с ним рука об руку в борьбе за волю, равенство и братство, за демократическую республику. Единение революционной армии с революционным пролетариатом и всем народом — вот залог победы...» — прочитал Мезенцев в листовке и задумался.

«Ну их к черту, жандармов! — решил артиллерист. — С ними только свяжись!..»

Он приказал вызвать Медведева. Когда солдат вошел и ординарец закрыл за ним дверь, полковник повернулся к вошедшему:

— Бомбардир! Расскажи мне, как был убит телефонист Сударьков? — спросил он Василия. Тот никак не мог понять, почему командир задает ему такой вопрос, — ведь это случилось дней десять назад, когда тяжелый снаряд неприятеля прямым попаданием ударил в блиндаж наблюдательного пункта дивизиона. В это время там находился прапорщик — корректировщик огня и телефонист. Весь дивизион, включая и командира, знал, что от НП осталась только глубокая воронка...

Медведев четко доложил полковнику все, что требовалось. Он недоумевал, зачем его вызвали, и не скрыл этого.

— Сейчас поймешь, бомбардир! — сказал Мезенцев. Быстрым движением он выложил на стол улики.

— Твои бумаги? — грозно спросил командир.

Медведев молчал, но твердого взгляда темных глаз не отводил. Полковник не видел в его лице страха или нерешительности.

— Еще раз спрашиваю, твои бумаги?! — так же грозно рявкнул Мезенцев.

— Не могу знать! — четко ответил бомбардир. Его взгляд был по-прежнему тверд и открыт.

«Смелый парень! — подумал одобрительно офицер. — И порядочный... Такой не подведет!»

Вслух Мезенцев лишь сказал коротко:

— За нахождение у солдата революционных листовок полагается расстрел! Ты это знаешь?

Большевик молчал.

Полковник подошел к печке, минуту молча смотрел на пламя, повернувшись спиной к солдату. Василий стоял недвижим. Потом Мезенцев смял бумаги в горсти и бросил их в огонь. Газета от жара развернулась. В золотисто-багровых отблесках полковник снова прочитал: «Социал-демократ».

«Как птица Феникс!» — промелькнуло в мозгу у Александра.

Не поворачиваясь к солдату, чтобы тот не заметил на лице своего командира малейших признаков нерешительности или нетвердости, которые он считал самыми худшими качествами офицера, Мезенцев негромко сказал:

— В другой раз не попадайся! Кругом марш!

Англия, Бекингемхэмпшайр, поместье Уэддэздэн Мэнор, апрель 1916 года

На северо-запад от Лондона, милях в десяти от загородной резиденции английских премьеров — Чекерса, находится еще одно поместье, широко известное своими художественными коллекциями. Двухэтажный дворец с мансардами и башенками, двумя флигелями, построен в середине прошлого века в стиле французского шато XVIII века. Часть английского ландшафтного парка перед его фасадом превращена в некое подобие сада Тюильри с подстриженными кустами и фонтаном. Внутри дворец наполняют уникальные собрания мебели, картин, фарфора, книг, самые ценные экземпляры которых восходят к эпохе французского Ренессанса. Владеет всем этим банкирская семья, влияние которой на политику Англии, а может быть, и всего тогдашнего

мира, было несравненно значительнее, чем любого британского премьера или всего кабинета его величества Георга V.

Удостаивались чести быть приглашенными сюда на уик-энд немногие, но самые влиятельные или знаменитые личности на Островах. Даже банкир сэр Эрнст Кассель, личный друг покойного короля Эдуарда VII и кавалер орденов Св. Михаила и Св. Георга, ступал на порог этого дома в состоянии высшего почтения и трепета.

На этот раз ему разрешили привезти с собой начальника военно-морской разведки адмирала сэра Реджинальда Холла. Адмирал был обходительнейшим человеком, искушенным во всех тонкостях британской и мировой политики. Он, разумеется, не стал отказываться от столь лестного приглашения.

Хозяин ждал к ужину своего брата — одного из членов совета директоров Банка Англии, поэтому гости коротали время в большой гостиной, где на столиках было вдоволь напитков. Адмирал Холл уже воздал должное качеству французского коньяка «Хэннеси», любимого всем офицерским составом британского флота. Одновременно сэр Реджинальд внимал речам импозантного, с окладистой бородой под крючковатым носом и мешками вокруг глаз, хозяина дворца. Владелец имения с упоением рассказывал о предмете своей страсти — редких животных собственного зоопарка. Его глаза блестели — то ли от азарта, то ли от выпитого хереса.

Мажордом объявил о прибытии долгожданного кузена. Вошел лысый старый господин с орхидеей в петлице отлично сшитого фрака. Седые бакенбарды и белые, словно напудренные, усы придавали шарм его птичьему, но умному лицу.

Нового гостя знали как эстета и эксцентричного человека, державшего собственный симфонический оркестр и частный цирк. Однако главным его занятием наряду с приумножением капиталов, разумеется, была политика. Именно для разговора с ним пригласили сегодня адмирала Холла, которому надлежало сделать во время уик-энда соответствующие выводы.

Общество весело отужинало, дамы удалились щебетать о туалетах в розовую гостиную, а мужчины отправились в курительный салон, где было вдосталь сигар лучших сортов. Желающие могли выбирать также любую из коллекций трубок хозяина дома, в которой

было все — от турецкого серебряного кальяна до обкуренных и необыкновенно вкусных «данхиллов» *.

Адмирал долго не мог сообразить, зачем его пригласили в гости самые влиятельные люди в Англии.

Однако он сразу насторожился, когда кузен хозяина принялся ругать военного министра лорда Китченера. Начальник военно-морской разведки хорошо знал этого реформатора военной администрации в Индии, помнил и то, что Китченер блестяще реорганизовал британскую армию — вопреки многим в военном министерстве; нажил себе могущественных врагов среди политиков — в том числе и таких перспективных, как сэр Уинстон Черчилль.

Лорд Китченер выступал против влиятельнейших деятелей Англии, которые хотели свести все участие Британии в войне лишь к морским операциям против германского флота, предоставив французам и русским возможность умирать в кровопролитных сражениях на суше. Эта многочисленная группа вела бешеную агитацию против посылки подкреплений во Францию, против прославленного фельдмаршала.

Холл понял, наконец, откуда идет противодействие многим начинаниям Китченера. Адмирал смекнул, что его радушные хозяева, видимо, давно уже приложили руку к падению акций Китченера, а сейчас хотят навести начальника разведки на какие-то новые выводы.

Адмирал весь обратился в слух.

Военному министру припомнили много грехов.

Сэр Кассель с возмущением рассказывал обществу, как фельдмаршал специально вызвал из Парижа русского военного агента графа Игнатьева и требовал от него подтверждения, что тот является противником соглашения с американским банкиром Морганом, который хотел получить исключительное право на размещение русских заказов в США. Сэр Реджинальд понял, что Китченер был против монополии Моргана и на британские заказы, предлагая русскому графу объединить усилия в противодействии Моргану.

— Но ведь это возмутительно! — пыхтел недовольно Кассель. — Зачем этот солдат лезет в высокие финансовые сферы? Его дело — воевать, а снабжением армий будем заниматься мы!

* Английская фирма, выпускающая самые дорогие курительные трубки.

— И что за прямолинейная дубина, — в тон ему продолжил хозяин дома, — ему не терпится разгромить Германию... Китченер не понимает, что следует не только поставить на колени Германию, но обескровить Францию, чтобы она не смела претендовать на конкуренцию с Британией, и сокрушить Россию. Значит, война продлится еще несколько лет. Этот же простофиля-фельдмаршал носится с идеей реорганизации русской армии, оздоровления русского тыла и очищения его от предателей... И все это — чтобы успешнее и быстрее закончить войну. Но кому нужна победа русских над Германией? Куда ринется сильная Россия? В Персию или Индию? Не придется ли тогда нам снова воевать против нее — на этот раз вместе с Германией?

— Воистину Китченер приносит больше вреда, чем пользы! — подвел итог Кассель и лукаво посмотрел на адмирала. — Мой милый, как вы думаете, не может ли фельдмаршал пасть на поле брани?

Сэр Реджинальд от неожиданности поперхнулся дымом.

«Вот о чем они хотят поговорить со мной!» — мелькнуло у него в голове. Но старый разведчик отнюдь не принадлежал к разряду прямых и честных солдат.

— Могу сказать, джентльмены, что армия не любит своего главнокомандующего! — изрек он, имея в виду, что многие генералы и адмиралы терпеть не могут фельдмаршала за его крутой нрав и бескомпромиссность. — Больше того, доверительно могу сообщить, что сэр Герберт был в молодости агентом Интеллидженс сервис и весьма успешно пользовался нашим покровительством. Теперь же, став фельдмаршалом, он полностью игнорирует разведку, без конца грозит отставкой ее лучшим людям и требует невозможного. Он восстановил против себя личный состав Ай-си, сделался совершенно неуправляем. Он отстаивает какие-то мифические идеи справедливости, не желая понимать, что благо не в том, чтобы ради спасения французов послать полмиллиона британских солдат в грязные окопы на Сомме, а в расширении и укреплении империи! Представьте себе, что будет, если лорд Китченер сумеет скоро закончить войну и станет победителем?! Каким кумиром толпы он станет?! И что мы сможем сделать против этого влияния?

— Мистер Холл, мы рады, что вы оправдываете самое лучшее мнение о вашем даре предвидения.., какой-

то катастрофы с лордом... — сощурился в многозначительной улыбке сэр Эрнст Кассель.

— Посоветуйтесь с сэром Уннстоном, — иевиию предложил брат хозяииа. — Это светлая голова...

— Он скоро должен быть в Лоидоие, — проявил всегдашиюю осведомленность хозяин дома.

Братья заулыбались адмиралу. Они поняли, что сэр Реджниальд полиостью единодушен с иими в оцеике вредиой деятельиости фельдмаршала. Большего ие требовалось, ибо смышлеиый моряк хорошо знал весомость каждого слова, сказаиного в этом салоие. Ему частенько отчнсляллсь братьями круглеиькие суммы для проведення такнх операций его ведомства, о которых ие обязательио зиать иа Уайтхолле или иа Дауиинг-стрит, 10. Отчета об израсходоваииых деиьгах ие спрашивали...

И сегодия сзр Кассель заблаговремеино прнготовнл средство, весьма стнмулнрующее догадливость разведчика. С изящиым поклоиом он вручил ордер иа выдачу в его баике очередиой крупной суммы. Адмирал поиял свою задачу. Как ои ее выполнит — никого из присутствующих уже ие волиовало. Это было дело профессионалов и нх техиики...

Лондон, апрель 1916 года

Майор Унистон Черчнлль, командир батальоиа в британском экспеднционном корпусе во Фраиции, он же — недавний первый лорд Адмнралтейства, изгнаииый происками Китченера и Асквита, прибыл в Лондои хлопотать о выходе в отставку. Сэр Уиистон был по горло сыт пребываинем на фроите. Оно не прииесло ему военных лавров н могло превратиться в нудную и опасиую воеииую лямку. Более того, оио грознло ему уходом нз политнки и забвением. Но майор был не таков, чтобы его можно было просто удалить со сцеиы. Он решил лучше претерпеть иасмешки иедругов за неудачную воеииую карьеру, и все-таки уволиться из армин. Момент сэр Уинстон выбрал весьма удачный: из-за потерь его батальон должны были слнть с другим, а командование передать команднру второго батальоиа, как более старшему в должности и чнне.

В прииципе вопрос был уже решеи, ио приказа по армнн еще не было. Тем не меиее сзр Уинстои с иаслаждеинем снял воеииую форму и переоделся в штатское.

Глава разведки адмирал Холл, его прежний подчн-

ненный и единомышленник во всех деликатных вопросах, узнав, что мистер Черчилль обретается в столице, пригласил его к себе. Сэр Уинстон счел, что визит к Холлу снабдит его кое-какой уникальной информацией, и с удовольствием принял приглашение.

Дорогой «роллс-ройс», подарок сэра Касселя и других богатых друзей, доставил майора на площадь Молл к зданию Адмиралтейства. Потомок герцогов Мальборо вошел в подъезд позади памятника Куку. Незнакомый сержант заставил его подождать пару минут, пока докладывал о «господине майоре» кому-то по телефону, но получил, видимо, нагоняй и сразу стал воплощением любезности. Он даже пошел сопровождать гостя по длинному и мрачному коридору.

Сэр Уинстон энергично шагал впереди сержанта, его обуревали сложные чувства. Ведь еще недавно он и не подумал бы заглянуть в этот коридор для посетителей военной разведки, поскольку пользовался специальным подъездом, расположенным прямо под его бывшим кабинетом в этом здании. Помимо него, таким правом пользовались лишь высшие офицеры разведки, весьма гордившиеся, что у них собственные ключи от дверей главного подъезда Адмиралтейства. Теперь сэр Уинстон вынужден как какой-то мелкий клерк вышагивать с сопровождающим через плебейский коридор в канцелярию, откуда можно попасть в кабинет начальника разведки. Он ругал себя, что сразу не подъехал к особому входу и не прошел через него, минуя всех любопытствующих — здесь без конца встречались чиновники и глазели на бывшего первого лорда Адмиралтейства, неизвестно куда идущего под охраной сержанта.

Черчилль ускорял шаги, чтобы быстрее пройти через это унижение. Наконец миновали заваленную кипами бумаг и разным мусором канцелярию, где никто и не подумал подняться при виде бывшего высокого шефа. Вошли в комнату 39, где, как знал сэр Уинстон, располагался мозг британской разведки. Вид этой комнаты, крашенной масляной краской кремового цвета и расположенной прямо под его элегантным бывшим кабинетом, вызвал еще большее раздражение Черчилля, хотя офицеры, работавшие здесь, дружно вскочили при его появлении.

Секретарь адмирала Холла, сидевший за большим столом между мраморным камином и обитой войлоком дверью, ведущей в комнату 38, немедленно бросился к

своему начальнику, чтобы предупредить о визитере. Офицеры стояли. Сэр Уинстон вспомнил о своем майорском звании и скомандовал «Вольно!». Офицеры сели и молча углубились в работу.

Пока секретарь докладывал о нем Холлу, Черчилль с тоской о власти и своем былом величии разглядывал пейзаж, открывавшийся из трех огромных окон комнаты 39. Это был тот же вид, что и из его бывшего кабинета.

Прямо перед ним зеленел газон у дома номер 10 по Даунинг-стрит, через который он так часто проходил к премьеру Асквиту с неурочными докладами, когда был политическим руководителем военно-морского флота. Будучи в опале, он не мог и подумать, что когда-нибудь полноправным хозяином займет на много лет этот дом, но всей душой стремился именно к этому. Оттого-то недавнее падение с поста первого лорда Адмиралтейства до сих пор держало Черчилля в состоянии тихого бешенства. Он был готов тяжко мстить всем своим врагам, удалившим его от власти, и в первую очередь — военному министру и главнокомандующему лорду Китченеру, с которым у него всю его военную жизнь были особые счеты.

Секретарь пригласил мистера Черчилля к начальнику разведки. Сэр Уинстон прошел за обитую войлоком дверь и сразу попал в дружеские объятия адмирала. Они были старыми друзьями. Их связывало не только служение империи, но и полное подчинение интересам той банкирской семьи, которую оба считали олицетворением финансовой мощи своей страны.

Огромный кабинет начальника военно-морской разведки, фактически руководившего всей разведывательной и осведомительной службой Великобритании, был увешан картами морских театров войны.

Под картой столь бесславно закончившейся Дарданелльской операции * стоял покойный диван. Сэр Уинстон опустился на него, отчасти затем, чтобы не видеть карту — переживания уже несколько утомили майора. Холл достал из книжного шкафа коньяк.

Мрачно настроенный сэр Уинстон, отведав отличного коньяка, расслабился. От общения со старым соратником он почувствовал себя несколько лучше. Майор с

* В феврале 1915 года, в бытность Черчилля первым лордом Адмиралтейства, англо-французское командование решило захватить проливы. Операция не удалась.

юмором рассказал адмиралу, как во Франции по ночам давал команду своим пехотинцам открывать тревожащий огонь по бошам. Немцы так злились, что не могли потом угомониться до рассвета...

Холл внимательно слушал, изредка орошая губы напитком, и одновременно прикидывал про себя, как лучше завести беседу об устранении лорда Китченера. Адмирал хорошо знал, что Черчилль, динамичный, злой и мстительный, по натуре своей отнюдь не благородный и принципиальный человек, способный отказаться от грязного дела. Холл помнил и английскую историю о том, что предок сэра Уинстона, Джон Черчилль, положивший начало роду Мальборо, слыл не столько героем, сколько предателем и взяточником.

Адмирал читал труды историка Маколея о Джоне Черчилле, который в молодости жил на деньги своих любовниц, пользовался покровительством человека, любовницей которого была его сестра, предал короля Иакова, на чьей службе занимал высокий пост, вел переписку с врагами Вильгельма Оранского... Предку сэра Уинстона приписывалось письмо, в котором сэр Джон выдавал противникам — французам — подготовлявшуюся против их флота операцию.

«Как похож Уинстон на основателя рода Мальборо в своей ненасытной жажде власти и денег!.. — думал старый разведчик. — Поистине, человеческий характер повторяется в одном из его потомков!»

Адмирал дождался, пока Черчилль умолк, и осторожно приступил к тонкому делу, ради которого и пригласил друга. Чопорный и сухой служака, Холл намеками дал понять собеседнику, что получил указание высокопоставленных друзей привлечь бывшего первого лорда к планированию и проведению совершенно конфиденциальной операции по устранению с политической арены фельдмаршала Китченера.

Когда сэр Уинстон понял, что могущественные люди Великобритании ополчились на его недруга, его глаза засверкали мрачной радостью. Черчилль вспомнил нескрываемую враждебность со стороны генерала Китченера и его штаба, которую он, молодой лейтенант, испытал во времена суданской войны. Его обзывали тогда «охотником за медалями» и «саморекламщиком», осмеивали журналистские потуги лейтенанта Черчилля.

Сэр Уинстон хорошо отомстил генералу Китченеру. Он ушел из армии и написал книгу о Судане и войне.

Он убийственно раскритиковал в ней неджентльменское поведение Китченера, осквернившего могилу своего противника Махди и глумившегося над трупом руководителя суданских повстанцев. Правда, после этой книги генерал стал его противником, а в высших сферах высказали неодобрение молодому писателю за то, что он перед всем миром раскрыл приемы британских колониальных войск, но дело было сделано, Китченер посрамлен... Теперь открывалась возможность окончательно устранить заклятого врага.

Сначала друзья проанализировали вариант операции, если фельдмаршал в ближайшее время соберется на передовые позиции во Францию. Но план забраковали, поскольку в нем было заключено много опасностей разоблачения.

Несколько минут сидели молча, и каждый думал над проблемой. Первым нашел новую комбинацию изворотливый ум Черчилля.

Устранение лорда Китченера в Англии или Франции видело бы слишком много людей. Последующее расследование могло навести правительство и общественность на следы инициаторов этого акта, вызвать крупнейший скандал. Такого, разумеется, никогда никому не простили бы. Следовательно, приходилось придумывать такой вариант, при котором расследование было бы заранее обречено на провал. Море представляло для этого большие возможности...

Обсудив идею, джентльмены пришли к выводу, что самоуверенного фельдмаршала надо спровоцировать отправиться на военном корабле в дальний и опасный путь — в Россию. Придумана была и веская причина такого путешествия: военный министр, прибывший в Петербург от имени двух союзников — Англии и Франции, должен реорганизовать полудикую русскую армию, которая без конца терпит поражения и мешает союзникам закончить войну победой. Китченеру следует вменить в обязанность разоблачить перед царем интриги германской партии во главе с царицей, тянущей страну к сепаратному миру, и потребовать умножения усилий в войне до победного конца. Наконец, военный министр и его свита должны были опытным глазом определить, в какой минимальной помощи военным снаряжением нуждается Россия, чтобы успешно противодействовать Германии и Австрии на своем фронте.

Видная роль в интриге отводилась французскому и

британскому послам — Палеологу и Бьюкенену, панические донесения которых из Петрограда уже давно работали на эту идею. Многое надо было сделать резидентуре Интеллидженс сервис в России, имевшей в своем распоряжении такого доверенного человека банкирских кругов, как Сидней Рейли.

Рейли следует усилить в своих донесениях критические нотки по отношению к царице, ее роли в возможном сепаратном мире России и Германии, больше писать о разложении российских армии и тыла, развале снабжения русских войск, всеобъемлющем германском шпионаже по всей Российской империи — на фронте и в тылу.

Продуманы были соответствующие поручения дипломатической службе, главным редакторам газет, чтобы они создали общественное мнение о необходимости поездки Китченера в Россию.

Технически осуществить план устранения лорда Китченера в открытом море было несложно.

Решено было срочно начать перевооружение одного из старых крейсеров, а во время «модернизации» заложить в его трюмы такое количество динамита, которое могло бы быстро пустить корабль на дно. Тут же по списочному составу флота был найден крейсер «Хэмпшир», построенный в 1903 году. Его потеря не могла нанести серьезного ущерба морской мощи империи.

Холл не сразу понял друга, когда сэр Уинстон предложил «модернизировать» крейсер на верфи «Харланд и Вольф» в ирландском городе Белфасте.

— Но, Реджи, если крейсер перевооружается в Ирландии, объятой националистическими настроениями и почти гражданской войной, у нас меньше угрозы разоблачения, если вдруг в его трюмах найдут ящики с динамитом. Любой идиот сделает вывод, что взрывчатку подложили шиннфейнеры *. Правда, следует распустить слух, что в этих ящиках хранятся совершенно секретные бумаги, которые ни за что не должны попасть в руки немцев, но представь себе, если ящики все-таки случайно вскроют...

— Бросить тень на шиннфейнеров, обвинить их в сообщничестве с Германией, — вот первый политиче-

* Бойцы подпольной армии Ирландии, боровшейся против англичан — поработителей своей родины — всеми методами, в том числе и террора.

ский результат перевооружения крейсера в Ирландии... — веско аргументировал сэр Уинстон.

— Ради одного этого можно пожертвовать старым кораблем, — согласился адмирал.

— На всякий случай, — продолжал гость, — следует дать сообщение в Петроград о поездке военного министра на крейсере каким-нибудь старым шифром, который немцы уже «раскололи». Адмирал Шеер вышлет тогда в засаду свои подводные лодки, и они начнут охоту за «Хэмпширом»...

— О, да! — поддержал его Холл. — При получении известия о гибели крейсера боши наверняка припишут катастрофу молодецким действиям кого-либо из капитанов субмарины... Это тоже будет нам на руку...

— Далее... — методически развивал свои мысли Черчилль, — твои люди в Петрограде должны распустить слухи, что немка-царица знала заранее весь маршрут плавания корабля с Китченером на борту и предательски выдала этот секрет своим немецким родственникам. Таким образом, мы серьезно скомпрометируем нашу главную противницу в Петрограде и поддержим силы, работающие для ее свержения.

— Вот видишь! Даже сама гибель нашего дорогого фельдмаршала, — лицемерно поднял сэр Уинстон глаза к небу, — будет способствовать усилению Британской империи.

Бывший первый лорд задумался. Он снова вспомнил все обиды, которые претерпел по воле Китченера. Его большой рот скривился в злорадной улыбке.

«А четвертый вывод я тебе, дружочек, не скажу! — подумал сэр Уинстон. — Когда фельдмаршал отправится на тот свет, освободится его министерский портфель... Не исключено, что именно меня призовут на этот пост! Ведь мои могущественные друзья весьма заинтересованы в том, чтобы иметь во главе военного министерства такого энергичного и умного деятеля, как я!»

Волочиск, апрель 1916 года

После совещания 1 апреля на царской Ставке, где, вопреки сопротивлению Эверта, Куропаткина и только что отрешенного от командования Юго-Западным фронтом Иванова, Брусилов добился у верховного главнокомандующего и начальника его штаба Алексеева раз-

решения иаступать и его фроиту, новый главкоюз* приказал Клембовскому вызвать на 5 апреля в местечко Волочиск командующих всеми подчиненными ему четырьмя армиями.

Мудрый генерал избрал Волочиск не случайно. Во-первых, местечко находилось почти на середине четырехсотверстной лииии Юго-Западного фронта, всего в полусотне верст от передовой. Оно лежало на линии Юго-Западиой железной дороги, что обеспечивало коммуникации и надежиую телеграфиую связь со штабами армий и его собственным штабом в Бердичеве.

После совещаиия главкоюз собирался проинспектировать 11-ю и 7-ю армии, с которыми Брусилов был знаком пока только понаслышке.

Во-вторых, Брусилов не хотел разрабатывать наступательную операцию в не остывшем еще «гнезде» Николая Иудовича Иванова. В Бердичеве все напоминало ему генерала-плакальщика. Здесь, казалось ему, не выветрился дух смирения перед врагом, робости и заниженной оценки собственных войск. К тому же чииы штаба фроита трепетали перед новым главкомом, ожидали всеобщего разгона, и ждать от иих сейчас серьезной помощи не приходилось. Да и командующим армиями было бы полезно начииать работу с новым комаидующим в иной обстаиовке.

Назначая встречу на линии бывшей государствеиной границы империи, Брусилов как бы намекал своим возможным оппонентам, что пора отступлеиия кончилась и начинается изгнание врага из пределов Отчизны. Хитрый старик всеми доступными ему силами как бы толкал своих подчиненных на Запад, в наступление...

Сегодия, когда его идея должна была воплотиться в конкретиые приказы комаидующим армиями, Алексей Алексеевич считал необходимым разжечь дух единомыслия, без которого победа над противииком невозможна. Геиерал не спешил заияться рутиниой работой.

«Для славы России должиы мы наступать! — охватил глазом на карте главнокомаидующий фронтом четкие лииии своих боевых порядков. Потом он перевел взгляд на другую карту — боевых действий союзнических войск. — Не только для спасения Франции и Италии, ио для блага России!.. Цель высока, хотя союзни-

* Сокращение слов «главнокомандующий Юго-Западным фронтом», принятое во время первой мировой войны.

ки толкают нас в наступление ради своих эгоистических интересов... Наверное, и в кампании нынешнего года нас обманут и подведут, как подводили в пятнадцатом и четырнадцатом... Хорош Жоффр! Заявлять на союзническом совещании в Шантильи, что ввиду недостатка людей Франция должна избегать потерь и потому будет вести только оборонительные бои!.. А активную борьбу с противником должна вести Россия!.. Выручать Францию, да и Англию с Италией должна тоже только Россия!.. А драгоценные союзники при этом даже поставки боеприпасов срывают!..»

Настроение генерала, еще недавно хорошее, стало портиться. Он вспомнил точку зрения Алексеева на сей предмет. Начальник штаба Ставки дал ему почитать свое письмо Жилинскому, российскому представителю в союзническом совете в Париже. «Думаю, что спокойная, но внушительная отповедь, решительная по тону, на все подобные выходки и нелепости стратегически безусловно необходима. Хуже того, что есть, не будет в отношениях. Но мы им очень нужны, на словах они могут храбриться, но на деле на такое поведение не решатся. За все нами получаемое они снимут с нас последнюю рубашку. Это ведь не услуга, а очень выгодная сделка. Но выгоды должны быть хотя немного обоюдные, а не односторонние...».

«Да что на союзников кивать, коль в самой России порядка нет! — с горечью подумал вдруг Брусилов. — Снова Надежда * пишет про разные интриги против меня в Петербурге и Ставке, которые порождаются завистью... Бездарные паркетные шаркуны ходят в славе и почестях, присваивают себе чужие успехи, а общественность, двор, может быть, и народ — им верят!.. Подумать только, моя 8-я армия сыграла решающую роль в том, что неприятель оставил Львов в четырнадцатом году без боя, а Рузский вошел в город и всю заслугу по овладению столицей Галиции приписали ему! Теперь этот плакса Николай Иудович интригует вместе со старой перечницей, графом Фредериксом, против меня и против своих бывших соратников... Он хотел бы остановить наше наступление в зародыше, чтобы не было контраста с его беспомощностью... Ловок только подъезжать к царю с поздравлениями да с орденами... Как лихо он самодержцу «георгия» преподнес!.. Поэтому и об-

* Жена Брусилова, Надежда Владимировна.

ретается на Ставке в звании «состоящего при особе государя-императора»... Обидно за войска, что бездарности вроде Куропаткина и Иванова подрезают крылья боевым орлам... Ну да бог с ними... С божьей помощью я еще могу что-то сделать, тем более отогнать от себя всю эту пакость! История разберет, как было дело, а теперь главное — победить!»

Морщинки горечи, состарившие было лицо генерала, разгладились, он подошел к сейфу, отомкнул его и достал копию записки Алексеева царю, разосланную по приказу Николая командующим фронтами накануне совещания в Ставке 1 апреля. Полистал изящно переплетенную рукопись, приложенные карты, схемы. Вернулся к большой настенной карте.

«Михаил Васильевич прав, когда считает, что Германия и Австро-Венгрия будут в кампании нынешнего года напрягать все свои значительные силы и средства для достижения решающего успеха на том или ином фронте. Если Верден окажется для немцев орехом не по зубам, то они, конечно, повернут все основные силы на Восточный фронт и попытаются смять Россию... Он правильно ставит вопрос: как решать нам предстоящую в мае задачу — отдавать ли противнику инициативу, ожидать его натиска и готовиться к обороне, или, наоборот, упредить его. Если мы упредим неприятеля началом наступления, заставим его сообразоваться с нашей волей и разрушим планы его действий, то кампанию мы выиграем... Эх, если бы мне дали командование всеми нашими фронтами! Я не только летнюю кампанию выиграл бы, но и Австрию выбил бы напрочь из игры... А за ней и Германии ничего не оставалось бы делать, как просить мира!» — пронеслось в голове генерала, но он усмирил свою гордыню.

Вновь и вновь размышлял Брусилов над оценкой, которую дал положению на русско-германском фронте генерал Алексеев.

«Действительно, наши силы растянуты на тысячу двести верст и фронт уязвим всюду... Железнодорожная сеть наша развита слабо и не обеспечивает быстрой переброски резервов в достаточных количествах. Это лишает нашу оборону активности и не обещает успеха в случае, если где-то в одном месте неприятель сконцентрирует свои силы для прорыва... Мы просто не сумеем подтянуть по бездорожью резервы. Но это же лишает и противника возможности оперативно маневрировать

своими резервами и дает нам возможность нанести ему удар... удар... Прав Алексеев, когда предлагает готовиться к наступлению в начале мая, упредить противника и заставить его сообразовываться с действиями наших войск, а не подчиниться его планам, пассивно обороняясь и выжидая, куда он ударит... Напрасно только он отдал первенство в наступлении Северному и Западному фронтам. Это все отрыжки довоенной стратегической игры. Как тогда настроились Алексеев, Эверт и другие — наступать на Восточную Пруссию, так до сих пор и не могут думать иначе. Давно пора было сделать выводы и обрушиться на Австрию... Севернее Полесья, в лесах, болотах и наступать труднее... А ведь не надо было совещания в Ставке, чтобы узнать, что ни Эверт, ни Куропаткин наступать не хотят... Как они в присутствии его величества юлили и отнекивались от наступления!.. Возмутительно! Куропаткину с его пессимизмом только в могильщиках служить, а не в армии, которую прославил Суворов! И Эверт от него недалеко ушел — как они объединились против меня, когда я заявил его величеству, что Юго-Западный фронт будет наступать! М-да-а! Теперь необходим успех, иначе ославят «генералом от поражений», как Куропаткина... А ведь они будут ставить палки в колеса...» — возмущался Брусилов и снова усилием воли отогнал от себя неприятные мысли, мешавшие думать о предстоящем деле.

Задача стояла гигантская. Накануне войны все генеральные штабы исповедовали теорию, по которой наилучшей формой маневра считался обход одного или обоих флангов противника с целью его последующего окружения. Практика войны опрокинула эту теорию, поскольку сразу сформировались сплошные позиционные фронты. Пришлось прорывать сильно укрепленные позиции неприятеля фронтальными ударами, которые из-за небывало возросшей силы огня сопровождались огромными потерями наступающей стороны.

«Господи, сколько же солдат погибнет, ежели следовать канонам войны! — заранее сокрушался Брусилов. — Ведь не скроешь от неприятеля, да еще располагающего аэропланами для разведки, концентрацию воинских масс, подтягивание артиллерии к участку прорыва... Обдумаем-ка еще раз все...»

От настенной карты он отошел к столу, где были разложены схемы участков его фронта. Широко расставленными руками оперся о стол.

«Да! Быть по сему!.. — решительно поднял он голову. — Каждая из четырех армий и некоторые корпуса выбирают свой участок прорыва и немедленно приступают к его подготовке.

Начнем атаку сразу в 20—30 местах, чтобы лишить неприятеля возможности определить направление главного удара... Правда, такой образ действий имеет свою обратную сторону — я не смогу на главном направлении сосредоточить столько сил, чтобы сразу пробить брешь... Но сделаю обратное тому, чему учат германские стратеги: выберу тот план, который подходит именно для данного случая. Легко может статься, что на месте главного удара я получу лишь небольшой успех или совсем его не добьюсь. Если большой успех окажется там, где я его сегодня не жду — что же, направлю туда все свои резервы, и с богом...»

На душе командующего стало немного легче после того, как он принял окончательное решение.

«Теперь надо убедить в этом командующих армиями и начальников их штабов, чтобы они донесли мои мысли до войск, дружно ударили по неприятелю... Ох и сильны же у них каноны и формулы, высиженные бездарностями в генеральских эполетах...

Бог даст, уломаю своих-то!..»

Волочиск, апрель 1916 года

Когда маленький, сухой и подвижный Брусилов решительными шагами вошел в главный зал таможни, где должно быть совещание, вокруг стола, установленного в центре помещения, уже сидели его генералы. Три генерал-адъютанта и генерал-лейтенант, генералы и полковники, собранные для важного сообщения, дружно встали при появлении главнокомандующего.

— Прошу сесть! — скомандовал Брусилов и оглядел зал. Он был светел и просторен. По распоряжению генерал-квартирмейстера, ведавшего также вопросами контрразведки, из всего здания были удалены люди и все двери опечатаны. Только члены военного совета были пропущены в зал.

Брусилов рассказал о совещании под председательством царя в Могилеве, о решении Ставки наступать Западным фронтом и о том, что Юго-Западному фронту выпала роль поддержать войска соседа, отвлечь на себя внимание неприятеля. Затем главнокомандующий из-

ложил свою идею о нескольких одновременных ударах, вводящих противника в заблуждение...

Генерал говорил убежденно, подкреплял свою теорию примерами удачных действий с начала войны. По мере доклада он с недоумением и возмущением стал замечать, что на лицах соратников не видно уверенности. Первым свои сомнения в успехе задуманного Брусиловым наступления высказал генерал-лейтенант Каледин. Каледин стал командующим армией вопреки желанию Брусилова. Более того, Алексей Алексеевич по приказу царя был вынужден сдать ему свою любимую 8-ю армию, хотя и предлагал назначить ее главнокомандующим более решительного генерала — Клембовского.

— Я убежден, — говорил Каледин, развалясь на стуле, — что нанесение удара Юго-Западным фронтом грозит нам большими опасностями...

В памяти Брусилова всплыло тупое и завистливое лицо Николая Иудовича Иванова, злобный оскал Эверта, простодушное хлопание глазами дурашливого Куропаткина, недовольное подергивание усами Алексеева и бездумное молчание Николая на военном совете в царской Ставке. Тогда он преодолел недоброжелателей. Теперь — снова неверующие в успех задуманного, да еще — в собственном стане. Снова надо доказывать, объяснять, убеждать!

Командующий 7-й армией генерал-адъютант Щербачев также не выказал энтузиазма по поводу наступления.

— Алексей Алексеевич, вы знаете, что я не люблю стоять на месте и всегда очень охотно иду вперед... Однако теперь я считаю решительную атаку рискованным делом и потому не могу разделить ваше мнение...

Брусилов перевел глаза на генерала Крымова, который замещал командующего 9-й армией Лечицкого, внезапно заболевшего воспалением легких. Молодой генерал поднялся и коротко, но весомо выразил от имени Лечицкого согласие на переход в наступление. Генерал-адъютант Сахаров, командующий 11-й армией, также спокойно согласился с предложениями Брусилова.

«Ну что же! — мысленно подвел итог главнокомандующий. — Двое за мою идею, двое — против. Придется их поставить на место! У нас здесь не Государственная дума, а военный совет!»

Каледин продолжал упорствовать и после того, как Щербачев снял свои возражения.

— Боюсь браться за дело! — уныло, словно заведенная шарманка, повторял генерал. — Трудно ждать успеха от этого предприятия.

Кровь внезапно бросилась в голову главнокомандующему.

— Генерал! — резко поднялся со своего места Брусилов. — В таком случае я буду поставлен перед необходимостью либо сменить вас, либо передать направление главного удара в полосу 11-й армии!

Сахаров с ехидством посмотрел на Каледина. Тот не ожидал, что Брусилов так быстро может с ним расправиться, и начал оправдываться, а закончил согласием на наступление.

— Теперь, господа, когда мы пришли к единению о необходимости наступления, хочу обсудить с вами некоторые предложения о его проведении, — вполне удовлетворенный победой над сомневающимися, приступил к главному делу Брусилов.

Каждый командующий получил указание разработать свой план, и не в кабинете по карте, а на месте — совместно с командирами подразделений — от пехоты до артиллерии. В штабном документе точно указать, кто и что именно атакует, какие для этого назначаются силы. Поставить задачи пехоте и артиллерии, определить потребное количество орудий и снарядов, установить последовательность артиллерийской подготовки, конкретные цели артатаки, чтобы не допускать напрасного расхода снарядов.

Одухотворенность, творческий огонь и воля делали маленького и сухонького генерала величественным, сильным и красивым, когда он излагал свои идеи, через несколько дней перевернувшие все понятия о тактике и стратегии в позиционной войне. Германский главнокомандующий Фалькенгайн вынужден был признать гениальную простоту «брусиловских ударов» и оригинальность всех этапов прорыва. Французский главнокомандующий Фош на завершающем этапе войны использовал идею Брусилова для организации франко-английского наступления в кампании восемнадцатого года.

Генералы, проведшие почти два года войны в действующей армии, закончившие Николаевскую академию * и уже сами преподававшие в ней, с удивлением и

* Академия Генерального штаба.

интересом воспринимали все, что говорил им главнокомандующий. А он рисовал яркую картину будущего наступления.

Пехота поведет атаку волнами. Таких волн для главной атаки будет образовано не менее трех-четырех, а за ними последуют еще и резервы. Волны атакующих следуют одна за другой с интервалом в 150—200 шагов, причем вторая волна пополняет собой потери первой волны, третья подпирает первые две и является их непосредственной поддержкой. Четвертая волна следует за ними как резерв передовых полков.

Атака пехоты начинается сразу же после короткой артиллерийской подготовки, причем артиллерия не прекращает своего огня сразу, а переносит его на вторую линию траншей, затем на третью и так далее. Для этого пушки и гаубицы следовало подтянуть как можно ближе к передовой — не далее 2—3 верст.

Передовая и вторая волны пехоты не должны останавливаться в первой линии неприятеля, а на плечах отступающего противника захватывать вторую, третью — сколько сможет линий окопов. «Подчищать» неприятельские траншеи, закрепляться в них должны резервы полков и дивизий.

— Нужно иметь в виду, — Брусилов обвел глазами всех присутствующих, — что наш противник нормально основывает всю силу своей обороны на второй линии окопов, и задержка на первой линии подвергает войска сосредоточенному огню неприятеля. В общем, атака укрепленных позиций в современной войне — операция трудная, искусная. Твердо уверен, что продолжительный совместный боевой опыт будет нами использован полностью и при наступлении будет применен в полной мере.

Особенно подчеркнул главнокомандующий роль артиллерии в предстоящей боевой работе. Он разделил ее на два этапа. На первом — уничтожение проволочных заграждений австрийцев, разрушение укреплений первой и второй линий противника, причем главное внимание артиллеристов обращалось на подавление пулеметных гнезд. После начала штурма пехоты батареи должны перенести огонь от места скопления резервов неприятеля на укрепления, примыкающие к флангам его, на третью линию обороны.

Торжественные от предстоящего великого дела, сидели генералы, и каждый из них уже примеривал указания главнокомандующего к своей армии. Покряхтывал

старик Сахаров, Щербачев задумчиво подергивал свой ус. Каледин ревностно слушал, желая подчеркнутым вниманием загладить свою оплошку, когда он отказывался от столь блестящей возможности снискать славу и популярность при царском дворе. А что будет именно успех — в этом никто не сомневался, особенно молодой Крымов.

Бердичев, май 1916 года

К десятому мая Юго-Западный фронт был готов к наступлению. Был накоплен боезапас, к передовым позициям противника скрытно подведены траншеи. В некоторых местах окопы русской пехоты отстояли от австрийских на двести шагов, которые наступающие могли преодолеть за минуту-полторы. Все делалось под покровом темноты, с первыми проблесками дня саперы уходили в тыл. Австрийские наблюдатели не находили ничего тревожного в поведении русских и соответственно докладывали об этом своему командованию.

Фон Гетцендорф затеял на начало мая наступление против итальянской армии и стал снимать многие части с русского фронта для отправки в район Трентино.

Брусилов внимательно наблюдал за всеми изменениями оперативной обстановки, инспектировал войска, заряжал боевым духом офицеров. Генерал уважал и ценил разведку всех видов, внимательно изучал разведсводки, присылаемые из Ставки, и донесения собственных войсковых разведчиков. Особенно его интересовали возможности воздушных наблюдателей. Он запрашивал у Алексеева как можно больше летательных аппаратов.

Штаб командующего довольно точно установил характер неприятельской обороны. Для каждой армии были изготовлены планы наступления с детальным изображением позиций противника.

Под руководством генерал-лейтенанта Величко * в тылу были построены участки позиций, точно копировавшие австрийские. Войска обучались их преодолению. Вблизи передовой готовились настоящие и ложные позиции для полевой и тяжелой артиллерии, войска до по-

* Генерал-лейтенант К. И. Величко (1856—1927), профессор фортификации, военный инженер. Был полевым инспектором по инженерной части при Ставке. После победы Великого Октября перешел на сторону Советской власти. С 1918 года — на службе в Красной Армии.

ры до времени укрывались от воздушных наблюдателей противника в лесах.

Штаб главнокомандующего жил размеренной и налаженной жизнью в зданиях упраздненного еще в прошлом веке кармелитского монастыря. Почувствовав твердую руку генерала, штабные офицеры подтянулись.

В кабинете главкома на столах были разложены карты участков фронта, полос наступления, смежных участков Западного фронта. В начале мая поверх всех этих листов, так хорошо известных Брусилову, легли карты итальянского театра военных действий. 2 мая превосходящие силы австрийцев атаковали войска первой итальянской армии в районе Трентино, и итальянцы, неся крупные потери, стали отступать.

— Значит, скоро запросят помощи у России! — пришел к выводу Брусилов.

Действительно, главнокомандующий итальянской армией Кадорна спешно обратился сначала во французскую главную квартиру с просьбой повлиять на русских, чтобы они скорей начали свое наступление. Затем от имени Кадорны на русского военного агента в Риме полковника Энкеля стал усиленно давить генерал Порро, чтобы тот немедленно довел до сведения Алексеева «усердную просьбу ускорить во имя общих интересов начало наступления русской армии». В тот же час итальянский представитель в русской Ставке генерал Марсенго сделал такое же заявление Алексееву. В довершение всего начальник итальянской военной миссии в России полковник Ромеи отправил из Петрограда в Могилев категоричную телеграмму:

«Итальянская главная квартира самым энергичным образом настаивает на том, чтобы русская армия немедленно начала наступление на австрийском фронте, и утверждает, что нынешнее затишье в действиях русских армий создает весьма серьезную опасность для союзников... Если Россия будет продолжать настаивать на том, что она в настоящее время не может перейти в решительное наступление, то необходимо, чтобы она по крайней мере теперь же произвела демонстративное наступление с целью удержать против себя силы австрийцев и оттянуть те силы, которые, вероятно, находятся в пути на итальянский фронт».

— Макаронные вояки! Шантажисты! — ругался Алексеев, получив эту телеграмму. — Втягивать нас без надлежащей подготовки в немедленную атаку — значит

вносить в общий план союзников только расстройство и обрекать наши действия на неудачу. Не буду ничего начинать неподготовленного ради этих сволочей! Они уже начинают командовать нашей армией! — кипятился Алексеев при своих ближайших сотрудниках. Но когда царь получил от итальянского короля совсем уже паническую личную телеграмму, где намекалось, что Италия выйдет из войны, если русская армия не окажет ей сейчас же действенную помощь, начальник штаба Ставки вынужден был сдвинуться с мертвой точки.

11 мая Брусилов получил от Алексеева телеграмму, в которой его, как и других главнокомандующих фронтами, запрашивали от имени главковерха, когда могут быть закончены подготовительные операции для производства атаки против австрийцев по намеченному плану.

Из Бердичева в Могилев в тот же день ушел лаконичный ответ: «К наступлению готов. Желательно начать 19 мая». Другие главкомы по-прежнему ссылались на различные обстоятельства, препятствующие боеготовности их войск и скорейшему началу наступления

Алексеев все-таки отдал приказ о выступлении войск Юго-Западного фронта 22 мая, Западного фронта — 28 или 29 мая.

— Слава богу, хоть с помощью итальянских несчастий вымолили себе позволение наступать! — горько пошутил Брусилов, получив приказ.

Вечером двадцать первого атмосфера в Бердичеве была наэлектризованной. В войска прошел приказ начинать артиллерийскую подготовку на рассвете следующего дня. Известно было также, что неприятель спокоен и не ожидает для себя никаких тревог.

Брусилов как заведенный ходил по своему огромному кабинету. Приближалась минута триумфа всей его жизни. Надо было предусмотреть любую неожиданность.

Дежурный офицер робко постучал в дверь и сообщил, что на прямом проводе из Ставки — генерал-адъютант Алексеев. Решительными шагами Брусилов отправился в соседнюю комнату, где стояли телеграфные аппараты и юзы для связи со Ставкой и войсками.

— Главкоюз у аппарата! — доложил Брусилов.

На бегущей ленте потекли слова, которыми Алексеев пытался убедить Брусилова отказаться от намеченного плана прорыва, отложить его на несколько дней,

сконцентрировать все силы на одном участке. Начальник штаба добавлял, что свои предложения он делает по желанию верховного главнокомандующего.

Кровь прилила к лицу Брусилова. От возмущения он топнул ногой.

— Передавайте! — приказал он юзисту. Аппарат застрекотал. — Изменить мой план не считаю возможным, и если это мне категорически приказывают, то прошу меня сменить. Откладывать день наступления также не нахожу возможным, ибо все войска заняли исходное положение для атаки, и, пока мои распоряжения об отмене дойдут до фронта, артиллерийская подготовка уже начнется. Кроме того, обращаю ваше внимание на то, что войска при частых отменах приказаний неизбежно теряют доверие к своим начальникам. А посему — прошу меня сменить.

Брусилов вытер руку, неожиданно вспотевшую, таким брезгливым движением, словно только что дал ею пощечину. В сущности, так оно и было.

По ленте побежал ответ Алексеева, что царь уже лег спать, будить его неудобно, начальник штаба просит Брусилова подумать...

Лицо Брусилова отразило предел возмущения. Его светлые глаза засверкали, словно стальной клинок, усы гневно встопорщились, обнажая острые белые зубы. Так же брезгливо вытирая и вторую ладонь, маленький генерал продиктовал:

«Сон верховного главнокомандующего меня не касается, речь идет о судьбах всей кампании, и думать мне нечего. Прошу дать ответ сейчас!»

«Ну, бог с вами, — примирительно застучали буквицы по бумажной ленте, — делайте, как знаете, а я о нашем разговоре доложу государю императору завтра...»

Брусилов резко повернулся, вышел из комнаты, не дожидаясь следующих слов Алексеева, и потребовал коня. Главнокомандующий умчался в ночь только в сопровождении двух офицеров. Он возбужденно гнал коня по мягкой обочине шоссе, пустынного в этот час, а сам раздумывал, почему Алексеев, упрашивавший неделю назад начинать наступление ради спасения итальянцев, теперь вдруг забил отбой. Что это? Зависть? Непохоже, чтобы раньше когда-либо бывший профессор военной академии, крестьянский сын, добравшийся до звания генерал-адъютанта и начальника штаба Став-

ки, фактический главнокомандующий русской армией, — завидовал кому-нибудь... Может быть, недомыслие? Но этого также не замечалось за Алексеевым, который талантом, упорством и трудолюбием выгодно отличался на фоне куропаткинцев, заполнявших верхние эшелоны российского генералитета.

Неожиданно Брусилову пришла мысль, от которой он даже остановил коня.

«Заговор?! Не стоят ли за «колебаниями» Алексеева те «друзья» депутата Государственной думы Гучкова, которых начальник штаба верховного однажды рекомендовал Брусилову и просил принимать и выслушивать, помогать им? А сам Гучков, депутат Коновалов, член Прогрессивного блока Брянцев?.. Они уже подсылали к нему своих эмиссаров и намекали на существование в столице движения офицеров против упрямого и вздорного царя, против немки-царицы... Жаловались, что нет у них фигуры, способной возглавить организацию, старались донести до него мысль, что он может стать такой фигурой... В дни войны свергать своего верховного главнокомандующего, царя, воплощающего в своей персоне верховную власть в великой империи?! Что за абсурд! Он правильно сделал, что отказал заговорщикам... Но как же высоко дотянулись теперь их руки, если его догадка верна!.. А зачем им это нужно? Раскачать государственный корабль России и скомпрометировать его капитана — царя — сплошными неудачами на фронте, неспособностью побеждать?! Очень может быть... А на этой грязной волне добраться до власти в империи? Очень похоже на это! Но он, генерал Брусилов, не запятнает чести русского воина участием в дворцовом перевороте, он будет свято выполнять свой долг!..»

Наступила, наконец, некоторая ясность в том, почему так странно ведет себя в последнее время Алексеев. Можно было теперь предвидеть его следующие ходы в сложной политической интриге.

Брусилов повернул назад, к своему штабу-монастырю.

Лондон, июнь 1916 года

Через полчаса после прихода парохода из Булони в Фолкестон поезд, составленный из комфортабельных пульмановских вагонов, плавно тронулся от перрона на

пристани. Соколов устроился в удобном мягком кресле купе первого класса и принялся изучать газету, заблаговременно положенную проводником. В ней подробно описывался Ютландский бой. Корреспондент совершенно не скрывал потери британского флота. Полковник обратил внимание на это качество британской военной цензуры. В купе сидели еще два пассажира, но по присущей англичанам сдержанности никто не обменялся ни единым словом.

Вошел бой и предложил чай. Получив согласие каждого из пассажиров, юноша накрыл три столика. Перед молчаливыми спутниками оказались дымящиеся чашки с ароматным напитком, золотились горячие тосты из вкусного хлеба, на блюдечках лежали разные сорта джема и сливочное масло.

«Англичане не изменяют комфорту даже во время войны», — подумал полковник и принялся за завтрак.

За окном мелькали небольшие изумрудно-зеленые поля, огороженные каменными изгородями, живыми заборами из кустарников, маленькие аккуратные домики с черепичными или плиточными крышами. Иногда проплывали пологие холмы, рощицы кудрявых деревьев, речушки и ручьи.

Поезд проскакивал, не останавливаясь, через поселки и городки, сплошь заставленные двух- и трехэтажными домиками, увенчанными большим количеством каменных труб, с обязательной выбеленной или сложенной из крупных камней церквушкой посреди городка и аккуратной квадратной площадью поблизости от станции.

Перед самым Лондоном поезд нырнул в туннель, затем потянулись заводы и фабрики, улицы из унылых и закопченных однообразных кирпичных домов, прогрохотал мост через Темзу. За ним дома сразу выросли и стали солиднее. Еще один небольшой туннель — и плавное торможение на центральном вокзале Виктория.

Прямо на широченных платформах, бывших продолжением городской улицы, стояли во множестве тупорылые таксомоторы. Вагоны также были рассчитаны на максимальные удобства — каждое купе имело собственную дверь. Все двери отворились разом, и толпа путешественников без спешки, деловито, бесшумно очутилась на дебаркадере. Всем желающим хватило механических кебов. Зафыркали моторы. Соколов скомандовал шоферу такси везти его в какой-нибудь приличный, но

недорогой отель в центре города. Унылый старый кокни — водитель, управлявший до века моторных экипажей лет сорок конным кебом, неторопливо опустил рычаг счетчика, включил передачу и покатил по Виктория-стрит, Уайтхоллу, Стрэнду, Кингсвэю, Нью-Оксфорд-стрит, Оксфорд-стрит...

Соколов немного знал Лондон. Он бывал здесь за пару лет до войны по служебным делам и понял, что кебмен везет его весьма кружным путем. Но вступать в спор с возницей не стал — ему было интересно наблюдать уличную жизнь громадного города.

Попадались еще конные экипажи, но господство уже прочно захватили автомобили. Они мчались без гудков, повинуясь сигналам полицейских огромного роста. Толпа по тротуарам двигалась также почти бесшумно, организованно и с достоинством. Витрины магазинов были полны добротных товаров, солидны и красиво убраны. Ни у кафе, ни у знаменитых лондонских пивных — пабов — не видно ни одного пьяного или просто возбужденного алкоголем человека.

Попадалось много военных, но толпа была к ним безразлична. «Не то что во Франции», — подумал Соколов.

Наконец такси остановилось у небольшого отеля на Уигмор-стрит, идущей параллельно просторной и деловой Оксфорд-стрит. Шофер долго рассчитывался с Соколовым, жуликовато назвав ему сначала сумму, вдвое превышающую показания счетчика. Полковник, знающий привычки лондонских кебменов, отсчитал ему столько, сколько полагалось, прибавив шиллинг на чай.

Соколов недолго раздумывал о том, идти ему представляться к военному агенту Ермолову в штатском или военном. Он решил, что общий стиль английской жизни, видимо, диктует визит в цивильном.

До окончания присутственного времени было еще долго, и полковник, любитель пеших прогулок, отправился по знакомым ему с прошлой поездки улицам. Он пересек Оксфорд-стрит и вышел на Риджент-стрит. Все богатства английского колониального мира были выставлены в витринах дорогих магазинов на этой улице для миллионеров. Казалось, что горе и суровость войны существуют совершенно в ином измерении, чем то, которым жила эта улица. Роскошные автомобили плавно скользили по асфальту, останавливаясь у хрустальных

дверей салонов и лавок — эксклюзивов. Единственным отличием от довоенных времен были дамские моды. Длинные платья и широкополые шляпы ушли в прошлое, юбки стали коротки и деловиты, вместо шляп на головках с короткой стрижкой красовались береты и чалмы.

Через Хаймаркет, мимо Трафальгарской колонны полковник вышел на Уайтхолл. Справа осталась арка Адмиралтейства, за которой виднелась сочная зелень Сент-Джеймского парка. Соколов перешел улицу и вошел в подъезд мрачного здания, неподалеку от дома военного министерства. Здесь в тесной конторке помещалось бюро русского военного агента генерал-лейтенанта Ермолова.

Сержант при входе не обратил никакого внимания на вошедшего. Алексей прошел к кабинету генерала и попросил секретаря доложить о полковнике Соколове.

Дверь распахнулась. Человек маленького росточка, в сереньком гражданском пиджачке появился на пороге. Это был сам генерал. Он улыбался и маленьким ртом под пышными усами, и глазами, и всем лицом.

— Входи, входи, герой! — запричитал он. — Дай тебя обнять! Наслышаны мы о твоих подвигах!..

Рослому Соколову пришлось согнуться, чтобы выполнить пожелание генерала. Обнялись, потом прошли в кабинет и уселись у стола для совещаний. Секретарь вышел.

— Знаешь, это кто? — громким шепотом спросил полковника Ермолов.

— Не имею представления... — ответил таким же шепотом Алексей.

— Это лицо императорской фамилии... — с гордостью принялся объяснять генерал. — Великий князь Михаил Михайлович!.. Из-за морганатического брака с графиней Торби его императорское величество, — генерал скосил глаз на портрет царя, — лишил Михаила права вернуться в Россию. Бедняга уже много раз писал его величеству, но не получал ответа. Тогда он обратился ко мне с просьбой взять его служить России хотя бы в моем бюро... И быстро же он печатает на машинке!.. — восхитился Ермолов. — Никто за ним не угонится...

Тебя расспрашивать не буду... Знаю все твои подвиги из газет, да граф Игнатьев из Парижа меня

предупредил о твоем приезде, — продолжал монолог генерал, не давая и слова сказать Алексею. — Кстати, учти, что твоей персоной интересовался почему-то военный министр, лорд Китченер... Наказал известить его, как только ты появишься в Лондоне... Сейчас я телефонирую фельдмаршалу... — взялся Ермолов за телефонный аппарат военного образца, стоявший у него на столе, очевидно, для прямой связи с военным министерством.

Секретарь министра соединил генерала с Китченером, и лорд, узнав, что поводом для звонка послужил приезд полковника Соколова, прославленного русского разведчика, просил обоих тотчас прибыть к нему, ибо через пару дней фельдмаршал убывает в служебную поездку.

— Николай Сергеевич, успею ли я съездить переодеться в военную форму? — взволновался Соколов.

— Что ты! Бог с тобой! Нет нужды! — разъяснил ему Ермолов. — Англичане сами не любят носить военную форму, и нам не обязательно мозолить им глаза мундиром!.. Пойдем, тут рядом...

Когда русские вошли в громоздкое здание военного офиса, Соколову показалось, что дом этот строился гигантами для великанов. Своды широких, как улица, коридоров терялись в вышине. Коридоры были бесконечны. Гостей сопровождал сержант среднего роста, который казался миниатюрным среди прочих англичан, одетых в военную форму.

Добрались до зала, служившего приемной фельдмаршала. Адъютант немедленно доложил о прибытии русских. Лорд не заставил себя ждать.

Его кабинет был таких размеров, как зал ожидания на вокзале в городе средней руки. Генерал-лейтенант и полковник приблизились к письменному столу, из-за которого поднялся сухой и жилистый человек огромного роста, в песочного цвета френче, с несколькими рядами широких орденских ленточек над нагрудным карманом. Его лицо с грубыми и резкими чертами казалось вырубленным топором. Кожа обветрена суховеями пустынь, густые усы расходились аккуратными стрелками параллельно орденским ленточкам. Нижняя челюсть, массивная и квадратная, выдавала его чисто британскую породу.

Китченер был прямолинеен, прост в обращении и

иногда даже груб. В его глазах светились огромная воля и незаурядный ум. Лорд явно был не в духе.

Гости не знали причины дурного настроения фельдмаршала, а она находилась в прямой связи с положением дел в России. Именно поэтому Китченер и пригласил русского генерала и полковника, желая еще раз взвесить свое решение немедленно отправиться в Россию, чтобы навести там порядок.

Накануне вечером военный министр принимал с докладом начальника разведки сэра Реджинальда Холла. Адмирал, сообщив ему о последних агентурных данных, тяжело вздохнул и повел разговор о внутреннем положении России. Демонстрируя крайнюю степень огорчения, Холл сообщил, что Путиловский завод производит теперь в пять раз снарядов меньше, чем выпускал до секвестра предприятия. Резидентура в Петрограде доложила, что движение в пользу секвестра было вызвано большим количеством немцев в руководстве завода. Немцев изгнали, но на их должности назначили совершенно неквалифицированных русских. Германофилы, озабоченно продолжал Холл, имеются во всех слоях Российской империи. Особенно влиятельны они при дворе, где всем распоряжается царица-немка, попавшая под влияние германского шпиона Распутина, сторонники немецкой партии есть в коммерческих и в консервативных кругах, в революционной партии (адмирал имел в виду кадетов)...

По мере доклада Холла Китченер все более мрачнел, пальцы, сжатые в кулаки, заболели от напряжения. Фельдмаршал стал подумывать о том, не бросить ли все дела в Британии и немедленно отправиться в Россию. Он верил, что его железная воля преодолеет петроградскую неразбериху, что он сможет убедить царя проявить твердость перед лицом общего врага и они вместе реорганизуют русское общество таким образом, чтобы можно было добиться победы в кратчайший срок.

Сэр Реджинальд, основываясь на докладах разведки, сообщал фельдмаршалу о том, что русские сражаются в окопах, вооруженные одними палками, промышленность работает из рук вон плохо. Более того, в промышленных центрах то и дело вспыхивают антиправительственные забастовки, сопровождаемые в некоторых случаях стрельбой казаков. В официальных кругах — уныние, есть данные о том, что царь и Александра Федоровна вынашивают планы сепаратного мира.

— Хороша внучка королевы Виктории!.. — прошептал фельдмаршал. — Кто сообщает все эти данные? — резко спросил он.

— Возглавляет нашу разведку в России сэр Сэмюэль Хор. Телеграммы и письма из Петрограда идут за его подписью. Единственное исключение сделано для лейтенанта Сиднея Рейли... Талантливый офицер разведки... Кстати, вот последняя телеграмма от Рейли...

Адмирал подал Китченеру бланк дешифрованного сообщения, и лорд прочитал: «Положение в правительственных кругах катастрофическое. Германская партия вплотную подошла к заключению сепаратного мира. Революционные силы, намеревающиеся добиться отречения от престола Николая и Александры, еще слабы и недостаточно организованы. Русская армия разваливается. Полагают, что здесь имеется партия мира в народе и среди революционеров...»

Телеграмма Рейли послужила последней каплей, переполнившей чашу терпения лорда Китченера.

— Я иду к его величеству и прошу разрешить мне поездку в Россию на несколько дней... Адмирал, вы свободны!

...Все это было еще свежо в памяти фельдмаршала, когда русские военные вошли в его кабинет. Зло на Россию и русских еще кипело в душе, но Китченер заставил себя подняться из-за стола в знак уважения к герою, бежавшему из австрийской тюрьмы. Он крепко пожал Соколову руку и пригласил обоих сесть.

Лорд решил пока не открывать генералу тайну своей поездки в Россию. Он не знал, что стараниями британской разведки об этом его путешествии говорили уже во всех салонах Петербурга и Москвы, а английскому агенту Роберту Брюсу-Локкарту даже звонили журналисты московских газет и запрашивали его относительно официальных целей визита британского военного министра, о том, намечено ли его пребывание в первопрестольной. Сэр Роберт радовался, что задолго узнал об этой поездке, ибо успел разнюхать о страсти фельдмаршала к старинному китайскому фарфору. Лорд Китченер действительно коллекционировал его много лет, и теперь Локкарт обшаривал все антикварные лавки Москвы в поисках ваз и блюд. Молодой разведчик в обличье генерального консула очень хотел понравиться военному министру. Он тщательно готовился к его приезду...

Принимая Ермолова и Соколова, Китченер рассчитывал проверить хотя бы на них сведения о пагубном моральном состоянии русских. Однако это ему совершенно не удалось. Ермолов был хитрый царедворец. Хотя он и слышал что-то от приезжих офицеров о непорядках в Петрограде, но не собирался откровенничать с английским фельдмаршалом. Соколов же так долго не был в России, что сам ничего не знал о положении на родине. Он только очень толково рассказал военному министру свои впечатления о состоянии духа в Австрии и Германии.

— Вы хорошо говорите по-английски, — глядя в упор на Соколова, сказал комплимент Китченер. Полковник, открытый и искренний, ему явно понравился. — Может быть, вы будете сопровождать меня в одной поездке, если я смогу скоро отправиться?

— Охотно, милорд! — ответил Алексей и добавил после краткой паузы: — Хотя я и очень тороплюсь в Петроград...

Китченер пропустил мимо ушей последнее заявление. Он так же четко закончил беседу:

— Через пару дней, когда вопрос решится, вас поставят в известность. Пока можете быть свободны!..

...По дороге в бюро генерал очень просил Соколова не отказать грозному Китченеру в его просьбе и не портить с ним отношения. Он сообщил также полковнику, что британские офицеры рады принять русского коллегу у себя и готовы устроить прием в его честь. Соколову такие приемы уже надоели во Франции, но ради укрепления союзнической дружбы он решил ответить согласием на приглашение командира одного из кавалерийских полков, стоявших милях в ста от Лондона. На следующий день он уехал на сутки в полк. Когда же вернулся в столицу, он узнал, что адъютант военного министра искал его по приказанию своего шефа. Китченер отбывал специальным поездом на север, в Шотландию, чтобы на крейсере из Скапа-Флоу отправиться в Россию. Король дал разрешение, крейсер был готов и стоял под парами в военно-морской базе на Оркнейских островах. Поездка строго секретна, и Соколову не решались сказать заранее. Китченер уехал в Россию без него.

«Как жаль! — думал Алексей. — Через три дня я был бы уже дома...»

Оркнейские острова, июнь 1916 года

Ранним утром в понедельник 5 июня быстроходный паровоз с прицепленным к нему классным вагоном бешено мчался вдоль морского берега на самом крайнем севере Шотландии. От Хальмсдэля, знаменитого своими лососиными прудами, дорога повернула от побережья в местность, называемую Кэйтнис.

У окна единственного вагона возвышался военный огромного роста. Если бы какой-нибудь немецкий шпион смог взглянуть на эту фигуру, он без труда узнал бы прославленного фельдмаршала Китченера, фотографиями которого были полны все союзнические газеты. Но в этих безлюдных районах Шотландии почти не было даже местных жителей, не то что чужеземцев.

Фельдмаршала сопровождали в поезде бригадный генерал Эллершоу, сэр Дональдсон из министерства вооружений, полковник Фрицнеральд, О'Бейрн из министерства иностранных дел, сэр Робертсон из министерства снабжения. Адъютант военного министра, второй лейтенант Мак-Ферсон из шотландского Камеронского полка, доложил патрону, что русский полковник, приглашенный фельдмаршалом сопровождать его в поездку, не мог быть предупрежден своевременно и поэтому остался в Лондоне. Задерживаться из-за него было нельзя.

Еще до полудня вагон фельдмаршала прибыл в Тэрсо. Китченер вышел, как всегда подтянутый и аккуратный. Его сапоги и ремень были начищены до зеркального блеска, наплечные знаки и пуговицы сияли, военной выправкой фельдмаршал служил образцом для солдат и офицеров. У пирса уже стоял небольшой миноносец «Оак», на борту которого министр и его свита пересекли пролив Пентленд-Ферт и вошли в бухту Скапа-Флоу. Это была главная база британского военно-морского флота. Командующий Джеллико ждал Китченера на флагманском корабле «Айрон Дюк».

В проливе дул свежий ветер, бежали довольно высокие валы, а здесь, в бухте, со всех сторон защищенной островами, море едва плескалось о борта судов. Только два дня назад Гранд-Флит вернулся в Скапа-Флоу после Ютландского сражения. Боевые корабли еще несли следы пожаров, палубные надстройки искорежены взрывами вражеских снарядов, в корпусах зияли пробоины. Почти везде шли ремонтные работы.

«Оак» подвалил прямо к адмиральскому трапу линкора, Джеллико встретил военного министра на палубе. Потом флагман повел показывать свой корабль. Офицеры и команда горячо приветствовали самого популярного из деятелей своей страны. Адмирал с особенным удовольствием показывал Китченеру боевые раны корабля, нанесенные германской артиллерией. «Немцы стреляют метко и быстро», — отдал он дань уважения противнику.

Уже в салоне, где ничто не напоминало о войне, Джеллико рассказал Китченеру о ходе Ютландского боя, посетовал, что Адмиралтейство не извлекло выводов из предыдущего, хотя и значительно меньшего сражения на Доггер-банке в январе 1915 года. Как и тогда, британские снаряды не обладали должной силой, огнеприпасы чересчур быстро воспламенялись в башнях и погребах от пожаров и раскаленных осколков, броневая защита многих кораблей была непрочной, дальномеры оказались хуже германских...

Побеседовав, Джеллико предложил фельдмаршалу отобедать перед дальней дорогой.

Несмотря на всю сдержанность лорда, к концу обеда Китченер позволил себе с горечью поведать Джеллико о затруднениях, которые стал испытывать при обсуждении разных вопросов в кабинете министров, о давлении, которое на него без конца оказывает разведка, о попытках политиканов и финансистов затянуть войну, чтобы наживаться на поставках недоброкачественных вооружений и другого снаряжения. Фельдмаршала просто бесило, что американский миллиардер Морган без конца сует нос в его дела, а «банковские патриоты» из Сити поднимают всякий раз визг, когда военный министр требует порядка в поставке вооружений.

Поднимая очередной стаканчик с джином, Китченер признался адмиралу, что поездку в Россию он рассматривает как своего рода отдых, но постарается быстрее вернуться оттуда, ибо до запланированного на 1 июля наступления на Сомме остается чуть более трех недель. Там должны дать бой гуннам вновь сформированные Китченером части. Фельдмаршал хотел быть рядом с ними, когда они пойдут в атаку.

Поговорили о возмутительных порядках в России, куда вынужден отправиться от имени союзников сам военный министр Великобритании, дабы разобраться с положением на месте.

Джеллико поинтересовался, почему Китченер отправляется в Архангельск с такой маленькой свитой, ведь ему для работы потребуется штаб.

— Я ненавижу нашу дурацкую и сложнейшую систему делопроизводства в армии, — решительно откликнулся лорд. — Все эти входящие, исходящие, папочки, ящички и так далее... Мне хватает вот этого, — с гордостью постучал себя по лбу фельдмаршал. Джеллико чуть не расхохотался. Он вспомнил ходившие по армии рассказы о феноменальной памяти Китченера, о том, что, получая сотни телеграмм в день, фельдмаршал, прочитав их, запоминал, сортировал каким-то ему одному известным способом и рассовывал затем по карманам, вынимая в нужный момент как раз ту, которая требовалась для данного случая. Его адъютанту было очень трудно получать назад эти телеграммы, особенно с грифами «совершенно секретно», чтобы вести им учет и возвращать шифровальщикам.

— Время идет, — поднялся первым из-за стола Китченер. — Что за корабль, на котором я пойду в Архангельск?

— Крейсер «Хэмпшир» — отличное судно, милорд! — похвалил Джеллико. — Он только что прошел модернизацию... Водоизмещение его весьма прилично — 11 000 тонн, скорость — двадцать узлов, пояс брони — пятнадцать сантиметров, на палубе — пять сантиметров. Капитан — Джон Севилль — старый морской волк... — отрапортовал адмирал. — Что касается обстановки, то мы дадим вам в эскорт два миноносца на случай встречи с подводной лодкой, что, на мой взгляд, сейчас совершенно исключено. В наших водах мы давно их не видели, а в открытом море крейсер пойдет полным ходом, и под водой субмарина его никогда не догонит! Мин мы также давно не вытраливали, а плавучих еще не встречали в районе Оркнейских островов. Надеюсь, что все будет о'кэй!

Адмирал, суеверный, как все английские моряки, постучал костяшкой пальца в деревянный стол.

Командующий Гранд-Флитом сопроводил военного министра на миноносце к крейсеру. Джеллико поднялся на борт, чтобы приказать командиру изменить курс при выходе из Скапа-Флоу. Надлежало идти не восточным фарватером, где бушевал сильный шторм, а западным, где под защитой берегов было относительно спокойно.

Миноносцы «Юпитти» и «Виктор» стояли в готовно-

сти, чтобы следовать за крейсером. Последние наставления адмирала командиру крейсера, крепкое рукопожатие с военным министром, и Джеллико покинул крейсер.

В семнадцать тридцать «Хэмпшир» с эскортом выходит в море. Сразу же дают о себе знать капризы погоды. Северо-восточный ветер стих, и вместо него поднимается северо-западный.

Теперь корабли идут, открытые сильному волнению моря. Миноносцы теряют ход, то и дело зарываются в волны так, что кажется чудом, когда корабль вновь оказывается на поверхности...

Велено хранить радиомолчание. Сигнальщик с крейсера семафорит флажками приказ командира: «Миноносцам возвращаться в базу». Малютки поворачивают назад, а тяжелая громада крейсера со скоростью 19 узлов удаляется в одиночестве в штормующее море. Его курс лежит пока вдоль Оркнейских островов.

...В маленькой прибрежной деревушке Бирзай, на северо-востоке самого большого острова группы, еще полно народу на площади, обращенной к морю. Несмотря на свежий бриз, десятки рыбаков и их жены коротают вечер в разговорах и в созерцании крейсера, величественно проходящего милях в трех от берега. До темноты еще очень далеко — в июне ночь в этих широтах длится всего два часа.

Крейсер начинает удаляться. Время семь с половиной вечера. Вдруг на корабле появляется яркая вспышка, ветер доносит грохот взрыва. Еще одна вспышка, еще один взрыв...

...Когда раздался первый взрыв где-то в недрах крейсера, лорд Китченер в каюте беседовал со своими экспертами по вооружению и снабжению. Словно огромный молот стукнул по кораблю. Затем еще удар, в каюте погас свет. Фельдмаршал вышел на мостик. Он увидел, как командир Севилль командует спустить шлюпки. Десятки матросов облепили тали, пытаются выполнить приказ, но крейсер валит с борта на борт, он теряет ход и делается игрушкой огромных волн. Шлюпки невозможно поднять на тали и спустить на воду.

Китченер, стоя со скрещенными на груди руками, наблюдает за усилиями моряков. Он еще не осознает всей трагичности ситуации и полагает, что выход будет найден.

Корабль начинает медленно погружаться в пучину,

люди на палубе в панике. Огромные волны добираются до надстройки, июньская Атлантика обжигающе холодна...

На берегу в деревушке мечутся рыбаки. Кто-то сообщил по телефону на ближайшую спасательную станцию, но моторная лодка из-за сильного волнения выходит только через несколько часов. Она напрасно утюжит тот квадрат моря, в котором произошла катастрофа. На поверхности нет ни обломка, ни лодки, ни следов крейсера и шестисот пятидесяти человек.

Спаслось с корабля только двенадцать. Сначала, когда им удалось сбросить с борта корабля непотопляемый плот и взобраться на него среди бушующих волн, их было четырнадцать. Плот погнало ветром на прибрежные скалы, и двое были так изранены ударами об острые камни, обессилены в борьбе с морем, что к утру скончались. Судьба выживших также оказалась трагичной. Они были доставлены в Тауэр * и расстреляны...

Бердичев, июнь 1916 года

«Брусиловский прорыв» состоялся. В плен было взято девятьсот офицеров и сорок тысяч нижних чинов противника, 77 орудий, 134 пулемета... На направлении главного удара фронт неприятеля был прорван на протяжении 70—80 верст и на глубину в 25—30 верст. Ни на одном фронте, в том числе и во Франции, подобного еще не бывало.

Ликование сотрясало Россию: нашелся, наконец, и у нас полководец божьей милостью! В едином порыве объединились думские круги и общественность, земские деятели и офицерство. В Бердичев бурным потоком, заполняя все телеграфные провода, шли поздравления. Одной из первых пришла телеграмма от великого князя Николая Николаевича с Кавказского фронта: «Поздравляю, целую, обнимаю, благословляю...»

Даже его величество, верховный вождь России, соблаговолил прислать краткое, но внушительное поздравление, которое главкоюз немедленно объявил по всем своим войскам.

Все, в том числе и Ставка, восторгались Луцким прорывом, но на деле Алексеев продолжал саботиро-

* Государственная тюрьма в Лондоне, где во время войны расстреливали немецких шпионов.

вать наступление Брусилова. Он не давал ничего сверх ранее обещанного, хотя прекрасно понимал, что сейчас самый момент пустить в прорыв все имеющиеся резервы. Вместе с Алексеевым завистливо молчали главнокомандующие Западным и Северным фронтами Эверт и Куропаткин. Они полностью игнорировали директиву Ставки об общем переходе в наступление. Это уже становилось похоже не на мелочную зависть, а на настоящий заговор.

Новые факты подтверждали подобное предположение. В конце мая Эверт получил разрешение от Алексеева отложить начало главного удара до 4 июня. Брусилов протестовал, но бесполезно. У Эверта и Куропаткина находились все новые и новые причины, якобы препятствующие началу их активных действий. То это были свежие германские части, невесть откуда появившиеся перед их фронтами, то генералам угрожала непогода, то было что-то другое. И у Алексеева, а равно и верховного главнокомандующего, не находилось средств и власти, чтобы призвать к порядку заговорщиков, которые под личиной зависти умело губили плоды всей летней кампании.

Чтобы заставить действовать соседей на своем фланге, Брусилов решился даже на столь необычный шаг, как личное письмо к подчиненному Эверта, командующему 3-й армией Западного фронта генералу Лешу.

«Обращаюсь к вам с совершенно частной личной просьбой в качестве вашего старого боевого сослуживца: помощь вашей армии крайне энергичным наступлением, особенно 31-го корпуса, по обстановке необходима, чтобы продвинуть правый фланг 8-й армии вперед. Убедительно, сердечно прошу быстрей и сильней выполнить эту задачу, без выполнения которой я связан и теряю плоды достигнутого успеха», — писал главкоюз.

Но Эверт и здесь успел навредить общему делу. Он запретил Лешу наступать на Пинском направлении по крайней мере до 4 июня, в то время как германское командование, обеспокоенное развалом австрийского фронта, немедленно начало переброску войск от Вердена и своих резервов, чтобы заткнуть дыру на Луцком и Ковельском направлениях.

Брусилов был крайне возмущен бездействием Ставки, ее потаканием «младенцам в военном деле», как он называл генерала Куропаткина и иже с ним. Он снова

решился на беспрецедентный шаг — вежливое по форме, но обвинительное по существу письмо начальнику штаба Ставки, в котором прямо ставил вопрос об измене.

«Глубокоуважаемый Михаил Васильевич! — по-личному обратился Брусилов. — Отказ главкозапа атаковать противника 4 июня ставит вверенный мне фронт в чрезвычайно опасное положение и, может статься, выигранное сражение окажется проигранным. Сделаем все возможное и даже невозможное, но силам человеческим есть предел, потери в войсках весьма значительны, и пополнение необстрелянных молодых солдат и убыль опытных боевых офицеров не может не отозваться на дальнейшем качестве войск. По натуре я скорее оптимист, чем пессимист, но не могу не признать, что положение более чем тяжелое. Войска никак не поймут — да им, конечно, и объяснить нельзя, — почему другие фронты молчат, а я уже получил два анонимных письма с предостережением, что ген.-адъют. Эверт якобы немец и изменник и что нас бросят для проигрыша войны. Не дай бог, чтобы такое убеждение укоренилось в войсках.

Беда еще в том, что в России это примут трагически. Также начнут указывать на измену...

...Повторяю, что я не жалуюсь, духом не падаю, уверен и знаю, что войска будут драться самоотверженно, но есть пределы, перейти которые нельзя, и я считаю долгом совести и присяги, данной мной на верность службы государю императору, изложить вам обстановку, в которой мы находимся не по своей вине. Я не о себе забочусь, ничего не ищу и для себя никогда ничего не просил и не прошу, но мне горестно, что такими разрозненными усилиями компрометируется выигрыш войны, что весьма чревато последствиями, и жаль воинов, которые с таким самоотвержением дерутся, да и жаль, просто академически, возможности проигрыша операции, которая была, как мне кажется, хорошо продумана, подготовлена и выполнена и не закончена по вине Западного фронта ни за что ни про что.

Во всяком случае, сделаем, что сможем. Да будет господня воля. Послужим государю до конца».

Генерал оторвал стальное перо от листа и задумался.

Как закончить письмо? Ставить ли обязательную формулу об уважении и прочем? Наверное, пока еще нет документальных доказательств измены начальника

штаба верховного главнокомандующего, следует держать свои подозрения при себе...

Брусилов аккуратно вывел своим четким, как весь его характер, почерком:

«Прошу принять уверения глубокого уважения и полной преданности вашего покорного слуги. А. Брусилов».

Пока чернила сохли, вызвал дежурного офицера приготовить конверт и сургуч. Офицер доложил, что в приемной дожидается Генерального штаба подполковник Сухопаров, прибыл с сообщением из Петрограда.

— Проси! — скомандовал генерал.

Вошел его старый знакомый, ученик по офицерской кавалерийской школе.

— А, голубчик! Входи, входи и здравствуй! — скороговоркой приветствовал Брусилов Сухопарова и попросил: — Погоди маленько, вот только письмо отправлю...

Весь облик главнокомандующего отнюдь не излучал того пессимизма, о котором он сообщал в Ставку Алексееву. Его глаза лучились, лицо словно помолодело.

— Рассказывай, с чем прибыл? — обернулся Брусилов от стола к камину, подле которого устроился Сухопаров.

— Ваше высокопревосходительство! — встал и вытянулся в струнку подполковник. — Направлен от генерал-квартирмейстерского отдела Генерального штаба для доклада по двум вопросам. Первое. Касательно воздействия ваших побед на европейскую дипломатию. Второе. Для изучения на месте австрийских и германских штабных документов, захваченных вашими доблестными войсками...

— Докладывай, голубчик! — разрешил главнокомандующий. — Только сядь, будь любезен!..

— Имею удовольствие доложить вам реакцию в Италии на Луцкий прорыв... — начал стоя подполковник.

Сухопаров хорошо знал скромность полководца и поэтому не стал называть это наступление тем громким именем, которым уже успела окрестить его вся Россия — «Брусиловским прорывом».

— Садись, голубчик! И рассказывай... — доброжелательно указал на стул подле себя Брусилов и сел сам, приготовившись слушать.

— Известия о большой победе русских над австрийцами вызвали в Италии всеобщее ликование, — начал Сухопаров довольно торжественно, но, заметив скепти-

цизм в глазах Брусилова, продолжал более буднично. — Во многих городах состоялись манифестации и празднества. В Венеции, например, общественные и частные здания украсились флагами, а население города устроило манифестацию в честь России...

— А флаги хоть были российские? — с улыбкой в усах поинтересовался Брусилов.

— Энкель сообщает, что итальянские, — коротко уточнил Сухопаров. — В Специи все здания были украшены флагами, а вечером большая толпа следовала за оркестром флотского экипажа, встречая громкими кликами исполнение русского гимна... В Катании, Палермо, Реджии все здания были также украшены флагами, проходили манифестации, а вечером города иллюминировались и устраивали на площадях концерты...

Но самое «радостное» известие я припас на десерт... — с печальной улыбкой сказал Сухопаров. — Из-за ваших успехов Румыния вскоре вступит в войну на стороне Антанты!..

— Господи! Этого нам только еще не хватало! — вполне серьезно вырвалось у Брусилова.

Стокгольм — Гельсингфорс, июнь 1916 года

От дождливых и туманных берегов Норвежского моря Соколов перенесся за сутки в ясный и прохладный июньский Стокгольм. Длинный перрон, сравнительно небольшой вокзал с гордым названием «Сентрален» и довольно тесная площадь перед ним. У выхода из вокзала, как было условлено еще в Христиании, его встретил помощник русского военного агента и в наемном экипаже по гладко уложенной брусчатке вдоль берега озера, а затем по полдюжине мостов, через средневековый Старый город, доставил Алексея на пристань Шеппсбрунн. Двухтрубный красавец пароход «Боре-II» уже начал посадку пассажиров на рейс в Гельсингфорс.

Усатый шведский жандарм, видимо, частенько встречал на пристани молодого русского офицера с разными господами, то прибывающими, то убывающими в Финляндию. Он даже не взглянул на бумаги Соколова, а только любезно откозырял обоим русским.

Палуба парохода «Боре-II» была юридически территорией Российской империи. Финский капитан, офицеры и матросы говорили неплохо на родном языке Соколова. Впервые он ощутил себя почти в родной ат-

мосфере. Его напряжение понемногу спадало. Посидев в тесной каюте, Соколов поднялся в уютный ресторан на средней палубе.

Отсюда он полюбовался суровыми объемами королевского дворца, средневековыми домами и улочками, выходящими на Шеппсбрунн. Бросил он взгляд и на другой берег залива, где рядом с «Гранд-отелем» чернело покрытое копотью здание, над которым реял флаг Германской империи. «Наверное, германское посольство», — решил Алексей.

Суета у трапа заканчивалась. Провожающие отошли к пакгаузам и встали в ряд, дружно приготовив белые платки для прощального привета. Палуба парохода сильно завибрировала, между бортом и набережной появилась полоска чистой воды. Старый город медленно стал удаляться.

Соколов вышел на верхнюю палубу и сел в шезлонг на свежем ветру. Прямо перед ним полоскался на корме флаг России. Только теперь, под сенью этого флага, Алексей был практически в безопасности. Флаг навел его на мысли о том, какой встретит его родина, каким он сам возвращается к ней.

Он отсутствовал два года, из которых около полутора лет сидел в тюрьме. Он заглянул смерти в самые глаза и чуть не переступил ее черту. Он вспомнил ночь перед расстрелом, пробуждение для последнего причастия и чудо побега из тюремного замка в Эльбогене. Он вспомнил свои размышления после вынесения приговора и известия о казни. Он понял, что возвращается в Петроград совершенно иным человеком. Недели и месяцы в тюрьме закалили его дух, обострили чувство справедливости, понимание высокой ценности человеческой жизни и свободы.

В первые дни интернирования в Швейцарии, когда он получил доступ к газетам и журналам, он никак не мог утолить свой голод на печатную продукцию. Он читал французские и английские, швейцарские и немецкие газеты, изредка получал возможность заглянуть и в русские, но везде встречал одну лишь трескотню о «геройских битвах», «ожесточенных атаках», «громовой канонаде» и «решающих победах». Человеку, только что избегнувшему объятий реальной смерти, видение мира через шовинистические очки журналистов и подзорные трубы генеральских реляций казалось мышиной возней в горящем амбаре.

Как никто другой, он знал изнанку войны: австрийские дезертиры, с которыми он сидел долгое время в одной камере, рассказали ему многое из того, о чем он теперь мог вычитать между строк в русской прессе. Народу, людям противна война, в которой неизвестно за что надо отдавать свою жизнь.

Соколов воочию увидел, что австрийские рабочие и крестьяне, одетые в зеленые шинели, и русские в своем сером сукне — ничем не отличаются по своей натуре. Он читал о братаниях солдат враждебных армий, стихийно происходивших на фронтах; как опытный аналитик видел назревание острого кризиса военной и гражданской власти в воюющих державах, первые толчки экономических потрясений. Много раз при этом он вспоминал своего друга Михаила Сенина, молчаливые, но твердые позиции собственной жены и хотел понять сущность явлений, которые известны им, хотел как бы заглянуть за глухую стену, отгораживавшую его в чем-то от истины.

Здесь, на борту парохода, по самым свежим питерским газетам он видел, как изменилась Россия за два года войны. Ура-патриотический, шовинистический дух угас, не принеся ни побед, ни славы. Верхушка явно источала миазмы гниения. Торгаши и спекулянты накинулись на Россию, как клопы на спящего усталого путника в грязной корчме. Бездарные генералы терпели одно поражение за другим, а Ставка все не могла подобрать способных военачальников. Только в нынешней, летней кампании 1916 года начался наконец порядок на русском фронте.

Пароход все шел и шел по шхерам, им не было конца до самого Гельсингфорса. Непривычная дробность морского пейзажа, который вместо мощи и широты являл собой лабиринт синих струй среди розовых и серых скал, покрытых хвойным лесом, влиял на мышление, не давал сосредоточиться на большом и главном.

Только за мысом Гангут «Боре-II», не опасаясь более германских миноносок и субмарин, рискнул отойти на пару миль от островов.

Но вот из-за россыпи мелких шхер и отдельных скал открылся довольно большой остров с крепостью на нем. «Свеаборг...» — решил Соколов, глядя в заблаговременно купленный на пароходе план Гельсингфорса. За островом и вокруг него стояли на якорях огромные утюги дредноутов российского императорского флота, длин-

ные, словно огромные торпеды, серые тела миноносцев. На военных кораблях шла своя обычная, такая мирная на вид жизнь. Белый «Боре-II», попыхивая из своих двух труб в голубое финское небо темно-синим дымом, проскользнул мимо суровых собратьев в Южную гавань и стал подваливать к причалу у самой Рыночной площади.

Морем цветов встретила Рыночная площадь корабль. Сойдя по трапу и представившись окружившим сходни всевозможным властям, Соколов очутился среди лотков с цветами, тележками, уставленными лоханками, в которых смешались все краски мира.

«Как удачно! — подумал полковник. — Завтра утром я буду уже в Петрограде и, если сейчас купить букет, он не успеет завянуть...»

Он велел носильщику отнести чемодан к извозчику и ждать его, а сам пустился в цветочные ряды. Алексей отобрал двадцать девять — в знак того, что познакомился со своей суженой 29 января у Шумаковых — крупных пунцовых бутонов роз на полусаженных крепких ножках и попросил их упаковать так, чтобы цветы не завяли до утра.

Добросовестная белокурая ширококостная финка с милыми и добрыми чертами лица справилась с делом отлично. Настоящий «вейка» неторопливо повез господина по красивому бульвару Эспланада, вывез на широкую Эстра Хенриксгатан и доставил к просторной, не то что в Стокгольме, Железнодорожной площади.

До отхода поезда оставалась еще пара часов. Алексей пошел побродить вокруг площади. Он не мог сидеть на месте от волнения. Соколов чувствовал себя здесь как дома, привыкая вновь слышать вокруг себя русскую речь. Но здесь говорили и по-шведски, и по-фински, показывая, что Финляндия — особая страна, а Гельсингфорс, по-фински Хельсинки, совсем не русский город.

...Когда Соколов вернулся в свое купе, там уже расположился попутчик — мичман императорского военного флота. Мичман представился старшему. Он оказался артиллерийским офицером с линкора «Император Павел I». Был рад, когда выяснилось, что высокий и статный, рано поседевший красивый господин в цивильном платье — Генерального штаба полковник. Моряки высокомерно относились к штатским и пехоте, а образованных генштабистов все-таки терпели... Соколов не стал

распространяться о себе, лишь коротко сказал, что возвращается в Россию после долгой зарубежной командировки.

Поезд тронулся. «Через тринадцать часов я увижу Настю!» — забилось сердце Алексея. Внешне спокойный, он устроился поудобнее на бархатном диване и раскрыл газеты. Мичман скучающе смотрел в окно.

Соколову читать расхотелось. Под мерный стук колес он стал думать о Насте, о тетушке, о старых товарищах по Генеральному штабу, о новом своем приятеле Мезенцеве... Куда-то забросила всех военная судьба? Чем ближе он подъезжал к родному дому, тем больше всплывало в памяти старых забот, приходили на ум полузабытые имена знакомых...

Мичман попросил разрешения закурить — вагон оказался для курящих. Соколов не стал возражать.

Затягиваясь тонкой египетской папироской, мичман затеял разговор.

— Еду в Питер на три дня к невесте! — радостно сообщил он. — Бог даст, если не погибну — после летней кампании свадьбу сыграем!.. Вот какие кольца в Гельсингфорсе купил! — с гордостью достал и открыл маленький сафьяновый футлярчик. — В Питере теперь за такие втридорога спросили бы...

Молодому человеку очень хотелось поговорить. Он продолжал:

— Спекулянты, воры и вся интендантская сволочь столько денег награбили, что порядочному человеку к ювелиру уже и не подступиться... Вот был недавно в Питере случай... Приходит к Фаберже, на Морской, господин в офицерской форме — как позже выяснилось, он интендант, заведующий покупкой и гоньбой скота на Северо-Западном фронте — и говорит... «Дайте мне, — говорит, — красивую дорогую вещь...» — «В рассрочку?» — спрашивает приказчик... «Зачем?! — отвечает, — за наличные...» — «На какую цену изволите? Так тысяч до 15?» — Наверное, опытный ювелир был, знает — кому что... «Нет! — говорит интендант, — подороже!..» Так купил, бестия, колье в сто тысяч и не моргнул!

— Как же известно стало, что интендант? — полюбопытствовал Соколов.

— А оставил визитную карточку с адресом, куда доставить, и попался!.. Следствие нарядили господа из комиссии Батюшина! Думали, что шпион, а оказался — интендант!.. Неизвестно, кто из них хуже для России...

— А что за комиссия? — насторожился Алексей, услышав знакомое имя.

— Комиссия по розыску и аресту германских и австрийских шпионов, господин полковник! — сообщил мичман и продолжал рассказ об интендантах, видимо, возмущавших всю армию.

— А вот еще доподлинный случай, я от родственника своего знаю, он в Киевской губернии в земстве служит... Ему дали сначала подряд на поставку полмиллиона пудов хлеба для армии... Дело вроде бы было налажено, но интенданты все тянули и тянули... Возводили всякие мелкие преграды, а потом вовремя не прислали мешки, которые должны были по договору. Затем вызывают его в интендантство и предлагают, чтобы поставщик организовал покупку мешков через земство... Называют ему цену и торгаша, говорят, что он получит от этой покупки еще пять тысяч рублей... «Как так, — спрашивает родственник, — я получу еще пять тысяч?» Ну, ему и разъясняют: дескать, мешков вашему земству нужно около 150 тысяч штук. За каждый мешок земство будет платить торгашу из средств интендантства по сорок пять копеек... Поставщик мешков согласен дать интендантам комиссионных с каждого мешка по десять копеек... Вот «навар» и положат по карманам в пропорции...

— И что же ваш родственник? — поинтересовался Соколов.

— Мой дядя рассказал все главнокомандующему фронта генерал-адъютанту Брусилову, тот возмутился, вызвал к себе интенданта и чуть его не поколотил в кабинете. Мешки поставили казенные, и очень быстро... Но с тех пор дядю на порог не пускают в интендантство... Так же эти воры проделывают и с шинелями, бушлатами, лошадиными подковами, гвоздями для ковки лошадей, и с сапогами... и черт-те знает с чем еще...

Соколов помолчал. Он еще со времен русско-японской войны знал о вакханалии казнокрадства и взяточничества, которая потрясала русскую армию. И все это — несмотря на то, что во главе снабжения войск стоял теперь генерал Шуваев, кристально честный сам, самоотверженно относящийся к делу. «Но честность отдельного человека не может преодолеть пороков гнилой самодержавной системы, при которой начинают воровать с самого верха — с великих князей, то и дело за-

пускающих руку в казну...» — думал Соколов, слышавший раньше о выдачах из бюджета родственникам царя.

Мичман был резко настроен против тыла, против верхов и даже против царской фамилии. В разговоре у него явно сквозило презрение к сухопутным генералам, проскальзывали нотки неодобрения самого верховного главнокомандующего — царя.

«Вот как бунтарски предстает передо мной Россия, — с изумлением думал Алексей. — Неужели это та самая верноподданная страна, где обожествлялась царская власть, где слово критики приравнивалось к крамоле, а рабочее сословие, требовавшее улучшения условий жизни и работы — беспощадно расстреливалось и подавлялось? Война, видимо, сильно раскачала государственный корабль, если даже морское офицерство, «белая кость» — опора трона — позволяет себе проявлять возмущение?!»

Колеса отбивали свою мелодию, вагон слегка покачивало.

Луцкий уезд, середина июня 1916 года

Двенадцатого числа главнокомандующий Юго-Западным фронтом отдал приказ о новом наступлении, главными целями которого определил Ковель и Владимир-Волынский. Брусилов не любил сидеть в своем штабе и по бумагам знакомиться с подготовкой войск к боевым действиям. Он стремился в такую пору инспектировать свои соединения вплоть до дивизии, острым взглядом оценивая уровень командования, снабжение, боевой дух солдат и другие составляющие совокупных усилий к победе.

Осмотрев захваченный его армией Луцк, Брусилов решил выехать на один из самых трудных участков фронта, где беспрерывно атаковали свежие германские части, прибывшие из-под Вердена. Теперь атака захлебнулась, полки 5-го Сибирского корпуса отбили неприятеля, но противник все время бросал в «ковельскую дыру» новые и новые дивизии, пытаясь стабилизировать положение.

На трех авто главнокомандующий с небольшой группой чинов штаба и отделением охраны отправился на северо-запад, в расположение 39-го армейского корпуса. Грунтовая дорога вилась через фольварки немецких ко-

лонистов, местечки и деревни по левому берегу реки Стырь.

Брусилов ехал в передней машине. Он посадил с собой прикомандированного к его штабу подполковника Сухопарова, а переднее сиденье занял старший адъютант штаба 8-й армии полковник Петр Семенович Махров, хорошо известный Брусилову по совместной службе. Передняя машина вздымала на сухой дороге тучи пыли, в которых тонуло сопровождение.

Главнокомандующий пребывал в хорошем настроении, и только изредка нотки горечи проскальзывали в его разговоре с доверенными офицерами, которых он рад был вновь увидеть. Человек прямой и открытый, Брусилов не жаловался своим спутникам, но и не таил от них своих мыслей. Он словно рассуждал вслух.

— Чудо война творит с людьми, истинное чудо, — задумчиво сказал генерал. — В 9-й армии я нарочно поехал осмотреть 74-ю дивизию...

— Ту, что была сформирована в ноябре четырнадцатого года в Петрограде из швейцаров и дворников? — поинтересовался Сухопаров.

— Именно так, — подтвердил Брусилов. — А хотел я ее проведать оттого, что сначала она показала очень плохие боевые свойства... Теперь же, спустя почти два года, дивизия преобразилась. Дерутся лихо, людей берегут, боевой дух высокий! Но пришлось наказать командира, хотя он и не виноват...

Махров обернулся на своем сиденье, чтобы лучше слышать.

— Навстречу первой атакующей волне из германских блиндажей, не разбитых артиллерией, брызнула горючая жидкость, — говорил генерал. — Средство это — одно из самых варварских в нынешней войне. Солдат, попавший за несколько десятков саженей под такую струю, сгорает живьем...

Сухопарова передернуло, когда он представил себе ужас людей, попавших под огнеметы. Подполковник, разумеется, знал про такое ужасное оружие, но впервые ему довелось слышать рассказ о его применении. Брусилов продолжал.

— Неприятель пожег много наших солдат. Неудивительно, что ожесточенные этим «серые герои», ворвавшись в деревню, начали безжалостно избивать германцев... В одном месте солдатики дорвались до баллона с горючей жидкостью, тут же направили ее на

беспорядочно отступавшую толпу германцев... Начальник дивизии не остановил своих солдат, хотя видел все и должен был это сделать. Так поступать не по-христиански и не по-русски. Германцы ведь были почти что пленные, хотя и не все еще бросили оружие...

— Ваше высокопревосходительство! — решил сказать свое слово Махров. — Неприятель, я имею в виду только германцев, ожесточенно дерется... В таком случае солдат вовсе не остановить...

— Неправильно! — решительно возразил Брусилов. — В солдате должна быть не только ярость, но и душа. А что касается дисциплины, то она есть продукт деятельности начальствующих лиц!

Машины легко взбирались по извилистой дороге на холм, вершину которого венчала маленькая церквушка о трех многоярусных главах, крытых кружевом лемеха. Неподалеку от церквушки был разбит бивак маршевой роты. Солдаты сидели вокруг костров, толпились у походной кухни, кое-кто, притомившись, спал прямо на земле, подстелив шинель.

Главнокомандующий перекрестился на купола храма, приказал остановить у ближайшей группы солдат. Из рощицы за церковью уже скакал верхом офицер, своевременно предупрежденный дозорным о появлении начальства на машинах.

Брусилов вышел из авто и критическим взглядом осмотрел солдат. Некоторые были в рваных сапогах, двое и вовсе в лаптях. На головах, несмотря на июньскую жару, почти у всех красовались барашковые папахи.

Всадник, нелепо трясшийся в седле, спешился, вытянулся в стойке «смирно». От возбуждения лицо офицера покрылось багровыми пятнами. Он таращил глаза на главнокомандующего и со страхом ожидал разноса.

Светлые глаза Брусилова стали стальными и колючими.

— Господин штабс-капитан! — резко начал генерал. — Известно ли вам любимое выражение вашего главнокомандующего генерала Лечицкого: «Солдат без подошв — не солдат»?!

— Ваше высокопревосходительство! Я знаю-с, но мне так передали маршевую команду... — забормотал офицер, оправдываясь.

— Почему же вы в таком безобразном виде приняли ее под свое начало? — продолжал холодно и зло

Брусилов. — Известно, что нижних чинов отправляют из тыла на фронт вполне снаряженными, одетыми и обутыми... И если некоторые искусники среди них проматывают казенное имущество в пути, приходят на этап в рваных сапогах и растерзанной военной форме, то это значит, что они торговцы казенным имуществом! Таких надо наказывать! Приказываю по прибытии в часть нарядить следствие и тех, кто будет уличен в распродаже своей военной формы — наказать пятьюдесятью розгами! Чтобы и другим неповадно было!

— Непременно выпорем! — пообещал штабс-капитан и злобно оглянулся на нестройно сгрудившихся солдат.

— Второе... — продолжал генерал. — Почему у вас нижние чины еще одеты в папахи, хотя минула середина июня?! Фуражек в нашем интендантстве в избытке, об изъятии папах было многократно приказано! Что они будут зимой носить? — гневно показал пальцем на солдат Брусилов.

Я требую обратить внимание на внешний вид частей! — обратился главнокомандующий к Махрову и другим офицерам свиты. — Несмотря на тяжесть боевой обстановки, а тем более в тылу — солдат должен походить на солдата, быть опрятным, одетым по форме... Командирам частей необходимо проявлять большую требовательность...

Сухопаров с удивлением смотрел на своего кумира.

Придерживавшегося демократических взглядов генштабиста покоробило, с какой легкостью назначил главнокомандующий порку виновным солдатам. Конечно, распродажа воинского имущества в тылу — серьезное нарушение дисциплины, но подполковнику, как и многим русским офицерам среднего возраста, претило, что с началом войны в армии все чаще и чаще стала применяться порка солдат. К середине пятнадцатого года она стала широко распространенным наказанием. Царь, приняв верховное главнокомандование, не только не упразднил это унижение для взрослых, бородатых мужиков, одетых в серые шинели, но даже узаконил телесные наказания.

«Э-эх!.. И это великий полководец, который способен немедленно отрешить от должности офицера, по халатности своей не накормившего горячей пищей солдат в перерыве между боями, — с горечью думал о Бруси-

лове Сухопаров, — генерал, который вникает в мельчайшие детали быта нижних чинов и всемерно облегчает им тяжелый ратный труд, — проявляет столь беспощадную суровость к провинившимся... Он не хочет принимать в расчет, что вся тыловая Россия щеголяет сейчас в желтых солдатских сапогах, серых гимнастерках и суконных брюках, перекупленных обывателями задешево у миллионов «серых героев»... Его жесткость где-то переходит в жестокость!.. Кремень-старик, прямо какой-то аракчеевец времен Крымской войны, когда солдат и за людей не считали, а простая зуботычина почиталась чуть ли не за ласку».

Брусилов кончил распекать штабс-капитана и подошел к небольшой шеренге солдат, подправленной уже в ровный строй бравым унтер-офицером. Бросив взгляд с хитринкой на выпяченную колесом грудь унтера, украшенную двумя георгиевскими медалями, главнокомандующий с добрыми и лучащимися глазами, словно и не он отдавал минуту назад строгий приказ, обратился к солдатам.

— Вы скоро вольетесь в строй тех, кто ежедневным и настойчивым движением вперед, ежедневной боевой работой прославил звание русских чудо-богатырей! Ваши товарищи, — он показал на георгиевского кавалера, — не зная усталости, последовательно сбивали противника с его сильно укрепленных позиций! — говорил маленький, сухонький генерал, стоя перед рослыми солдатами. И странное дело, вдохновение и отеческое обращение к людям словно окрыляло его, делало выше ростом и внушительнее фигурой. Его патетические слова, идущие от сердца старого воина, звучали гордо и звонко. Они находили отзвук в душе каждого, кто слушал его. — Я счастлив, — продолжал Брусилов, — что на мою долю выпала честь и счастье стоять во главе несравненных молодцов, на которых с восторгом смотрит вся Россия!.. Не посрамите знамени вашего полка! Добудьте ему новую славу!..

— Ура!.. — рявкнул первым унтер-офицер, и шеренга дружно подхватила: «Ура-а!»

— Вольно! — скомандовал главнокомандующий, повернулся и пошел к авто, мельком глянув на часы. Время приближалось к полудню. Следовало спешить, чтобы засветло прибыть в штаб 5-го Сибирского корпуса.

Местечко Рожище Луцкого уезда,
середина июня 1916 года

Поездка с главнокомандующим стала еще интереснее и поучительнее для Сухопарова, когда Брусилов начал высказывать свои сокровенные мысли о теперешнем положении его фронта. Авто плавно катилось по мягкой грунтовой дороге, генерал зорко вглядывался в горизонт, открывая для себя просторы, пройденные тысячу раз по карте. Горькие складки прочерчивали его лоб и щеки, когда он мысленно прикидывал все то, что могли бы сделать другие русские армии, идя в ногу с армиями его фронта.

— Эверт тверд в своей линии поведения, — глухо заговорил Брусилов, словно не обращаясь к Сухопарову, а размышляя вслух. — Ставка же, чтобы успокоить меня, решила перекидывать войска... Но любому грамотному офицеру, тем более чинам, по Генеральному штабу служащим, известно о слабой провозоспособности наших железных дорог... Я ведь просил не о перекидке войск, а о том, чтобы разбудить Эверта и Куропаткина... Я твердо знаю: пока мы перевезем один корпус, немцы — три-четыре!..

Подполковник из Петрограда прекрасно понял осторожную речь Брусилова. Генерал хотел через него донести свои мысли до активной части сравнительно молодого офицерства в Генеральном штабе и Ставке, симпатизировавшей Брусилову и готовой закладывать в планы будущих военных операций наступательный брусиловский дух. Сухопаров внимательно слушал и запоминал высказывания Брусилова, не перебивал ход его мысли вопросами.

Главнокомандующий немного помолчал, пожевал губами по-стариковски и так же глухо продолжал:

— Третьего дня Алексеев по телефону сообщил мне, что государь дал разрешение Эверту перенести его удар на Барановичи... Так воевать нельзя!.. За шесть недель, которые потребует новая подготовка, я понесу потери и могу быть разбит... Прошу Михаила Васильича доложить государю мою настоятельную просьбу — чтобы дали Эверту приказ наступать... Алексеев упирается, а я-то знаю, что все дело вовсе не в государе — он в стратегические вопросы не вмешивается — а в самом Михаил Васильиче!.. Какая муха его укусила?! Вся кампания нынешнего года насмарку пойдет от такой бездея-

тельности!.. Мне только и остается, что держать войска в наступательном настроении и не давать возникнуть духу уныния.

Помолчали. Мотор плавно и ровно урчал.

— Конечно, мне представлялся случай, — заговорил вновь Брусилов, — искать успеха на Львовском направлении, а пошел я на Ковель, куда мне было указано... и что я считал более полезным для всех трех фронтов... Львов соответствовал интересам только моего фронта, а Ковель облегчал выдвижение всех фронтов... Конечно, Львов доставил бы мне славу, но я ее не искал и не ищу... Свой план без абсолютной необходимости я не мог изменить и не хотел, а Эверт и Куропаткин под покровительством Михаил Василича только и делали, что планы меняли и отнекивались... Это лишает меня надежды достигнуть решительных результатов против Австро-Венгрии, какие, несомненно, были бы, окажи мне поддержку Западный фронт переходом в наступление...

Брусилов снова замолчал, вынашивая новые мысли. Однако высказать их он не успел или не захотел — шоссе поднялось на бугор, откуда открылась насыпь железной дороги. По рельсам, приближаясь к мосту через Стырь, бежал санитарный поезд. За полотном виднелось местечко Рожище, где надлежало быть штабу 5-го Сибирского корпуса и его частям, отведенным на короткий отдых.

Штаб корпуса обосновался на краю местечка, где по иронии военной судьбы почти не было разрушений. Главкоюза здесь не ждали — Брусилов строго запретил своим штабным предупреждать об инспекторских наездах главнокомандующего. Жизнь текла в обычном русле. Сновали ординарцы, писаря изображали из себя «героев» перед местечковыми кралями, работали швальни, прачечные, хлебопекарни. Корпусные канцелярии и учреждения не поместились в домах. Они разбили армейские палатки и в прохладе под брезентами вершили свои дела.

Три авто, на первом из которых узнали главнокомандующего фронтом, вызвали больше переполоха, чем произвело бы появление кавалерии противника. Все забегало, засуетилось. В разные концы помчались нарочные верхом и на мотоциклетках. Опытный шофер главнокомандующего держал к крыльцу самого большого дома, где, предположительно, разместился начальник

корпуса. Он, однако, ошибся. В доме стоял штаб соединения.

Встречать Брусилова — ибо никто из сибиряков не сомневался в прибытии «самого» — вышел начальник штаба и бывшие с ним офицеры. Среди них Сухопаров с радостью увидел старого знакомца — чернобородого артиллериста Мезенцева. Полковник тоже приметил Сергея Викторовича, но решил и вида не подавать о старой взаимной симпатии. Ему не ясно было, как Сухопаров оказался в такой близости с генерал-адъютантом? И не означает ли это, что по неписаной субординации Генерального штаба подполковник, если он теперь причислен к чинам, близким к главнокомандующему, сделался начальником над ним, строевым полковником Мезенцевым?

Авто остановилось, принеся с собой шлейф белой пыли. Когда облако рассеялось, Брусилов оказался уже на земле, а Сухопаров — в двух шагах от Мезенцева. Офицеры невольно потянулись друг к другу, хотя все остальные, кроме главнокомандующего, замерли по стойке «смирно». Генерал-майор сбежал по ступеням Брусилову навстречу и отдал рапорт. Доложил, что начальник корпуса генерал-лейтенант Елчанинов сейчас на перевязке в лазарете, но скоро явится.

— Почему не сообщили о ранении Елчанинова? — внешне сурово, но с ласковым светом глаз, означавшим прощение своевольникам, спросил Брусилов.

— Легкое ранение осколком случайного снаряда... — пояснил генерал. — Его превосходительство запретил и говорить о таком пустяке...

Брусилов собрался войти в дом, но краем глаза заметил теплоту встречи Сухопарова и Мезенцева. Подполковник немного растерянно смотрел на командующего, не зная, следовать ли ему за генералами или можно остаться на улице. Алексей Алексеевич подозвал Сухопарова к себе и по-отечески сказал:

— Вижу, что встретил старого друга... В живых... Хочешь отпуск на день — разрешаю! Догонишь меня завтра утром в штабе 39-го корпуса...

Сухопаров и Мезенцев обрадовались, как мальчишки, получившие вакации.

— Сейчас же едем ко мне в дивизион... — не спрашивая друга о его желании, сказал Мезенцев. Оказывается, за углом дома, у коновязи его ожидал адъютант с двумя лошадьми.

Сухопаров нередко выезжал из Петрограда на фронты. В последнее время ему приходилось отмечать резкое падение боевого духа войск, дисциплины нижних чинов, растущее дезертирство и озлобление солдат. Так было у Эверта, так было у Куропаткина. Сейчас, за время пребывания в армиях Брусилова он с удивлением обнаружил, что здесь этого почти не замечалось. Казалось, железная воля командующего все подчинила делу разгрома германцев и не оставляла места унынию и бездеятельности, губительных для настроения солдат. С другой стороны, думалось генштабисту, сравнительное благополучие положения на брусиловском фронте могло происходить и от его отдаленности от Петрограда и Москвы. Именно в промышленных центрах России особенно сильна была революционная агитация против войны и самодержавия.

В четверть часа офицеры доскакали до села Киверцы, где стал на отдых мортирный дивизион полковника Мезенцева. Сухопаров еще раз поразился умению русского солдата обживать любую мало-мальски продолжительную стоянку. Мастеровитые артиллеристы соорудили подле своих просторных палаток, напомнивших силуэтом средневековые боевые шатры, деревянные высокие качели. Высокие тесовые навесы со столами и лавками красовались рядом с полевыми кухнями...

На качелях вовсю веселились молодые солдаты с деревенскими молодками, а дожидавшиеся своей очереди кавалеры покрикивали на них, чтобы скорее освобождали места. Все вместе слегка напоминало довоенную деревенскую ярмарку. Впечатление о ней дополняли с десяток солдат-лаптеплетов, которые под деревом соревновались в своем искусстве, окруженные толпой зрителей.

Офицерские палатки, среди них и брезентовый шатер полковника, стояли чуть в стороне, на опушке буковой рощи. На земле у входа в командирскую палатку кипел огромный самовар. Офицеры спешились. Мезенцев откинул полог шатра и пригласил гостя в свой мягкий дом.

— Располагайтесь, Сергей Викторович, а я распоряжусь по хозяйству, как в добрые старые времена... — пошутил полковник.

Сухопаров огляделся внутри палатки. Обстановка была почти спартанской. Походная кровать застелена пледом, окованный железом казенный сундук с доку-

ментами и деньгами. Другой, попроще — видимо, с имуществом хозяина. Чисто выскобленный деревянный стол на козлах. Вокруг него — диссонирующие с обстановкой типично немецкие мягкие кресла.

Вошел Мезенцев и перехватил взгляд подполковника.

— Господин инспектор Генерального штаба, разрешите доложить, — шутливо начал хозяин. Сухопаров с улыбкой оборотился к нему.

— Взято взаимообразно в немецкой колонии, разбитой моими гаубицами... Кирпичные дома фольварка австрийцы превратили в маленькую крепость и поливали оттуда нашу пехоту из пулеметов... Вообще-то мы не балуем, имущество населения не грабим и женщин не насилуем. Не то что немцы. У супостата грабеж ведется организованно: все ценное захватывается и отправляется в тыл, причем не брезгуют этим даже офицеры...

— А как у нас? — поинтересовался Сухопаров.

— У нас грешат изредка только казаки... Им есть на чем возить чужое добро, — пояснил полковник. — Конечно, не громоздкое... Недавно пострадал от них городок Тысменица, но население упало в ноги командующему армией. Лечицкий наказал греховодников и издал приказ, в котором запретил «приобретать у населения товары без уплаты стоимости таковых».

— Изящная формулировка!.. — улыбнулся Сухопаров.

Приятели расположились в креслах, денщик внес кипящий самовар и все принадлежности для чайной церемонии. Мезенцев выразительно посмотрел на солдата, тот исчез на мгновение и вернулся с парой бутылок коричневой жидкости.

— Местные шинкарки называют это пойло коньяком... — пояснил хозяин. — По цене-то оно похоже, а вот по вкусу...

— За встречу! — подняли офицеры стопки. Сухопарову обожгло горло, а Мезенцев как ни в чем не бывало только крякнул и запил колодезной водой.

— Что нового в Петрограде? — поинтересовался полковник. — До нас тут доходят разные слухи... — неопределенно покрутил он рукой в воздухе.

— Не очень ладно у нас в столице... — протянул Сухопаров, а про себя подумал, можно ли откровенничать с человеком, хотя и симпатичным, но, по существу, не близким знакомым. Осторожность и рассуди-

тельность были чертами характера Сергея Викторовича. Однако общее критическое настроение офицерства по отношению к высшим сферам захватило и его.

Хитрый сибиряк понял его правильно и не стал сразу допытываться о том, что его интересовало. «Попривыкнет и все расскажет сам!» — решил Мезенцев. Вслух он задал лишь вопрос, волновавший его со времени отъезда из Петрограда в действующую армию.

— Как поживает Анастасия Петровна?

— Преотлично! — оживился Сухопаров. — Ей выпало большое счастье: Алексею удалось бежать из австрийской тюрьмы буквально за два часа до расстрела. На этих днях должен прибыть в Петроград...

Мезенцев испытывал сложные чувства, слушая гостя. Он и обрадовался за товарища, что ему удалось вырваться из лап смерти. И порадовался за Анастасию, дождавшуюся мужа. Вместе с тем, к стыду своему, испытывал сожаление о том, что теперь Анастасия становится еще более далекой, а его любовь — совсем ей ненужной. Как всякий безнадежно влюбленный, он надеялся на чудо. Не желая зла Соколову, Мезенцев вовсе не задумывался о его возвращении.

— А как же удалось ему бежать? — возник теперь у него вопрос.

— О-о! — с восторгом протянул Сухопаров. — Если бы эту историю придумал какой-нибудь Конан-Дойль, то ему никто бы не поверил!.. А дело сделалось просто, как репка. Наши чешские соратники уговорили тюремного капеллана помочь русскому герою. Священник согласился разыграть историю, будто Соколов оглушил его, когда пастор пришел исповедовать заключенного в ночь перед казнью, переоделся в костюм капеллана и был таков!

— Так это уже второй побег Алексея? — уточнил Мезенцев.

— Именно так, — подтвердил подполковник. — А сколько ценных сведений он переслал нам, пока находился в Чехии и Австрии! Первые сообщения о подготовке германцами Горлицкого наступления поступили именно от него и чешских друзей...

Выпили за Соколова и его удачу. Потом — за чешских и словацких борцов.

— Славянские части австрийской армии редко-редко оказывают слабое сопротивление... — высказал свои фронтовые наблюдения Сухопаров. — Большими масса-

ми они сдаются в плен, иногда вместе с офицерами. Многие чехи и словаки идут в плен для того, чтобы с оружием в руках воевать против Габсбургской монархии...

— Что-то я не знаю о чехословацких полках... — проворчал артиллерист.

— Только недавно Ставка и Генеральный штаб пришли к согласию относительно формирования Чешской дружины — войска, о котором так мечтали и киевские чешские старожилы, и чехи, перешедшие к нам во время войны... Месяц назад был разрешен набор добровольцев из лагерей военнопленных, но при дворе на чехов смотрят как на непослушных и мятежных подданных австрийского императора, а чешской национальной армии отнюдь не симпатизируют, — поведал подполковник сложную ситуацию, в которую попали чешские военнопленные в России.

— А чему вообще сочувствует этот двор?! — вырвалось у Мезенцева. — Наверное, одному Распутину и его немецким прихвостням! У нас солдаты открыто стали говорить после того, как император возложил на себя орден Георгия 4-й степени: «Царь — с Егорием, а царица — с Григорием!..»

— По моим наблюдениям, слухи о Распутине весьма преувеличены! — возразил Сухопаров. — Кто-то нарочно разлагает тыл, компрометируя верховную власть... Слухи, слухи, слухи — даже в речах думских ораторов и на страницах газет... Говорят о шпионстве царицы, Распутина... Не знаю, я не вхож в придворные сферы, но вижу по сводкам интендантства, что в России появилось теперь и обмундирование, есть и продовольствие, но дезорганизуются — словно по какому-то приказу свыше — и железнодорожные сообщения, и продовольственное снабжение Петрограда, других центров промышленности. Везде царит недовольство, неразбериха...

— У нас, в действующей армии, мнение вполне определенное: государь не в состоянии навести порядок не только в России, но и в своей собственной семье! — с вызовом посмотрел Мезенцев на петроградца. Из слов Сухопарова артиллеристу показалось, что гость оправдывает царя и царицу. — «Земля наша богата, порядка в ней лишь нет!» — это еще в летописях сказано.

— Воистину так! — отозвался Сергей Викторович и ответил ему цитатой из стихотворения Алексея Констан-

тиновича Толстого, которое было в тот год на многих устах:

— Оставим лучше троны, к министрам перейдем. Но что я слышу? стоны, и крики, и содом!..

Оба невесело рассмеялись, вспоминая острые строки, написанные Алексеем Константиновичем Толстым в шестидесятых годах прошлого века, но ставшие особенно злободневными в России тысяча девятьсот шестнадцатого года. «Коньяку» больше не хотелось, налили крепкого чая.

— Как сейчас в Петрограде? — снова поставил свой вопрос Мезенцев.

— Прошлой зимой было очень худо, — обстоятельно, прихлебывая с удовольствием чай, начал Сухопаров. — Жестокие морозы, недостаток и отчаянная дороговизна продуктов и дров отразились на настроении гражданского населения. Теперь на всех торговых улицах у лавок вьются длинные змеевидные «хвосты» очередей. Обыватели так и выражаются — идти в сахарный, мучной, масляной «хвост»... Еще новое слово появилось — «висе́лики»... Это пассажиры трамваев, которые не смогли взобраться внутрь вагона и висят, словно брелоки на часах, на ступеньках...

— Почти «ви́сельники»! — фыркнул Мезенцев.

— Даже на военных заводах частые стачки, — продолжал подполковник. — Полиция ничего не может поделать с забастовщиками, и запасные полки, расквартированные в Петрограде, состоят почти сплошь из тех же самых рабочих, мобилизованных в армию из-за политической неблагонадежности...

— Да-а... — протянул задумчиво Мезенцев, — с маршевыми ротами к нам приходят и агитаторы... Да и своих большевиков у нас тоже хватает... — вспомнил он Василия. — Впрочем, наши собственные большевики — ничего не могу сказать — образцовые и храбрые солдаты, грамотные, развитые... У меня в дивизионе есть один такой — он уже до старшего фейерверкера дослужился, два Георгиевских креста получил... Ну, а следить за его образом мыслей — дело не мое, а полевой жандармерии... Кстати, он достаточно умен и осторожен, чтобы не давать жандармам улик... А как же все-таки Распутин? — помолчав, снова вернулся артиллерист к наболевшему вопросу. — Говорят, он похвалялся, что спит с великими княжнами...

— Дался вам этот богомольный аферист! — брез-

гливо скривил рот Сухопаров. — Гораздо страшнее, что в Ставке не умеют и не хотят воевать всерьез, что министры один бездарнее другого, что верховная власть теряет весь свой авторитет, а государь не занимается ни делами армии, ни гражданскими... Все это заставляет задать вопрос — куда мы идем?

— А действительно — куда? — Мезенцев налил полный стакан «коньяка», выпил залпом и продолжал, не переводя дух: — К мятежу? Или к дворцовому перевороту, о котором поговаривают в офицерской среде и даже в гвардии? А может быть, и к революции, как оно было после русско-японской войны?

Куда мы идем? — снова вопросил он. Его глаза налились кровью. — Снова стрелять в народ, как это было в девятьсот пятом? Усмирять восставших? Но теперь армия не та... Я это хорошо вижу, чувствую, наконец... А если наши «серые герои» пойдут не против восставших рабочих, а вместе с ними?! Что будет? Что будет!.. — схватился он за голову и заскрежетал зубами.

Сухопаров так и не понял, хмель ли овладел полковником, или он так остро воспринимал толчки народного гнева, которые глухо прокатывались по всей огромной империи. В забастовках лета четырнадцатого года в Петербурге опытный генштабист и сам чувствовал приближение грозных революционных событий. Но начало войны, вспышка шовинистическо-патриотических чувств городских обывателей словно отодвинули в сторону народное недовольство. Теперь оно снова кипело и бурлило везде — в армии, в столицах, в рабочем классе, крестьянстве и в средних сословиях.

Подполковник Генерального штаба, один из руководителей военной разведки, Сухопаров знал многое из того, о чем фронтовой артиллерист не мог и догадываться. Так, в совершенном секрете контрразведка, с которой по роду работы был связан генштабист, готовила периодически сведения для высшего руководства империи о настроениях в армии. Обстоятельно, с российской чиновной дотошностью, фельджандармы раскладывали по графам табели о рангах, начиная с нижних чинов военного ведомства, как именовались солдаты, настроения, почерпнутые из переписки, разговоров, допросов...

Уже давно в таких сводках сообщалось, что среди нижних чинов «нарастает желание скорее кончить войну». Сухопаров видел, что пропасть между офицерами

и солдатами, существовавшая и в мирное время, теперь все более расширяется. Солдаты хотели мира, а офицеры — продолжения войны до полной победы над германцами. Но из сводок явствовало, что и у офицерского корпуса отношение к правительству «самое отрицательное», господа офицеры в высших сферах видят только «измену и предательство». Прочная опора самодержавного режима — обер-офицеры (от прапорщика до капитана), штаб-офицеры (подполковники и полковники) и даже генералитет дошли до того, что «высказывают мысли, за которые не так давно карали каждого, как преступника».

Сухопаров, так же как и многие мыслящие люди, ощущал глубокий кризис самодержавного режима, видел его проявления. Однако армия еще жила по присяге, хотя в ее недрах нарастало напряжение, чреватое взрывом. Спокойствие солдат на Юго-Западном фронте было обманчивым.

Великие события надвигались на Россию. Но сейчас, в июне шестнадцатого года, их лавина только зарождалась. Отдельные камешки вылетали то здесь, то там. Главная же масса еще не двинулась в свой грозный путь. Начало стремительного бега времени было еще впереди, но уже не за горами...

Петроград, июнь 1916 года

Соколов проснулся рано утром и не мог больше заснуть. До Петрограда оставалось еще часа три пути. Келломяки, Куоккала, Оллила и, наконец, первое русское название станции — Белоостров. В вагон вошли таможенники — начиналась коренная территория Российской империи. Здесь чиновник в форме был воплощением государственной власти, а любой исправник и жандарм — высшим начальством.

У господ пассажиров — Соколова и его спутника — не оказалось ни игральных карт, ни спичек бенгальских, ни оружия духового, действующего без пороха, ни тростей, палок, чубуков с кинжалами, шпагами и другим скрытым оружием. Все это было запрещено к ввозу в империю. Таможенный офицер отдал честь попутчикам и мирно удалился.

Левашово, Парголово, Шувалово, Озерки, — а сердце бьется все громче, громче. Удельная, Ланская — сердце готово совсем выпрыгнуть из груди...

Из Гельсингфорса Алексей дал Насте телеграмму и теперь загадал — если жена встретит на перроне, то будет все хорошо.

Финляндский вокзал! Задолго до него Алексей опустил стекло в купе и высунулся, рискуя получить в глаз крошку угля или пепла от паровоза. Вот и перрон...

Внутреннее напряжение Соколова передалось глазам, и они сразу сфокусировали из всей большой толпы одну стройную, знакомую, родную фигурку в праздничном платье, с пестрым зонтиком. Все ближе, ближе!..

Вагон еще не успел остановиться, а Алексей спрыгнул с площадки как мальчишка. Настя стояла прямо против него... По ее счастливому лицу из сияющих глаз текли слезы.

— Алеша! Алеша! — прерывисто шептали ее губы. Алексей обнял ее и крепко прижал к себе. Она прильнула к нему. Это было страшно неприлично, особенно у вагона первого класса, но они поцеловались!.. — Какой ты стал... совсем серебряный!.. — прошептала Настя.

— Здравствуй, племянник! — раздался рядом еще один знакомый женский голос, и Соколов только теперь увидел рядом с Настей такую милую и такую хорошую Марию Алексеевну. Он поцеловал тетушке руку.

«Эх! Надо было в Гельсингфорсе озаботиться цветами и для нее!» — с сожалением отметил свою оплошность Алексей. Носильщик вынес тем временем его вещи, Соколов открыл сверток с цветами. Бутоны за ночь полураспустились и сейчас были необыкновенно красивы. Алексей преподнес цветы жене и извиняюще повернулся к тетушке.

— Все понимаю, милый! — шепнула ему Мария Алексеевна. — Не переживай! Смотри, какая у нас красавица Настя!

Алексей держал руку Насти в своих и никак не мог отвести глаз от любимой. Она была самой красивой, единственной и неповторимой женщиной мира.

Алексей словно онемел, не мог вымолвить ни слова. Из этого состояния его внезапно вывело легкое покашливание над самым ухом. Соколов резко повернул голову и чуть не ударил полковника Скалона. Встретив взгляд Алексея, долговязый Скалон, затянутый в парадный мундир, взял костлявую руку под козырек. Очевидно, в самую радостную минуту встречи супругов он деликатно держался в стороне, а теперь счел момент подходящим, чтобы проявить свое присутствие.

— Прошу вас, господин полковник, принять самые сердечные поздравления от корпуса Генерального штаба офицеров с благополучным возвращением! — высокопарно, чуть гнусавя, произнес он.

Алексей, поотвыкнув от строгих российских уставных предписаний, по-дружески просто обнял коллегу.

— Мы восхищались вами, Алеша! — В углу глаз внешне чопорного полковника блеснула слеза. — Генерал Беляев, наш новый командир, приказал вас расцеловать и от его имени...

Сослуживцы снова обнялись.

— А теперь я вас оставлю... — продолжал проявлять такт Скалон и поклонился Анастасии. — Авто начальника Генштаба в вашем распоряжении... Генерал Беляев просил передать, что был бы рад видеть вас еще сегодня, если, разумеется, Анастасия Петровна соблаговолит отпустить вас из своего плена... — снова поклонился, словно кузнечик, длинный и тощий Скалон.

В просторном «роллс-ройсе» Беляева Алексей поместился спиной к движению, напротив Насти, и не отрываясь, с восторгом смотрел ей в глаза. Оба не могли говорить.

Соколов не видел ничего и никого вокруг. Только Настя, ее глаза, ее лицо, ее улыбка влекли его, как магнит. Шофер промчал по Литейному, потом свернул на Кирочную, с нее — на Знаменскую. Вот и дом, где Алексею довелось прожить всего несколько дней, но который так часто вставал в его думах в тюремной камере. Он казался таким высоким, таким красивым. Теперь, с высоты страданий Алексея, дом на Знаменской поблек и посерел. Может быть, в этом была виновата война, во время которой старые ценности обветшали? А может быть, это просто от небреженья домовладельца?

Поднялись в квартиру. Дверь открыла незнакомая молодая женщина, с быстрыми смышлеными глазами, худенькая и почтительная.

— Это Агаша, наша новая кухарка... — представила ее тетушка.

На пороге своего дома волнение Алексея улеглось, и он почувствовал, что очень устал за эти два года. Единственное, что придавало ему силы, — это любовь к Насте, желание стать для нее защитой от всех жизненных бурь. Правда, он с удовольствием примечал, что его молодая жена — вовсе не беспомощное и робкое су-

щество. В ней чувствовался волевой и крепкий характер.

Вошли в гостиную. Здесь теперь стояла старая тетушкина мебель, к которой он привык еще с детства. Настя положила розы на лакированное крыло рояля, и Алексей восхитился этим благородным натюрмортом. Все, что ни делала Настя, каждое ее движение очаровывало Алексея. Ему хотелось ходить за ней по пятам и любоваться всем, что она делает.

Тетушка оставила их в гостиной, а сама пошла хлопотать с парадным завтраком. И снова Алексей и Настя потянулись друг к другу. Он молча целовал ее глаза, нос, щеки, шею. Гладил ее мягкие, душистые волосы...

— Как я тебя люблю... родной! — шептала ему Настя. Он впитывал каждый звук ее голоса. Когда она погладила его по щеке, его будто ударило электрическим током.

— Пойдем завтракать! — потянула Настя мужа в столовую. — Потом наговоримся...

Тактичная тетушка не донимала Алексея расспросами за столом. Он начал что-то рассказывать о пережитом, о своей благодарности чешским друзьям, которые, рискуя жизнью, дважды организовывали ему побег. О том, как нелепый случай — встреча в вагоне с германским офицером — чуть не стоил ему жизни. Пригорюнившись, его слушала, стоя у двери, и Агаша, пришедшая сменить тарелки.

Настя узнавала и не узнавала в этом человеке своего Алексея. Он изменился не только внешне.

Муж был еще в штатском платье, к которому привык за месяцы своего пребывания за рубежом. Он и в штатском был подтянутым и ладным, словно в военном мундире. Но черты его лица обострились, на лбу пролегли две морщины. Линии рта стали твердые, и только изредка прежняя белозубая обаятельная улыбка Алексея словно освещала лицо изнутри.

«Сколько надо было пережить, чтобы так измениться!» — подумала Настя.

Мария Алексеевна, отзавтракав и налюбовавшись Алешенькой, тактично удалилась, заявив, что ее ждет старая знакомая.

— Настенька, любовь моя! — вымолвил Алексей негромко, и в душе Насти задрожали все струны. — Я столько передумал разных дум, столько размышлял над нашей жизнью и задавал вопросов о ее смысле, что пришел к очень важным выводам...

Алексей делился с женой своими переживаниями, мыслями о человеческом величии и низости, о чести и бесчестье, о служении Родине и службе царю. Настя хорошо его понимала. Она оказалась не только милой подругой в жизни, но и большим и умным другом.

«Какое это великое счастье, иметь всегда рядом такого человека, как Настенька!» — думал Алексей, чувствуя, что жена разделяет каждую его мысль, каждое движение души. Насте можно было доверить самое сокровенное, еще неустоявшееся и только нарождающееся в душе, оказывалось, что в тот же миг те же мысли и те же слова готовы были сорваться и с ее уст...

Им казалось, что они и на минуту не могут расстаться, но Алексею нужно было сегодня же явиться в Генеральный штаб и представиться начальнику генералу Беляеву. Он рассчитывал испросить хотя бы недельный отпуск.

Полковнику повезло. Начальство приняло во внимание всю его одиссею и расщедрилось на целых три недели. Соколовы уехали в Крым, в Гурзуф.

Могилев, июль 1916 года

После утреннего кофе, велев сообщить генералу Алексееву, что доклад на сегодня отменяется, Николай отправился в загородную поездку. Два мощных кабриолета «рено», в первом из которых расположились царь и один из самых приближенных к нему людей — дворцовый комендант Воейков, а во втором глотали пыль солдаты-конвойцы во главе с офицером, устремились по дороге на Шклов. Живописный и неширокий Днепр вьется здесь среди пологих холмов — отрогов Смоленской и Оршанской возвышенностей. Радовали глаз светлые сосновые леса, их не успели свести предприимчивые перекупщики.

Сегодня царю предстоял важный разговор с человеком, специально вызванным в Ставку — председателем съезда металлургистов, товарищем председателя Государственной думы Александром Протопоповым.

У Николая голова шла кругом. Штюрмер, которого он считал сильной личностью и потому назначил в январе премьером, пока не мог справиться с думской оппозицией. Совсем недавно, в начале июля, царь, наконец, решился. Когда Сазонов, этот заводила смуты внутри Совета министров, взял краткосрочный отпуск и по-

ехал отдохнуть в Финляндию, Николай уволил его от должности и назначил исполнять ее того же Штюрмера. Не беда, что новый министр, принимая иностранных послов, сажал с собой рядом товарища министра Нератова, и тот вел всю беседу, а Штюрмер лишь произносил «Мгм!» и «Надо полагать!..».

Гораздо большую опасность государь видел в поведении союзных послов и правительств. Первыми, как водится, о смещении своего милого дружка Сазонова пронюхали Палеолог и Бьюкенен. И что возмутительно — прослышав от Нератова об отставке Сазонова, бесцеремонный сухарь Бьюкенен снова осмелился влезть во внутренние дела русской империи!..

«Это совершенно невероятно! — возмущался мысленно Николай, — который раз он позволяет себе учить меня, вмешиваться в мои распоряжения!.. Однажды он посмел предлагать мне отдать нашу половину Сахалина японцам за японский корпус и так и не понял, что совершил грубую бестактность... Теперь он осмеливается присылать мне секретную телеграмму...»

На лице главковерха, мчащегося в автомобиле по мягкой грунтовой дороге со скоростью пятьдесят верст в час, не отражалось ничего, кроме удовольствия от езды. Но разум его кипел, он даже вспомнил слова телеграммы Бьюкенена ему, самодержцу всея Руси:

«До меня дошли упорные слухи, что ваше величество возымели намерение освободить господина Сазонова от обязанностей министра иностранных дел вашего величества. Так как мне невозможно просить аудиенции, я решаюсь на это личное обращение к вашему величеству и прошу, прежде чем вы примете окончательное решение, взвесить серьезные последствия, которые может иметь отставка г. Сазонова на важные дипломатические переговоры, которые ведутся сейчас, и на еще более важные переговоры, которые не замедлят возникнуть по мере продолжения войны».

«Каков нахал! — думал царь. — Указывать мне, кого следует держать в министрах!.. Угрожать провалом дипломатических переговоров сейчас и потом!.. Это переходит всяческие границы! Самое возмутительное, что это, оказывается, не личная позиция, позиция зарвавшегося британского посла, а мнение и его правительства!.. Ведь Бенкендорф из Лондона сообщает, что отставка Сазонова сразу же подернула дымкой доверие британского правительства к русскому, что в Лондоне

считают этот законный акт русского царя событием такого «глубокого значения», что им «потрясен весь мир»!..

«Зашевелились крысы в норе... — размышлял Николай. — Когда я назначил Штюрмера председателем Совета министров, они тотчас поняли, что мы сделали знак Вильгельму о нашей готовности к разумным переговорам. Теперь эта история с Сазоновым — долго не удавалось избавиться от него, но теперь дело должно пойти на лад... Вот и Воейков доложил, что Протопопов имел в Стокгольме какие-то беседы с немцами... Надо посмотреть на него — может быть, он один из тех, на кого можно опереться?»

— Кто этот господин Протопопов, кого мы будем сегодня принимать? — спросил Николай дворцового коменданта.

— Достойнейший человек! — мгновенно отозвался Воейков, словно ждал именно этого вопроса. — Он — офицер конногвардейского полка, получил в наследство расстроенное имение отца и поэтому немного «земец»... Посему — понимает помещиков и крестьян... Получил большое промышленное дело и стал металлургистом... Значит — понимает и господ промышленников. Через металлопроизводство связан с Круппом и Стиннесом...

На дороге показалось большое село. В солнечных лучах над ним высоко золотился крест на маковке церкви.

— К собору! — приказал Николай шоферу.

Церковь была открыта, но службы не велось — все прихожане были на работах в поле. Увидев два авто, через церковный двор рысцой бежал старый священник. Он сослепу не узнал в военном, одетом в походную форму Ахтырского полка, государя императора, но сообразил, что прибыло лицо очень высокое.

— Владимир Александрович! — обратился царь к Воейкову. — У вас есть с собой какая-либо сумма? Я хочу дать на храм!..

— Что вы, ваше величество! — отказался скупой до крайности дворцовый комендант. — Я с собой наличные не имею...

Поручик — начальник конвоя осмелился протянуть свой бумажник.

— Ваше величество! Отдайте все!..

Царь милостиво кивнул ему, взял деньги из портмоне и протянул попу.

— Святой отец, примите мой вклад...

Настоятель стоял ни жив ни мертв. «Ваше величество!» — так вот кто пожаловал в деревенскую церковь... Машинально он взял ассигнации.

— Пойдемте, господа! — пригласил Николай всех в церковь. — Отслужим молебен о благополучии в начинаниях...

Кивнул Воейкову:

— Запишите, сколько я должен поручику!..

...Обратно Николай ехал умиротворенный общением с богом. Его мысли плавно текли, он думал, что, может быть, этому Протопопову дать сначала министерство торговли и промышленности, учитывая его опыт металлургиста и связи с иностранными промышленниками... А может... Ах, как нужна сильная рука в министерстве внутренних дел!.. Не поставить ли туда Протопопова?.. И Аликс что-то в этом роде писала... Во всяком случае этот господин ей понравился... Бог даст, может, и замирение с Вильгельмом еще выйдет!

Только одна злая мысль мелькнула у Николая: «Надо перестать цензуре одергивать тех журналистов, коим не нравится коварство Альбиона!» Он тут же сообщил ее Воейкову для принятия дальнейших мер...

Могилев, июль 1916 года

В семь часов двадцать минут приглашенные к высочайшему обеду офицеры и статские господа собрались в апартаментах бывшего губернаторского дома. Скороход опрашивал фамилии тех, кого не знал в лицо, и сверял со своим списком. Тут же, у дверей, стояли навытяжку двое солдат Сводного пехотного полка, охранявшего государя императора.

В зале уже находились гофмаршал, генерал-майор свиты князь Долгоруков, свиты генерал-майор граф Татищев, начальник конвоя Граббе и адмирал Нилов. Постепенно подходили иностранные военные представители — первым однорукий генерал По, о котором полковник Андерс из Ставки сострил, что и тут союзники подсунули России некондиционный товар. Подошел полковник Нокс, военные агенты Бельгии и Японии. Протопопов поднялся по лестнице немного ранее, чем в вестибюле появились великие князья Сергей Михайло-

вич — генеральный инспектор артиллерии и Георгий Михайлович, только недавно вернувшийся из поездки в Японию, где был обласкан японским императором.

Затем вышел Воейков, маленький и напыщенный, сделал общий поклон и любезно подошел поздороваться с Протопоповым. Всех это заинтриговало, поскольку Воейков никогда не делал того, что было невыгодно.

Вслед за дворцовым комендантом появился его тесть, благородная развалина, но напомаженная и завитая — министр двора граф Фредерикс. Он тоже, слегка согнувшись, сделал общий поклон и встал у дверей царского кабинета. Собрались и другие приглашенные.

Ровно в половине восьмого вышел царь. Он обошел офицеров, выстроившихся у стены, задавая никчемные вопросы и пожимая руки, демонстрируя поразительную память на ничего не значащие мелочи, вплоть до того, когда и где на маневрах он видел штаб-офицера, представлявшегося ему теперь. Это поражало объекты его внимания и внушало верноподданнический трепет — на что и было рассчитано.

Невысокого роста полковник с рыжей бородой и усами, в суконной рубашке защитного цвета с погонами Ахтырского полка, в брюках с напуском на сапоги, подпоясанный нешироким кожаным ремнем, шел по залу. На рубахе — белый с золотом крест св. Георгия 4-й степени. Холодные голубые глаза ненадолго останавливались на собеседнике и ускользали в сторону...

Поворотом головы подав знак великим князьям и всем остальным, царь идет в столовую, двери в которую открываются перед ним как по волшебству изнутри. Сначала — маленький стол с закусками у окна. Окно по летнему времени раскрыто, синеют днепровские дали, аромат сада вливается в комнату.

Лакей наполняет водкой небольшие серебряные чарочки, золоченные изнутри. Никакого фарфора или стекла. Лакеи, тоже в защитной солдатской форме, действуют бесшумно и слаженно.

Гофмаршал, пока не покончили с закусками, обходит всех гостей с карточкой и указывает, кому куда сесть. Протопопов с изумлением видит, что по одну сторону царя посажен японский военный агент, только что вернувшийся из Токио, а по другую сторону — он сам.

Все усаживаются за стол, государь весь обед очень весело говорит с японским генералом, лишь изредка

обращается к Протопопову. Тому это пока на руку — ведь надо прийти в себя, продумать, зачем ему оказано столько милости — «наверное, это из-за поездки думской делегации за границу, особенно из-за встречи в Стокгольме», — решает Протопопов.

У каждого прибора — стопка для кваса, рюмки разного калибра для красного, портвейна и мадеры. Сосуды эти тоже серебряные, как и кувшины, в которых подают вино и квас. Когда налили по первой, царь, не поднимаясь со своего места, провозгласил тост: «Я с удовольствием пью за здоровье его величества императора Японии, моего брата, друга и союзника!» Выпили. Далее повторяли уже без тостов — кто сколько и чего хочет.

Меню простое, как в богатом доме, когда не ждут особенно важных гостей: суп с потрохами, ростбиф, пончики с шоколадным соусом, фрукты и конфеты, которые с начала обеда стоят в вазах посреди стола. Всех гостей — человек 30.

После пончиков царь достает массивный серебряный портсигар: «Кто желает, курите!» — разрешает он.

Лакеи подали кофе.

Ровно через пятьдесят минут царь поднялся из-за стола, взял милостиво под руку Протопопова и, откланявшись остальным, повел его в свой кабинет.

Разговор был долог и исключительно приятен обоим собеседникам. Как и ожидал Протопопов — о стокгольмском свидании.

— Наша беседа с Варбургом, — умиленно глядя на царя, прошелестел Протопопов, — началась его заявлением, что моя статья в английских газетах о том, что державы Антанты приобрели нового мощного союзника в лице отсутствия в Германии провианта, не соответствует истине. Выдача продовольствия в Германии действительно ограничена, но эта мера дает возможность вести войну еще очень долго... Далее, ваше величество, Варбург доказывал, что продолжение войны бесцельно... Эту мировую войну сделала Англия... Она вела лживую политику и обманывала своих союзников. Дружба с Германией дала бы России больше, чем союз с Англией...

— А вы как думаете? — любезно спросил царь.

— В этом что-то есть... — брякнул Протопопов и устрашился, попал ли он в точку. Оказалось, что попал. Тогда он продолжал смелее: — Немцы, по словам Вар-

бурга, не желают новых территориальных приобретений. Они хотят только справедливого исправления границ... Немец отметил, что Курляндия должна принадлежать Германии, да она и не нужна России, она ей чужда по языку, национальности и вере... На мой вопрос: «А как же латыши?» — Варбург заявил, что... это мелочь. Польша должна составлять особое государство, и почин вашего государя в этом отношении как нельзя больше соответствует и гуманным началам, и пожеланиям польского народа...

Царь поморщился. Он вспомнил, что перед уходом Сазонова тот предлагал ему законопроект об ограниченной автономии Польши. После него и Штюрмер тоже выскочил с таким же проектом. «Несвоевременно все это, может помешать главному — замирению с Германией... — подумал Николай, но все же решил чуть позже вернуться к этому вопросу. — Хотя какой смысл в этом, если германцы вытеснили наши войска из польских пределов и акт будет встречен повсюду насмешками — дал то, что ему не принадлежит!» — опять поморщился Николай. Он с вниманием слушал Протопопова, и тот ему начинал очень нравиться. Господин тараторил, как по писаному.

— На мой вопрос: «Какая же должна быть граница Польши, географическая или этнографическая?» — Варбург ответил: «Конечно, этнографическая». Мне пришлось напомнить Варбургу про раздел Польши... в состав этого будущего государства должна войти и часть Польши, отошедшая по разделу к Германии. На это Варбург вдруг возразил, что в Германии нет поляков. Поляки только в России и Австрии, а в Германии каждый поляк по национальности и по убеждениям — такой же немец, как он, если не больше. «Что касается наших французских владений, — уточнил Варбург, — Германия сознает допущенную ею после франко-прусской войны крупную политическую ошибку, Лотарингия могла быть возвращена Франции...»

Царь сделал нетерпеливый жест.

— Что Вильгельм хочет вернуть нашим союзникам, меня сейчас не очень интересует... Впрочем, изложите мне все это письменно... А что Варбург говорил о нас?

— Ваше величество! Против посягательств России на захват Галиции, Буковины и проливов, если союзникам удастся ими завладеть, Германия ничего не имеет

и лишь твердо стоит за незыблемость границ на западе России в том виде, как они определились в данное время... Дальше, ваше величество, ничего интересного не было, и я закончил беседу, несмотря на желание Варбурга продолжать ее...

Николай сидел задумавшись.

«На этот раз предложение о мире не блестящее... Особенно жалко потерять, конечно, Курляндию... Там такие верные престолу бароны... Но кое о чем с Вилли можно было бы и поторговаться... Например, о Польше или о проливах..»

— А как вы относитесь к возможностям мира с Германией? — как бы между прочим спросил Протопопова государь.

— Если это будет к вящей славе вашего престола и родины!.. — мгновенно отреагировал товарищ председателя Думы.

«Побольше бы таких людей! — довольно подумал Николай. — Он, кажется, верен и тверд! Надо его попробовать назначить министром! Только каким?»

Николай поднялся со своего кресла, милостиво протянул руку. Протопопов схватил ее и поцеловал от избытка чувств. Он был очарован царем и готов был встать перед самодержцем на колени, как когда-то бояре вставали перед его предком Михаилом.

— Полноте, Александр Дмитриевич! — остановил его Николай. — Мне было приятно побеседовать с вами...

...На следующий день в Царское Село Александре Федоровне ушло письмо, в котором император написал:

«Вчера я видел человека, который мне очень понравился, это — Протопопов, тов. председателя Гос. думы. Он ездил за границу с другими членами Думы и рассказал мне много интересного...»

Судьба Протопопова, очаровавшего своим политическим тактом и вкусами самого царя, была решена. Он был назначен управляющим министерством внутренних дел. На указе собственноручно начертано монаршей рукой: «Дай Бог в добрый час». Его высокопревосходительство председатель Совета министров Штюрмер отметил назначение Протопопова устройством в своей домовой церкви молебна. Он тоже знал, чего хотел Николай, производя это назначение.

Петроград, август 1916 года

Сэр Джордж Бьюкенен еще на благословенных Балканах положил себе за правило ежедневно совершать длительный моцион. Пешая ходьба неплохо концентрировала мысли, будила новые идеи и поддерживала тело в необходимой для активной деятельности кондиции. С неизменным британским черным зонтом, в полном одиночестве, а иногда и в сопровождении тех, с кем ему хотелось поговорить, он шествовал по набережной вдоль дворцов до Николаевского моста и обратно. Если ветер с Невы был слишком силен, то господин посол гулял по Миллионной, по набережным Мойки и Фонтанки.

Если он видел знакомое лицо в карете или авто, то неизменно вежливо кланялся и приподнимал шляпу. Тем самым сэр Джордж снискал о себе мнение как об исключительно внимательном человеке. Но сегодня он так задумался, что не видел никого и ничего вокруг.

Положение в России ухудшилось, и первым грозным признаком господин посол счел удаление Сазонова. Сейчас он размеренно шагал по Дворцовой набережной и любовно вспоминал дорогого Сергея. Еще совсем недавно они так часто и так мило обедали вместе с Палеологом в английском посольстве и в доверительном разговоре за сигарой можно было узнать у министра иностранных дел что-то такое, что канцелярские чиновники держат в стальных сейфах за семью печатями и с грифом «совершенно секретно».. «Ах, какой замечательный друг Англии потерян...» — думал сэр Джордж. Пришел на память недавний разговор о дипломатии. Льстец француз весьма усердно восхвалял русских дипломатов... Он, сэр Джордж, помнится, высказался в пользу немцев... «Вы оба не правы, — сказал Сазонов. — Тут не может быть двух мнений. Пальма первенства принадлежит англичанам... Мы, русские, — я благодарю месье Палеолога за комплимент — талантливый народ. Мы превосходные лингвисты. Наши знания всесторонни. Но, к несчастью, у нас нет веры в собственные силы. Мы не умеем усидчиво работать. Мы никогда не знаем, как поступит завтра даже самый способный наш дипломат. Он может пасть жертвой всякой бессовестной женщины и, попав в руки к ней, способен выдать любую тайну. Немцы прекрасные работники. Они очень усидчивы. Они составляют свои планы на много лет вперед, и когда приходит время проводить в жизнь, весь мир

уже знает о них. Искусство же дипломатии состоит в том, чтобы скрывать свои намерения. В этом никто не превзойдет англичан. Никто не знает, что они собираются делать, потому что они сами этого не знают!..»

Сэр Джордж мысленно улыбнулся. «Слава святому Георгию и святому Патрику, что русский министр был столь наивен. Наша дипломатия сильна именно тем, что мы знаем, что надо делать, и много веков подряд упрямо отстаиваем это, то есть интересы нашей империи, нашей элиты!»

Посол вспомнил об удаче, которой был обязан молодому Брюсу Локкарту. «Мальчик и его жена — просто молодцы, — плавно текли его мысли. — Достаются же такие прекрасные мужья некоторым молодым леди... А моя бедняжка Мириэлл никак не найдет себе порядочного жениха... Впрочем, надо думать о приятном... Леди Локкарт тоже молодец... Подумать только, у них в доме живут два французских офицера, и, разумеется, как французы, они весьма галантны! Как говорил мальчик, один из них, ухаживая за его женой, решил спасти ее как-то днем от головной боли и дал почитать знаменитый доклад генерала По о положении в Румынии, который мы так хотели достать. Леди Локкарт, не будь глупа, приказала его срочно переписать, и я таким образом получил этот ценнейший документ... Хм! Не поступилась ли леди Брюс своей верностью, чтобы заполучить доклад?! Не мог же француз, даже самый галантный, безвозмездно оказать подобную услугу даме! Впрочем, это дело супруга — оберегать целомудрие своей жены... Наверное, Уайтхолл своевременно получил копию доклада По, если сразу же начались перемены в составе британской дипломатической службы в Бухаресте...»

«Надо поддержать молодого Локкарта, — продолжал размышлять посол. — В конце концов, я обязан ему и тем, что стал почетным гражданином этой варварской, но влиятельной Москвы...»

Думать об этом сэру Джорджу было особенно приятно. Сэр Роберт говорил тогда, что инициатором идеи был городской голова первопрестольной столицы и наш верный друг Челноков... Он хотел таким актом бороться с пораженческими и антибританскими настроениями части московских купцов и промышленников, поднять веру в западных союзников и дать рабочему сословию благожелательную пищу для разговоров... Московские

миллионеры и аристократы соперничали друг с другом в выражениях дружбы и решимости сражаться до победного конца...

Думая о хорошем, посол замедлил шаги.

Он старательно отгонял от себя неприятные мысли, но не мог все-таки оттеснить суровых реалий сегодняшней политики. После отставки Сазонова Лондон настаивал на скорейшем завершении плана «А», а господин посол еще ничего удовлетворительного не мог сообщить кабинету.

Антианглийские настроения в верхах власти ширились, уже многие офицеры в армии начали ворчать, обвиняя англичан в скаредности, в презрении интересов русского союзника, в затягивании войны на Западном фронте и желании воевать только русскими руками. Сэр Джордж прекрасно понимал, что претензии русских справедливы: потери их огромны, да и требования Англии посылать золотой запас русского государственного банка для гарантии английских кредитов сказывались на положении рубля. Честно говоря, англичане рубль «топили», одновременно повышая курс своего фунта стерлингов.

Даже в среде фабрикантов и заводчиков, с уважением относившихся к Англии, начали задумываться о послевоенной конкуренции и прочих вещах, опасных для русской промышленности...

«Что же делать? — думал Бьюкенен, машинально ускоряя шаги. — Пожалуй, следует сделать основной упор на армию, на ее верхушку. Недовольство в армии уже существует, надо его побольше разжечь. Пусть армия и флот устранят царя и царицу. Можно начать разговоры о регентстве великого князя Михаила Александровича, на худой конец — поддержать мечту великого князя Николая Николаевича и его черногорской супруги, — кстати, тем самым мы укрепим влияние Британии и в Черногории...

Но главное, — продолжал размышлять посол, энергично шагая, — это завладеть военной верхушкой... Куда она поведет армию — туда и пойдет Россия... Если генерал Алексеев будет с нами, а он пользуется среди офицерства колоссальным авторитетом, то Россия будет воевать до победного конца под управлением военного диктатора... Война генералам выгодна, и они заставят сомневающихся купцов выполнять приказы диктатора... Надо спешить! Николай Романов может

нас опередить... Если только он успеет расставить своих людей на ключевых постах и обопрется на гвардию, вызвав ее с фронта — все погибло!..

Кстати, — вспомнил посол, — дворцовый комендант Воейков уже сболтнул в своем окружении, что война к ноябрю может окончиться, а доверенное лицо из Ставки, перлюстрирующее письма царицы к царю, сообщает, что Александра употребила в своей корреспонденции к мужу загадочные фразы: «Пусть это грянет, как удар грома!» и «осенью после войны...» М-да! Вот это симптомы!..»

Западный фронт, август 1916 года

После неожиданного отпуска, о котором Соколов и не мечтал, продолжилась его служба в Генеральном штабе. Алексею предлагали полк — он выслужил положенное по закону время для принятия командования. С этим связывалось производство в генералы. Но Алексей отказался, он не хотел после длительного отрыва от боевого дела взять на себя ответственность за жизни нескольких тысяч людей.

Генерал Беляев легко согласился с его доводами. Ему было жаль отпускать в строй ценного и опытного работника. Учитывая знание Алексеем европейских языков, его опыт, ему дали заведование всеми внешними сношениями Генерального штаба с представителями союзнических армий, подготовку для доклада в Ставку документов, которые поступали от российских военных агентов за рубежом, контакты с корреспондентами иностранной прессы в Петрограде.

«Мертвая голова», как прозвали генштабисты Беляева за его голый череп и мертвящий образ мышления, проникся к Алексею особыми симпатиями. Он представил ходатайство на высочайшее имя о пожаловании полковнику ордена Белого Орла, кавалерами которого, как правило, могли быть лишь генералы, проявлял к Алексею всяческое внимание.

С первых дней возвращения в Россию Соколов хотел побывать на фронте. Это не было романтической бравадой с его стороны. Он не рвался на передовые позиции разить неприятеля или мстить австрийцам, но очень хотел окунуться в атмосферу действующей армии, почувствовать дух современной войны, окопов, блиндажей.

Случай вскоре представился. Английский корреспондент Роберт Вильтон, лично известный генералу Алексееву, захотел побывать на передовых позициях. Он был уже однажды в гвардейском корпусе и в 5-й армии, в декабре прошлого года посещал Юго-Западный фронт. Отправляя теперь британца в Минск, к главнокомандующему Западным фронтом Эверту, Беляев с санкции Алексеева просил об особом внимании минского штаба к английскому гостю. Сопровождать Вильтона был назначен Соколов. Анастасия с тяжелым сердцем отпускала мужа в самое пекло. Но Алексей немного успокоил ее, сказав, что никто не собирается подвергать угрозе драгоценную жизнь английского газетчика, поэтому особые опасности ему не грозят...

Предвидение Соколова целиком оправдалось. Англичанина, видимо, меньше интересовала окопная жизнь солдат и бои, чем настроения офицерства, которые он выведывал с ловкостью опытного разведчика. Полковника несколько насторожил его профессионализм, но союзник есть союзник, и Алексей подавил в себе растущее чувство неприязни к нахальному и пронырливому англичанину.

Из застольных бесед с офицерами и генералами, направление которых искусно провоцировалось Вильтоном, Соколов убедился еще в одном: офицерский корпус, кичившийся раньше своей аполитичностью и слепой преданностью самодержавной власти, резко изменился.

В офицерском застолье изрядно поднабравшиеся фронтовики ругали царицу, в весьма прозрачных выражениях касались Распутина и немецкого шпионства в столице империи, демонстрировали желание «навести порядок» во дворце. Соколов поражался глубине падения авторитета царской семьи, и прежде всего Александры Федоровны.

Для англичанина такие речи, замечал Соколов, оказались слаще меда. Вильтон аккуратно заносил услышанное за столом в свою записную книжечку.

Не обошлось и без казусов, когда «переложившие за воротник» пехотинцы, в пьяных слезах вспоминая погибших товарищей, ругали не только германцев, но и «проклятую англичанку», которая заварила всю эту кашу и теперь хочет выиграть войну русской кровью.

К концу недели Вильтон и Соколов добрались до местечка Забрежье, где стоял штаб 2-й кавалерийской дивизии. Гостей накормили ужином и отправили на по-

стой в один из лучших домов — сельского священника. В низкой и тесной спаленке, куда хозяева хотели положить гостей, более половины пространства занимали две огромные высокие кровати, на перины которых нужно было забираться по приставной лесенке. Англичанин немедленно полез наверх.

Августовская ночь обещала быть на редкость душной. Соколов попросил постелить ему на сеновале. Попадья заохала было, запричитала, что опозорится, как хозяйка, если гость из Петрограда побрезгует ее кровом. Алексею пришлось сказать, что он соскучился по аромату русских трав и очень просит явить ему эту милость. Только после этого служанка доставила постельные принадлежности на сенник, стоявший у самой границы усадьбы. Стены сарая, набитого свежим, душистым сеном почти до крыши, были сколочены из горбыля. Через большие и неровные щели сверкали звезды. На соседнем дворе стоял, видимо, взвод охраны штаба. Там под навесом всхрапывали кони, шла столь знакомая и любимая Соколовым кавалерийская жизнь.

Алексей покоился, словно на облаке, наслаждаясь пряным ароматом хорошо просушенного сена. Где-то далеко внизу, у самого пола шуршала мышь. Казалось, что нигде нет войны, а в человецех настал мир и благоволение.

Соколов было задремал, но его сон перебил тихий разговор, начавшийся под стеной, на соседней усадьбе.

— Устал я воевать... — с тоской говорил голос. — Сперва по своей деревне тосковал, хотя и военным харчам радовался. Потом привык, страх пережил — сердце к бою горело... Теперь все перегорело, ни к чему страсти нет... Ни домой не хочу, ни новости не жду, ни смерти не боюсь — ничегошеньки мне не надо... Хоть сгинуть — хоть жить...

— Не греши, Агафон! — рассудочно урезонил его другой голос, басовитый и густой. Принадлежал он, видно, богатырского сложения человеку. — Не сгинет так просто мужик русский со свету, крепко в землю вращен мужик. Земля ему мать-отец, война ему зол-конец... Абы не сгинуть, войну кончать надо...

Почти речитативом вмешался тонкий голос, торопясь и захлебываясь.

— А я что скажу, ребята!.. Память у меня слабая. Вот упомнить все упомню, что до хозяйства касаемо... А насчет войны — бей взводный, не бей — ничего не

упомню. Сорок лет почитай на христианское дело мозги натаскивал, а тут все другое и смертоубийство одно. Однако по приказу начальства. Кабы еще по душе было, а то я так рассуждаю, что русскому одно по душе — своим домком жить, по чужому не тужить...

Помолчали, раздался звук кресала о кремень, потянуло табачным дымом. Кто-то из солдат закашлялся.

— До мобилизации больно плохо я жил, да и вся деревня голодала... Коров весной подвязывали вожжами к матицам... А теперь вот в люди попал, нужен стал государю-императору... Царь с царицей, да Гришка Распутин, говорят, как кобели и сучка, а ты за их в аду гори... На войне-то нужен стал: господа офицеры то «братцы», то «ребятушки» ласкательно говорят. И все, чтобы Вильгельм мне кишки скорей выпустил... У-у! Нехристи! — с ненавистью проговорил в темноте кто-то четвертый.

— Я вот когда по лазаретам валялся — как немой с барыньками и лекарями был. Со своим братом я слов сколько надобно имею... А тут все боялся, что не так услышат и обсмеют... Не хочут они понимать простого человека... — протянул свое первый солдат.

— И у меня нет добра в душе против богатых. Сильно богатых, окромя нашего дивизионного генерала, я и не видел. Однако, думаю, сильно богатый, это еще хуже. Ему бедный, если брюха не нажил — все равно что дурень али злодей. Много оне с нас меда собрали, а к народу — вредность одна. И богач на одной заднице сидит, а такой гордый, будто две под ним... Придет наш час, как в девятьсот пятом — «красного петуха» пускать будем всем богатым! — с расстановкой говорил солдат.

— Эк, куда хватил! Ты доживи сначала, чтоб герман тебя пулеметом не вспорол! — спокойно проворчал басовитый. И снова вмешался дискант:

— Сдается мне, потому простой народ глуп, что думать ему некогда, все кусок хлеба робить надо. Кабы был час подумать хорошенько, все бы он понял не хуже господ. А душа в простом человеке светлая, и кровь в ем свежая... Пожалуй, что и лучше ученых господ все бы разъяснил, кабы часочек нашелся...

— Есть такие люди, что разъяснить намного лучше господ все устройство жизни могут... — сказал кто-то, молчавший доселе, — большевики называются... Всё знают, а некоторые так в наши же серые шинели одетые,

а бывают еще и офицеры... Ну, прапорщик там какой, из скубентов... Хорошие люди, не дерутся...

— Я одного такого, из солдат, собственноушно слыхивал... — затараторил дискант. — Думал опосля — объявить аль нет?.. Страсть как хотелось объявить, больно супротив законов говорил. Не то что какое мелкое начальство хаял, а просто до царя добирался... Грабительская, говорит, вся война энта. Против простых людей баре ее ведут... И хорошо объявить-то было бы — эскадронный трешню дать должон по такому случаю, как сказывали... А не объявил... Листков я евонных супротив присяги не брал, зато слушал — грех сладок. И спроси, часом, чего это я зажалел его, сказать не могу, а не объявил вот!..

— Если бы такого человека кто из вас объявил, так я бы его своими руками и кончил! А ты, хорек несчастный, чем хвалишься?! «Объявил бы!..» — передразнил дисканта басовитый голос. — В ухо хочешь?!

— Да что вы, ребята! — принялся урезонивать первый. — Ведь Еремей не польстился на три сребреника...

— Ты как вахмистр наш! — обидчиво протянул дискант, явно обрадовавшись поддержке. — Все в морду да в морду... Ему что ни скажи — все кулак в зубы тычет...

— Да, хуже зверья живем! — подтвердил один из собеседников. — Изобижены, унижены! То герман прет, то свои заурядкорнеты обиду всему воинству наносят. Свинаря замест царя!.. Вот уже всем народом собрались, ждем, кто научит — вот и рады слушать большевиков!.. Да и они му́ки принимают, вот за ними и не идешь, боишься... Зато объявить — боже сохрани!..

— Эх, братцы! — вырвалось у басовитого. — Коль и нас загубила эта война, и в деревне землицы не хватает — надо му́ку принять и другим грозы наделать. Чтобы детям да внукам, может, вольготнее зажилось бы! Хоть и не след при Еремейке признаваться, а скажу: знаю, супротив кого война надобна...

— Никола истину речет! — поддержал его первый голос. — Время пришло не об устройстве думать... Нету беде-войне конца-краю. Нужно ту беду-войну истребить. Так уж тут думки ли думать про хозяйство свое да про удобное житье какое... Все понимаем, ничего теперь не забудем, научены, что показать богатеям, дай только войну кончить...

— А как? — зазвенел дискант.

— Что ты «как да как»! На каке, что на коняке... Хвост трубой, а сам глупой!.. — возмутился голос.

В отдалении раздалась команда.

— Взводный разъезд собирает! Пошли, братцы, пока не осерчал! — предложил бас. Солдаты зашевелились, и звук шагов по земле постепенно затих.

Соколов не мог сомкнуть глаз. Впервые так ясно и четко услышал он мнение народа о войне, о готовности сказать свое слово, добиваясь справедливости.

Впервые армия предстала перед Алексеем не как хорошо слаженный и заведенный механизм, подчиняющийся царю-часовщику, а как народ в самом доподлинном смысле этого слова. Он знал, что в кавалерийской дивизии служил всякий люд. Были тут и крестьяне, и рабочие, и городская беднота, и ремесленники, и конторщики, и приказчики. И все же армия, ее солдаты были в основном крестьянской массой. Все они — бедняки и мужики побогаче, общинники и хуторяне, старики и молодежь — все думали о своей полоске земли, о крестьянских бедах и разорении.

Здесь, под ясным звездным небом Белой Руси, Соколов хорошо понял, что народ, армия хотят и думают только об одном: о мире, а на войну смотрят, как на тяжелый крест, который они давно устали нести. Крестьянство, по мобилизационным планам империи организованное в дивизии, полки, батальоны, роты, эскадроны и взводы, — и это понял Алексей — уже на грани взрыва. Но оно еще не знает толком, в какую форму выльется его недовольство. Его основное чаяние — мир, мир во что бы то ни стало. И оно его добьется, коль скоро к его организованной уставами силище прикладывается целеустремленность и разум большевиков.

«Где будет твое место, когда под самодержавием разверзнется пропасть?! — спросил внутренний голос Алексея. — На какой стороне пропасти встанешь ты?»

И немедленно пришел ответ, лишенный малейших сомнений:

— Я встану на стороне народа!

Могилев, октябрь 1916 года

В один из дней темного петроградского октября полковник Соколов снова получил приказ выехать на неделю в Ставку, а затем на передовую с группой союзнических военных агентов. Он отправился на фронт.

Господам иностранным военным атташе, прибывшим в сопровождении Генерального штаба полковника Соколова из Петрограда в Ставку, отвели удобные номера в гостинице «Бристоль».

На пороге гостиницы Алексей столкнулся с щуплым седым генералом, который остановился прямо у него на пути и загородил собою дорогу. «Сослуживцев не узнаешь!» — грозно сказал генерал, и Алексей радостно воскликнул: «Николай Степанович!.. Батюшин!» Коллеги обнялись, затем Батюшин энергично потащил Соколова за собой. Алексей не стал отказываться. Он помнил совместную работу с Батюшиным до войны, ценил его как разведчика.

Приятели бросили шинели на вешалку и присели к столу. Батюшин спохватился, сходил к своему чемодану и достал коньяк.

— Закусывать после обеда грешно, — убежденно сказал он, отчего-то решив, что Соколов пообедал, и налил прямо в стаканы.

Чокнулись «со свиданьицем», выпили. Батюшин сразу же налил еще.

— Ты чем-то расстроен, Николай Степанович? — спросил Соколов, уловив состояние старого соратника. Батюшин отвел глаза, крякнул и выпил до дна свой стакан. Потом достал еще бутылку и снова налил.

— Не скрою от тебя, Алексей Алексеевич, что прибыл я сюда по очень деликатному делу и никак не могу найти концы, чтобы связать их воедино! А говорю я тебе обо всем этом только потому, что очень хотел заполучить тебя на службу в свою комиссию, как хорошо знающего германскую и австрийскую разведки, так сказать, на собственной шкуре... Но Беляев тебя не отдал... Если сам захочешь ко мне в комиссию по расследованию германского шпионства, то подай рапорт — я добьюсь, чтобы тебя перевели... А щас, — махнул он рукой, — хоть излить душу старому товарищу...

Батюшин выпил еще полстакана, но не хмелел.

— Плохо у нас, Алеша, там... — показал он рукой наверх. — А еще хуже — внизу... Солдаты бунтуют, целые полки устраивают братание, стреляют своих офицеров... Уже не сдаются, как бывало раньше, в плен, а готовятся ко всеобщему возмущению...

Генерал пригубил еще и начал чуть заплетать языком.

— Ну ладно, семь бед — один ответ! Скажу тебе

еще один секрет... В Ставке кое-кого надо повесить!.. Полковник Мартынов, начальник Московского охранного отделения, доложил в департамент полиции копию перехваченного на Московском почтамте письма без подписи. Конверт на конспиративный адрес одного из «общественных» деятелей — Коновалова или Терещенко— и по своему содержанию совершенно исключительный! Директор департамента полиции Васильев, которому Мартынов лично привез из Москвы копию письма, дал ее на расследование мне, коль скоро дело касается армии... Смысл письма в следующем: сообщается для сведения лидерам московской организации прогрессивного блока или связанным с ними лицам, что удалось окончательно уговорить Старика, который долго не соглашался, опасаясь большого пролития крови, но наконец под влиянием наших доводов сдался и обещал содействие... Из фраз письма довольно явственно выступает, что узкий круг лидеров прогрессивного блока предпринимает активные шаги в смысле личных переговоров с командующими наших армий на фронтах, включая и великого князя Николая Николаевича... Васильев заявил мне, что департамент полиции в Москве меры принял... А все, что касается армии — наше дело, и умыл руки. Как же мне теперь действовать? Писать представления и доклады? Ведь Старик, как мне сказал начальник департамента полиции, есть не кто иной, как сам генерал-адъютант Алексеев!.. Вот куда уходит измена не корнями, но кроной своего ядовитого древа!.. — вспыхнул Батюшин. — Мы излавливаем мелких германских коммерсантов-шпионов и гоним их в Сибирь, а большая гадюка греется на груди государя! Ведь любой мой документ попадает в руки Старика! Хоть стреляйся...

Соколов сидел ошарашенный. Он многое слышал о германском шпионстве, о котором трубили все газеты и кричали все сторонники «войны до победного конца». Полковник считал все эти разговоры большим преувеличением, желанием списать на «шпионаж» неудачи бездарных генералов. Но заговор армейской верхушки здесь, в Ставке верховного главнокомандующего, направленный против царя — держателя верховной власти, — такое он слышал впервые. «Поистине, далеко зашли дела в России за время моего отсутствия!» — подумал Алексей.

Батюшин вдруг захотел спать или прикидывался

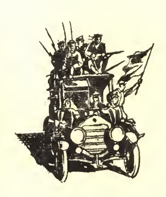
сильно усталым, чтобы остаться одному. Алексей обещал с ним еще встретиться и отправился к себе. Ему сделалось до омерзения противно в этом гадючьем гнезде, каким в его глазах стала выглядеть Ставка.

На следующий день вся его группа выехала на Северо-Западный фронт, в Минск, к Эверту, а затем, не заезжая в Могилев, вернулась в Петроград. Короткого пребывания на фронте Алексею оказалось достаточно, чтобы снова увидеть Петроград другими глазами.

Петроград, Петербург, Санкт-Питер-бурх... Октябрь 1916 года уже нес в себе эмбрионы Октября 17-го. То были не заговоры великих князей, генералов в Ставке или гвардейских полковников в гостиных, не «гр-ромовые» речи мнимых прогрессистов в Государственной думе, не сотрясения воздуха на съездах союзов земств, военно-промышленных комитетов или иных организаций буржуазии. Это не была и мышиная возня блоков и групп, подбиравшихся в свалке между собой к пирогу власти.

Петроград конца 16-го года мощно раздвинул широкие натруженные плечи, встал стеной забастовок, матросских волнений в Кронштадте, ощетинился штыками запасных батальонов, готовых присоединиться к восставшим рабочим.

...Часы на колокольне святых апостолов Петра и Павла уныло отзванивали над Петропавловской крепостью последние недели и дни императорской России. История готовилась начать энергичную поступь к новому веку.

СОДЕРЖАНИЕ

Иванов Е.

И20 Вместе с Россией: Роман-хроника. — М.: Мол. гвардия, 1981. — 463 с., ил.
В бум. переплете 1 р. 80 к. 100 000 экз.
В тк. переплете 2 р. 30 к. 100 000 экз.

Роман-хроника о первой мировой войне, о тайных и явных дипломатических акциях воюющих сторон, о крахе мировой империалистической системы. Помимо вымышленных героев, показаны крупнейшие политические деятели, видные дипломаты, генералы, известные разведчики предреволюционного периода.

ББК 84Р7
Р2

И $\frac{70302-274}{078(02)-81}$ 143—81. 4702010200

ИБ № 2671

Егор Иванов

ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ

Редактор З. Коновалова
Художник Г. Метченко
Художественный редактор Н. Печникова
Технический редактор Р. Сиголаева
Корректоры А. Долидзе, Г. Трибунская

Сдано в набор 22.04.81. Подписано в печать 03.09.81. А09840. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 24,36. Учетно-изд. л. 26,4. Тираж 200 000 экз. (1-й завод 100 000 экз.). Цена в бумажном переплете 1 р. 80 к. (100 000 экз.), цена в тканевом переплете 2 р. 30 к. (100 000 экз.). Заказ 562.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

:

х
з,
о

7
2

40.
ра
36.
з.).
в

тва
по-

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
Скапа-Флоу
Северное, или Немецкое море
ЛОНДОН
АМСТЕРДАМ
БРЮССЕЛЬ
Кельн
ПАРИЖ
ФРАНЦИЯ
Бискайский залив
Бордо
Лион
Цюрих
ШВЕЙЦАРИЯ
Милан
Марсель
МАДРИД
ИСПАНИЯ
Корсика
Сардиния

ПЕТЕРБУРГ
ШВЕЦИЯ
Балтийское м.
МОСКВА
РОССИЯ
оз. Нарочь
Могилев
ВАРШАВА
Барановичи
Киев
Бердичев
ПРАГА
Карлсбад
Локет
ВЕНА
Братислава
Кишинев
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
Буда-Пешт
РУМЫНИЯ
Бухарест
Сараево
СЕРБИЯ
БОЛГАРИЯ
София
Черное Море
Адриатическое м.
РИМ
ГРЕЦИЯ

